

Эзотерический бестселлер

том
III.

Александр Реу

Ты же вот сейчас. Ты стал для людей олицом
 иа Рина, одна о мнелт мт ие, одна тебе ищия
 Итвмы и Рты мт ое теги Бат ЫТте йма Бс
 Пждотт тотас тьдРеть тейна - иидИИ мькт т
 порИИи мидИи тт рило риги етти йини дур Та
 Ралеэ дур дуроп Отч мд. Не ии мидиу при мпу
 мидИИ мьт дс мотичи или Телме бе пип бьки
 малое рп мзучти тетт прндт зрети Телмьте
 мьткц еит еон Телм, иа Рмьт мдрь мьд зб мь
 мьт зтвель зтис на пин и ие зини мьре ому мур
 йтти мрон мь тьИис на мьдрин дедк мд дмс
 Иинма и гдан мд дон миди мр Не тьки Отет
 ет и мьд ринка и отелниа донмоси мши чь
 мшии на ои ие ееди на ео мидиши, емь гити мь
 и мрелл мд о дмьдлс. Бьт тьель м сто мь Телм
 б мтк а брт дьт, ои дон мрло мьткИ т ебт
 мьднтном, мьт мьло тьк мь мьдл дмьр мд мь
 мьд мьдмти тт, тт шьмшл и бонтиши мь

Б
У
К
В
Е
Д

КНИГА
ПОМНИ
СОЗДАНИ
ОСОБОЖНО
СМЕРЬ
УМЕР
ДЕНЬ

Эзотерический

Бестселлер

Александр Рей

Б У К В Е Д

Фантастический роман

Гомель
Издательство ГИСФИР
2014

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44
Р-35

Серия основана в 2013 году

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте

<http://perepevnik.ru/spasibo>

Рей, А.

Р-35 Буквояд / Александр Рей. – Гомель : Иващенко Е. Ю., 2014. – 318
с. – (Эзотерический бестселлер).
ISBN 978-985-90321-6-5

Магия – это не чудо, а всего лишь физика. Бог – это не Любовь, а просто голодная, эгоистичная сволочь. Дьявол – это не зло, как принято считать, а несчастная жертва обмана. А еще... пока ты спишь и беззаботно прожигаешь жизнь, мир подошел к черте, за которой ничего нет. Ты всего в шаге от забвения и даже не подозреваешь об этом.

Какой есть выход?!

Его нет! Но попробуй найти Буквояда... Это твой последний шанс.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44

ISBN 978-985-90321-6-5

© Александр Рей, 2013
© «Издательство ГИСФИР», 2014

[Перейти на сайт](#)

сказать спасибо автору

Все Книги Александра Рея участвуют в проекте «ThanksForPay». Это значит, что вы абсолютно бесплатно скачиваете или читаете любую книгу автора, и если книга нравится, вы сами решаете каким способом и на какую сумму отблагодарить автора.

«Если тебе, мой читатель, какая-либо из моих работ принесла пользу или просто приятные минуты, от чистого сердца, я этому рад. И я с радостью приму от тебя благодарность, а значит и возможность продолжить свой писательский труд. Мои книги не могут заинтересовать людей, не умеющих отдавать в ответ. Поэтому я и участвую в проекте «Спасибо за оплату» издательства «ГИСФИР»

Александр Рей

ОТ НШ, ИЖ ЕИ НА НЕБЕСЕХ
ДА СВЯТИТСА ИМЯ ТВОЕ,
ДА ПРИДЕТ АРСТВЕНЕ ТВОЕ,
ДА БДЕТ ВОЛА ТВОЛА,
АК НА НЕСИ И НА ЗЕМЛИ.
ХЛЕБ НА НАСЪЩНЫ ДАЖДЪ НАМ ДНЕС;
И СТАВИ НАМ ДОЛИ НАША,
АКЖЕ И ОСТАВЛЯЕМ ДОЖНИКОМ НАШИ;
И НЕ ВВЕДИ НА ВО ИСКЪШНИЕ,
И ИЗБАВИ НАС О ЛЪКАВАГО.

Часть I. Передай привет Алисе

— Дорогой Чеширский котик, — сказала Алиса, тщательнейшим образом выписывая реверанс. — Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А-а... куда ты хочешь попасть? — вместо ответа спросил он, поудобнее улёгшись на ветке.

— А мне всё равно! Только попасть бы куда-нибудь...

— М-м... Тогда всё равно, куда идти, — немного поразмыслив, произнёс кот. — Куда-нибудь да обязательно попадёшь, но нужно только долго идти и никуда... не-е... сворачивать.

“Алиса в стране чудес”
Киевнаучфильм, 1981

Я, как обычно сижу, на диване у окна в моей комнате. Заранее включённая акустика выдыхает кельтские мотивы - виолончель в дуэте с фортепьяно. Мои глаза закрыты, благодаря чему я полностью погружаюсь в мелодию, которая прохладной волной касается моей кожи, проникает под неё, чтобы устремиться в ту точку, где зарождаются все чувства. Грудная клетка ровно посередине, рядышком с сердцем, наполняется удивительной энергией — исцеляющей, мощной, божественной. Сейчас я наполняюсь самой жизнью, чтобы затем воплотить её, бушующую внутри меня, в строках на бумаге.

Прикладываю ручку, пока прикрытую колпачком, ко лбу. Пальцами одной руки держусь за один конец, а другой — за противоположный. Со стороны можно подумать, что я молюсь. Но это совсем не так. В голову, прежде свободную от всяких мыслей, я, словно в фотоальбом, помещаю образы всего, о чём хочу написать. Вспоминаю то, что видел сам, или то, что для меня отсняли помощники.

Часто картины из памяти пугают. Всё самое страшное, что есть в человеке, худшие из бед переплетаются в моем отяжелевшем сознании. Я

хочу избавиться от этой боли, открыть глаза, встряхнуть головой, будто и не было только что во мне смертей, разрушений и горя. «Чур, меня, чур!» Но я силой сдерживаю ЭТО в себе. Меня может тошнить и может хотеться выплюнуть дрянную мерзость из себя, но я терплю... И тогда хранящаяся в груди музыка перетекает в голову, чтобы окружить непроницаемой оболочкой страшные образы. Они сливаются, превращаясь во что-то ИНОЕ, будто и вовсе не принадлежащее мне. Именно в тот самый момент, когда белый туман мелодии преобразуется в чувства, смешиваясь с яркими красками памяти, я открываю глаза.

Открываю ручку и пишу... пишу... бесконечно долго вывожу слова на бумаге, соединяю их в предложения. Из головы эти густо-радужные цвета перетекают по руке, через кисть, к кончику ручки, чтобы остаться чернильным следом.

Может быть, мне кажется, но каждый раз, когда я пишу, вокруг ручки будто плавится воздух, как бывает в жару над асфальтом. И мир вокруг исчезает. Остаётся лишь кончик пера, мелодия из наушников и непроизнесённые слова.

Так будет продолжаться, пока чувства внутри не иссякнут глубоким высохшим колодцем. Слова заберут всё, что хранилось внутри меня, прихватив и последние остатки сил.

Поставив последнюю на сегодня точку, закрою ручку, как самурай — свой меч. Выключу настольную лампу. С трудом поднимусь, побреду к кровати, чтобы забыться до утра.

Я пишу по ночам...

Мне пятьдесят. Или около того... Точнее сказать не смогу, потому что сам не помню. И вспоминать не хочу. Разговоры о человеческом возрасте вообще мне не нравятся. Тем более о моём. Не потому что боюсь старости — у меня её просто не будет. А потому что уже давно понял, ещё будучи подростком: возраст тела обманчив. Бывает, видишь молодого человека, который выглядит моим ровесником, и ведёт себя так же. И бывает наоборот — перед тобой совсем мальчишка, а опыта на девятерых стариков хватит. Так что...

Про свой возраст мне говорить сложно, потому что я его просто-напросто не знаю. Думаю, что равнодушие к годам — это, как говорят психиатры, такой «защитный механизм». Первые два года я провёл в детском доме (меня оставили у входа, когда мне уже было несколько месяцев), поэтому день моего рождения известен лишь приблизительно — где-то в конце осени — начале зимы. В приюте для проформы записали 31 декабря. Придурки.

Но новогодний день рождения не мешает мне с трудом вспоминать

год моего появления на свет. Каждый раз, чтобы назвать точный возраст, мне приходится изрядно поднапрячься. Сначала я перебираю произошедшие тогда в мире события, чтобы всё сопоставить и, наконец, выдать приблизительную дату. «Когда мы космос освоили? В шестьдесят первом. Значит, уже родился — или нет? Может, тогда я ещё даже не родился?» Так каждый раз происходит. Хоть убей, не могу точно вспомнить...

Но с возрастом затруднения только прибавляются. Не выгляжу я на свои года. Если я с незнакомым человеком договорился о встрече в общественном месте, то он обязательно пройдёт мимо. Про трудности с проверкой документов и рассказывать не буду, тут уж вечная беда — под сорок, а то и тридцать пять — ещё куда ни шло... И нет ощущения полувека за плечами... Словно с определенного момента я просто перестал стареть.

В общем, вопрос возраста для меня достаточно болезненный. Для удобства решим, что мне пятьдесят.

Удивительно, но о том случае, который определил моё журналистское будущее, я рассказал Лёше в первый же день знакомства. Подумать только, какому-то случайному пареньку выложил всё подчистую! Вытащил из тайника души самую большую занозу и дал её внимательно рассмотреть. Почему так случилось? Может из-за его необычайной наивности, которой и я «болел» в детстве? В этом мы с ним похожи. Только представляю эту картинку со стороны, сразу смеяться хочется — я, развалившись, чуть ли не на трёх сидениях, скольжу внимательным взглядом по бегущим мимо людям и о чём-то неспешно «повествую» сидящему рядом со мной молодому «мусору». Лёша меня сам поправил, когда я его по привычке ментом назвал. Сказал, это у них среди своих деление такое: те, кто постарше в звании, по кабинетам сидят — это «менты». А те, кто улицы патрулирует и «с народом» дела имеют — те «мусора». Хотя само слово ещё до революции произошло от аббревиатуры МУС — Московский Уголовный Сыск. Раньше так лишь следователей называли, а теперь обидное «мусор» даже среди самой милиции имеет другое значение. Я и не знал.

Не буду гадать, что да почему... Возьму за аксиому свершившийся факт — я раскрылся перед Лёшей, о чём совершенно не жалею. Он задал мне вопрос, который мне задавали тысячи раз — почему я стал журналистом? — и в этот раз хотел ответить какую-то чушь, а сказал правду...

Вспоминать было ужасно больно.

Я тогда отслужил в армии и собирался в университет поступать на

историка. Почему на историка? А мне всё равно было куда. Многие поступали в ВУЗы, я и последовал за большинством. Молодой же, дураку-дураком.

В ту пору как раз ехал на «День открытых дверей» факультета получить свою дозу пыли в глаза. Но поездка была чистой формальностью, родители давно решили меня по стопам отца отправить, а я и не сопротивлялся.

Добраться было долго. Сначала - на метро, затем - на автобусе. Я стоял у окна, как обычно в полудрёме ковыряясь в своих мыслях. Вдруг, сам не знаю почему, я «проснулся» — стал вглядываться в лица людей, стараться понять, где я еду и когда уже моя остановка. Тогда-то моё внимание и привлек разговор двух мальчишек.

Они стояли позади меня и очень громко разговаривали, хотя всего минуту назад я ни звука не слышал.

— Ого... где взял? — говорил один голос. Я пока не оборачивался и не мог видеть, кто говорит, но голос принадлежал подростку.

— Где взял, там уже нет, — довольный произведённым эффектом, ответил более грубый голос.

— Она, наверное, бешеных денег стоит?

— Ещё бы! Да и если деньги есть, не каждый найти сможет... Редкость, как-никак!

Тогда я не выдержал и осторожно, как можно более незаметно, обернулся. Два пацанёнка, лет по 13—14, стояли, склонив головы над виниловой пластинкой.

— Дашь послушать? — без особой надежды спросил полноватый румяный паренёк. — Всего на денёк.

— Да, конечно, бери, — легко согласился другой, маленький, щуплый очкарик с совершенно неподходящим ему грубым голосом.

— Что, правда что ли, можно? — не поверил тот своему счастью.

— Правда, правда, — причём это не было великодушием. Малец на самом деле просто решил отдать другу дорогую вещь.

— А родители ругаться не будут? — казалось, полноватый отговаривал щуплого от необдуманного поступка.

— Они в курсе.

— Спасибо большое! Я тебе тогда в четверг отдам, хорошо?

— Хоть в пятницу. Мне всё равно её пока слушать негде...

На этом я снова «уснул» и дальше уже не слушал. Помню только, подумал, что я бы даже лучшему другу зажал столь ценную вещь. Но очкарик, видимо, был не из жадных.

Я благополучно забыл о подслушанном разговоре до пятницы.

В пятницу весь город поразила весть о жестоком убийстве подростка

одноклассником из-за какой-то редкой «буржуйской» пластинки. Пухлику, не желающему отдавать собственность обратно, очкарик размозжил голову восьмикилограммовой гантелей. Я не мог знать наверняка — они это или нет — такое в газетах не печатали в те времена. Слухи также не упоминали о внешности ребят. Но всё равно я знал, что это были именно они.

После того случая я больше никогда «не засыпал», внимательно наблюдая за всем, что происходит вокруг меня. Люди в транспорте и на улице, бушующий город, неподвластная природа — всё это стало ощущаться совсем по-другому — одной большой декорацией (лица и тела людей — это всего лишь хорошо сделанные маски и костюмы; городские пейзажи — фанерные обманки; закаты и рассветы — поблагодарили осветителя). Мне казалось, что под верхним слоем всегда находится ещё один — настоящий, скрытый от глаз... И я хотел его увидеть своими глазами, чтобы, наконец, ответить на вопрос, который был «вытатуирован» под веками моих глаз и который мне приходилось видеть каждый раз, когда закрываю глаза: «ПОЧЕМУ?!»

Тогда такой науки, как психология, толком-то и не существовало. Поэтому единственный способ ответить, который я нашёл — стать журналистом. По крайней мере, мне так казалось.

Когда я замолчал, Лёша лишь спросил, буду ли я здесь в следующую субботу. Я ответил, что прихожу сюда каждую неделю. Тогда он встал, простился и ушёл, так и не сказав, что он по этому поводу думает. За что я ему очень благодарен.

В следующую субботу он попросил продолжить рассказ о прошлых событиях.

— Понимаешь, Лёша, — говорил я, как обычно, развалившись на сидениях. — В журналистике всегда соблюдались определённые каноны: как писать, о чём, сколько... То есть контролировалось буквально каждое слово. Я, конечно же, имею в виду времена Союза. Безумная, безжалостная цензура выискивала в каждом слове скрытый смысл и подтекст. Писать можно было только о прекрасной стране во главе с ещё более прекрасной партией или об ужасном Западе — одно из двух. Тот, кто не следовал этим правилам, не мог оставаться журналистом! А меня не интересовала вся эта политика, отношения между странами, власть — в этом не было ответа на мой вопрос. Он был в судьбах людей. И об этом, именно о простых судьбах — о проявлениях настоящего, того, что внутри, а не напоказ, и стал я писать. Нет, не о героизме... не знаю, как объяснить — почитай мои статьи, тогда все поймёшь.

— Я почти все их читал.

— Тем легче. Тогда ты в курсе, насколько я выходил за рамки журналистики тех лет. Представляешь, а меня печатали! Печатали много, охотно и с удовольствием. Когда написал свою первую профессиональную статью, я думал, мало того, что меня не пропустят, так ещё и упекут за антисоветчину.

Вопреки ожиданиям, статью опубликовали. Как по мановению волшебной палочки, читатели завалили редакцию доброжелательными отзывами. Тогда мне, представляешь, молодому зелёному студенту третьего курса журфака доверили вести колонку, малюсенькую, в одном из центральных еженедельников. Но это было только начало! Весь путь пересказывать не стану. Я ведь о другом хотел тебе рассказать...

Разговор на прошлой неделе, после которого ты сбежал... Не отпирайся. Ведь сбежал! В общем, я не только из-за тех пацанят стал журналистом. Ты говорил, что восхищаешься моей смелостью. Как ты выразился: «И в огонь, и в воду, и под пули». Так вот, выбрал я столь непостоянную и зачастую опасную профессию, где в погоне за сенсацией порой приходится проявлять смелость и даже безрассудство, только лишь потому, что я — трус.

Моё лицо и тело — такая же маска, поверхностный слой, под которым сокрыто множество комплексов. Я ничем не лучше других. Понимаешь, детство даёт о себе знать: хоть я и был маленький, но те два года в приюте помню чётко. Уже тогда никто толком не знал мой возраст — выгляжу на четыре, развитие шестилетки.

Я попал в Дом ребёнка... (Правда, совершенно не помню, откуда, будто моя жизнь начинается у этих казённых стен...) Попал в детский дом, в мир, где главным законом всегда останется «выживает сильнейший». С первых дней я это почувствовал. И ладно бы, зацепиться хоть за что-нибудь мог, там... по маме скучал или, как другие, по дому... но этого не было. Будто выбросили меня абсолютно голого, пустого в бурный океан — болтайся, выживай, как хочешь. И вся эта мелочная человеческая грязь кругом, наказание повседневностью, выращивание из маленьких людей никчёмных взрослых, хронических неудачников. И когда меня усыновили, часть этой мерзости всё равно осталась, навечно въевшись в кожу.

Я попал в семью, где жили совсем по другим правилам: меня учили добру, любви и вере в человека, одновременно боготворя меня. Представляешь, какая это разница? Переход от мира ненависти в мир любви оказался жестокой штукой. У меня в мозгу что-то перегорело, какой-то чип, и я оказался совершенно неспособен бороться с тёмным обликом жизни. А вдобавок бешеная любовь родителей, одним словом, окончательно добила. Я боялся боли и страданий больше всего. Ну скажи, как

мне тогда было научиться жить за пределами карамельного домика, с такой заботой выстроенной моей семьёй? Жизнь, в свою очередь, постоянно давала мне понять, что, если я не научусь защищать себя — будет плохо. Проблемы сыпались одни за другими, а я совершенно не умел с ними справляться, беспомощно барахтаясь под любым натиском. Единственным верным решением на тот момент было податься в «воспеватели правды», чтобы научиться терпеть и боль, и страдания. Чего удивляешься? Тут мозгов даже особых не нужно было, чтобы понять: если так и дальше будет продолжаться, малейшее дуновение ветра переломит меня пополам. Вот я и рассудил, что уж лучше осознанно искать неприятности и учиться выбираться из них, чем ждать, пока неожиданно-негаданно шлёпнется сверху какая-нибудь гадость... И что тогда? Останется только мозги по асфальту собирать.

— Судя по вашей философии, Андрей Иванович, — медленно, внятно и слегка недоверчиво начал Лёша, — я должен был на физика идти учиться.

— Почему на физика? Это тут причём? — удивился я.

— Потому что я никогда толком считать не умел и формулы плохо запоминаю... Вы же пошли в совершенно неподходящую область. Вот и получается, что я тоже должен был выбрать самый трудный путь. Не понимаю...

Я ненадолго задумался. Несмотря на то, что мое основное оружие — умение обращаться со словом, мне порой бывает трудно найти точное выражение. Вот я и размышлял, как бы доходчивее донести до Лёши свою мысль.

— Ты должен был бы стать физиком только в том случае, если бы чувствовал себя в этом ущербным.

— То есть?

— Ну, смотри. Я, например, тоже с цифрами совершенно не дружу. Хотя следовало бы... Но не чувствую никакого дискомфорта потому, что не обладаю знаниями и навыками счетовода. А вот то, что у меня напроць отсутствует слух и я с тоской смотрю на пляску пальцев по клавишам рояля, говорит о многом. Я говорю не о том, что нужно учить ненужные науки и развивать неподходящие человеку черты. Нет! Там, где пусто — ничего нет и искать не нужно.

— Вы имеете в виду преодоление страхов?

— Ну... и да, и нет. Мне кажется, любому писателю легче всего изъясняться образами. Так вот, мне представляется, что мы изнутри, в душе, похожи на шкафы.

— Шкафы?

— Да. С полками, на которых книжки всякие хранятся, вазы, стату-

этски и фотографии. Человек с рождения не чистый лист, а пустой шкаф...

— Забавно звучит, — улыбнулся приятель.

— И выглядит так же. До нашего рождения все полки в шкафах были заполнены, а когда мы появились на свет, они опустели. Наша задача - максимально заполнить их в течение жизни. И не забить лишь бы чем, а чтобы всё было именно так, как и было. Если на полку, предназначенную для твоей фотографии с семьёй, ты гордо водружаешь учебник физики, то, что бы ты ни делал, как бы ни закрывал глаза, ощущение, что должно быть не так, не покинет тебя на протяжении всей жизни. Вот в чём дело! Ты, как и любой из людей, прекрасно чувствуешь, чего именно тебе не хватает. Стоит только следовать этому зову души - и окажешься там, где должен. И не потребуются взирать на успешных людей с тоской и завистью, называя их счастливыми и баловнями судьбы. Мой секрет успеха прост — постоянно следуй зову души, как бы не было страшно. Всего и делов! Теперь понял, почему я журналистику выбрал?

— Кажется, да, — кивнул Лёша.

— Ну, вот и славно... — зевнул я.

С Лёшей мы познакомились на вокзале. Ничего удивительного. Ведь именно это место почти всегда становится для меня точкой соприкосновения со внешним миром.

Я, как обычно в субботу, вошёл в здание вокзала, поднялся на второй этаж, на своё место под видеокamerой. Расстегнул куртку, снял шапку, положил рядом сумку, выключил плеер. Тогда ко мне и подошли двое ребят в форме.

— Старший лейтенант, Дмитрий «Какой-то-там» — сурово представился старший по званию. — Что Вы тут делаете?

«Вот и заприметили», — подумал я. Рано или поздно, но это должно было случиться.

— Сижу, за людьми наблюдаю, — глупо улыбаясь, полушутливо ответил я.

Милиционеру Дмитрию явно не понравилось, что его не воспринимают всерьёз. Голос стал ещё напряженнее и грубее.

— Я вижу, что Вы именно просто сидите и наблюдаете за людьми безо всякой цели. Вы кого-нибудь встречаете или провожаете?

— Нет, — честно признался я. Если бы соврал, они могли бы спросить номер поезда и тогда стало бы ещё хуже.

— Тогда зачем Вы здесь?! — уже совсем угрожающе спросил лейтенант. Второй милиционер выглядывал из-за спины старшего, вообще

чувствуя себя лишним, словно случайный свидетель семейной ссоры.

— Кофе попить. Очень люблю мокаччино из автомата. А такой, как в этом, — я кивнул в сторону стоящего неподалеку короба, — нигде не попьёшь. Вкус особенный.

Мент отступил от меня на два шага.

— Пройдёмте с нами, — приказал он.

Я тяжело вздохнул.

— Прошу меня извинить. Часто мои шутки неуместны. И, хуже того, совершенно не ко времени.

После моих слов лейтенант немного расслабился, и снова подошел ближе, нависнув надо мной серым камнем.

— Итак? — выжидающе протянул он.

— Я журналист... писатель. Вокзал меня вдохновляет, вот и всё.

Для пушей убедительности залез в сумку и вытащил удостоверение журналиста-международника. Милиционер внимательно изучил мой документ, который для меня надёжнее паспорта. Пробубнив мои данные в рацию и получив из неё «добро», он отдал мне документ, козырнул, и мы расстались.

Потом я неоднократно замечал, что второй патрульный, который за всё время «столкновения» не проронил ни слова, в процессе обхода постоянно на меня пялился. Наверное, он-то и отпугнул от меня вдохновение, ради которого я пришёл на вокзал. Пришлось обойтись кофе и книжкой. В тот день я ушёл ни с чем.

Ровно через неделю, сидя на том же месте, в момент, когда я делал в блокноте пометки, надо мной возникла тень. Подняв глаза, я обнаружил того второго паренька, что был с лейтенантом. Назвать его ментом язык не поворачивается. Потому что ещё в прошлый раз у меня возникло ощущение, будто совершенно случайного человека, например, учителя начальных классов, переодели в форму и заставили бродить по вокзалу в поисках нарушителей. Не был он похож на представителя правоохранительных органов.

— Андрей Иваныч, можно к Вам присесть? — вежливо спросил паренёк, одетый в чёрный спортивный костюм. Сейчас он больше походил на воспитанного хулигана.

— Да, конечно, садитесь. Я переложил сумку на другой край, чтобы освободить сидение. Парень присел.

— Меня Алексей зовут... Лёша.

— Очень приятно, — мне совершенно было непонятна цель его появления. — Чем могу быть полезен?

Он замялся, не зная, как начать:

— Я хотел просто с Вами пообщаться.

— Пообщаться?! — удивился я.

— Ну... дело в том, что мой отец, царство ему небесное, рьяно следил за Вашей карьерой. Все журналы скупал с Вашими статьями и очень уважал Ваше мнение. Если бы он узнал, что Вы сейчас в нашем городе, совершенно непонятно, каким образом оказались...

— Из-за вокзала, — пояснил я.

— Что?

— Говорю, я в вашем городе поселился исключительно из-за вокзала.

— А что с вокзалом не так? — он все силился понять меня.

— Наоборот, очень даже так. Не поверишь, но я полстраны объездил, пока не нашел подходящий вокзал.

— Зачем? — недоумевал мой новый знакомый.

— Как зачем?! Чтобы статьи писать, конечно. У меня после развода в душе кое-где брешь образовалась... так сказать, некоторые полки опустились...

— Полки? — уточнил Леша.

— Потом как-нибудь объясню. И вот из-за этой пустоты внутри я не мог работать. И чтобы суметь дальше творить, создавать свои статьи, мне нужно было эти пустоты чем-то заполнить... Временно, само собой. Пока не зарастут. Мне для вдохновения особое место нужно — энергетически активное. У каждого оно своё. У меня это вокзал. Причем именно этот вокзал. Понимаешь?

— Нет...

Я тяжело вздохнул.

— Чтобы понять, ты должен хоть что-нибудь написать.

— Что написать?

— Ай, всё равно... Главное, чтобы с душой, от себя! Письмо, рассказ, историю, воспоминание — что угодно. Это, конечно, если хочешь понять про мой особый вокзал.

— Хочу.

— Тогда напиши что-нибудь и принеси, — предложил я.

— Хорошо. Можно ещё вопрос?

— Конечно.

— Мой отец всегда спросить у Вас хотел... Про Вашу биографию почти ничего не известно. Ему интересно было, каким образом Вы в журналистике оказались? Он говорил, что Ваши статьи ни на чьи не похожи из всей пишущей братии. Папа говорил, что у Вас даже не то чтобы стиль особенный, а, скорее, душа между строками хранится!

Тогда я ему и рассказал о том случае.

— Теперь понял, почему я журналистику выбрал?

— Кажется, да, — кивнул Лёша.

— Ну вот и славно, — зевнул я.

Он замолчал, о чём-то задумавшись, а я не мешал ему размышлять. Может, что полезное для себя надумает.

— Вы это... мне в прошлый раз сказали написать что-нибудь, если хочу про вдохновение понять, — он полез в карман, достав оттуда сложенный вчетверо листок. Вот!

Лёша протянул мне своё сочинение, совсем по-детски, словно в школе учителю на проверку. Я взял его листы и положил их на соседнее сидение, рядом с сумкой.

— Вы не будете читать? — недоумённо спросил Лёша.

— Нет, зачем?! Мне твой опыт нужен, а не текст. Написав что-то, ты теперь знаешь, как это делается, и сможешь сам больше понять.

Он все ещё смотрел на меня непонимающе. Не знаю, что у него происходило в голове, но внешне это выглядело так, словно каждая мысль даётся ему с большим трудом.

— Когда писал, что самое сложное было?

— Самое сложное? — повторил он, пытаясь вспомнить. — Самое сложное? Мне вообще эти два листа с огромным трудом дались. Но труднее всего — правильно выразить на бумаге то, что в голове.

— В самую суть! — обрадовался я точности его слов. — Правда, рой мыслей в голове абсолютно отличается от того, что в результате записано?

Он кивнул.

— Основной сложностью, по крайней мере, для меня, всегда оставалась и останется то, как так выразить свои ощущения, чтобы другие поняли тебя правильно?

— И? — поторопил он меня.

— А что «и»?! Смотри по сторонам, ничего не делай, старайся не думать... и ты поймёшь, зачем я прихожу на вокзал.

После этих слов я совершенно привычно приложился головой к холодной стене «под мрамор» и начал смотреть... Лёша, последовав моему примеру, сделал так же.

...Сначала мне скучно. Я сижу, просто глядя перед собой. По привычке моему телу и мозгам хочется себя чем-нибудь занять, увлечься или уснуть, но я подавляю любые желания и выметаю из головы любые мысли. Это тяжело, но я упорно продолжаю просто смотреть перед собой — не оценивать окружающих, не стараться что-то понять или уловить — а именно просто наблюдать. Я — наблюдатель.

Спустя полчаса такого вот бездействия я начинаю ВИДЕТЬ зал ожи-

дания. Место, где удивительно смешаны спокойная леность и неожиданная спешка. В этом месте люди пребывают как бы в пограничном состоянии — им не надо здесь быть «кем-то», здесь единственная задача — ждать, чтобы потом спешить. И весь этот муравейник, то заполненный до предела, то полупустой, — вдруг распадается на составляющие — нет больше единого вокзала. Объявления о прибытии и отправлении, дрожь стен от проползающих мимо титанов, запах мазута, такие разные и одновременно одинаковые люди — все это становится самостоятельной, отдельной сущностью. Они разделяются, отдаляются друг от друга, а между ними — лишь пустота... вот эта пустота и нужна мне. Я закрываю глаза и впитываю её, поглощаю — мое вдохновение на целую неделю. Улавливаю каждый шорох, запах, звук. Я наполняюсь кипящей, сокрытой в движении жизнью, чтобы создать что-то своё, чтобы написать ещё одну историю о настоящем человеческом.

— А почему вокзал именно в нашем городе? — продолжил Лёша свои расспросы, согреваясь тёплым мокаччино из автомата. — Вы сказали, что полстраны объездили в его поисках. Чем вам другие не угодили?

Я отхлебнул из пластикового стаканчика и стал объяснять:

— Хорошее вино любишь?

Лёша хмыкнул:

— Так себе. Я больше по пиву.

— Ты просто хорошего вина не пробовал. Точно бы оценил. Ну да ладно. Ты знаешь, чтобы сделать хорошее вино, нужны определённые климатические условия: воздух, влажность, температура, плюс особый состав почвы? Причём для каждого сорта винограда он должен быть свой.

В определенных условиях и плоды созревают определённые, даже у одного и того же сорта. Вот почему одна бутылка вина стоит десять долларов, а другая — триста десять.

— Ого! — свистнул Лёша. — Ничего себе разница!

— Эта разница в триста зеленых — именно цена места, где созрели плоды.

Лёша улыбнулся:

— Кажется, я понял аналогию.

— Вот и славно. На Казанском слишком шумно и грязно, в Самаре мне не нравится внутреннее убранство. А здесь — самое то! Вот почувствуй...

Я замолчал и стал наслаждаться характером местного вокзала — здание тряслось и рычало, вселяя восхищение и страх перед очередным многотонным гигантом, прямо сейчас отправляющимся в дальний путь.

— Нигде больше так здание не поддаётся встряске. Сидишь здесь и чувствуешь поезда всем телом. Сам не знаю, почему я с самого детства люблю поезда и вокзалы.

— Стоит всего здесь часок посидеть - и будешь обеспечен материалом для любой истории на неделю вперед, — делился я опытом с Лёшей, когда мы уже шли к остановке. Как выяснилось, он жил в другом конце города, но садиться нам нужно было вместе. — Представляешь, сколько здесь характеров, образов, эмоций и настроений? Любого из своих героев легко можно наполнить любыми чертами.

— А истории тоже здесь взять можно?

— О чём писать? Сюжет ты имеешь в виду? — уточнил я.

— Да...

— Хм... можно, конечно, здесь. Хотя вокзал — это не совсем подходящее место. Если тебе нужны истории - садись в поезд и двигайся, куда глаза глядят.

— Почему поезд?

— Потому что ближе и надежнее случайного попугачика ты никого не найдешь. Люди открываются, только дай повод. Дорожные байки самые правдивые, настоящие. Судьбы людские под стук колёс и стопку выкладываются на столик, между курицей, вареной картошкой и солью в спичечном коробке. Я, когда раньше истории для статей искал, так и делал — садился в поезд и...

— А сейчас?

— А сейчас мне это уже не надо. Истории сами меня находят.

Как это ни удивительно звучит, но я прославился статьями, в которых напрочь отсутствует моё и чьё бы то ни было мнение. «Как такое возможно?» — спрашиваю я себя до сих пор. В мире журналистики каждый пытается заработать себе побольше авторитета именно ради того, чтобы мнение его среди людей имело свой вес. У нас ведь как — чем весомее человек, тем больше ему за слова платят.

Но я, с самого начала начав писать обзоры, понял, что суждения и выводы мне самому мешают «зреть в корень» и «отделять зерна истины от плевел».

Как-то раз (кажется, тогда я был на втором курсе) я впервые выполнил задание в той самой манере, которой остаюсь верен до сих пор. Просто описал событие, пропустив через себя, и выплеснул на бумагу не в виде общепринятой безжизненной официальнойщины — «Гражданин Н. в ночь на 12-е августа сего года, в районе Китай-города», - а с чувствами непосредственного свидетеля событий. Хотя, конечно, о кримина-

ле я никогда не писал. Людям важны только они сами, что вполне нормально. А свои статьи я всегда пытался писать непредвзято, чтобы каждый смог увидеть себя и самостоятельно выстроить собственное мнение.

А иначе для чего мне нужны все эти «подзарядки» и ощущения, за которыми я охочусь на вокзале? Туда я прихожу уже с готовой историей, о которой собираюсь писать. Иногда с несколькими. На этом этапе я имею общую информацию о происшествии. Если его записать именно в таком виде, то получится та самая безэмоциональная ерунда, в которой не изъясняются, а плюются в казённых учреждениях. Её нужно зарядить жизнью, пропустить через душу. А как я это могу сделать, как могу искренне написать, например, о чужой трагедии, если сам её не пережил? Вокзал и нужен, чтобы соприкоснуться с проявлением человеческого.

В момент, когда время и пространство расщепляется передо мной, я начинаю думать о той истории, которую мне предстоит поведать людям. И происходит удивительная вещь: из огромного хаотичного потока разных ощущений выделяются отдельные составные, которые, соединяясь, позволяют мне стать соучастником этих событий. Это больше всего похоже на разбросанные по полу кусочки мозаики из отдельных голосов, шорохов, запахов, цветов и предметов. Некоторые из них выделяются схожестью форм. В моём воображении они соединяются водино и получается, например, образ человека. Вот на что это похоже.

Такое вот странное действие помогает мне по-настоящему пережить и прекрасные, и ужасные моменты. Побочных эффектов всегда два. Слезы — отчего люди обходят стороной мужчину с застывшим взглядом и реками из глаз. Второй минус — это кошмары. Когда по субботам хожу на «зарядку» к поездам, толком выспаться не получается. Зато уже к вечеру понедельника, иногда вторника, очередная статья полностью готова. Очередная и единственная в своем роде.

Ещё толком не отойдя после «видений», я сразу делаю пометки в блокнот. Скажем так: записываю порядок составления мозаики, где какой кусочек должен находиться. Пью кофе. И затем неспешно отправляюсь домой. Впереди ждёт кропотливая работа.

В своей съемной квартире я запасаясь стопкой идеально белых листов. Беру любимую перьевую ручку, всю облупленную от частого использования. Кладу перед собой блокнот с пометками. Включаю заранее подготовленный трек-лист... И начинается магия...

Мне достаточно лишь перечитать заметки, как всё увиденное в зале ожидания заново оживает, наполняя комнату вокруг меня яркими об-

разами. Даже ещё отчетливее, чем прежде, я слышу разговоры людей до и во время происшествия. Вижу эмоции на их лицах. Ощущаю жару солнечных лучей или уколы морозного воздуха. Бывает, что дождь касается моей кожи. Я вижу, как матери пытаются вымолить жизнь своих детей, баюкая их опустевшие тела. Вижу, каким ужасом пронзён плач стариков, вдруг осознавших, что именно они виноваты в воспитании не людей, а чудовищ. Прямо передо мной взрослый мужчина с верёвкой на шее может решаться — бороться и постараться победить, или сдаться, навсегда лишив себя покоя...

Сколько человеческих судеб, столько и трагедий и минут счастья проходит сквозь меня! Ведь человек — это не только страдание. Создание новой жизни, преодоление страха, достижение мечты, наслаждение спокойствием — всё это тоже часть бытия.

Я пишу без усталости и пици, не позволяя себе отвлекаться. В эти дни я схожу с ума. Выбившись из сил, я засыпаю измождённым, изъеденным кошмарами. Просыпаюсь, чтобы вновь взяться за ручку на долгие часы, пролетающие секундами. И так — пока не иссякну.

Когда поставлена финальная точка, окружённый разбросанными листами бумаги, я падаю замертво на пол, чтобы там же и уснуть. Через какое-то время, проснувшись, я или перебираюсь на кровать, или иду к холодильнику, заталкиваю в себя пищу, запиваю водой, чтобы потом сразу впасть в спячку.

В общей сложности, я сплю от двух до трёх суток, иду в душ, пробегаю мимо зеркала с закрытыми глазами. Очень долго отмокаю, затем бреюсь — и потихоньку начинаю походить на себя, сильного, гордого, молодого (в душе).

Удивительно, как я в таком нещадном для тела ритме умудряюсь, мало того, что чувствовать себя, но и выглядеть неплохо. Однако жена всё равно от меня ушла, и теперь я думаю, любому понятно, почему она так поступила.

После составления черновика наступает следующий этап. От двенадцати до двадцати четырех часов у меня уходит на то, чтобы из этого моря записей составить что-то более-менее похожее на осмысленный текст. Сначала я перечитываю черновики и помечаю наиболее ценное. Всё выделенное я переношу на компьютер и формирую основу статьи. И уже заключительный шаг — шлифовка слога.

Вот это уже можно отсылать редактору. Захожу на e-мейл, где вечно толкаются предложения о публикации различных изданий. Всегда выбираю наугад. Буквально ткнув пальцем в монитор ноутбука. Платят везде приблизительно одинаково хорошо. Плюс основной доход от перевода. Любую мою статью переводят сразу после выхода в первом из-

дании. Кажется, её прочитают около шестидесяти стран. В субботу утром я разбираю материал с присланными историями, выбирая ту, что мне больше подходит. Ту, что смогла меня чем-нибудь зацепить.

А ближе к вечеру вновь отправляюсь на вокзал за новой дозой вдохновения.

В нашу очередную, ставшей традиционной, встречу, Лёша попросил показать ему какой-нибудь из моих черновиков.

— Зачем? — удивился я.

Он был в форме — как раз на эту субботу пришлось его дежурство, и вместо обеда он сейчас сидел со мной.

— Мне кажется, должно быть, любопытно почитать Ваши истории в развёрнутом виде?

— В «развёрнутом»? — мне было непонятна его формулировка.

— Ну, до читателя обычно доходит самое основное, то, что Вы из всего написанного оставляете. Сколько обычно листов Вы исписываете? Десять? Двадцать?

— По-разному бывает, — задумался я, силясь вспомнить. — Но иногда больше полусотни получается.

— Ого! — восхитился Леша. — Это ж целые рассказы! Сколько же там интересного, должно быть! Их, наверное, как отдельные сборники рассказов и повестей издавать можно. Я бы обязательно купил! — уверил он.

— Никогда об этом не думал. Но, если хочешь почитать, подберу для тебя какую-нибудь из записей.

— Очень хочу! Мне на самом деле интересно, на что они в оригинале похожи. Я, как и все Ваши читатели, вижу три-четыре процента из написанного. Ваши истории полны настоящих переживаний, на которые только способен Человек. И на нескольких страницах журнала со статьёй хранятся эти самые переживания «высокой плотности». Они ступенны до предела. В каждой строчке — часть жизни. Поэтому, читая их, можно захлёбываться слезами и уже через мгновение смеяться истерическим хохотом... Вы пишете истории несколько дней практически без остановок, а на его чтение в журнале уходит не более пятнадцати минут...

— Что-нибудь подберу... — ещё раз повторил я, как всегда, от похвалы чувствуя себя неуютно.

В тот же вечер, перед тем, как с головой уйти в писательский запой, решил покопаться в архиве черновиков и выбрать пару записей для Лёши. У меня их было не так много — только то, что написал здесь. Не буду же я, переезжая, таскать с собой все эти стопки исписанных лис-

тов. Дома, в своём родном городе, я храню записи в специальной комнате, благо места хватает. А в этой квартире всё умещается на двух полках книжного шкафа.

За полгода моего пребывания здесь у меня накопилось двадцать две статьи. Сегодня сяду за двадцать третью.

Все черновики были аккуратно разобраны по папкам. Отобрав девять более-менее подходящих, я решил их просмотреть, предварительно заварив кофе и насыпав в блюдце печенья. Каких-то особых критериев, по которым запись должна подойти для чтения Лёшей, у меня не было. Наверное, мне просто должно захотеться, чтобы он её прочёл. Почему-то для меня было важно, чтобы он оценил работу целиком. Меня заинтересовала его идея с публикацией историй в виде полноценных рассказов. Почему-то до него ни мне самому, ни окружающим меня людям такое в голову не приходило.

До этого мне ни разу не приходилось заниматься ими после завершения работы над статьёй: не возникало надобности. По сути, черновики мне были ни к чему, но выкинуть не разрешала жена. Так и приучила бессмысленно складировать, отяжеляя жизнь дополнительным грузом прошлого.

Макая печенье в кофе и с аппетитом уплетая получившуюся «кашицу», я пробежал глазами по чернильным закорючкам. Мой почерк, аккуратный, ровный в обычной жизни, на этих листах был таким, будто и не я писал вовсе. Потому что, честно говоря, когда до краев наполнен образами, не до красоты — успеть бы всё записать. Но всё было не так плохо, как я думал. Лёша, скорее всего, вполне сможет понять текст. Из минусов — полное несоблюдение знаков препинания, уйма орфографических ошибок, да ещё, вдобавок, у некоторых слов «проглочены» буквы. В спешке я не слежу за тем, КАК пишу, главное - ЧТО... При работе с чернилами главное — обозначить общий смысл. А недочёты... Можно и не замечать. Ну да ладно, я же не думал, что эти записи вообще кто-то будет читать.

Где-то через час работы я остановился на папке с надписью «Тёплые воды любви». Изю всего, чем я располагал, именно эта история в тридцать с лишним страниц показалась наиболее достойной внимания. Облегченно вздохнув, я стал раскладывать на полу чистые листы...

Среда. Около полуночи. Я выхожу из душа, побритый и свежий. В комнате «творческий беспорядок». Ступать приходится аккуратно, чтобы не помять разложенные на полу листы. Почти весь ковер завален только что рожденными записями. Я их никогда не складываю в стопку, потому что на листах часто встречаются пометки и удобнее видеть

перед собой сразу все страницы. Начинается этап отсеивания лишнего.

Через какое-то время я вдруг замечаю, что, помимо своей воли, неосознанно обращаю внимание на допущенные в тексте ошибки. К моему удовольствию, запятые, точки и тире стоят там, где им, по моему разумению, и положено находиться. Ни одной буквы в словах не «проглочено». Орфография вполне сносная. Что, не скрою, меня очень обрадовало. Значит, не такой уж я и безграмотный. А то стыдно с моим опытом так писать...

После недолгих раздумий решаю поделиться с Лёшей новой статьёй. Уверен, он оценит.

— Андрей Иванович, вы серьёзно?! — не верит он своим глазам. — Это статья, которая вот только-только... ещё свет не видела... и не читал никто?

— Ну почему никто — редактор журнала уже получил образец, — немного смугился я, не готовый к такому восторгу. — Завтра с утра она выйдет в «Роулинг Стоун».

— Здорово! — выдыхает он. — И это тот самый черновик, из которого статья получилась.

Я сдержанно киваю.

— Круто! Вы уверены, что он вам не понадобится ближайшую неделю?

— Уверен. И даже ближайший месяц. Читай спокойно, если конечно, в почерке моём сможешь разобраться.

Лёша аккуратно, словно держит в руках хрупкую драгоценность или древний текст, готовый в любой момент рассыпаться в пыль, открывает папку, начиная бегать взглядом по строкам.

— Всё отчетливо и понятно, — уверяет Лёша и на какое-то время погружается в описанную мной историю. Я сижу тихо рядом, наслаждаясь витающей в стенах вокзала жизнью.

— Не поверишь, но я решил дать тебе последнюю запись, потому что в других — столько ошибок, что их читать невозможно. Будто я не журналист, а второклашка какой-то. Стыд и срам, — честно признаюсь я.

— Да что вы, Андрей Иваныч... Для меня это не имеет значения. Мне ж главное — суть! Я читаю сейчас, и мне ваши ошибки совершенно не мешают.

— Это потому, что их там почти нет.

— И я о том же... — поддакивает Лёша мне. И по тому, как он это делает, я понимаю, что милиционер, который вряд ли блещет знанием русского языка, просто не хочет меня обижать. — Да и вообще, дались вам эти ошибки. Для этого редакторы и корректоры есть — вот пусть и

исправляют.

Я посмотрел на Лёшу — он, как и прежде, бегал глазами по страницам.

— Дай-ка гляну... — прошу я его и принимаю без особой охоты отданную мне папку с черновиком.

— Дались вам эти ошибки! — повторяет он тихо и отворачивается, чтобы не мешать мне.

Я изучал свои записи внимательно, слово за словом. Вот мои пометки карандашом — что-то зачёркнуто, что-то втиснуто между строками. Но вот... удивительно! Я чуть не подсказываю на месте!

— Лёш, извини, но я домой сейчас пойду. И... папку с собой заберу.

Он тяжело вздыхает:

— Ну, Андрей Иванович, что вы так расстраиваетесь?! Это так важно? Вы писатель, а не лингвист!

— Не в этом дело, Лёш. Извини ещё раз, — и ухожу.

Я, сам не пойму зачем, специально оттягиваю момент, когда сяду разбираться в этой ерунде. Иду ставить чайник. Делаю на скорую руку салат из пекинской капусты, крабовых палочек, кукурузы, брынзы и сметаны. Но так и не притрагиваюсь к получившемуся чуду, сложив еду в холодильник. Лишь делаю кофе с молоком и нарезаю на тарелочку оставшийся сыр. Я всегда в еде больше остального любил сочетание сладкого и соленого.

С чашкой и тарелкой захожу в комнату, ставлю их на журнальный столик, сам сажусь в кресло и достаю из тряпичной сумки папку с черновиком последней статьи. Странные, противоречивые чувства борются внутри меня, как бывает каждый раз, когда я соприкасаюсь с опасностью (чем-то, что может изменить мою судьбу до неузнаваемости). Страх, желание бросить дурную затею, закрыв на всё глаза, и предвкушение чего-то нового, интересного, необычного, манящего вперёд, заставляющего плюнуть на инстинкт самосохранения, — и в омут с головой. Если бы я слушал свои страхи, то не пошёл бы в журналистику.

...Спустя всего несколько секунд я уже перелистывал знакомые страницы, внимательно осматривая каждый миллиметр, пробегая взглядом по строкам, силясь найти ответ.

Дело в том, что мой последний черновик, который я успел проверить, и который был выбран только лишь из соображений образцовой орфографии, сейчас ничем не отличался от тех ужасных записей «второклашки», хранящихся в других папках. Я спрашиваю, каким образом, вашу мать, за пару дней мог измениться текст, написанный чернилами?! Это же не компьютер, где можно стирать и перепечатывать сколь-

ко угодно раз. Это же, чёрт побери, бумага. Бу-ма-га! Самая обычная. Купленная в «Канцтоварах» неподалеку.

Я сидел в кресле, держась за голову, в которой никак не могло уместиться столь странное поведение текста. «Как?!» Ну, как могут из слов просто исчезать буквы?! И запятые? Я сам помню — вот именно возле этой пометки было все правильно написано. Помню, ещё подумал: «Ого, слово какое сложное — «легкоусваиваемый», а написал правильно! Молодец какой!» А сейчас? Что это за обрубок — «легкоуваивемы»? И ведь точно помню... помню?!

Честно говоря, я вообще ничего не понимал. Сотни раз бывая в сложных, иногда просто безвыходных ситуациях, я выбирался только лишь потому, что продолжал доверять себе, своим ощущениям и мыслям. Но сейчас... память говорит об одном, а вижу я совсем другое. И ведь какого-то более-менее логичного объяснения не придумаешь. Кто-то листы подменил? Когда, если я дома безвылазно сидел?! Да и зачем кому-то это может понадобиться?

Хорошо, но если это те же самые листы, тогда как объяснить исчезновение букв? Ладно, допустим, чернила у моей ручки особенно странные и последние пару букв в некоторых словах просто испаряются. А как объяснить тогда, что посреди слова буква исчезает, и вместо того, чтобы на её месте зияла белёсая пустота, остальные буквы «смещаются» к центру, будто прикрывают побег своей подруги. К чёртовой матери все!

Я понял, что просто «перегреваюсь» — ещё чуть-чуть - и взорвусь, разнеся ни в чём не повинную квартиру в клочья, как это уже не раз бывало. Чтобы сохранить часть нервных клеток, я отправился в душ. Смыть прохладной водой с себя груз. В душе-то я молод, но тело стоит беречь.

Сняв одежду, забрался в холодную и совсем неудобную ванну. Но горячая вода сошьёт с меня усталость и напряжение, а прохладная, смывающая мою бледную защиту потоками, приведёт в порядок чувства, взбодрит и вернёт мне рассудок. Здесь моя журналистская душонка окончательно берёт верх, убеждая найти объяснение случившемуся. Доверяй себе - и сможешь выбраться из любой передраги.

Выйдя из душа, возвращаюсь к «станку» — запасаясь чистыми листами и ручкой. Пока не совсем понимаю зачем, но могут пригодиться. Проглотив отвратительный остывший кофе, заев горечь сыром, приступаю.

Сложно что-то искать, когда не знаешь, что именно ищешь.

— Алло?

— Лёша, здравствуй.

— Андрей Иванович? Это вы? — прозвучал его сонный голос.

— Да...

— Что-то случилось?

— И да, и нет... Мы можем увидеться? Сегодня.

Судя по тишине, Лёша задумался.

— Если через час? — наконец, спросил он. — Но у меня будет только сорок минут. Устроит?

— Мне и десяти хватит.

— Тогда на нашем месте?

— Да... — и я кладу трубку.

— Хорошо, что ты мне свой номер оставил. Не думал, правда, что он мне пригодится. Но видишь, как вышло...

Лёша сидел, как обычно, справа от меня, неспешно потягивая кофе. Уже в форме — меньше, чем через час, ему заступать на дежурство. Мой звонок разбудил его, когда он отсыпался перед работой.

— Честно говоря, Вы меня напугали. Слышать Вас посреди недели... К тому же голос у Вас дикий, испуганный какой-то. Что стряслось?

— Действительно, — уже более-менее спокойно кивнул я, — а что такого стряслось?

— Я почему-то думал, что Вы обычно и сами справляетесь со всем.

Я тяжело вздохнул:

— Обычно — справляюсь. Только на этот раз ситуация не совсем обычная. Понимаешь ли, Лёш, ты мне нужен, чтобы со стороны сказать — я нормальный или псих законченный? А то, может, мне уже давно крышу сорвало, а я и не заметил.

— Андрей Иваныч, Вы, вообще, о чём? — он смотрел на меня испуганно, совершенно не понимая, что творится в моей голове.

— На... — я протянул Лёше папку, которую он опасливо принял.

— Вы всё из-за тех ошибок переживаете? — недоверчиво спросил он.

Я лишь устало коротко бросил:

— Открой.

Он сделал, как я просил. Достал лежащий сверху лист, под которым находились черновики.

— Что это?

— Прочти. Вслух, если не трудно.

Лёша откашлялся и принялся читать выразительно, явно стараясь не обращать внимания на громкое объявление из динамиков.

— «А: Загадка?

Р: Нет, просто указатель. Считается, что на этот вопрос правильно может ответить лишь тот, кому откроет себя Логос.

А: Я слушаю.

Р: Жизнь человека — это такое же пространство, какое создает писатель». — Лёша закончил отрывок, непонимающе посмотрел на меня. — Отрывок из какой-то пьесы? Что за чушь?

— Это не чушь... Это то, на что я потратил около четырех дней.

— Это Вы написали?

— И да, и нет. Помнишь мою реакцию в субботу, когда я на свой черновик глянул?

— Еще бы! — невесело улыбнулся он. — Я до сих пор недоумеваю, неужели ошибки Вам так сильно мешают? Я, конечно, не пример для подражания, но, несмотря на моё неплохое правописание, я бы не расстроился, ошибаясь хоть в каждом слове...

— Слушай, Лёш. Ты что думаешь, для меня правильно написать так важно?

— Ну, я конечно, понимаю, что Вы уже давно не школьник и подобные вещи навряд ли имеют большое значение...

— Короче! — прервал я его рассуждения, которые меня почему-то начали раздражать. — В прошлый раз я так среагировал потому, что на тех листах, что я тебе дал, все было совсем не так, как должно быть.

— Андрей Иванович, я не понимаю, — взмолился Леша.

— Когда я читал этот черновик, там нём ошибок почти не нашёл и буквы все на своих местах. А спустя несколько дней - несусветное количество ошибок и буквы исчезли. Понимаешь?

— Это как?

— Да я-то откуда знаю! Просто рассказываю тебе своё случайное открытие.

— Но такого быть не может, — он посмотрел на листы в папке. — Это же чернилами написано, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но и это еще не всё. Тот отрывок, что ты прочитал, составлен из исчезнувших букв.

— То есть, Вы хотите сказать... — он хмурился, силясь понять, как такое вообще возможно. То же самое делал и я всё это время.

— Я хочу сказать, — перебил его на полуслове, — что мои ошибки ложатся во вполне осмысленный текст, который ты держишь в руках. — От моих слов Лёша опять уткнул взгляд в листок, перечитывая про себя записи. — В них тоже много ошибок, и там тоже... — я полез в сумку за другими листами с «обрывками» непонятного мне текста, но не успел их достать.

— Знаете, что! — Лешка вскочил, как ошпаренный, оставив на сидении и папку, и лист. — Я, конечно, понимаю, Вы любите играть. Все ваши эти штучки... Без меня! Мне на дежурство пора, — и, развернувшись

на сто восемьдесят, быстро засеменял к лестнице.

— Сбежал, — расстроено вздохнул я. — Вот и доверяй после этого милиции в трудный момент.

На то, чтобы найти «между строк» этот странный отрывок, у меня ушло около четырех суток. Как я вышел из душа субботним вечером и принялся разгадывать необычное поведение черновика, так в среду утром я наконец-то разгадал закономерность букв.

С самого начала меня не покидало ощущение, что «не все так просто». Само собой исчезновение букв из текста уже не тянет на банальность, но, помимо этого, я чувствовал, будто в самом тексте заложена закономерность, некий смысл, пока недоступный моему пониманию. Жизненная философия любого хорошего... повторяю, ХОРОШЕГО журналиста должна опираться на идею, что каждое событие или явление на свете, даже на первый взгляд совершенно случайное, кому-то да выгодно. И если нет существ, которым «это что-то» выгодно явно, значит «заказчик» ещё не найден и нужно продолжить поиски. Моя главная задача — понять суть происходящего. Ну, а дальше будет видно.

Пришлось потратить, наверное, целую тонну бумаги и ещё больше нервов, прежде чем я хоть на шаг приблизился к разгадке тайны моих черновиков. Я пытался восстанавливать исходный текст, затем сравнивал... пытался с помощью различных средств стирать буквы и «передвигать» слова... выводить логику произошедших изменений... и даже несколько раз выписывал отдельно исчезнувшие буквы. Но безрезультатно.

Лишь на утро среды, измученный, раздражённый и уже готовый проклясть все загадки мира, с сотой чашкой кофе возвышаясь над полом, сплошь покрытым скомканными листами, аккуратно разложенными стопками папок, лежащими по порядку их написания, — я увидел!

Отдельно выписанные на листок «исчезнувшие» буквы местами складывались в слова. Я спешно поставил чашку и начал сравнивать с черновиком. Тогда до меня и дошло, что, если прочитать тексты наоборот, в зеркальном отражении, то получается осмысленный текст!

Быстро справившись с последним черновиком, я принялся за предыдущий, а затем — за ещё более ранний — изо всех них складывался вполне логичный диалог!

Я перечитывал и перечитывал полученные слова, не веря своим глазам и наслаждаясь маленькой победой. Когда ощущение бездумной радости исчезло, я попытался вникнуть в смысл текста, но так ничего и не понял — больше всего написанное походило на какой-то сценарий или

пьесу. Из диалога что-либо понять было невозможно.

Когда передо мной лежало три отрывка, полученных из трёх моих черновиков, не имея больше сил справиться с непонятным, сверхъестественным явлением самостоятельно, я набрал телефон, оставленный Лёшей.

Когда он сбегал от моей «игры», как сам её назвал, я чувствовал себя абсолютно, идеально одиноким человеком, волею судьбы заброшенным на край Вселенной. Мне некому было пожаловаться, спросить совета или просто попросить помощи.

— Я один... совсем, совсем один! — напевал я знакомую песню.

Так или иначе, сил думать о творящихся кругом чудесах у меня уже не было. Мне хотелось переключиться на что-то другое. Тогда я решил заняться единственным, что могло всецело увлечь меня — очередной историей для журнала. А то со всеми этими странностями — середина недели, а ничего ещё не готово.

О чём писать, я уже знал. Давно задуманная идея статьи затрагивала негативные стороны благотворительности. Все считают помощь ближнему добродетелью, не подлежащей критике. У меня же за пазухой находился материал, полностью опровергающий эту установку. История человека, купающегося в халявных благах общественно одобренных подачек, и от этого ставшего настоящим моральным и физическим монстром.

Папку и листы я небрежно сунул в сумку и прислонился головой к стене, дожидаясь, когда пространство вокзала начнет «расщепляться». Но этого так и не произошло. То ли усталость, то ли мысли о предстоящих событиях, то ли ощущение тупика никак не давали мне отрешиться от всех мыслей, заставляя всё время возвращаться к событиям последних дней.

Просидев в терзаниях и муках без малого час, так ничего и не получив, плюнул на всё и отправился домой.

Уже на подходе к подъезду меня осенило: а что, если написать статью обо всём, что со мной сейчас происходит? Я смогу дописывать её постепенно, по мере приближения к разгадке. Так даже и лучше — не нужны дополнительные ухищрения, чтобы почувствовать себя на месте другого. К тому же в процессе написания я смогу увидеть дополнительные детали, которые наверняка упустил, посмотреть на происходящее под другим углом, что, несомненно, оставит меня в выигрыше.

Я мчался по ступеням лестницы вверх, скорее в дом, чтобы взять в руки «перо» и лист и поскорей приступить к истории, главным героем которой впервые буду я сам.

На часах длинная тощая стрелка сравнилась с маленькой на восьмёрке. Вид за окном говорил о том, что для всех наступил вечер. На мобильном календаре значится суббота. Так бывает каждый раз, когда приступаю к работе — я будто перестаю существовать, запираюсь в четырёх стенах, мое сознание становится единым целым с белыми листами, выплескивая на них себя. Когда часть работы завершена, я будто пробуждаюсь, вспоминаю что «я есть», я существо из плоти и крови. В тот самый момент, когда у меня вновь «появляется» тело, живот может скрутить от дикого голода, а мочевого пузырь готов взорваться. Именно поэтому я всегда был отвратительным мужем. Но, даже захоти я что-то изменить, смог бы навряд ли.

Ладно... пора возвращаться к загадке. Что я имею на данный момент?

Подробное описание произошедших событий действительно, как я и рассчитывал, помогло мне наконец-то поверить в реальность происходящего (О, Боже, это происходит на самом деле!) и понять направление дальнейших действий. До этого я думал, что, столкнувшись с неведомым явлением, зашёл в тупик. Но теперь у меня есть ряд вопросов, отвечая на которые, вероятно смогу нащупать нить и прийти по ней к самому клубку.

Я взял отдельный лист и записал:

1. Происходило ли подобное с кем-то ещё или я единственный, кто столкнулся с феноменом «исчезающих букв»?

2. Что за текст получился из черновиков? Откуда он? Каков его смысл?

3. Происходило с моими работами то же самое и в других местах, или только в этой квартире?

4. И самое главное: кому и для чего всё это нужно?

Я посидел какое-то время над листком, бездумно глядя на вопросы. Помогло... Захотелось поскорее со всем разобраться. Решил начать с третьего пункта. На мобильном набрал номер Аллы Михалны, моей домработницы, присматривающей за квартирой в родном городе. Она долго не брала трубку, затем тихий, еле слышный голос наконец-то прошептал заветное приветствие:

— Аллю...

— Алла Михална, вечер добрый, — я сразу вспомнил эту вечно бледную, измученную бременем жизни, но чрезвычайно исполнительную, заботливую и обязательную женщину. На её лице всегда отражалась печать «покорности судьбе». Лично меня это вполне устраивало. У большинства знакомых домработницы все как одна почему-то были шумными, домовитыми и часто занимали своим присутствием излиш-

не много пространства. Поэтому я очень ценил в Алле Михайловне её «размытость». Казалось, у меня дома прибирается и готовит еду не человек вовсе, а бестелесный дух.

— Андрюша, это Вы? — узнала она меня, сразу поменявшись в голове. Она была рада.

— Да, Алла Михална.

— Что-то случилось? — забеспокоилась она. Только тут до меня дошло, что между нами два часа разницы, а она ложится около девяти. Разбудил! — с досадой понял я. Ну да ладно. Ситуация требует жертв.

— Алла Михална, у меня к Вам просьба. Завтра придите в квартиру пораньше...

— Часов в шесть устроит? — наивно спросила домработница.

Я чуть не поперхнулся представив, как в четыре ночи раздаётся телефонная трель. Погорячился — мало того, что у нас с ней часовые пояса разные, так ещё и понятия о «пораньше».

— Если часам к девяти, будет просто замечательно. Когда окажетесь в квартире, пожалуйста, загляните в кабинет и наберите меня. Дальше я скажу, что делать. Хорошо?

— Конечно.

— Всё. Тогда до звонка, — попрощался я.

— Ага, до завтра, — рассеяно ответила домработница, и я нажал красную кнопку на телефоне.

Уселся за ноутбук, подключил интернет, зашел на страницу «Гугла» — и... так и застрял, совершенно не представляя, какие ввести слова, чтобы поисковик выдал нужный результат. «Исчезновение»... или «пропажа букв»? «Осмысленный текст из исчезнувших букв»? «Меняющийся текст»? Решил остановиться на последнем варианте, но попытка оказалась неудачной. Передо мной открывались десятки сайтов о веб-дизайне. «Как нарисовать меняющийся текст в Фотошопе», «Работа в текстовых редакторах» и другие ненужные мне сайты.

Я уже был готов сделать ещё одну попытку, когда зазвонил телефон. Номер был Лёшин.

— Андрей Иваныч, где Вы? — ни тебе здарсьте, ни извините.

— Что значит где? — недовольно пробубнел я.

— Ну... я Вас уже несколько часов на нашем месте жду, — виновато пояснял он. Затем, немного помолчав, добавил, — Суббота же, как-никак.

— И что? Насколько я помню, ты не захотел играть в «мои игры», — я не собирался с ним любезничать. В ответ опять долгая пауза. Казалось, можно было различить скрежет работающих в его голове шестерёнок. Тишину в трубке прервал женский голос, объявляющий прибы-

тие поезда. Когда голос умолк, Лёша «ожил»:

— Андрей Иванович, пожалуйста, приезжайте. Я кое-что расскажу. Это важно!

Теперь настала моя пора крутить шестерни.

— Сейчас закажу такси, — обдумав, сказал я.

— Я Вас очень жду! — радостно, на одном дыхании прокричал он мне в ухо.

Таксист попался какой-то медлительный, поэтому на вокзале я был лишь спустя минут сорок пять или даже больше. Рассчитавшись с «улиткой», поднялся на второй этаж, где меня ждал неприятный сюрприз — Лёши нигде не было. Хотя я и понимал, что рановато делать выводы о странном «ментовском» юморе, но гневные слова вырвались сами собой.

Первым делом - к кофейному автомату за мокаччино, а всё остальное - потом. Получив в обмен на деньги заботливо приготовленный машиной малюсенький стаканчик кофе, прошёл к своему месту, под которым (вот удивительно) кто-то забыл новехонькую лопату. Усевшись, положил сумку рядом с собой и начал осматривать чью-то потерю. Явно лопата только что из магазина: вон даже на совке ценник ещё прикреплен.

— Ну наконец-то... — прозвучал надо мной Лёшин голос, и вслед за ним появились ноги в зимних кроссовках. Лёша сел рядом.

— Что за «ну, наконец-то»?! — я всё ещё злился на него, и безобидные реплики меня раздражали.

Он сразу сменил тон на знакомый, виновато извиняющийся.

— Я Вас ждал, ждал... и не дождался. Пришлось в туалет отлучиться.

— Давай сразу к делу, — перебил я его оправдания. Для меня действительно сейчас намного важнее было разобраться в причинах происходящего, нежели выслушивать извинения. Момент, когда мне нужна была его помощь, прошёл, а сейчас Лёша вряд ли мог принести пользу. Но я ошибся.

— Как скажете. Во-первых, хочу извиниться за свое «дезертирство» в среду. По-другому мой поступок не назовешь. Я и не думал, будто Вы со мной играете, нет. Знаю, что Вы не такой человек.

Честно говоря, я удивился.

— А чего же ты тогда так испугался? Решил, что я чокнулся?

— Нет, — грустно помотал он головой. — Я знаю, что всё рассказанное Вами в прошлый раз — чистейшая правда.

— «Знаешь»? — мои брови поползли вверх. — Откуда?! Я сам, если бы от кого-нибудь подобное услышал, не поленился бы у виска пальцем

покрутить.

— В мире много странных вещей, которые нам не понятны. Именно этой «непонятности» я и испугался. Не хотел с ней опять сталкиваться.

— Ты о чем?

— Хочу кое-что Вам показать. Именно для этого я Вас и позвал.

— «Кое-что» звучит пугающе.

В ответ он лишь хмыкнул, и потянулся за лопатой.

— А она тебе зачем?

— Пойдёмте и все сами увидите, — туманно ответил Лёша. Взяв инструмент, он поплёлся к выходу, а я покорно за ним.

Мы вышли из здания вокзала, поднялись на пешеходный мост, перекинутый через пути, и, спустившись на тротуар, сразу оказались в окружении домов частного сектора. Под ногами хрустел ставший серой кашицей утопанный снег, — только минус семь мешали дороге превратиться в слякоть.

Мы шли вперёд, туда, где фонари и свет были непозволительной роскошью. Справа от нас тянулся забор вагоноремонтного завода. Слева грелись дома с теплым светом из окон и уютным запахом домашнего очага из труб. По пути мы ни разу никого не встретили: ни прохожего, ни заплутавшей машины.

— Может, всё-таки расскажешь, куда меня ведёшь?

Лёша на секунду обернулся, чтобы улыбнуться:

— Андрей Иванович, я уверен, если бы Вы мне в среду не напрямую всё рассказали, а лишь помогли, «незаметно» подтолкнули, чтобы я смог «открыть» исчезновение букв, то уверен, моя реакция не оказалась бы столь бурной. Я знаю, Вы человек прямолинейный и не привыкли ходить вокруг да около. А я вот решил дать Вам возможность самому сделать «открытие». Поэтому пока ничего не спрашивайте.

«А ведь верно говорит, чертяка!» — с улыбкой подумал я. Мне ничего не оставалось, кроме как поспевать за Лёшей да, выдыхая клубы пара, думать о своём.

Пока мы шли, всё дальше удаляясь от вокзала (а это минут тридцать), рядом с нами тянулся высокий, из старых кирпичей, заводской забор. Казалось, он и был той ниточкой, которую я так хотел найти, и теперь осталось лишь подойти к ответам на все вопросы.

Лёша резко остановился, так что я чуть не врезался в его спину, заодно получив черенком лопаты по голове.

— Вот мы и на месте, — обрадовал он меня и пошёл, аккуратно ступая с очищенного тротуара через сугробы к дороге. Преодолев её, он, не останавливаясь, направился дальше к домам. Я удивился, но ни о чём

спрашивать не стал, а просто повторил его путь.

Не знаю, куда Лёша меня в такой холод вёл, но ничего особого я в этом месте разглядеть не смог. И дело даже не в тоннах снега, падающих с неба, крупными хлопьями скрывающих мир за непроницаемой пеленой. Просто окружающий меня пейзаж ничем не отличался от тех, что я видел, спустившись с моста. Разве что здесь заводской забор чуть более ветхий, а домишки, в основном, старые, из сруба.

Бегающая вдоль забора дорога, по которой мы шли, сворачивала, превращаясь в узкую улочку. На развилке, ближе к домам, обнесённая полутораметровой железной оградой, стояла жёлтая будка с яркой чёткой надписью: «Огнеопасно! ГАЗ». Я не сразу понял, что Лёша направляется именно к ней. Лишь когда он протиснул меж прутьев лопату, до меня дошло: он собирается забраться внутрь. В считанные секунды, предварительно глянув воровато по сторонам — нет ли свидетелей — он поднялся по большому сугробу, что намели с дороги снегоуборочные машины, и перемахнул через решётку.

Я ошалело смотрел на его странные, лишённые всякого смысла действия, совершенно не понимая смысла происходящего.

— Лёша, что ты делаешь?

Он уже держал в руках лопату.

— Андрей Иванович, ещё две минуты - и сами всё поймете, — заверил он меня голосом человека, который понимает, что и зачем делает. — Вы на меня внимания не обращайтесь. А пока лучше по сторонам смотрите — запоминайте обстановку, подмечайте мелочи... одним словом, хорошенько оглядитесь.

У меня опять возник ряд вопросов, которые я не стал задавать. Лёша принялся очищать пространство внутри этого сооружения от снега, ловко орудуя инструментом на узкой площадке шириной не больше метра.

Ну что же... Последовав его совету, я принялся присматриваться, прислушиваться, стараясь впитать в себя окружающую обстановку, стать частью её.

Единственный фонарь, возвышающийся на развилке, давал света столько, чтобы осветить бурлящий поток хлопьев да малый кусок дороги. Всё было погружено в темноту, пронизанную белым свечением. Голые, замерзшие деревья, притворяющиеся мертвецами...Огонь и свет в домах, где люди не осознают тоски и сырости за окном...

Забором был обнесён какой-то старый заводской цех — большое заброшенное здание с пустыми глазницами окон. В этом мёртвом мире живыми были лишь звуки — Лёшино усердное кряхтение, позвякивание железа, когда он случайно задевал прутья ограды, мерное шипение

из бочки с надписью «ГАЗ» да шуршание снега. Мир замер, и сейчас существовали лишь мы — кажущееся движение, кружение, переливы декораций к этой пустоте.

— Готово! — запыхавшись, позвал меня Лёша, указывая на результаты своего труда: площадка внутри была почти чиста от снега, лишь кое-где землю и тонкую траву прикрывали белые пятна.

— И что теперь?

— Давайте ко мне.

— Внутрь?! Через забор? — я не понимал, что он вообще делает.

— Да. Тут несложно — на сугроб, а там спрыгнете. Я Вам помогу.

— Дело не в сложности, — возмутился я, — а в бессмысленности. Терпеть не могу делать ненужные телодвижения.

Лёша явно не был настроен спорить. Он, обречённо вздохнув, сказал: «Тогда смотрите...» — и, отступив на шаг, с силой метнул лопату в столь тщательно очищенную им землю. Лопата воткнулась не больше, чем на ладонь и застряла, оставшись торчать колом. Я посмотрел на Лёшу, но он лишь одними губами прошептал: «Смотрите-смотрите», — взглядом указывая на лопату. Я не сразу заметил, что она погружается.

— Что за... — я подошел поближе, желая внимательно рассмотреть происходящее.

Земля зыбучим песком буквально всасывала, поглощала добычу. Сначала совсем медленно, незаметно, постепенно ускоряясь, пока одним окончательным рывком не проглотила лопату до конца.

— Что это было? — выдавил я из себя.

— Здесь место такое, всё что угодно поглотить может, — с явным удовольствием пояснил он, — хочешь камень, хочешь ручку, хочешь шину от машины...

— Шину?

— Ага, — улыбнулся Лёша, не пойми чему радуясь. — Я в детстве с друзьями над этой «дырой» столько экспериментов проводил. Трюк с шиной был одним из первых, когда она, казалось, должна была отскочить, а не застревать в земле, а затем и вовсе поглощаться... Но это только малая часть всех чудес. Андрей Иванович, надеюсь, Вы сейчас не побоитесь залезть сюда?

— Куда? — отшатнулся я. — В дыру?!

— Да нет, что Вы. За ограду.

Больше не произнося ни слова, по сугробу вверх и — на твёрдую почву. Теперь между мной и Лёшей не осталось преграды.

— Ну а сейчас - гвоздь программы! — торжественно-шутливо объявил он. Между нами лежало как раз то самое место, где только что исчезла лопата.

— Оглянитесь кругом, — продолжил он руководить.

Сделав, как велено, я не заметил в окружающем мире никаких изменений — всё то же мертвое здание за забором, усыпанная снегом дорога да старые дома, о чём и сообщил Леше.

— Вот и ладненько. А теперь сделайте шаг вперёд.

— Ещё чего! — испугался я, стараясь отступить, но сзади мне преградила путь металлическая решетка.

— Да не бойтесь, всё уже тысячу раз на себе опробовано.

Я присмотрелся к довольному Лёшиному лицу, но никакого видимого подвоха не заметил. Тяжкий вздох обозначил мой страх. Рисковать, так рисковать!

Я сделал шаг...

Что происходит?! Что это за место?

... Лавина сыплющего с небес снега исчезла. Фонарь не горел. Будки и ограды не было, но чуть впереди появился другой деревянный забор. И самое главное - окна заброшенного цеха ярко светились и оттуда доносился звук работающих прессов или наковален. Металлический звон, от которого внутри росло ощущение опасности, разносился по всей округе.

Я оглянулся в поисках Лёши. Нет, он не исчез. Но в то же время это был не он, а лишь его тень, мутная фигура, не имеющая чётких очертаний. Я видел, что он что-то говорит, но не мог слышать его голос, как если бы он находился за плотной стеклянной стеной.

А земля под ногами... и не земля вовсе, а растянутый кусок резины — мягкая, упругая, зыбкая.

А ещё здесь теплее и чуть тяжелее дышать.

Сделав шаг назад, я вынырнул «оттуда». Снег вновь засыпал всё вокруг, страшный опасный звук ожившего завода исчез, и Лёшин голос успокаивал:

— ...ойтесь. Нам по первой тоже было страшно, но затем привыкли.

Я учащённо дышал, стараясь прийти в норму.

— Лёш... пойдём отсюда... — заставлял я себя произносить слова, дававшиеся с таким трудом. — Посидим... где-нибудь...

Вокруг вокзала располагалось много разных забегаловок на любой вкус и кошелёк. Я выбрал бильярдную «Пирамида» и не прогадал. Усевшись за единственный свободный столик, попросили у девочки-официантки по бокалу пива и какой-нибудь несложной снеди.

— А сложная у нас и не водится, — невесёлым голосом то ли пошутила, то ли огрызнулась она.

Я сидел, стараясь прийти в себя, и лишь звуки сталкивающихся ша-

ров всё больше возвращали чувство реальности. Лёша без особого интереса наблюдал за борьбой, развернувшейся на ближайшем столе и ждал, когда я начну спрашивать.

— Рассказывай, — попросил я. Он, как всегда, беззащитно улыбнулся (Ну, что такому человеку в милиции делать?) и с готовностью начал говорить.

— Неподалеку от той «дыры» жила моя бабушка. Меня родители к ней на попечение на всё лето сдавали. Естественно, обзавёлся кучей друзей, от которых так же родители избавлялись на время каникул. Но было и несколько местных. Они-то и спорили с «чужаками» (когда на деньги, когда на сладости), что знают такое место, которое способно поглотить любую вещь размером меньше метра. Мальчишки называли это явление «дырой в земле».

— А что это за место было, ну, что я видел, стоя на этой «дыре»?

Лёша пожал плечами:

— Не знаю. Мы так новеньких проверяли — кто трусил и не решался встать на это место или с криком убегал после увиденного, тот в нашу банду не допускался. А кто решался и проявлял к этой штуковине любопытство, автоматически становился одним из нас. Босота десятилетняя, а что ещё от нас ждать?!

— Взрослым рассказывали? — я отхлебнул пиво из кружки.

— Конечно. Я лично первое время все уши бабушке прожужжал о странной «дырище». Но что толку? Сами знаете — взрослые никогда не воспринимают детские истории всерьёз. Мило поулыбались, взъерошили волосы на голове и «будя».

— Неужели ни один взрослый не соприкоснулся с этой странностью? — не унимался я. Мне почему казалось несправедливым, что таким удивительным явлением никто не заинтересовался.

— Почему же?! Вы, Андрей Иваныч, думаете эту «огнеопасную» будку зря именно на месте дыры поставили и всё ровненько заборчиком высоким огородили? Чтобы народ почему зря не лазил! К «дыре» всякие «горгазовцы» на машинах-лабораториях чуть ли не каждые выходные приезжали. Думаете, это все случайности?

— Вряд ли, — согласился я с Лёшиными рассуждениями.

— И я о том же. Когда заметил слишком большую активность возле «самой обычной газопроводной развилки», начал у бабушки спрашивать. Так она немного знала, хоть и всю жизнь здесь прожила. До этого на месте газоразвилки стоял кирпичный гараж (Кому он к черту здесь нужен?), а ещё раньше — землю прикрывали толстые стальные листы, которые уж слишком быстро разрушались. Буквально за несколько лет кирпич начинал крошиться, а железо разъедало ржавчиной. Вот такая

ерунда. Поэтому и приходится тем, кто отвечает за это недоразумение, постоянно какие-то новые постройку придумывать.

— Забавно.

— Не то слово! К тому же «дыра» имеет странный эффект. Предметы может поглощать круглосуточно, а «увидеть» другое место можно только в течение часа — с десяти вечера до одиннадцати.

— Это ты в детстве наэкспериментировал?

— Угу. А чем ещё было летом заниматься да в десять лет? Как мы только ни изголялись с этой странной «дыренью», вспомнить одно удовольствие. Много разных открытий успели сделать...

— Например? — знакомая смесь опасности и любопытства вновь поселилась внутри меня. Приятное чувство.

— Например... — задумался Лёша. — Да я уж многого и не вспомню. Ну вот, чтобы вещь исчезла в дыре, её нужно кинуть, швырнуть с силой, чтобы она хоть немного в землю вошла. Причем неважно, острый это предмет, как лопата, или нет, как шина. Если вещь целиком кинуть, земля как бы зыбкой становится, и позволяет хоть ненамного проникнуть в себя. Но обязательно вещь должна быть брошена целиком.

— То есть?

— Мы как-то на мусорке старый пылесос нашли и решили его в «в дыру» сунуть. Корпус был тяжёлый, и через ограду его не так-то просто перетянуть было. Вот кто-то из наших и предложил прикрепить шланг к корпусу и швырнуть его, просунув в прутья. Так и сделали, но результат был нулевой. То же повторили, перетянув пылесос через ограду, — опять ноль. Лишь подняв и швырнув весь пылесос, поняли, что «дыра» приняла нашу жертву.

— А если вещь просто оставить там лежать, не кидая?

— Я же уже говорил, что она очень быстро испортится. Но всё это мелочи, — с налётом тайны прошептал Лёша, до конца осушив кружку. — Самое интересное связано с местом, которое Вы увидели.

— С работающим заводом? — уточнил я.

— Да. Только он не всегда работает. Вы когда встали на «дыру» и оказались там, хорошенько осмотрелись?

— Конечно! Мне так было интересно.

— То есть Вы, Андрей Иванович, и по сторонам головой вертели, и двигались всем телом?

— Естественно, — кивнул я, соглашаясь.

— А я вот видел, что Вы замерли на месте с остекленевшими глазами, словно памятник, и простояли так секунд пять.

— Секунд пять?! Да я там не меньше пяти минут был!

— Это нормально, — махнул он рукой. — Простояли секунд пять и

отшатнулись, придя в себя. Мы с помощью этого эффекта новеньких разводили. Встанет кто-нибудь из наших на «дыру» и застынет, а новичок за его спиной любые жесты показывает, любые цифры или буквы пальцами рук. Затем наш «экстрасенс» выныривает и всё в точности повторяет, что тот делал. Так новенькие после этого чуть ли не молиться на нас были готовы.

— А почему тебя слышно не было? — вспомнил я. — Ты же что-то говорил.

— Это тоже эффект «дыры» такой. Будто фильтр на звуки стоит, — что бы ни говорил, как бы громко ни кричал, а все без толку. Кроме звуков того места, всё равно ничего не слышишь... Может, ещё по кружечке? — с надеждой посмотрел на меня Лёша.

— Ты, если хочешь, бери. А я пас.

Лёша тяжело вздохнул, но официантку звать не стал. Мне говорить не хотелось. Сил с трудом хватало только на то, чтобы слушать. Лёша тоже молчал. Лишь удары кием, словно выстрелы, рассекали тишину. Меня клонило в сон.

— Теперь Вы видите, Андрей Иванович, — глядя перед собой, тихо начал Леша, — я не то чтобы верю в странности. Я на собственном опыте знаю — они есть. Наш мир сплошь наполнен чудесами. Вопрос лишь в том, встретились ли они на твоём пути, или тебе удалось проскользнуть мимо них, не заметив. Я сбежал тогда от Вас, потому что боялся, что моя спокойная, размеренная жизнь, с таким трудом собранная из ничего, может рассыпаться пеплом. Но даже не это страшно! Само знакомство с Вами повергло меня в полнейшее смятение.

— От чего же?

— От того, что я начал понимать ограниченность собственной жизни.

— Но я ничего такого... — кинулся я оправдываться, но он меня перебил, желая договорить.

— Всё в порядке. Мне и страшно, и интересно одновременно — точно-точно как Вы себя чувствуете. Я впервые за долгое время стал воображать, вспоминать, о чём всегда мечтал, чего хотел. Поверьте, в детстве моих амбиций хватало на большее, чем слоняться патрульным по надоевшему маршруту. Вы помогли мне об этом вспомнить, а я хочу помочь Вам. Не для Вас, для себя...

Я не отвечал, просто не зная, что сказать.

— Мне, конечно, многое непонятно, но я готов попытаться выяснить, куда подевались Ваши буквы.

Не сдержавшись, я улыбнулся, удивляясь, насколько Лёша сейчас был похож на того пацанёнка десяти лет, что увлеченно сплавлял в

«дыру» всё, что попадалось под руку.

— Лёш, давай не сегодня. Я с удовольствием приму твою помощь, но не сейчас — прежде, чем действовать дальше, мне требовалось всё хорошенько обдумать. Не время делать глупости.

— Да, конечно. Я понимаю, — не сумев скрыть своего огорчения, вежливо согласился он.

— Ты лучше вот что... вызови такси. Буду очень благодарен. И ещё, — я отдал Леше листы с выписанным из текста диалогом, — ты пораскинь мозгами. Может, поймёшь, что это и откуда. А то я совсем в тупике.

— Так точно, — сразу повеселел Лёша.

Дома я, в первую очередь, чтобы хоть немного согреться, набрал горячую ванну. Холод будто пробрался под кожу, не желая оставлять меня в покое. Пришлось довериться горячим струям и долго стоять так, закрыв глаза, ни о чём не думая.

Уже половина второго, но спать не хочется, хотя, подъезжая к дому, готов был отключиться прямо в машине. Вода помогла снять усталость.

Ну что же, теперь можно сесть за компьютер — попытаться найти ответы в сети, или взять ручку да пополнить сегодняшними открытиями пару листов, аккуратно разложенных на полу. Я стоял посреди комнаты, смотря то на листы, то на компьютер, стараясь понять, чего больше хочется. СТОП! А что если...

Я взял первую страницу последнего черновика, стараясь найти исчезнувшие буквы, и принялся внимательно, слово за словом, изучать написанное. Так и есть! Листы пестрели ошибками и проглоченными окончаниями, которых до этого не было. Я схватил чистую бумагу и лихорадочно, так, словно от этого зависело моё спокойствие, начал выписывать буквы, соединяя их в слова. Но вот что было странно — в этих листах ошибок оказалось намного меньше: из двадцати страниц получилось всего три слова. ТРИ СЛОВА! При чтении их наоборот получалась какая-то чушь, совершенно не подходящая предыдущему отрывку.

«НАЙДИ БУКВОЕДА. ПРЫГАЙ!»

Что за «буквоед»? Что за послание? Мне? Куда «прыгать»? И если это послание (а во мне поселилась стопроцентная уверенность, что эти три слова — именно послание), то от кого? И каким образом? Ну, вот опять сложные вопросы!

С бумажкой я перебрался к компьютеру, подключился к интернету и в строке поиска ввел единственное слово: БУКВОЕД.

«БУКВОЕД — Петербургская сеть книжных магазинов. Ассортимент книг, поиск по автору, ISBN, издательству... www.bookvoed.ru» — всё в том же духе: один-единственный сайт с таким названием и ссылки на

него, обсуждения на форумах и блогах, плюсы и минусы обслуживания, работы персонала книжных магазинов».

Есть ещё пару кафешек и ТВ-программ с таким же названием и больше ничего, что хоть как-то могло мне помочь.

От безысходности щёлкнул на ссылку сайта книжного магазина. Сразу же меня приняли в оборот: реклама бестселлеров, вакансии и «удобный поиск» книг, но ничего толкового я опять найти не смог. Здесь же в поиск по книгам ввел слово «Прыгай».

«1. Прыгай выше головы. Пол Арден: Эта книга зарядное устройство на случай посадки ваших творческих батареек, уверенности в собственных силах...

2. Тигруля прыгает. Милн А. Л. Тигруля очень любит прыгать! Раскрой весёлую книжку и попрыгай вместе с ним! Вставь пальцы в специальные отверстия с задней стороны обложки - и игрушка оживет!

3. Набор для детского творчества Доктор Чарли. Сделай свой прыгающий мячик!

4. Ползаем, ходим, бегаем, прыгаем: развитие общей моторики от 0 до 3 лет. Борисенко М. Г.»

Это всё? Не знаю почему, но мне хотелось ругаться. Призрачная надежда найти путеводную нить улетучилась, а вместе с ней и последние силы. Я выключил компьютер и переполз на кровать, чтобы тут же уснуть.

— Слушаю... — промямлил я сквозь сон, на автопилоте подняв трезвонящий мобильник.

— Андрюша, я Вас не разбудила? — с испугом выдохнула призрачная Алла Михална.

— А? Нет-нет, что вы. Я как раз собирался вставать, — соврал я, и, потирая глаза, уселся на кровати.

— Я сейчас у Вас дома в кабинете нахожусь. Что дальше?

Мне потребовалось потратить много сил, чтобы вспомнить, о чём говорит моя домработница. Откашлявшись, наигранно-бодрым голосом, попросил:

— Алла Михална, Вы, пожалуйста, мои записи, что в правом шкафу хранятся, достаньте.

— Это из которых Ваши статьи получают?

«Ну конечно, она же лучше меня знает, где что в доме лежит», — подумал я.

— Да.

— А Вы их разве не забирали?

— Куда? — не понял я.

— Не знаю, Вам видней, — так и не разъяснив, ответила Алла Михална. — Они почти сразу после Вашего отъезда из шкафа исчезли. Вот я и решила, что Вы их с собой забрали. А разве нет?

— Нет... — ошарашенно помотал я головой. Что за чертовщина? Куда пропали черновики? Во мне поселилось навязчивое ощущение, что происходит что-то серьёзное, но абсолютно для меня непонятное, а я нахожусь в самом центре этого «чего-то». Но впервые за всю журналистскую карьеру мне не хватало сил и ума разобраться во всё больше опутывающих меня вопросах.

Судя по молчанию в трубке, до Аллы Михалны таки дошло — произошло что-то нехорошее.

— Посмотрите, пожалуйста, ещё раз внимательно.

— Так они ж у тебя все полки в шкафу занимали, а сейчас там пусто. Я как заметила пропажу... В кабинет пришла прибраться, а глаз уже подметил — шкаф же не закрывался, мешали выпирающие наружу папки. А тут замечаю, что всё нормально, дверца полностью закрыта. Открываю — пусто. Тогда подумала, что Вам записи понадобились, вот и забрали с собой. Мы же с Вами не виделись перед отъездом...

Судя по всему, Алла Михайловна не на шутку перепугалась. За всё время нашего знакомства я ни разу не слышал от неё такого потока слов, да ещё и выпущенного с такой скоростью.

— Алла-а Михална-а-а! — прервал я её тарабарщину. — Все в порядке. Ничего страшного не произошло.

— Ну как же! Как же, Анрюша, ничего страшного?! — наконец-то прорвало её, и она запричитала плаксивым голосом. — Это же значит, что здесь воры были и могут вернуться, когда захотят. Это же опасно!

— Итак! — грубо оборвал я её. — Во-первых, всё, что нужно забрать, они уже взяли, и, могу поспорить, ничего ценного не пропало, только черновики. Так что бояться нечего. Во-вторых, пока я не приеду, можете появляться у меня только раз в неделю — цветы поливать. Даже убирать не надо. Понятно?!

— Понятно-то понятно, — протянула чуть поуспокоившаяся домработница. — Только когда Вы приедете?

— Пока не знаю. Там видно будет. Я ещё позвоню.

— Андрюша...

— Всё в порядке, — уверил я её. — Мне надо идти. — И положил трубку.

Если бы с каждым заданным вопросом, которые возникали за последнее время, я рисовал закорючку на стене, вся квартира была бы усыпана вопросительными знаками. Тогда бы меня в прямом смысле

окружали сплошные вопросы. Вот такие дела...

Наверняка ответа на вопрос, кому и для чего понадобились мои черновики, в ближайшем будущем я не узнаю.

Несмотря на то, что удалось поспать меньше пяти часов и тело ощущало усталость, дальше лечь и набирать недостающие часы сна я не собирался. Было много работы, многое нужно выяснить, понять и проанализировать. Для начала я умылся, почистил зубы. Дальше требовалось успокоить просящей съестного желудок. Чего-то серьёзного есть совершенно не хотелось. Поэтому привычные растворимый кофе с молоком и пачка миникруассанов с варёной сгущенкой — вот весь завтрак.

Взяв чашку и синий пакет «Севен дейз», прошёл за стол к ноутбуку. Подключился к сети. На этот раз в строчку поиска ввел «дыры в земле»:

1. Самые громадные дыры на земле (23 фото с описанием).
2. Дыры в Земле. Карстовый провал в Гватемале...
3. Чёрная дыра в земле (10 фото) (я в шоке)
4. Дыры в земле заглатывают дома и людей (фото)...

И ещё больше ста тысяч подобных статей. Я открыл несколько научных.

Страницы сайтов пестрели изображениями гигантских выбоин. Это и пугало, и завораживало одновременно. Многокилометровые алмазные карьеры, воронки водоворотов, раздвинутые черные пасти дырищ. Я не мог отвести глаз, наблюдая за величиной человека и природы...

«Карьер Kennecott Bingham Canyonmine, штат Юта. Самый большой действующий карьер в мире: разработка началась в 1863 году и идёт до сих пор. Около километра в глубину и 3.5 км в ширину...»

«Карьер «Diavik» в окружении вод, Канада.

Здесь добывают алмазы. Карьер расположен на островах и имеет свою инфраструктуру с аэропортом».

«Гигантская голубая дыра, Белиз.

Ширина 400 метров, глубина около 145—150 м. Излюбленное место профессиональных дайверов со всего света. Детали происхождения этой дыры до конца не выяснены». Эта дыра меня особо заинтересовала. Посреди океанской синевы идеальная крупная чёрная воронка немислимых размеров. Даже страшно представить, какая сила могла оставить такую отметину.

И невероятнее всего:

«Карстовый провал в Гватемале».

Гигантская воронка глубиной 150, а диаметром 20 метров. Вызвана подземными водами и дождями. Во время образования провала погиб-

ло несколько человек и уничтожено с десятков домов. По словам местных жителей, примерно с начала февраля в районе будущей трагедии ощущались подвижки почвы, а из-под земли слышался приглушенный гул. Воронка, в считанные секунды унёсшая жизни людей, проглотила тонны земли и десятки зданий. Чернота, живущая на её дне, похожа на вечную темноту космоса, что угрожает удушьем и одиночеством.

Как я понял, дыры делились на созданные человеком и не пойми откуда взявшиеся — созданные воображением природы. Но увы, ни те, ни другие мне не подходили. Я искал нечто иное...

Немного поборовшись, поспорив сам с собой, я всё же решился и набрал в поисковике «Параллельный мир». Первой страницей выскочила Википедия. Я открыл.

«Параллельный мир (в фантастике) либо параллельная вселенная — это реальность, существующая каким-то образом одновременно с нашей, но независимо от неё. Это автономная реальность может иметь различные размеры: от небольшой географической области до целой вселенной. В параллельном мире события происходят по-своему, он может отличаться от нашего мира как в отдельных деталях, так и кардинально, практически во всём. Физические законы параллельного мира не обязательно аналогичны законам нашего, в частности, иногда допускается существование в параллельных мирах таких явлений, как магия».

Дальше статья продолжалась подробным описанием самой идеи альтернативной реальности, её логической системы, гиперпространств и измерений.

Я внимательно стал изучать написанное, стараясь найти что-нибудь схожее с моим случаем. И вот что интересно, здесь же упоминалась история Алисы, написанная Льюисом Кэрроллом. Начав изучать его биографию и историю написания «Алисы», наткнулся на упоминание того факта, что первоначально Кэрролл описал пропажу Алисы не в кроличьей норе, а в зыбкой дыре в земле, через которую Алиса провалилась, прыгнув с камня, чтобы проверить, куда пропал кролик.

«Прыгай!» — говорилось в послании.

К тому же Кэрролл придумал историю реально существующей Алисы лишь отчасти. Она на самом деле пропала на двое суток. Вся полиция Оксфорда сбилась с ног, разыскивая десятилетнюю Алису Плезенс Лидделл. Когда девочка появилась, вся зачуханная, грязнущая, но целая и невредимая так же внезапно, как и пропала, то рассказала, что провалилась под землю, играя в парке, и всё это время пробыла «в другом Оксфорде». Естественно, никто её слушать не стал.

«Взрослым рассказывали?» — вспомнил я свой вопрос, заданный

Лёше. Лишь старший друг девочки, Кэрролл, удивительным образом сохранивший в себе ребёнка, сумел отринуть привычные знания о мире и поверить ей.

Я закрыл ранее открытые страницы про коллайдер и чёрные дыры за ненадобностью. То, что мне нужно, я нашел в книге, написанной более ста пятидесяти лет назад.

Прежде, чем приступить к осуществлению задуманного, я всё же решил дополнить уже лежащие на полу стопки ещё не записанной частью произошедших событий. Начиная от звонка Алле Михайловне, включая показанные Лёшей чудеса и заканчивая уже сегодняшними открытиями — пропажей черновиков и историей исчезновения Алисы. Решил скачать из интернета мультик про Алису в Стране чудес. Сам не знаю, чем это могло мне пригодиться. Конечно, в идеале хотелось бы внимательно перечитать текст Кэрролла, но времени на это не было. Немного порыскав по сайтам, нашел три разных варианта:

1. «Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье». Киевнаучфильм, 1981.
2. Диснеевская Алиса.
3. И ещё фильм Тима Бертона.

Так как советский мультфильм был короче, я выбрал именно его. Пока файл скачивался, сходил на кухню, чтобы заварить чай с лимоном. Как раз, когда заливал кипятком ароматную лимонно-сахарную смесь, услышал из комнаты писк, сообщающий мне о завершении процесса. Взяв с собой чашку и блюдце, прошёл в комнату. На столе опять начинала складываться грязная посуда, что означало мою слишком большую увлечённость делом, которым сейчас занимался. Отсутствие чистых чашек и тарелок всегда служило мне своеобразным сигналом, что я слишком погрузился в процесс расследования и анализа и начинаю забывать о себе. Ну да ладно, сейчас ничего менять мне не хочется.

Я включил мультфильм...

Оставалось не больше двух минут до конца второй части из трёх, когда меня осенило. Остановив воспроизведение мультфильма, я взял валяющийся на диване телефон. Пока набирал номер, пытался вспомнить наш с Лёшей разговор о том, почему я стал журналистом. Он тогда всё пытался мои рассуждения понять и хотел себя в физики записать.

— Да? — спросил Лёша.

— Лёш, привет, это Андрей Иванович.

— Да-да, я узнал... — коротко и как-то по-деловому сказал он. — Я сейчас на службе, мне не совсем удобно разговаривать.

— А когда сможешь? Мне нужно важный вопрос тебе задать. Это срочно, — в действительности я не то чтобы «не мог», а, скорее, не хо-

тел ждать.

Секунды молчаливых раздумий, затем он коротко ответил:

— Через десять минут перезвоню, — и сразу же повесил трубку.

И действительно, ровно через десять и перезвонил.

— Ну, теперь спрашивайте, — уже своим, неофициальным голосом, сказал Леша. — Минут пятнадцать поболтать смогу.

— Отлично! — обрадовался я. — Более чем достаточно.

— Так о чём Вы хотели узнать? — на заднем фоне постоянно слышались хлопки дверью и шум воды. Плюс его голос отдавал эхом.

— Помнишь, когда мы с тобой только познакомились, я тебе рассказывал, почему стал журналистом?

— Из-за тех мальчишек, что убили один другого? — от его слов меня передёрнуло, но я ничего по этому поводу не сказал.

— А ещё? — мне хотелось, чтобы он сам вспомнил.

— Преодоление себя, мол, полочки в душе должны быть заполнены правильно? Об этом?

— Во-во! — я был рад, что он помнит. — Ты ещё тогда мою «философию» не совсем понял и спросил, должен ли ты стать физиком.

— Помню. Вы за этим меня просили позвонить? — Лёша был явно недоволен.

— Это важно. Я пока объяснить не могу, но ответ. Хорошо?! Почему ты тогда именно физику в пример привел? Потому что формулы не понимал? — предположил я.

— Да нет же. С формулами-то не беда — подставляй нужное значение, да и только.

— Тогда что? — мне, как человеку, которому точные науки давались так же с трудом, было не совсем понятно, какие ещё могут трудности, кроме как «Я не знаю! До меня не доходит!»

— Просто теория, которую давала учительница, казалась мне пустой, а точнее, верной лишь отчасти.

— «Отчасти»?

— Ну да... — по голосу Леша было слышно, что обсуждаемый вопрос для него до сих пор важен, что ещё раз подтвердило — я выбрал верное направление. — Будто у всех этих формул есть лишь составляющая материального мира и не предусматривается иное...

— «Иное»? — вновь повторил я. Лёша меня всё больше и больше удивлял.

— Духовное... ирреальное... Понимаете?

— Не совсем, — честно признался я.

— Ну, вот возьмём, например, такую составляющую, как масса. Она есть у всего — даже у невидимой глазу энергии. И всё, что можно взве-

силь, является реальным, а всё, что взвесить нельзя — не существует. Но это же неправильно! — Лёша говорил эмоционально, пламенно, будто не со мной разговаривал по телефону, а выступал перед учёным советом, полным ортодоксальных скептиков, доказывая свою теорию.

— Почему неправильно?

— А как же... как же душа, любовь, добро, зло... Бог, в конце концов?! Ведь их нельзя взвесить! Это же не значит, что их нет.

— Скажем, любовь можно взвесить, — решил пошутить я.

— Как это? — послышался голос, полный удивления.

— Если гормоны можно взвесить, значит, и любовь можно.

— Я не об этом, — совсем не поняв юмора, отмахнулся он. — Я, скорее, имею в виду, что, если мы не можем что-то объяснить, это не значит, что этого не существует. Это лишь значит, что мы ограничены в знаниях и во взглядах. Поэтому мне физика в том состоянии, в котором она находится сейчас, и не понравилась — уж слишком материальна и не допускает места духовности... В мире есть место любым чудесам. Существует абсолютно всё. Вопрос лишь в том, принимаем мы это или тупо закрываем глаза.

Лёша будто поставил точку. Под конец его голос сделался грустным и совсем тихим.

— Лёша-а... — протянул я ехидно, чувствуя свою силу перед ним в том, что признаю в себе те черты, которые он признавать отказывался.

— Что?! — сухо, будто огрызнулся, спросил он после паузы.

— В тот разговор, ты ведь неспроста именно физику в пример привёл? Ты ведь физиком хотел стать, чтобы «дырку» ту разгадать? Загадку, таящуюся в ней, верно?

Но он молчал. Я слышал лишь его глубокое дыхание, которое было многословнее всего.

— Только я не могу понять, почему ты не пошёл учиться и исследовать, если так хотелось? Я ведь теперь вижу, что ты совсем не мент. Да и не видел я тебя ментом с самой первой нашей встречи. Будто ты не на своем месте, а только играешь. Почему? Почему не решился делать то, что было интересно? А вместо этого людей от преступников охраняешь, хотя защитник из тебя как из говна пу....

— Из-за Серёги, — перебил он мои издевательства.

— Что? — не понял я.

Он опять замолчал, но на этот раз я решил дать ему время, чтобы Лёша сам захотел раскрыться. Наконец он, заговорил:

— С нами на улице парень жил, Серёга. Он самый младший из нас был. Кажется, лет девяти. Он для нас с пацанами чем-то вроде боксёрской груши был. Мы над ним постоянно насмехались, издевались,

дразнили. Но он всё равно за нами собачонкой таскался и молчал постоянно, не обижаясь вовсе. Даже если мы его прогоняли, Серёга за нами издали наблюдал. Естественно, он и про «дыру» знал, и все наши эксперименты с ней видел. Затем он пропал... навсегда. Всё, произошедшее потом, стало колотой раной памяти. Отчаяние его родителей. Мать рыдала, задыхаясь, захлебываясь слезами. Она умоляла нас сказать хоть что-нибудь, что помогло бы помочь найти его. Злость допрашивающих нас ментов. Они орала, говорили, что мы наверняка знаем что-то. Но все мы молчали - ведь даже себе боялись признаться: Серегу поглотила «дыра». Не говоря уже о том, чтобы рассказать кому-то из взрослых. Все хорошо знали их реакцию.

После исчезновения Сергея мы ни разу компанией не встречались. Я даже это место стороной обходил, как наверняка и другие.

— Так что получается, ты со мной пришел к «дыре» впервые спустя столько лет? — удивился я.

— Именно... Я старался о ней забыть. Даже в ментовку пошёл, стараюсь убедить себя, что Серегу похитили или что-то в этом духе и желая отомстить не пойми кому.

— Да уж, — выдохнул я. — А ты уверен, что Сергей именно в «дыре» исчез, как те предметы, а не случилось с ним что?

— Уверен, — твёрдо сказал Лёша.

— Откуда?

— Просто знаю. Чувствую, если угодно.

— Понятно, — я вполне был удовлетворён его ответами. — Спасибо, что рассказал. Это было важно для меня.

— Угу.

— И ещё... я тут уеду на какое-то время.

— Куда? — спросил он равнодушно. Сейчас ему, судя по всему, было не до меня.

— В свой город. Там трудности с одной статьёй возникли — спорные вопросы придётся решать. Так что... Телефон я тоже выключу, чтобы не отвлекал. Приеду, позвоню.

— Хорошо... — и положил трубку, даже не попрощавшись.

Выбрать, что именно положить в сумку, оказалось настоящей проблемой. Я понятия не имел, что мне может понадобиться ТАМ. На всякий случай я беру с собой часть уже записанной истории, стопку чистых листов, любимую ручку, карандаш, паспорт. Деньги брать? Думаю, да. Мобильник тоже. Записанное на листе послание сворачиваю вчетверо (хотя оно умещается у меня в голове) и кладу в задний карман. Вроде бы всё! Тепло одевшись, выхожу из дома. Такси ждёт у подъезда.

Спустя полчаса дороги таксист уезжает, получив нужную сумму. Кругом темно и опять валит снег.

Я подхожу к огороженной жёлтой будке с надписью “ОГНЕОПАСНО”. Оглядываюсь по сторонам, но здесь, по-видимому, прохожие - редкость.

С трудом забираюсь на сугроб, а оттуда сажусь на ограду, перебирая руками, ползу поближе к тому самому месту, где на моих глазах исчезла лопата. Ну что же, выбор сделан уже более тридцати лет назад, когда я стал журналистом.

Становлюсь на забор, с трудом сохраняя равновесие.

«Прыгай! — повелел кто-то в записке. — Найди буквоеда!»

«Где там кролик? — подумала Алиса. — Наверное, у него здесь спрятана нора?»

Она забирается на камень, и сигает с него, проваливаясь сквозь зыбкую землю, бесконечно долго падая вниз...»

Как описать это ощущение?

Если его сравнивать с чем-то, что я уже когда-либо испытывал, то больше всего оно похоже на глоток воздуха в новом, совершенно незнакомом городе...

Когда просыпаешься, сам не знаешь почему, рано-рано, только лишь первые лучи солнца коснулись земли и кругом ещё предрассветный полумрак. Глаза закрыты, но голова светлая и лёгкая, будто и не спал всего от силы часа четыре. Лежать так на второй полке, слушая перестук колёс... А тело само покачивается ему в такт. И, кажется, будто время замерло, чтобы, не дай Бог, не потревожить царящее кругом спокойствие.

Кажется, лежал бы так и лежал бесконечно. Но вот кто-то в соседнем купе начал шуршать пакетами, хлопать полками, собирать вещи. Чувствуется, что поезд еле заметно замедляет ход. Только тогда открываешь глаза, переворачиваешься на живот и, немного свесившись, смотришь в окно, а там... пригород чужого, явно большого, совершенно незнакомого города. Замирая, неустанно внимательно глотаешь взглядом здания заводов, дач, садов, ползущие вдоль рельсов, а дальше - дома побольше с пока ещё редким светом в окнах. Всё это составляет чьи-то скучные будни, но для тебя — непознанный, удивительный, интересный мир, новая жизнь, чужая и непонятная.

Вот, наконец, поезд останавливается в тисках платформ. «Свои» люди тут же растекаются в разные стороны, освобождая место для чужаков. Тогда ты лениво сползаешь с полки, обуваешься, немного подумав, берёшь с собой мастерку. Заходишь в тамбур, а затем по ступенькам - на

твёрдый асфальт. Всё это время сам не замечаешь, как сдерживаешь дыхание. И, лишь коснувшись «живой» земли, делаешь глоток воздуха.

М-м... и медленно выдыхаешь.

Свежий, холодный после ночи, отдохнувший от дел воздух... и совершенно чужой. Сделав всего один глоток, один вдох жизни этого города, ты... нет, не понимаешь... ты ЧУВСТВУЕШЬ ЖИЗНЬ ЭТОГО ЧУЖОГО ДЛЯ ТЕБЯ ГОРОДА. Выглянувшее из-за края солнце больше завораживает, чем греет. А ты дышишь и дышишь — глубокими, жадными вдохами и протяжными выдохами, желая как можно больше пожить другой жизнью.

Мне даже не понадобилось куда-то проваливаться или лететь, чтобы почувствовать — я нахожусь в другом мире. Достаточно сделать всего один вздох - и становится ясно: этот воздух не принадлежит моей планете. Причём я не могу сказать, что в нём есть что-то особенное — воздух как воздух: ни особых запахов, ни вкусов, ничего странного, но он точно чужой.

Кругом тоже всё было не так, как там, откуда я только что пришёл. Но другой мир (а то, что этот мир — «другой», я не сомневался) остался прежним с момента, когда его мне открыл Лёша. Ни света кругом. Снег не засыпал землю крупными хлопьями и даже слегка подтаял. Никаких следов людей, кроме пугающего стука металла из окон завода. Будка пропала, вместо неё я находился на территории чьего-то заброшенного участка. Изменилась разве что почва вокруг меня: на снежном покрове были выведены какие-то линии вроде тропинок, круги и пересечения, оголяющие землю, а сама «дыра» выделялась идеально ровным кругом, словно до меня здесь кто-то хорошенько поработал лопатой.

Кстати, Лёшина лопата, проглоченная «дырой», лежала рядом. Я зачем-то поднял её и воткнул в метре от себя. Наверное, чтобы на обратном пути забрать инструмент с собой.

Ну, ладно, что теперь? Вот я, рубаха парень, оказался здесь. Вопрос номер один — ЗАЧЕМ? Сам знаю, что большинство людей страдают от тяжёлого психического и, к сожалению, часто неизлечимого заболевания, называемого СДПД — «сначала делаю, а потом думаю». Но за мной раньше такого не наблюдалось. Прежде я всегда, абсолютно всегда тщательнейшим образом продумывал все свои ходы наперёд, со всевозможными исходами. Отчего же сейчас я поступил, как болван? Не оттого ли, что в истории, «героем» которой я оказался, невозможно поступать иначе?! Слепым котёнком в крошечной тьме мне приходится постепенно продвигаться вперед, действуя наобум, строя догадки. Ох, как я этого не люблю! Ну, что сделано, то сделано. Алиса прыгнула, как её просил незнакомец, теперь всего лишь осталось найти кролика, а

точнее буквоеда.

Для начала я решил добраться до вокзала. Во-первых, потому что он находится близко, а во-вторых, там я смогу осмотреться, попривыкнуть, понять хотя бы поверхностно, что к чему. Мне бы не хотелось бросаться в омут с головой, привлекая к себе излишнее внимание. Нужно быть аккуратным, чтобы не попасться.

В детстве я любил фантастику и перечитал множество книг, в том числе и о параллельных мирах. В большинстве из них строго-настрого запрещалось встречать себя самого. Есть ли в этом зерно истины или фантасты ошибаются? Так я пришёл к выводу, что толком даже не знаю, как себя вести в этом мире. Нет, а на что вообще я мог надеяться?! Пока что наверняка я знаю лишь одно — мне очень страшно не вернуться обратно.

Я брёл, постоянно озираясь по сторонам, вдоль увенчанного колючей проволокой заводского забора. Мир вокруг меня был мрачен и пуст. Казалось, в нём не хватало светлых тонов и от этого городские пейзажи казались угнетающими, унылыми и полными опасностей. Снег под ногами - и тот был не таким, каким положено быть нормальному снегу.

Наконец я вышел к мосту.

— Ну, была не была! — подбодрил я сам себя и принялся подниматься по ступенькам.

На мосту никого не оказалось — оно и хорошо, мне пока совершенно не хотелось встретить кого бы то ни было из этого мира. Не зная, как люди здесь живут, во что одеваются, на каком языке говорят, сложно чувствовать себя уверенно.

Я уже добрался до середины моста, когда заметил, что, хоть здание вокзала и возвышалось там, где ему и положено, но путей рядом не было! Пришлось перегнуться через перила, чтобы хорошенько рассмотреть эту странность: перроны, навесы над ними и подземный переход были на своих местах, но вместо привычных рельсов виднелась идеально гладкая бетонка, над которой метрах в четырех висели плетёные металлические канаты, натянутые наподобие трамвайных. Что такое?

Это на самом деле было удивительно! Когда глаза и ум привыкают к какому-то конкретному образу, а приходится видеть совсем другое, мозг напрочь отказывается признавать реальность происходящего. Отсюда и появляется ощущение, что явь, это никакая не явь вовсе, а странный сон, непостижимым образом заполучивший твое сознание в самом разгаре бодрствования.

Судя по всему, удивлюсь я ещё не раз. Лишь только стоило об этом подумать, как на мосту впереди я увидел что-то странное, какой-то не-

ясный контур. Сначала я решил, что это идёт человек — издали и не различишь, разве что фигура слишком тёмная. По мере приближения я впал в ступор, как происходит всегда, в первые секунды появившейся угрозы. Мне навстречу неспешно вышагивал не человек, а лишь его очертания, полупрозрачный силуэт. словно тень без хозяина, неминуемо приближаясь, оно обретало форму и объём.

Лишь только оцепенение выпустило мои мышцы из оков страха, как я тут же помчался обратно к лестнице. Подбежав к краю и уже собираясь буквально спорхнуть вниз, я обнаружил, что и этот путь перекрыт: две фигуры бок о бок поднимались по ступенькам, сгибая свои прозрачные колени. Бежать! Скорее бежать отсюда! Но куда? Я стал оглядываться в поисках выхода. Внизу за перилами, прямо под мостом были сложены металлические корпуса машин, с другой стороны — то же самое. Ближайшее дерево, до которого можно было попытаться допрыгнуть и зацепиться за ветку, находилось метрах в четырёх от моста. Решение нужно принять незамедлительно — можно рискнуть и спастись, или, не допрыгнув до спасительной кроны, переломать себе все кости. Но уж лучше так, чем...

— По-осторожни-ись! — послышался снизу деловитый наказ. Метнув на лестницу загнанный взгляд, я увидел, как спеша, запыхавшись и чуть не падая, вверх по ступенькам шустро семенит бабка, обвешанная тяжеленными котомками. Бодрый окрик, судя по всему, предназначался именно теньям, что вынуждали меня спасаться бегством.

Мои догадки подтвердились, когда женщина вместо того, чтобы без проблем обойти стороной, наоборот специально прошла их насквозь, громким голосом заключив:

— Нигде от вас спасу нет, надоеды. В туалете и то тут как тут!

Взлетев на мост, метеоритом промчавшись мимо меня, бабка вдруг остановилась возле другой тени, успевшей добраться до середины моста, резко обернулась и, обращаясь ко мне, громким, профессиональным бабьим надрывом продекламировала:

— Галубцы-ы, ка-атлеты, беля-аши нужны?!

Сквозь неё прошмыгнул силуэт. Она шагнула на шаг в сторону, чтобы «надоеда» не загоразживал обзор.

Я всё не мог сообразить, что мне нужно ответить. Мозги напрочь отказывались соображать. Пауза затянулась.

— Ну и чёрт с тобой! — обиженно объявила она, и, развернувшись, кинулась дальше.

Со мной поравнялась тень... Я уже не испытывал былого страха. Скорее, меня одолевало любопытство.

Вблизи тени ещё больше походили на людей. Можно было без труда

различить выпирающий нос, раковины ушей, губы, пальцы. Но всё это выглядело размытым, состоящим из тёмно-серого дыма. Я не удержался и коснулся тени. Абсолютно ничего — ни холода, ни тепла, ни, тем более, остатков чёрного дыма в ладони. Будто просто махнул рукой.

Повторив опыт с другой тенью, двигающейся со стороны вокзала, получил точно тот же результат — ноль.

Я смотрел на руку, пытаясь хоть что-нибудь понять, когда ледяной ветер издали принёс приближающийся грохот. Я перешёл на другую сторону моста, чтобы увидеть источник шума. Вместе с нарастающим рёвом всё ближе и ближе становился яркий свет прожектора. Гудок. Ещё один. Поезд? Но откуда? Ведь даже рельсов нет!

На перрон вывалило множество народа — кто-то с цветами, кто-то нёс чемоданы. Когда состав сровнялся с платформой, из динамиков, приветствуя вновь прибывших, грянула неизвестная мне мелодия, по громогласности ничем не уступающая «Прощанию славянки».

Так вот куда спешила старая торговка!

Я направился по её следам — вниз к людям. Лишь стоило «поезду» притормозить, как я увидел странного механического монстра. Это был тот же поезд, что и в моём мире, разве только «вагоны» были в форме сигар, а там, где должны находиться колёса — лишь плоское брюхо. С крыши вагонов отходили «рожки», крепко державшие натянутый канат — что-то вроде подвесной дороги. Полностью остановившись, гигант выдохнул пар и тут же плюхнулся на бетонку.

Я окунулся в пучину людского потока. На мгновение мне даже почудилось, что никакой это не «другой мир». Если не обращать внимания на странную машину, застывшую внизу, то вокруг всё, как дома: самые обычные люди встречали родных и друзей, радовались, обнимались под звуки раскатистого марша. И даже знакомая бабка, найдя клиента, без умолку нахваливала товар, то и дело перекрикивая музыку, и выкладывала дымящиеся котлеты.

Лишь десятки шмыгающих тут и там теней, не признавая преград и приличий, то вытекали в город, то обнимались, словно дразня «настоящих» людей, напоминали мне, где я на самом деле. Мне захотелось уйти. Это уже был не «мой» вокзал — не пахло мазутом, и сладкая сердцу музыка перестука железных колес тоже исчезла. Да, это вокзал, но точно не ЖД.

Осталось сделать последнюю дегустацию, сравнивая реальности, и можно возвращаться обратно. Осмотрю зал ожидания, и на сегодня хватит экспериментов с новым миром.

На втором этаже всё немного по-другому — кофейного автомата на месте не оказалось, сидения не пластиковые, а из металла, хотя дизай-

ном и схожи.

Я сажусь на своё место, и уже отсюда замечаю ещё пару расхождений: камера видеонаблюдения висит чуть правее обычного, да и сидение не такое удобное. Придирчивым взглядом рассматриваю лица людей. В зале всего человек пятнадцать. Такая же одежда, те же лица — местные жители ничем не отличаются от населяющих мой мир людей... по крайней мере, на первый взгляд.

Закрыв глаза, приваливаюсь к холодной стене «под мрамор» и пытаюсь прислушаться к своим ощущениям, но знакомый женский голос, объявляющий из динамиков о прибытии скорого поезда, не даёт сосредоточиться. Да ещё и здание трясётся в такт перестуку железных колес! Звонкий гудок! Что за чёрт? Здесь же нет путей! Я вскакиваю с места и в несколько шагов оказываюсь у большого выходящего к платформам окна, но не вижу никакого поезда. Лишь тот же самый состав, цепочкой выстроив причудливые вагоны, распластался на бетонке.

Тряска и грохот подъезжающего поезда не унимались. Ничего непонятно...

Немного подумав, решаю выйти к мосту через привокзальную площадь, дабы увидеть ещё что-нибудь интересное.

Лишь стоило выйти из дверей, как дорогу мне преградили вездесущие таксисты. Мужики в кожанках, сжимая плечи в попытке согреться, привычно зазывали:

— Такс-си... Такс-си... Кому такс-си?! Та-акс-си...

Я спустился по ступенькам и уже собирался проскользнуть мимо незамеченным, когда один из них возник неприступной преградой.

— Такс-си в город. Куда нужно? — маленький пухлый лупоглазик, лет на шесть меня старше, приветливо, насколько у него это получилось, улыбался.

— Нет, спасибо... — отказался я, и постарался обойти его, но тот стоял на своём.

— Недорого! С ветерком, а? Там... — он махнул неопределенно позади себя, — машин не поймаешь.

— Нет-нет, спасибо. Я на автобусе, — попытался отмахнуться я, всё же сумев обойти настырного водителя.

Облегченно выдохнув, я зашагал к мосту (скорее обратно), но не прошёл и десяти метров, как таксист нагнал меня и, пристроившись справа, спросил:

— Послушайте, — раздражаясь, но сдерживая пыл, сказал я, — я же сказал, что...

— Ты — гость? — не слыша меня, повторил он. — Ты же не отсюда?!

— Если я вышел с вокзала, это не значит, что я не местный.

— Ты не местный, — уже совсем утвердительно констатировал прилипала. — Ты из другого мира.

Я остановился как вкопанный, а таксист улыбался:

— Ты же ни хрена не знаешь! Пойдем со мной, — и потопал обратно.

Меня хватило лишь на то, чтобы, обернувшись, глупо смотреть ему в спину. Меня вычислили, и теперь я не знал, как правильно поступить.

— Пойдём, пойдём... — вполне дружелюбно позвал он. — Я тебе все по дороге расскажу.

— По дороге куда? — я нагнал его, и теперь шёл рядом.

— Сейчас... — таксист сделал рукой жест подождать, — Григорич, — позвал он зазывающего людей коллегу. Когда тот посмотрел на него, сказал, — Я тут гостя встретил. Пойду его отвезу, так что очередь не занимай.

Другой таксист согласно кивнул, внимательно меня оглядев, чтобы уже спустя секунду потерять к моей персоне всякий интерес и вновь приступить к поискам клиентов.

Мы прошли к стоянке, заполненной совершенно привычными автомобилями. Если что и отличало здешние машины, разве что чуть староватые модели и полное отсутствие иномарок — ни одной новехонькой «БМВ» или «Тойоты». Таксист провел меня к черной «Волге».

— Садись, — приказал он, открывая дверь. — Домой тебя повезу, гость.

— Домой? Мне не нужно домой!

— Ай, — нахмурился водитель, — ты сейчас не можешь вернуться в свой мир. Все по дороге объясню. Залезай.

Хотя у меня появилось множество вопросов, пришлось долго ждать, пока новый знакомый не «уговорил» свою развалюху завестись.

— Ты на автобусе себя выдал, — наконец заговорил он, выруливая со стоянки.

— На автобусе? — удивился я.

— Да... у нас в стране их не делают, а на индийца ты не похож. Вот я и догадался, что ты гость.

— Почему «гость»?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Так у нас из параллели людей называют.

— Из другого мира? — уточнил я.

— Да... Ты мне сначала адрес, где живёшь, скажи, а потом - всё остальное.

Я назвал.

— Знаю такой... Ну, теперь можешь спрашивать, — великодушно

разрешил таксист.

— А-а... м-м... — у меня было столько вопросов, но сейчас они куда-то запропастились. В первую очередь, мне нужно узнать, зачем он везет меня домой, о чём я и спросил.

Мужик усмехнулся:

— Ладно, давай я тебе все по брошюре расскажу. Многое встанет на свои места. Если вкратце, у нас существует международное соглашение с чётко оговоренными пунктами, на каких условиях в нашем мире могут находиться «гости»: кто за вас отвечает, что делать с неразглашением, и еще чёртова уйма ненужной бюрократии. Всего перечислять не стану, главное, что после принятия соглашения каждый гражданин стран-участниц должен знать назубок небольшую брошюрку «О гостях и гостеприимстве». Слушай, вон она в бардачке. Ага, уголок торчит. Можешь сам всё прочитать, чтобы мне не повторяться.

— Уж лучше ты сам расскажи... — мне хотелось поговорить с человеком, а не читать холодный текст.

— Ну, я всё равно рассусливать не буду и своими словами, если можно...

— Да-да, конечно, — может мне показалось, но таксист действительно считал, что именно я здесь ставлю условия.

— В общем, ты... кстати, как тебя зовут?

— Андрей, — представился я.

— Оч-ч приятно! Михаил, — протянул он руку, которую я с радостью пожал. — Ты, Андрей, «гость». Так у нас называют людей из другого мира...

— Из любого?

— Он только один, — с интонацией профессора вразумлял меня Миша.

— С чего бы это? Если есть одна параллель, значит, должно существовать бесчисленное множество других, — предположил я, вспомнив статью из Википедии, на которую наткнулся как раз перед путешествием.

— Да я тоже это понимаю, — сдался таксист, — но у нас на официальном уровне доказано существование только одного мира. И то лишь потому, что благодаря ему мы и живём. А так бы власти и дальше его не признавали. Хотя все давно знают о гостях.

— Михаил, а что ты имел в виду, когда говорил «мы живем благодаря другому миру»?

— Просто наши реальности каким-то образом сильно взаимосвязаны, сливаются, словно сиамские близнецы.

— «Сливаются»? — вещи, которые говорил мужчина за рулём, были

для него очевидными, а для меня совершенно непонятными. Вот и приходится постоянно уточнять, переспрашивать.

— Ну, как бы наслаиваются друг на друга, местами очень плотно пересекаясь. Некоторые явления нашего мира прорываются в ваш. Но это, скорее, редкость. Зато ваш мир проявляется в нашем постоянно.

— Например?

— Допустим, фантомы... Бьюсь об заклад, что ты, увидев их, чуть не обделался! — заулыбался таксист.

Я не сразу понял, о чем или о ком он говорит.

— Ты имеешь в виду эти тени на вокзале?

— Да, — кивнул Михаил, ловко поворачивая руль. — Они и есть продукт слияния наших миров. В некоторых местах, там где связь особенно крепка, а у нас это чуть ли не большая часть города, появляются фантомы...

— И что они такое?

— Это всего лишь отражение ваших частиц.

— То есть, когда я у себя там сижу на вокзале, здесь кто-то видит мой фантом?

— Именно! — подтвердил водитель, не отвлекаясь от дороги.

Меня даже немного раздражало, с каким спокойным равнодушием он говорил о подобных чудесах.

— И никого это явление не пугает?!

— А чего пугаться? — Михаил пожал плечами. — Фантомы безобидные и совсем не мешают. Чего ты так удивляешься? Они же у вас тоже есть.

— Нет, — откуда у нас взяться фантомам...

— Кажется, вы их призраками называете и считаете духами умерших, а на самом деле это всего лишь кто-нибудь из нас случайно прошёлся по фантомной территории, так называемой «зоне проявления».

— Миша, откуда тебе столько известно? Из брошюры? — я открыл сложенный четверо фиолетовый листок, чуть больше альбомного, стараясь разобраться в мелком шрифте.

— Не-е... — протянул таксист, — там этого нет, можешь не искать. Канал «Дискавери» — вот где все ответы. Он у вас тоже есть. Знаешь, какой у канала лозунг? «Транслируем на два мира» — здорово, правда? По будням с восьми до девяти идет одна из самых натуральных у нас передач — «Мир фантомов». Там как раз и рассказывают про различия и сходство наших миров. О том, как вы пытаетесь разгадать очевидные для нас вещи. Бывает забавно понаблюдать за потугами ваших учёных. Тем более, что ваши тайны у нас давно разгаданы, но ваши правительства не хотят озвучивать наше существование...

Я слушал, впитывая любую информацию, каждое слово, как губка - воду.

— Вчера, например, рассказывали о различиях в географии. Наши «Земли» не сильно-то и разнятся. Так, мелочь всякая, типа Байкал у нас больше, в Японии некоторых островов нет, да город Можайск Перищенской области должен на пару км западнее находиться. Единственное крупное отличие — это континент между Африкой и Южной Америкой. У нас есть, у вас — нет.

— Континент?!

— Ага... Он иногда проявляется фантомом в вашем мире. Вы его, кажется, Атлантидой зовете, и всё ищите, ищите... да не там! Он у нас под боком, — захохотал Михаил.

— Да уж... — я потёр руки. «Волга» совсем не грела.

— Это ещё мелочи! А вообще в пограничье двух миров жить намного интереснее, чем в одном.

— А почему ты сказал, что я не могу сейчас вернуться в свой мир?

— «Колодцы» пропускают только в одну сторону — ты через него пришел, но вернуться не сможешь! Нужен другой «колодец».

— Почему? — я не на шутку встревожился. Хотя этот мир был почти полным двойником родного мира, мне не хотелось здесь оставаться.

— Я что, должен всё знать, раз здесь живу?! Моя гражданская обязанность - лишь проводить «гостя» до его квартиры, отдав в руки брошюру.

— Это был просто вопрос, — попытался я примириться, так и не поняв странной реакции Михаила.

— Ну не знаю я. Знаю лишь, что «колодец» — это ход в одну сторону. Одностороннее движение, понимаешь? Чтобы вернуться, нужно прямиком отправиться в мэрию, где тебе выпишут разрешение и сопроводят к нужному «колодцу». А так как уже поздно и ни одно госучреждение не работает, я тебя везу домой, чтобы ты мог там переночевать.

— А-а... моя квартира мне принадлежит? Или там мой прототип живет?

Михаил с улыбкой глянул на меня. Ему мой вопрос показался забавным.

— Нет, здесь твоя квартира может принадлежать другому хозяину. Да и вообще её может не быть. Или дом внутри и снаружи может иметь совсем другую планировку... Да многое может быть не так. Главное, что живущие по адресу твоей прописки люди обязаны принять гостя на срок не более двух суток. Такой закон есть! А насчет двойника, можешь не бояться — ничего ни с тобой, ни с ним не случится. Просто посмотрите друг на друга, как два брата близнеца. Вы хоть и похожи, но раз-

ные люди. Хотя тебе навряд ли удастся повстречать своего... хм... прототипа.

— Почему? — честно говоря, мне было бы любопытно пообщаться самому с собой.

— Все просто! Для формирования двух идентичных людей у них должны быть идентичные родители, знакомство которых должно произойти в идентичных экономических, географических, социальных, политических и других «ических» условиях.

— Это так важно?

— Подумай сам, — с явным удовольствием продолжал меня учить Михаил. — Чтобы ты родился, твои родители, опять же, к примеру, должны были встретиться на практике в университете. А если у нас до сих пор школ нет, откуда тебе взяться?

— У вас нет школ?! — это было ужасно.

Таксист цокнул языком и обреченно помотал головой, недовольный глупостью собеседника.

— Есть у нас школы! Я просто пример привёл.

— Странно. На первый взгляд наши миры не так уж сильно и отличаются.

— Это на первый взгляд. До начала первой четверти семнадцатого века так и было...

— А что случилось потом?

Михаил на несколько секунд перевел свой тяжёлый взгляд на меня:

— По-моему в Англии вышел закон «О монополии», по которому начали выдавать патенты на изобретения. Только вот вместо того, чтобы изобретать своё, люди повадились нырять в ваш мир и воровать идеи изобретений. Так ведь легче — взял чужое, запатентовал - и готово... и даже свои мозги не нужны. Докатались до того, что сами государства стали выкупали патенты, чтобы новшества пускать в производство. Причём право обладания на изготовление изделий имеет лишь лицо, владеющее патентом.

— Вот как вы узнали что я — «гость»? — догадался я. — Россия не имеет прав на изготовление автобусов?

— Именно так. Индийцы первые запатентовали общественный транспорт на двигателе внутреннего сгорания.

— А эта «Волга»? — удивился я.

— На электричестве...

— Но это же абсурд! Почему правительства стран не могут обмениваться или продавать принадлежащие им изобретения? Всем это пошло бы только на пользу!

— Да я и сам это понимаю, и все понимают, но вот сделать ничего не

могут. Просто наш мир находится в подобии вашей «холодной войны». Только вместо гонки вооружений происходит гонка украденных технологий — у кого больше, тот и лучше.

— Но зачем?!

— Ну, вот опять ты задаёшь мне непосильные вопросы. Наверное, как и в любом мире, власть — самый сильный наркотик, за который «больной» способен продать даже близких людей, не говоря уже о своём народе. По телевизору только и слышно, как страны ведут бесчисленные тяжбы и даже войны за изобретения.

— Не по-ни-маю... И что, одна страна может запретить использование технологии всем остальным?

— Да. Обладатели патентов, конечно, продают возможность пользоваться технологией, но чаще просто сдают в аренду — и то за баснословные деньги! В нашем мире лишь единственное государство может позволить себе купить любой патент.

— США? — догадался я.

— Не-а... Китай. У них есть всё — это самая развитая страна в мире. И автобусы, и мобильная связь, и спутниковое ТВ, и даже выращивание марихуаны. Да что там: у них во всю мощь используются генераторы энергии на воде!

— На воде? — я чувствовал себя Незнайкой на луне.

— А как же! — с видом знатока подтвердил он. — Это изобретение можно считать самым главным после колеса. Холодный ядерный синтез воды был открыт у вас сразу после Второй мировой. Насколько я осведомлен, эта технология в вашем мире под запретом.

— Нефть? — понял я.

— Наверное. Тебе лучше знать.

— Так у вас нет поездов именно из-за патентов? — я решил выдвинуть своё предположение.

— Как нет? Ты же сам только что с вокзала.

— Я имею в виду те, что передвигаются по рельсам...

— А-а... Железная дорога Канаде принадлежит. Поэтому мы производим скоростной транспорт на воздушной подушке.

Новый мир мне нравился всё меньше и меньше.

— Как же вы живёте?

Михаил фыркнул:

— Не все законы одинаково полезны! Если что-то запатентовано, это не значит, что «продукт с хозяином» нельзя производить и пользоваться. Можно, но только чтобы никто не видел и мамка не заругала. Китайцы самый большой поставщик таких вот «пиратских вещей». Они скупают патенты для использования внутри страны, а сами штампуют

копии на экспорт. Благодаря созданному ими чёрному рынку наш мир и живет. Официально радио принадлежит Израилу и куплено Китаем на 20 лет...

Михаил залез рукой куда-то под руль. Раздался щелчок, и тут же салон заполнил бойкий голос диктора.

— ...а слушаем и мы. Главное, чтобы тихо. Правительство «вроде как бы» преследует пиратство, но на самом деле понимает — без него экономика и жизнь людей скатятся в ... В нашем мире все делают вид, будто ничего не происходит, играя роли.

— Думаю, в этом наши миры не отличаются, — невесело усмехнулся я.

Он замолчал, и в салоне кроме, «голоса из ниоткуда» никто не проносил ни звука. Мы уже повернули на Яблочный проспект — длинная улица как раз завершалась поворотом к моему... к нужному дому. Ехать оставалось минут семь.

— Тебе только кажется, что мы живем абсурдно. У нас есть многое, чего вам не хватает. Наши туристы и исследователи параллели...

— Туристы? - это что-то новенькое.

— Ну да. Нам официально разрешено путешествовать в вашем мире. Правда стоит это очень, очень дорого. Как если сравнить с космическим туризмом.

— Ого! — я представил те суммы.

— Ну, немного меньше, конечно. Но однозначно, это удовольствие не для бедных. Сначала нужно получить разрешение у вашего правительства. Они приставят слежку...

— Зачем? — мне были не совсем понятны такие меры предосторожности. — Чтобы не сбежали? Не эмигрировали?

— Скорее, чтобы не разболтали.

— А разве не любой желающий может перебраться из мира в мир? Как, например, я это сделал.

— Не так всё просто! По какой-то причине у вас в сотни раз больше «колодцев» ведущих к нам, чем от нас к вам. Наши колодцы буквально по пальцам можно пересчитать. Поэтому, если у вас они спрятаны кое-как и почти не охраняются, то у нас они под жёстким контролем. Ведь «колодцы» не могут пропускать сколько угодно людей. После каждого прошедшего сквозь них живого существа требуется передышка. Поэтому у нас достать разрешение на прыжок не так-то и просто. Куда поворачивать? — Я показал. Михаил заехал между домов и остановился, безошибочно выбрав мой подъезд. — Ты когда из «колодца» вышел, ничего вокруг себя не заметил?

— А что я должен был заметить?

— Узоры. Когда пересекаешь границу миров, на выходе из «колодца» на земле образуются огромные узоры, вблизи похожие на пересечение линий на земле, а сверху, с высоты, выглядящие как соединенные причудливым образом круги.

Я сразу вспомнил загадочные круги на полях. Их создание масса-media всегда приписывали пришельцам, а всё оказалось немного иначе, вот и разгадка...

— Пока эти узоры не «пропадут», не исчезнут, «колодцем» пользоваться нельзя — всё равно не пропустит. Это может длиться от нескольких часов до месяцев — у каждого КПП свой временной промежуток восстановления. У нас этим свойством контрабандисты пользуются.

— То есть?

— Ну, не все же «колодцы» государству принадлежат. Некоторые ещё только находят. Есть тайные, о которых знают и пользуются обычные люди, становящиеся охотниками за изобретениями в вашем мире, чтобы продать их здесь. Это очень распространенный и прибыльный бизнес. Хотя, не скрою, порой опасный. Раздобыв у вас хорошее изобретение, можно в одночасье стать миллионером. Именно поэтому многие вещи нет в вашем мире, но есть у нас. Вот так.

— Да уж...

— Но и это не самое интересное, — Михаил получал своеобразное удовольствие, удивляя меня. — У нас раньше такая услуга практиковалась — оживление погибших родственников.

— Это каким-таким образом?

— Очень просто! Допустим, погибает близкий человек и кто-то очень сильно страдает. Тогда появляются парни, похожие на бандитов, и предлагают «воскресить» родственника. Естественно, за огромные деньги.

— И что, действительно воскрешают?

— Ну, — Михаил задумался, подбирая верные слова, — и да, и нет... Да — так как спустя какое-то время к тебе домой приводят точную копию родственника. Нет — потому что никто его не воскрешает из мёртвых, а просто похищают в твоём мире и переправляют сюда. Конечно, при условии, что в вашем мире живет альтернативный погибший. Если же его никогда не существовало или он к этому времени уже погиб... Сам понимаешь.

— И что, этот бизнес до сих пор процветает?

— Намного в меньших размерах, и только с детьми моложе подросткового возраста.

— Почему такие ограничения? — не понял я.

— А представь, что ты уже вполне взрослый человек, привыкший к

определённому укладу жизни, правилам поведения, техническим благам... Как вдруг непонятно каким образом оказываешься в «сошедшем с ума» мире. Тебя окружает вроде и тот же самый мир, а вроде и другой. Людям просто крышу сносит. Лишь один из десяти адаптируется, остальные в психушку попадают.

— Неужели это такой мощный удар по психике? Я же в норме, — не согласился я.

— Ты в норме, потому что самостоятельно пришёл сюда и ожидал возможных отличий между мирами. А закинь тебя сюда без объяснений, ты бы наверняка решил, что совсем спятил.

— Но ведь можно было и объяснить, где они.

Михаил засмеялся:

— Как ты себе это представляешь? «Здравствуй. Мы тебя украли в параллельный мир, так как очень скучали по нашей погибшей тёте. Теперь ты будешь вместо неё. И фиг с ним, что в твоём мире близкие, родственники и полиция сбились с ног в поисках тебя!». Так?

— Н-да, звучит абсурдно, — наконец, признал я, решив больше не лезть со своими предположениями.

— Лишь дети более-менее адаптируются. Они ведь не знают, как должно быть «правильно», вот и подстраиваются под меняющиеся обстоятельства намного легче. И то они замечают, что мама и папа немного, а, может, и сильно поменялись заодно с окружающим миром. Так или иначе, всегда остаётся большая вероятность, что у «оживших мертвецов» могут вскипеть мозги. Поэтому все поменявшие место жительства с того мира на этот, должны пройти курс терапии у парапсихолога...

— Это тот, что всякие необъяснимые вещи и сверхспособности изучает?

— Нет-нет, — хмыкнув, покачал головой таксист. — Это у вас они «изучают». А в нашем мире парапсихология — часть научной психологии, исследующая адаптацию и различия психики в параллельных мирах, — выштудированно, словно по шпаргалке, выдал Михаил.

— Канал «Дискавери»? — догадался я.

— Так точно!

Теперь мне настала пора вздохнуть.

— Тяжко, ой как тяжело все это укладывается в голове! — пожаловался я.

— А я и не говорил, что будет просто. Но то, что я успел тебе рассказать — лишь малая толика моего мира.

— Неужели может быть ещё что-то? — воскликнул я.

— Эх-х... Ты даже не представляешь. Когда с магией столкнёшься...

— С чем?! — я скривился, не веря своим ушам.

— Потом расскажу. Вот мой номер, — Михаил протянул мне визитку.

— Если нужен буду — звони. Но и зря не беспокой.

— Я что-нибудь тебе за доставку должен? — вежливо спросил я, стараясь сдержаться, чтобы не начать умолять о продолжении разговора.

— А что ты можешь мне предложить? Деньги ваши нам не подходят. Иди уже... — по-дружески попрощался новый знакомый.

Мы пожали руки.

— И помни, — сказал Михаил, когда я уже выбрался из машины. — Ты — «гость» из мира, благодаря которому мы и существуем. Не знаю, кто ты у себя, но здесь ты можешь получить даром почти любую услугу. Нам твёрдо внушили, что мы вам обязаны всем.

По ступенькам я поднялся на свой этаж, подошёл к двери-близнецу нужной квартиры и... так и застыл.

«Здравствуйте. Я «гость» из другого мира. Впустите переночевать. Это моя квартира», — я совершенно не представляю, как буду говорить эти слова. Мне кажется, они вообще вряд ли смогут вырваться за пределы моих губ. А что, если никого нет дома? Попроситься к соседям? Была не была! Я нажал на звонок, но никакой реакции не последовало. Попробовал ещё несколько раз оживить сломанный механизм, но опять без толку.

Пришлось стучать, но результат оказался прежним. Дома никого не было. Неужели придётся идти к соседям?

Не больно ожидая хоть какого-нибудь эффекта, я дёрнул ручку, которая (вот чудо) с лёгкостью поддалась. Ну, конечно, зачем выдумывать какие-то трудности, если все элементарно? Дверь открыта, стол накрыт, кровать постелена, а Баба-Яга топит печь.

Петли издали знакомый пронзительный скрип. В коридоре темно, но в комнате горит свет. Значит, дома кто-то может быть.

Аккуратно ступая, чтобы сильно не шуметь, я старался хоть что-нибудь разглядеть в коридоре. Чувствовал себя полисменом из американского боевика, пробравшимся в дом к преступнику. И, чтобы не нарушать законы жанра, громко спросил:

— Есть кто-нибудь?! Хозяи-ин?!

Но в ответ - ни звука. Я мельком заглянул в освещённую комнату — никого. Затем кухня, ванная, туалет — тоже самое. Тогда я прикрыл за собой дверь... просто прикрыл, чтобы хозяин мог спокойно вернуться и застать у себя в гостях постороннего человека. Если мне не повезёт, дело может обернуться скверно. Интересно, почему власти, столь расположенные к чужеземным «гостям», не могли предоставить мне гости-

ничный номер, а обязали законопослушный народ принимать у себя незнакомцев?

Уже немного поуспокоившись, я прошёл в комнату, собираясь при-сесть где-нибудь на виду, чтобы дожидаться хозяина. Стоило зайти и ос-мотреться, как... БАТЮШКИ МОИ! По полу были разложены мои ос-тавленные в том мире черновики. Только здесь лежали не сами листы, сделанные из бумаги, а их туманные фантомы. Словно на полу просто лежит несколько прямоугольных теней. При этом все буквы, каждое слово (словно вышитое белой нитью) можно с легкостью различить. Я попытался поднять «листы», но, как и в случае с фантомами на мосту, моя рука прошла сквозь них — тени никак не реагировали на мои при-косновения.

— Это всего лишь проекция... иллюзия, — послышался голос из-за моей спины. Я резко обернулся, стараясь унять бешеный стук сердца.

В проёме, дружелюбно улыбаясь, стоял молодой человек. Высокий худощавый парень, на вид лет тридцати. Длинные вьющиеся волосы смолянисто-чёрные. Острый нос и выдающиеся скулы... Но всё внима-ние привлекали глаза: ещё более чёрные; чарующий взгляд, отточен-ный лезвием опыта — он необычайно, просто божественно красив. Мне приходится сделать немалое усилие над собой, чтобы перестать им любоваться: определённо, его внешность обладает силой притягивать, сравнимой разве что с лучшими произведениями ювелирного искуст-ва.

— Я... — попытался найти подходящее объяснение непрошеного ви-зита, но он сделал лишь знак рукой, мол, не надо.

— Я знаю, кто Вы, Андрей Иванович. Я как-никак около полугода каж-дый день наблюдаю Ваш фантом. Поэтому даже по строению тела смогу Вас узнать.

— А Вы?

— Игорь, — представился мужчина. — Ваш сосед по комнате.

Он подошёл ко мне, протягивая руку. Затем после крепкого рукопо-жатия сел на кровать, словно позволяя осмотреться и привыкнуть, мол-ча глядел в сторону, будто задумавшись о чем-то своём. Я подметил, что мебель, хотя немного и отличается от той, что стоит у меня, полностью дублирует расположение в моём мире.

— А я вот думаю, куда Вы запропалились? Вас всё нет и нет, а я пре-данно жду продолжения истории, — улыбается Игорь выверенной до миллиметра обаятельной улыбкой.

— Какой истории?

— Ну как же, о пропавших буквах, — кивком он показывает на фан-томы листов. — Я Ваш большой поклонник. Все написанные Вами исто-

рии, что я имел честь прочитать, произвели на меня большое впечатление. Причём каждый раз они не перестают меня удивлять.

— Спасибо, — смутился я, как бывает каждый раз, когда меня хвалят.
— Только ничего страшного, если я сегодня останусь у Вас? А то мне сказали...

— Не смейте беспокоиться, Андрей Иванович! Приму Вас как лучшего друга. Я поступил бы так, не будь даже этих дурацких законов «О гостеприимстве». Ведь мало того, что я восхищаюсь Вашим талантом, так ещё и моя жизнь в какой-то степени зависит от Вас. Хотя об этом позже. Может быть, Вы хотели бы перекусить или поужинать? Борщец с рюмашкой? Как Вы на это смотрите?

Игорь говорил со старомодно-учтивыми интонациями, будто мы сидели не в однокомнатной квартире, а в огромном зале дворца, но при этом у меня не возникало ни малейшего ощущения фальши или наигранности. А я очень чуток к таким вещам.

— Если можно, кофе с бутербродами. Сильно есть не хочу, но и по-полнить желудок чем-нибудь надо, — принял я приглашение.

— Конечно, — Игорь поднялся и отправился на кухню. Загремел, зашебуршал, защёлкал ножом по доске. От одних этих звуков захотелось съесть всё, что он приготовит.

Комната, как я уже говорил, и расположение мебели в ней полностью совпадали с моей. Разве что у стены стоял невысокий, доходящий мне до груди книжный шкаф, весь уставленный книгами. Судя по корешкам, здесь было, по меньшей мере, десять разных языков. Интересно, кто этот Игорь такой — ученый, полиглот, любитель? Хотя, вполне может быть, он снимает эту квартиру, так же, как и я, и все эти книги достались ему от прежних хозяев ненужным балластом.

— Игорь, скажите, Вы квартиру снимаете или она принадлежит Вам?
— спросил я громко, чтобы он мог слышать на кухне.

— Снимаю, — отозвался хозяин. — А у нас по-другому и не получится.

И, уже зайдя в комнату с подносом (на нём красовались чашки и тарелка, полная снеди), продолжил:

— В нашем мире всё имущество принадлежит государству.

— То есть квартиру нельзя приобрести в собственность?

— Нет. Всё жильё сдаётся внаём.

— Хм... И когда я решил переехать жить в другой город...

— Вы просто собираете вещички, оставляете квартиру для других жильцов, а сами арендуете у государства другую, — закончил он за меня. — Количество комнат, метраж и расположение зависит от зарплаток семьи.

— Но это же ужасно! — не сдержался я, совершенно не представляя, как можно жить, не имея собственного дома. Я спокойно снимаю квартиру в очередном городе, зная, что в Питере меня ждут родные стены.

— Ай, все уже привыкли. Кто хочет, тот поколениями снимает одно и то же жилье, а кто нет — сразу же переезжает в более просторные хоромы, получив прибавку к жалованию. Лично для меня быть не привязанным к месту очень удобно.

— А Вы, Игорь, учёный? — озвучил я, казалось бы очевидную вещь, на что Игорь учтиво улыбнулся.

— И да, и нет.

— Уж слишком часто в вашем мире я слышу эту фразу.

— Какую? — не совсем понял он.

— «И да, и нет».

— Это потому, что Вы здешнее мироустройство пытаетесь засунуть в привычные для Вас рамки. Но это невозможно. Вы, скорее, ищете различия между нами, думая, что в целом мы похожи.

— А разве не так?

— Увы. Поверьте, если бы Вы, Андрей Иванович, искали схожие черты, первоначально предполагая нашу разность, Вам было бы намного проще адаптироваться здесь, — уверял Игорь.

После его слов и того, как он говорил, не осталось никаких сомнений — этот человек учёный. О чём я ему и сказал. Но он лишь вздохнул:

— Ну, вот видите! Вы мыслите мерками своего мира. Я учёный не в том смысле, что образован и много знаю, а в том, что «исследователь-первооткрыватель», но это лишь отчасти. Вы определили моё звание, видимо, по той полке с книгами? «Наверное, только учёному человеку свойственна потребность знать такое количество языков» — решили Вы. Верно?

— Верно! — поразился я его пронизательности.

— Только если б Вы хоть немногим больше знали о нашем мире, то, в первую очередь, заподозрили бы меня в занятиях магией.

— То есть... Игорь, хотите сказать, что Вы — маг? — усмехнулся я. Нет, я, конечно, помнил об упоминании Михаилом магии, но тогда я решил, что таксист просто попытался надо мной подшутить. И, несмотря на подтверждение Игорем слов Михаила, мне всё равно слабо верилось. Странная патентная политика — пусть так, но магия...

На мой вопрос Игорь сдержанно кивнул, мол, да, я — маг.

— Тот самый волшебник, который читает заклинания, управляет волшебной палочкой, разгуливает по улицам в забавной конусообразной шляпе и варит кошек в котле? — уточнил я, стараясь оставаться серьёзным.

Игорь засмеялся, но не обидно. Было заметно, что его на самом деле развеселило моё представление о магии.

— Нет-нет, что Вы. Если сварить кошку, получится лишь варёная кошка. Волшебной палочки в Вашем понимании не существует, а вот заклинания я не читаю, а пишу.

— Пишете? — зачем-то переспросил я.

— Как Вы могли заметить, Андрей Иванович, наш мир более зыбок, нежели ваш. У нас границы между материей и энергией прозрачны, а кое-где и вообще стёрты. Вы это даже сейчас можете видеть, — он указал на тени листов на полу. — Ваш мир более толстокож, поэтому многие вещи вы попросту не видите, хотя они и существуют. И оба наших мира подчиняются одним и тем же законам. Потому, что Вы не видите, но чувствуете воздействие этих невидимых сил, Вы можете верить в них или нет. А мы видим и знаем, что это существует. Если раньше мы приписывали всё это божественным силам, то сейчас, с развитием сознания и науки, остаётся лишь понять и изучить эти чудеса.

— Как с молнией? В древности люди считали её проявлением Божьего гнева, пока не открыли электричество.

— Именно! — Игорь радовался моей понятливости, хотя таксист на неё только и делал, что жаловался. — Наша наука направлена не на развитие технологий, так как нам достаточно их заимствовать у вас, а на осознание и заимствование таинственных сил. Поэтому так называемая «магия» в нашем мире никак не стоит на уровне с вашими гадалками и ясновидящими. У нас это официальная область научных знаний. Я, например, работаю в ИМИВМ — Институте Магических Исследований и Высших Материй.

— Действительно, как-то с трудом всё в голове укладывается...

— Понимаю, — Игорь сочувствующе развёл руками. — Из-за этого дурацкого патентования по техническому прогрессу наш мир уступает вашему, зато магия нам даёт очень многое в быту и не только. Благодаря ей наше общество смогло решить многие проблемы.

— Значит, сейчас я разговариваю с настоящим магом? — спросил я, скорее, для самого себя.

— Не обессудьте, — вежливо подтвердил Игорь. — По сути, я физик. Только физик той области, которой у вас пока нет, и вы только сейчас пытаетесь доказать её существование. Нас обязывают внимательно следить за всеми исследованиями, происходящими на вашей Земле. Американцы даже журнал выпускают «Физика двойной Земли». Кстати, в прошлом номере один доктор написал, что технический уровень вашего мира достиг своих высот, когда вы стали способны подойти вплотную к альтернативной физике, затронув волшебство.

— Что вы имеет в виду?

— Женевский коллаيدر, например. У вас много подобных исследований, но, даже когда вы поймёте устройство мира, благодаря этим открытиям они нескоро доберутся до обычных людей.

— Почему?

— Потому что все ваши представления о мире враз станут иными. Хаос, паника и даже войны — неотъемлемые части трансформации мира. Людям будет тяжело перестроиться, и общество какое-то время будет «болеть», стараясь пережить чужеродный информационный вирус, пока, наконец, не смирится с реальностью волшебства. Поэтому, даже если правительства и решат информировать граждан, то будут делать это очень маленькими порциями. И правильно сделают, потому что наш мир в своё время чуть не развалился пополам.

— Да что же там такого необычного?! — недоумевал я.

— Ну, например, научное доказательство существования Бога — единого для всех. Сейчас различия религий в нашем мире носит скорее номинальный характер, культурный. А тогда — что Вы! Фанатики чуть было не взорвали всё к чертям! Мы многое доказали: существование души, её бесконечное переселение из тела в тело, высшие слои мироздания...

— Это где ангелы живут? — уточнил я.

— Именно. И многое-многое другое: порча, энергетика, проклятия и заклинания... Не говоря уже о параллельных вселенных, левитациях и телепортации.

— Может, ещё и фаерболы существуют? — пошутил я, на что Игорь вполне серьезно подметил, что не совсем так, как я имею в виду, но они существуют.

— И всё это вам ещё предстоит открыть и доказать!

— Но если здесь вы так далеко продвинулись в обосновании духовных составляющих жизни, этот мир должен быть совершенным! — воскликнул я. — Никто не станет убивать, воровать, обманывать...

— Глупости! — оборвал мой восторг Игорь. — Не забывайте, что в любом из миров человек остается человеком — за редким исключением, ленивым, скучным существом, держащимся за собственные пороки, как за спасательный круг. Все знают о вреде курения, но лишь единицы бросают курить. Так с чего Вы взяли, что, узнай люди наверняка о существовании души, хоть кто-то кинется её очищать? С доказательством Бога наше общество поменяло убеждения, но не свою суть. У нас, как и прежде, духовность — это, в первую очередь, способ заработать, и только потом забота о душе. — Игорь явно знал, о чём говорил. В его голосе и словах слышались железные нотки уверенности, которые могут поя-

виться лишь у человека опытного. Несложно было увидеть искреннее сожаление об истинной сути людей. — Но, несмотря на то, что даже благие знания, как обычно, пытаются использовать в качестве оружия и средства коммерции, я рад быть физиком. Как ни странно, но для меня наука — это не только способ узнать материальный мир, но и часть духовного пути. В нашем мире наука и вера неразрывно связаны и дополняют друг друга.

Мне вспомнились Лёшины слова про физику. Боже, это же настоящий гений! Ведь он предчувствовал, что «у всех этих формул есть лишь составляющая материально мира и не предусматривается иное... духовное» — кажется, так он рассуждал. Если бы не исчезновение Сергея, то этот спокойный мальчишка-мент вполне мог бы стать первооткрывателем новой физики!

— Скажите, Игорь, а можно ли найти здесь человека, который попал сюда давно, будучи ребенком?

— Насколько давно? — уточнил маг-ученый.

— Ну, лет пятнадцать назад... — я приблизительно прикинул, как давно Сергею было десять лет.

— Можно, но только если он пришёл через открытый портал.

— «Колодец»?

— Портал, колодец, кротовая нора, гравитационная дыра, яма, разрыв, разлом в слоях — как ни называй, суть останется. Если Вы кого-то хотите найти, можно пойти в мэрию — сделать официальный запрос, но это будет долго и не всегда эффективно. Лучше сделать это через «посредников»...

— Это кто?

— У нас очень большой чёрный рынок товаров и услуг из-за...

— Патентной политики. Мне немного рассказывали, — перебил я.

— Вот и славно, значит, легче будет объяснить. Посредниками называют тех, кто связан с чёрным рынком — продаёт, узнаёт, помогает. В нашем обществе это уважаемые люди: ведь без них жить было бы намного сложнее. В центре им отведен целый квартал. Выходите на «Поисковика» — он всё, что угодно разведает.

— Это как в Интернете!

— А как в Интернете? — Игорь не знал.

— Ну «Яндекс», «Рамблер»... — перечислял я знакомые поисковые системы, но ему это ни о чём не говорило.

— У любого человека в районе спросите, где расположен поисковик, он поможет найти, что и кого захотите.

— Понятно.

— Только с самого утра идите в мэрию, чтобы получить разрешение

на возвращение к себе. А то эта процедура около восьми часов занимает. Чтобы вечером были уже «дома».

— Игорь, спасибо большое, — искренне поблагодарил я за гостеприимство.

— Не за что. Это мой гражданский долг, да и сам я рад пригодиться такому талантливому писателю и приятному собеседнику. Тем более, — продолжил он после короткой паузы, — я нуждаюсь в Вашей помощи не меньше, чем — Вы в моей.

— Чем же я Вам могу быть полезен?

Сидящий передо мной человек явно не принадлежал к категории беспомощных, и я совершенно не представлял, чем мог его поддержать.

— Видите ли, — аккуратно и мягко, словно крадущаяся кошка, начал он, — в этой квартире я оказался неслучайно. Вы могли подумать, Андрей Иванович, что я здесь живу...

— А разве нет? — удивляюсь я.

— Нет. Это жилище что-то вроде моей рабочей мастерской, где я собираю необходимый материал, провожу исследования. Эту квартиру специально снял для меня мой институт, потому что в ней поселились Вы, естественно в своем мире.

— Я?! А я-то здесь при чём?! — я вправду недоумевал.

— Очень даже «при том», — обаятельно улыбнулся Игорь. На мгновение мне даже показалось, что я его раскусил — совершенная улыбка на лице неземной красоты действовала на собеседника, словно гипноз, обезоруживая даже самого опасного и заклятого врага. — Вы же писатель.

— Журналист.

— Нет, Андрей Иванович, Вы — писатель. Причем не просто, а настоящий, что является большой редкостью в обоих мирах.

— Я журналист, — почему-то упираюсь я, сам не понимая откуда-то появившейся принципиальности.

Он вздыхает, и, будто смирившись с неизбежным, решает объяснить малышу простые истины:

— Доказать в два счета?!

Я согласно киваю.

— Журналист — это тот, кто говорит о насущных проблемах общества, так? Вы, может быть, и описываете истории «человечности» реально существующих людей, но все истории пропускаете через себя и пишете, отдавая энергию — часть души, если угодно.

— Не вижу разницы, — хотя она и была очевидна.

— А вот она разница... Вокруг человека находится невидимое глазу защитное энергетическое поле...

— Аура, — в тех вещах даже я был просвещён. — Она тут при чём?

— Дослушайте, — твёрдо потребовал Игорь. — В моём мире ауру называют иначе, и знаем мы о ней много больше вас. Например, человек с сильной аурой с помощью неё может останавливать даже пули, не подпускать к себе ядовитый дым и огонь. Но я сейчас не об этом... Энергетическая защита создаётся благодаря потокам, проходящим через тело человека...

— Чакры?

— Именно. В некоторых местах Земли их можно увидеть воочию. Они проявляются, как и аура, играя разными цветами. В этих зонах у нас обычно сооружают диагностические и лечебные центры. Так вот, есть две основные чакры, в которые проникают два потока: ярко-красный, несущий энергии земли, и фиолетовый, уходящий в небо, связывающий любое существо со Вселенским Разумом — с тем, кого зовут Богом.

Игорь сделал паузу, позволяя мне передохнуть и уложить в голове всё по полочкам.

— Дальше, — попросил я.

— Так вот, когда люди создают что-то, творят (неважно, что это: музыка, картины, изобретения, кулинария, селекция — да что угодно, лишь бы делалось искренне, с любовью и удовольствием), сиреневый поток, связывающий с Богом, усиливается во много раз. Аура и этот каскад становятся такими яркими, что их частицы можно увидеть даже в обычных местах, не говоря о специальных зонах, где очевидцев буквально ослепляет лиловый ореол. Это и есть процесс творчества.

Всё, что рассказал Игорь, казалось мне невероятным, но я верил ему, всё так же не понимая связи моего литературного труда и его деятельности.

— Есть множество простых людей, пытающихся написать стоящий рассказ или роман, но безрезультатно. А журналистов и всяких там копирайтеров вообще несметные толпы. Настоящих же литераторов — единицы. На одном из языков Ближнего Востока писателей обозначают двумя словами, которые переводятся как «Проводник Бога». Понимаете, Вы один из них. Причём такой силы, о которой я и не подозревал.

Игорь замолчал, но на этот раз я был совершенно сбит с толку. Мне всё это казалось бредом.

— Не понимаю...

— Послушайте, Андрей Иванович, — ободряюще улыбался он. — В нашем мире Проводники — самые уважаемые люди, обладающие наивысшей властью. Но все они — ничто в сравнении с Вашими возможностями.

— И в чём же мои... м-м... «возможности»? — недоверчиво уточнил я.

— Создавая настоящие тексты, Вы это наверняка чувствуете, — он показал рукой на фантомы моих листов. — Это похоже на своеобразный транс — такое ощущение возникает в момент крепкой связи со Всевышним. Можно сказать, что этот текст Вам диктует Он сам.

— Мне всегда казалось, будто моя задача лишь успеть записать те мысли, что неистовым потоком рождаются у меня в голове, — усмехнулся я.

— Вот-вот, я и говорю об этом! Только не у Вас в голове, а намного выше. Записывая, Вы каким-то образом иногда можете расплескать этот божественный нектар, проходящий через Вас, и некоторые буквы на страницах наполняются Его силой. Если тут же собрать их в слова, а слова — в предложения, то можно получить удивительные вещи, которые Вы бы назвали заклинаниями.

— Ого! — только и выдавил я.

— Именно последствия такого сбора букв из Вашего текста Вы и обнаружили, а затем написали об этом на тех листах. Когда я читал Вашу последнюю запись, у меня глаза чуть на лоб не полезли — ВАМ УДАЛОСЬ ОБНАРУЖИТЬ И ЗАМЕТИТЬ ПРОПАЖУ БУКВ. Немыслимо! Хотя последнее время в наших мирах это случается всё чаще. — И, отвечая на мой немой вопрос, он разъяснил. — Уже к середине двадцатого века большинство писателей, выбирая удобство, предпочитали набирать тексты на печатных машинках, а затем и на компьютерах, но энергия переходит на бумагу лишь в рукописи. Вот и приходится всё больше букв подбирать у пишущих от руки. Мы же всегда старались это делать как можно незаметнее, ну одну, ну две буквы со страницы... Сейчас аппетиты исследований в области «магии букв» только растут, а материал где брать? Вот Вы и заметили пропажу.

— Но я всё же не пойму, как применяют эти «заряженные» буквы? Что с ними делать?

— Да всё, что угодно! — в глазах Игоря горело знание всеобъемлющих возможностей магии. — Хотите быть привлекательным? Напишите слова на своей коже «Я привлекателен для всех людей». Машина заглохла? Оставьте на корпусе надпись «Я идеально исправна» — сели да поехали. Хотите ощутить себя птицей? «Я летаю и приземляюсь по своему желанию». Вы даже представить себе не можете, какие чудесные возможности открываются благодаря «магии букв». Правда, слова на теле достаточно быстро теряют свои свойства. Всё зависит от того, какой проводник, то есть писатель, и насколько мощно их зарядил. Можно пролетать или проезжать на сломанной машине три минуты, а мож-

но и 12 часов. Естественно, такие буквы, как и всякая редкость, стоят огромных денег. Да и достать их достаточно сложно. Но, кто хочет, тот может, — улыбнулся Игорь.

— И это всё получается из моих текстов?! — мне не верилось.

— Что Вы, Андрей Иванович! Я рассказал Вам лишь о вершине айсберга. Это всё так, бытовая мелочёвка. Настоящую силу имеют тексты, перенесенные на бумагу, камень или ткань. Они хранятся намного дольше и обладают просто огромным могуществом. Рано или поздно и они теряют свою силу, но до этого момента может пройти не одно столетие. Чтобы Вам было понятнее, могу привести самый яркий пример в истории человечества — Библия.

— Игорь, вы хотите сказать?..

Он довольно улыбнулся:

— Евреи считают Ветхий Завет боговдохновенной книгой.

— Бог вдохнул силы в эти строки, — не составляло труда понять, что Игорь имел в виду.

— Это очень сильная книга, состоящая из работ многих магов, записывающих свои идеи «живыми словами». Но сила Ветхого Завета постепенно истощается, именно поэтому сейчас более распространен обладающий не меньшей мощью, но более молодой, а значит и «живой» Новый Завет. Все Евангелия, Послания, Деяния и Откровение составлены из той же божественной силы, посланной через проводников и собранной древними магами: Иаковом, Петром, Иоанном, Лукой... Именно благодаря заряженности их слов могуществом волшебства, заповеди добра стали столь популярны.

— А остальные религии? — мне хочется выяснить как можно больше.

— У нас это в школьной программе по истории проходят. Распространённость и влияние того или иного учения зависит от открытости проводника, чьими буквами пользовались при написании священных текстов. Дальше всё зависит только от личности пророка, который, несомненно, должен быть сильным магом. Все они занимались, вне зависимости от религии, одним и тем же — доказывали первейшую значимость миссии человека на Земле, его созидающего начала и отношений с окружающими. Ученики мага записывали свой взгляд на доктрину учителя, пользуясь «заряженными» буквами, — той же самой божественной энергией. Разные религии черпают энергию у одного Бога.

— Но как всего одна книга, пусть и записанная со слов необыкновенной личности, — я почему-то стеснялся прямо говорить о магии, — может распространять свою силу на миллионы книг, изданных обычным типографским способом?

— Божественность — это связь всего со всем. Она постоянна и неис-

сякаема. Просто благодаря той энергии, что скапливается в буквах, эта связь увеличивается и становится более влиятельной для физического мира. Отсюда идёт важность артефактов, которые по этим связям воздействуют на ту или иную область. Неважно, мощи ли святых, картина или особая книга — они соединяются и взаимодействуют со всеми своими копиями, пусть даже и кустарными. Вот, например, молитва «Отче Наш», или «Pater Noster»... У неё двойная сила, так как она была записана и Матфеем, и Лукой — двумя сильнейшими магами своего времени. Видимо заметив, что мне неудобно, Игорь остановил свои объяснения, и спросил:

— Что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке. Просто непривычно, когда апостолов называют магами. Сказкой пахнет.

— Маг — это всего лишь человек, знающий законы природы и умеющий с ними обращаться. Апостолам в этом не было равных — их научили понимать и пользоваться законами во имя Любви, — стерев очередную слепую зону моего невежества, Игорь вернулся объяснять природу воздействия молитв. — Оригиналы молитв хранятся где-нибудь в архивах Ватикана, а оттуда по связям помогают любому, кто произнесет звуковое сочетание, являющееся своеобразным кодовым замком к энергии текста. Смотрите... только не на меня в упор, а постарайтесь больше периферическим зрением, боковым.

— Почему боковым? — интересуюсь я.

— Потому что оно меньше подвержено критике разума, — невозможно отвечает Игорь и после короткого вздоха встает и, закрыв глаза, как бы расслабившись, начинает, — «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое...».

Я замечаю, как в воздухе над ним, вспыхивая и угасая, замечались маленькие белые точки.

— «... Да придёт Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

Еле заметные, будто подсвеченные солнечными лучами нити, то пропадая, то возникая вновь, спускаются сверху, чтобы проникнуть в темя Игоря.

— «Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Из его грудной клетки и позвоночника возникают размытые, как и всё, что я вижу, светящиеся лучи. Они расходятся в противоположные стороны.

— «И не введи нас в искушение, но избавь нас от Лукавого! Ибо царствие твое, и сила, и слава во веки веков. АМИНЬ!»

Лишь стоило Игорю завершить молитву, как его озарило тысячью маленьких искр, равномерно вспыхивающих по границе невидимого шара, внутри которого находился Игорь.

Переведя на него взгляд, я не заметил никаких лучей, нитей, искр и вспышек. Всё исчезло, словно померещилось!

Игорь открыл глаза:

— Молитвой я активировал заложенную в тексте первоисточника энергию. Видели её, Андрей Иванович? Ну как?!

Я был потрясён.

— ...Найти подходящего писателя-проводника очень сложно, — Игорь продолжал отвечать на мои бесчисленные вопросы. Мы пили чай. — Госструктурами и частными заинтересованными лицами выделяются огромные деньги на их поиски. Ведь часто проводники могут писать в стол, не издаваясь. В таком случае их залежи рукописей, словно алмазные копи — бесценны. Но такая удача - огромная редкость.

— А эффективность проводника зависит от того, на каком языке он пишет? Язык для магов вообще имеет значение? — задал я интересующий вопрос.

— Нет, что Вы... — усмехнулся Игорь. — Вдохновение к человеку приходит из одного источника, вне зависимости от расы, национальности, пола и возраста. Знание языков необходимо тем, кто работает и ищет проводников — чем больше знаешь языков, тем больше шансов воспользоваться силой букв.

— Именно поэтому здесь столько книг? — я указал на полку с книгами.

— Да... Я знаю семьдесят два языка.

— Семьдесят два?! — восхитился я. — Вы что, Игорь, с самого детства их учите?

— С самого...

Мы помолчали. Я мог лишь восхищаться Игорем. Редко когда удивительно красивый человек ещё и умён... необычайно умен.

— Теперь, Андрей Иванович, понимаете, насколько Вы важны для этого мира. С такой силой здесь Вы могли бы добиться огромных высот, богатства, положения в обществе. Но я всё равно надеюсь, что Вы согласитесь помочь мне закончить научную работу, над которой я сейчас тружусь. Мне осталось записать всего один небольшой абзац, чтобы исследования лаборатории, в которой я состою старшим научным сотрудником, завершились успехом.

— А что это за исследования? — мне было не столько важно, куда тратится «моя» энергия, сколько интересны исследования, проводимые

(подумать только) в институте магии.

— Вы же читали отрывок из нашей работы, когда соединили «пропавшие буквы», — напомнил мне Игорь. — Это часть международного проекта, включающего более девяноста стран-участниц. Мы исследуем возможность объединения стран в единую социально-политико-экономическую зону.

Странно, но составленный мной отрывок никак не походил на исследование. Диалог двух людей можно было принять за киносценарий или пьесу. Несмотря на промелькнувшее сомнение, я не стал расспрашивать Игоря более подробно. Причин не доверять его словам у меня не было.

— Единая социально-политическая зона? — повторил я за ним. — Гражданин Планеты Земля — звучит как утопия из старого научно-фантастического рассказа.

— Возможно, это и несбыточная мечта. Главное — мы хотим избавиться от этих дурацких патентных ограничений и, наконец, все вместе пользоваться общими благами технического и магического прогресса.

— А патенты распространяются и на магию тоже?

— Естественно. Ну как, Вы согласны помочь? — Игорь умоляюще смотрел на меня, но можно было обойтись и без дополнительных манипуляций — я и так хотел сделать что-нибудь хорошее для этого мира. Зачем? Наверное, чтоб понять пределы своих возможностей: пока что мне сложно поверить в свое безграничное могущество, о котором говорил Игорь.

— Что от меня требуется?

По лицу Игоря расплзлась улыбка. Несомненно, он знал, что я не откажу:

— Дописать историю, которую начали.

— Про исчезающие буквы? — уточнил я.

— Почему бы и нет? Расскажите людям обо всех приключениях и переживаниях путешественника по другому миру.

— И этого будет достаточно? — мне почему-то казалось, что для оживления букв нужно писать особые истории. В чём именно должна заключаться их «особенность», я точно не знал.

— Андрей Иванович, подойдёт всё, что угодно. Главное, чтобы написано было с душой, а по-другому, как истинный профессионал, писать Вы и не умеете, — уверял Игорь.

Я с удовольствием принял его похвалу.

— Но ведь это может занять много времени. Всю ночь и даже больше...

— Ничего страшного. Если Вы беспокоитесь по поводу разрешения

на переход через колодец, то я смогу его выбить за Вас через институт. Так что можете писать, а я позабочусь о Вашем благополучном возвращении. Когда закончите творить, сможете понаблюдать, как будет создаваться магия. Я Вам покажу. Договорились?

— Договорились! — мы скрепили слова рукопожатием.

— Тогда, если Вы не против, Андрей Иванович, я посплю, пока Вы будете работать. И его слова напомнили мне, что я и сам мало спал прошлой ночью. — Вам что-нибудь нужно: листы, ручка?

— У меня всё с собой. Если можно, я время от времени буду шастать на кухню, а то обычно в процессе работы на меня нападает дикий жор.

— Да-да, конечно! Вы здесь хозяин. Если что-нибудь понадобится — будите без стеснения.

Игорь прямо в одежде рухнул на кровать. Накрывшись пледом и доверив голову подушке, уже через пять минут он крепко спал.

Достав из сумки бумагу, перьевую ручку и плеер, я уселся на пол. Одев наушники и включив Джейми Сибера, альбом «Спрятанные небеса», я постарался отрешиться от мыслей. От неумолимо трезвого рассудка, что не желал верить в параллельные миры, магию и собственную волшебную силу, а твердил лишь о сумасшествии. Единственное, в чём я нуждался — это мелодия, вливающаяся, наполняющая тело странной уверенностью в собственной правоте. Я не могу писать без музыки...

Когда в голове уже образовался скелет будущей статьи, я сажусь искать подходящие мелодии. На это может уйти пару часов, а может - и целый день — я никогда не жалею времени на поиски и подбор мелодий. В сложившемся списке удивительным образом могут сочетаться классические мелодии с рэпом, а нью эйдж соседствовать с чем-нибудь тяжёлым. Музыка вдохновляет, помогает отрешиться от насущных проблем и сконцентрироваться лишь на том, что хочу описать.

Подобранные мотивы должны удивлять, насыщать, повергать в смятение. Треки один за другим непрерывно сменяют друг друга, умолкают, чтобы начаться вновь. И каждый раз, лишь стоит поставить точку, в конце очередной истории происходит одно и то же: впитав дух мелодии, я, словно использованные гильзы, выбрасываю уже опустошенные, безжизненные звуки. Созвучия, вдохновлявшие так недавно, вдруг становятся пустыми и безжизненными. А жаль... я бы хотел и дальше восхищаться их обаянием...

Уже исписано несколько листов. На них я постарался запечатлеть Лёшино откровение и «фокус» с пропавшей лопатой, когда он устроил мне перформанс необычного свойства дыры проглатывать любую вещь.

Чудеса начали твориться уже с середины первой страницы... Всё также боковым зрением я замечаю, как кончик ручки светится фиоле-

товым светом, словно на конце пера находится маленький фонарик... Дальше — больше. Осмотревшись, улавливаю сверкающие вспышки. Они спускаются с потолка, пронизывая мою голову, от чего чувствуется непонятное воодушевление. Может, кажется, но внутри словно течёт поток, спускаясь от головы к плечу и вниз по руке, к кисти, пальцам, а оттуда — через ручку на бумагу.

И, наконец, — самое главное... Я понял, о чём толковал Игорь. НЕКОТОРЫЕ БУКВЫ СВЕТИЛИСЬ ТО ФИОЛЕТОВЫМ, ТО ЗЕЛЁНЫМ СИЯНИЕМ. Их свет переливался, будто они живые. Я чувствовал исходящую от них силу, я ощущал жизнь, таящуюся в них... Меня переполняла радость и желание творить бесконечно.

— Всё, что я мог, это поставить Вас в очередь через мэрию. — Игорь только что пришёл и теперь разувался в коридоре. — Разрешение на переход в ваш мир через государственный портал будет выдано лично Вам в руки, с двадцати до двадцати одного ноль-ноль сегодня.

— А почему так много времени требуется на выдачу разрешения? — спросил я.

— Бумажная волокита, проверка госбезопасности и ещё куча формальностей... Бюрократия — это проказа всех миров, — говорил Игорь, одновременно стягивая с себя свитер. — Так что, Андрей Иванович, перед отправлением можете поспать. Время в запасе ещё есть.

— Было бы неплохо, — я лишь полчаса назад закончил вторую часть истории, просидев за работой всю ночь и утро. Стрелка на часах только-только перевалила за полдень, и мои глаза просто слипались.

— Но сначала я очень хотел бы посмотреть, как ты, Игорь, колдуешь... — незаметно для самого себя перешел я «на ты».

— Колдую?! — усмехнулся учёный. Ему понравилась моя необычная формулировка привычной для него работы.

— Да. Составление волшебных текстов и работу с особыми буквами нельзя назвать иначе, как чародейством. Одним глазком гляну, а потом пойду спать, — попросил я.

— Конечно. Только кофе себе сделаю и приступим.

Честно говоря, я просто не мог дождаться. Мне не терпелось увидеть, как работает маг.

Игорь вышел из кухни, держа в руке чашку, аккуратно прошёл между разложенными по полу черновиками. Реальные листы перекрывали фантомные так, что я о них даже забыл. Игорь поставил чашку на пол возле себя и подтянул поближе свою сумку.

— Реально, это очень скучная и монотонная работа, — комментировал он то, что собирался сделать, одновременно копошась в сумке. —

Если не знать, что работаешь с магической материей, созданной Вами и оценивающейся в баснословные суммы, то мое дело можно считать возней книжного червя.

Он извлёк из сумки золочёную шкатулку, сверкающую идеально ровными сторонами величиной в ладонь. Её крышка была поделена на четыре одинаковых квадрата. Бросив на меня взгляд, он приподнял одну из частей крышки...

Внутри коробочка была отделена зеркалами и, к моему великому удивлению, хранила в себе не что-то магическо-драгоценное, а всего лишь довольно неприятный на вид комок слизи.

— Что это? — спросил я, стараясь унять бушующие внутри чувства, что-то среднее между отвращением и предвкушением.

— Это буквоед. Познакомьтесь, — шутя, представил нас друг другу Игорь. В голове само собой всплыло послание. «Найди буквоеда», — обращался ко мне неизвестный подсказчик.

— Найди буквоеда, — уже вслух повторил я.

— Что? — не понял Игорь.

— Я говорю, это ты мне послание оставил, благодаря которому я здесь оказался? — и чтобы всё объяснить, достал из сумки записку, составленную из пропавших букв.

Игорь взял лист и внимательно прочитал короткое послание, явно изменившись в лице. Вечно обаятельная улыбка на идеальном лице куда-то исчезла, сменившись выражением тревоги.

— Так и знал, что кто-то у меня побывал в «гостях», — озабоченно нахмурив брови, проговорил он. Мне не требовалось даже спрашивать: Игорь решил пояснить всё сам. — Есть много людей, не желающих осуществления проекта объединения государств, которым по той или иной причине это не выгодно. Такие люди всячески стараются помешать этому процессу завершиться. Они-то, скорее всего, и побывали здесь. Я заподозрил это, когда обнаружил на полу фантомы черновиков с пустыми листами, будто кто-то их уже использовал.

— Я не понимаю...

— Чтобы понять, Вам нужно увидеть работу с буквоедом.

Вернув лист, Игорь достал из сумки небольшую книгу в толстом кожаном переплете. Открыв на последней странице, он показал мне чистый лист...

— Это уже заключительный кусок работы, последний лист, который нужно заполнить. Тогда «Трактат о Единстве» будет завершён и обретёт реальную силу.

Также он достал толстую тетрадь, исписанную плохо различимыми каракулями. Я даже не был уверен, что текст написан по-русски.

— Это черновик «Трактата», по которому я составляю книгу, точь-в-точь копируя суть.

Затем он извлёк из коробочки тёмный комок — упругий на вид, буквоед оставял на ладони Игоря полосы слизи.

— Буквоед — это живое существо, которое в вашем мире вымерло, а в нашем чудесным образом сохранилось, и, мало того, — живёт и здравствует. Их продают у нас в квартале «чёрного» рынка. Первоначально они прозрачные и совсем маленькие, больше всего походящие на медуз. Питаются тонкими токами и энергией. Благодаря этой особенности буквоедов используют в магии. Смотрите...

Игорь натянул комочек на указательный палец, и тот растянулся, обволакивая палец наподобие напалочника. Затем, заглянув в тетрадь и сверив записи с последними фразами завершающейся книги, Игорь потёр, словно ластиком, одну из «заряженных» букв, ...и та пропала, будто стерлась. Остальные буквы этого слова незаметно соединились, замкнув цепь, заполнив место, где только что была пропавшая буква.

— Буквоед в буквальном смысле проглатывает магические символы, — пояснил Игорь не отвлекаясь.

Он спустился на пару строк вниз и стёр другую букву, почему-то пропустив несколько светящихся знаков.

— Почему ты используешь не все буквы?

— Потому что подходят только особые... светящиеся, — пояснил Игорь.

— Я это понимаю. Но ты даже из пригодных много пропускаешь.

Не отрываясь от своего дела, Игорь говорил:

— Мне нужно брать буквы, составляющие определённые слова... Вот сейчас, например, я должен записать такое предложение «Каждый должен быть сильным». Чтобы составить это в предложение, я позволю буквоеду съесть сначала буку «м», затем «ы», затем «н», и так далее...

— Что за «мын» получается? — я не совсем понимал систему.

— Слова и предложения составляются с конца к началу в зеркальном отражении. Это нужно потому, что при их переносе на другой носитель первыми появляются последние съеденные буквы. Если бы я «стирал» все подходящие буквы подряд получалась бы белиберда типа «абхнор-стуф».

— Понятно... — мог бы и сам догадаться. Ведь я смог найти смысл в исчезнувших буквах, только лишь записав их задом наперед.

— Видите, Андрей Иванович, когда я забрал эту букву... и вот эту через несколько строк, остальные заряженные буквы, находящиеся между ними, попросту теряют свою силу и перестают светиться... Именно так я и понял, что кто-то побывал в моей квартире. Новые фантомы листов, в

которых не оказалось ни одной заряженной буквы — это могло значить одно из двух: либо Вы потеряли свой талант, став графоманом, во что я не поверил, либо кто-то пришёл сюда, чтобы воспользоваться Вашей силой.

Игорь продолжал искать на листах нужные буквы, позволяя буквоеду насытиться вдоволь. Когда слово было составлено, он тёр нанизанным на палец буквоедом о любое пустое место на листе (как я понял, чтобы сделать пробел) и брался за другое слово.

Закончив предложение, Игорь снял с пальца буквоеда, ставшего, моему, чуть больше. Но самое главное изменение — шар стал густо-чёрного цвета, как если бы вместо букв только что сожрал банку дёгтя или чернил.

— Видите, это заряженный буквоед. Теперь внутри него хранится заклинание. Именно в таком состоянии магия и продается на «чёрном» рынке.

— Внутри этих существ? — удивился я.

— Да. Если Вы захотите обворожить какую-нибудь женщину, найдите продавца. Купите у него специальное хранилище (я понял, что он имел в виду эту шкатулку) внутри которого будет храниться буквоед, «заряженный» фразой из волшебных букв: «Меня хотят все женщины». И прямо перед тем, как подняться к нужной особе в гости, нанесите себе на кожу эту фразу. Женщина Ваша. Правда, после того, как Вы с ней переспите и чары рассеются, она подаст на Вас в суд и упрячет за решетку.

— За что?

— Ну как же... За несанкционированное использование магии против другой личности в собственных интересах.

— Невероятно! — восхитился я.

— Обыденно... Я сейчас могу положить этого буквоеда обратно в хранилище, где он будет держать внутри себя фразу очень долго, по чуть-чуть питаюсь магией букв. Тем самым ослабляя её, но очень незначительно. Но делать этого не стану, а просто перенесу фразу сюда в книгу.

Игорь вновь надел буквоеда на палец — коснувшись пальцем листа, не спеша повёл рукой слева направо. За пальцем оставалась записанная моим аккуратным почерком дорожка из слов.

Когда предложение было закончено и палец оторван от листа, для завершения трактата оставалось на одно предложение меньше. Текст «волшебной» книги еле заметно светился.

— Уму непостижимо! — не переставал восхищаться я. Игорь хмыкнул:

— Как видите, чародейство — скрупулезная работа, требующая однообразных действий. Этим я и буду заниматься, пока Вы, Андрей Иванович, поспите. С позволения хозяина, если можно, я воспользуюсь Вашим плеером, чтобы не было так скучно.

— Да-да, конечно, берите. — Я задумался. — Только у меня есть вопрос...

— Слушаю.

— Если в этой квартире побывал Ваш недоброжелатель, то зачем ему оставлять мне послание, призывая прыгнуть в нору и узнать о буквоеде?

Игорь задумался:

— Действительно, зачем?! — лишь после паузы он добавил. — Я могу и ошибаться, но целью непрошеного гостя могли быть не мои исследования, а... чтобы Вы, Андрей Иванович, в итоге оказались здесь — Вас хотели выманить из квартиры или привести сюда.

— Я?! — ещё пуще прежнего удивился я. — А я кому нужен?

Не сдержавшись, Игорь усмехнулся моей наивности:

— Вы просто не до конца осознаёте собственную значимость. Если уже вот эти, — он показал на «пустые» черновики, — страницы стоят немалых денег, то что говорить о «заряженных» листах. Для кого-то Вы можете стать настоящим товаром. В нашем мире похищение и использование писателей не практикуется, но инциденты бывали. Так что будьте осторожнее, Андрей Иванович.

Предостережения Игоря казались мне сущим абсурдом.

— Я не совсем понимаю, в чем ценность «использованных» черновиков? Почему они так дороги, как ты, Игорь, говоришь, если заклинаний из них не составишь?

— Есть много причин... Во-первых, всё же кое-какой силой они обладают. Малюсенькой, но обладают. Они ведь написаны «проводником», а это уже много. Из них можно составить слабенькие заклинания: чтобы зубы не болели или заснуть при бессоннице. Во-вторых, они имеют ценность для библиотек и частных коллекций. За некоторые черновики, самолично написанные рукой литератора, можно получить хорошее вознаграждение... И так далее.

— Теперь я понимаю, куда пропали все папки с черновиками из квартиры.

— Из этой? — в голосе Игоря послышалась тревога.

— Нет, из моего города. Мне домработница сообщила. Я не мог понять, кому и зачем похищать мои старые записи.

— После знакомства с буквоедом многое прояснилось. — Игорь понял, к чему я вёл.

Я кивнул.

— А знаете, что?! Вы же можете узнать, продавались Ваши записи на черном рынке или нет. Если продавались, то, как раз, когда пойдете в мэрию забирать разрешение на переход в свой мир, заодно и подайте заявление о пропаже. Если папки обнаружатся, их Вам вернут.

— Было бы неплохо, — согласился я. — Только когда это сделать?

— Ну, поспите на час меньше. В первую очередь, отправьтесь в торговый квартал, всё к тому же «поисковику». Заодно и человека, о котором спрашивали, поищите. Только, Андрей Иванович, уж извините, я Вас проводить не смогу. Лишь «колдовать» закончу, сразу в институт побегу. Результаты работы сдавать.

— Ничего страшного, — уверил я Игоря. — Вы и так мне всё растолковали здорово, столько времени потратили.

Мы заранее попрощались, и я улёгся на диван. Заснуть долго не получалось — мешали рои переполняющих голову идей. Но, в конце концов, усталость взяла своё.

Поставленный на телефоне будильник запищал без двадцати шесть. Самое сложное — заставить сознание, вырванное из мира чудесных грез, зацепиться за мысли о предстоящих делах. Всё же сумев преодолеть требования изнурённого тела, я оторвал голову от подушки, сел на диване, силясь разомкнуть веки. В комнате было темно и неприятно тихо. Лишь настольные часы отравляли царящий мрак противным механическим тиканьем.

Теперь все дела по порядку. Сначала позвонить Михаилу, попросить его отвезти меня в квартал «чёрного» рынка. Затем, пока он добирается сюда, умыться и что-нибудь перекусить. Думаю, времени должно хватить.

Нашупав стационарный телефон, я набрал номер таксиста.

— Алло...

— Андрей, это ты? — спросил голос Михаила.

— Ты меня узнал, — обрадовался я.

— А то! Честно говоря, я немного беспокоился — как ты, что ты? Хорошо, что позвонил. Когда к себе отправляешься?

— С восьми до девяти нужно в мэрии разрешение забрать.

— Тебя подвезти? — предложил Михаил, тем самым лишив меня надобности просить.

— С удовольствием. Только я ещё хочу на «чёрный» рынок заехать.

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше. Ведь я даже не знаю, сколько на мои дела уйдёт времени, — я, конечно, понимал, что Михаил, соглашаясь меня

подвезти, и так делает мне одолжение. Но лучше говорить, как есть, чем потом носиться, как угорелый, ничего не успевая. — Мне поискови-ка найти нужно.

Михаил помолчал, сопоставляя в голове, как и что лучше сделать, затем коротко произнес:

— Через двадцать минут будь возле подъезда.

— Отлично!

Не знаю, хотел ли Миша щегольнуть своей пунктуальностью или он всегда столь точен, но чёрная «Волга» на электромоторе остановилась напротив моего подъезда ровно через двадцать минут.

Забравшись в кабину, я пожал пухлую руку Михаила, после чего он дернул рычаг передачи и мы тронулись.

— Как приняли? — поинтересовался таксист.

— Хорошо... даже очень. Столько всего интересного узнал! И о магии в том числе, — Михаил бросил на меня мимолетный хмурый взгляд. — Я же сначала подумал, что ты пошутил, когда мы прощались, ан-нет...

— Это тебе жилец квартиры понарасказывал?

— Да, — кивнул я. — И даже показал.

— В смысле? Что он показывал? — может быть, мне и казалось, но в голосе Михаила явно слышалось напряжение.

— Да так... как, например, с буквоедом обращаться. — Мне почему-то хотелось оправдываться, правда, совсем непонятно, за что. — Мой гостеприимный хозяин оказался сотрудником Института Магии.

— А-а... — облегченно выдохнул Михаил. — Но ты всё равно поосторожнее. С этим вообще лучше не соприкасаться. Себе дороже.

— Почему? — удивился я. Ведь мне, наоборот, казалось, что это очень интересно и весело.

— Всё очень подробно описано в брошюре... Так и не прочитал?

— Нет, — честно повинился я.

Михаил свернул на длинный проспект.

— Применение магии строго ограничено законом. Разрешён самый минимум. Слишком опасно это. А гостям так вообще запрещено соприкасаться с ней.

— Неужели, живя в мире, где законы ворожбы распространены и считаются повседневностью, ты совершенно ей не пользуешься?

От моего вопроса Михаил явно смутился:

— Ну, не так чтобы вообще не пользуюсь, но, по возможности, стараюсь избегать.

— Так, а чем именно пользуешься? — Я чувствовал себя подростком, оказавшимся героем книг Толкиена или Брэдли.

— У меня, как и у каждого, на крайний случай хранится парочка заклинаний первой необходимости: обезболивающее или усиление голоса. Но говорю же, это на самый крайний случай. Без необходимости ими никто не пользуется. Тем более, такую магию и магией считать уже нельзя, так... всё равно, что спичками воспользоваться, таблеткой или свистком.

— Но ведь пользуешься! — не унимался я. — И, честно говоря, мне вообще непонятно, почему ты так настороженно относишься к волшебству?! Ведь это так здорово и чуде...

— Послушай, Андрей, — грубо оборвал меня таксист. — Еще раз повторяю, ты ни черта не знаешь об этом мире. Считаю, что пришел в чужой монастырь со своим уставом. Терпеть этого не могу!

— Что не так?

— Да много чего не так! — он, судя по всему, не на шутку рассвирепел. — Ты знаешь, что такое «фрион»? — и, не дожидаясь ответа, продолжил, — Да откуда тебе знать! «Free On» — это очень популярные среди молодежи заклинания. Когда текст наносится на кожу, человек погружается в мир грёз, мир своего воображения и ощущения радости. Сейчас целые группы подростков находят деньги и с помощью татуировок наносят магические тексты под кожу, погружаясь в состояние эйфорического анабиоза. А время идёт! Платят большие деньги, чтобы купить как можно более сильное заклинание. Некоторые умирают от голода и жажды, так и не выйдя из спячки. Вот тебе и чары! Люди сбегают от реальности туда, найдя замену наркотикам. Возможности, которые дают чары, позволяют забыть о себе и своих обязанностях.

Андрей, понимаешь, в нашем мире благодаря волшебству каждый знает, что есть высшие силы, частью которых мы сами и являемся. Стоит только немного поднатужиться, поработать над собой — и счастье придёт. Но люди, даже наверняка знающие о существовании Творца и о своем предназначении, всё так же продолжают стремиться к халяве, поклоняясь фокусам, а не истинным ценностям. Деньги и власть всегда будут желаннее для толпы, чем ценность жизни. Независимо от того, есть в мире колдовство или нет...

— Потому что так проще.

— Да, — грустно кивнул Михаил. — Как и любая вещь, данная нам Господом, магия может использоваться для созидания и разрушения. Всё зависит от самого человека. Машина и танк, атомная электростанция и атомная бомба, огонь в очаге и пожар... Все зависит от того, как использовать дары.

Остаток пути мы молчали. Каждый думал о своём.

Торговый район выглядел совсем не так, как я воображал. Мне пред-

ставлялось что-то более привычное, больше походящее на огромные рынки: со внушительными пространствами, заставленными торговыми палатками. Но то, что я увидел, выглядело сказкой — в моем мире этот район сплошь состоял из четырехэтажных домов сталинской постройки. Здесь же это были теснящиеся друг к другу двухэтажные домики. На первых этажах находились разнообразные магазинчики, а на вторых жили сами хозяева. Дорога не выстлана привычным асфальтом, а вымощена булыжниками. Если бы не современная шестнадцатизэтажка, вавилонской башней возвышающаяся надо всей этой архаикой, можно было бы подумать, что я попал в какую-то английскую сказку.

— Лет двадцать назад мэрия вложила хорошие средства, чтобы создать торговый район, — пояснил Михаил. Мы уже приехали, и теперь искали место для парковки. — Городу, конечно, рынок придаёт колорит, украшает, да и среди людей популярен. Здесь можно купить, узнать и продать всё, что угодно... естественно, официально запрещённое.

Сквозь запотевшее окно я наблюдал, как узкие улочки всасывают потоки людей. Лавки начинали работать как раз после закрытия центрального рынка, в три-четыре часа, и работали до одиннадцати—двенадцати следующего дня.

Я кивнул, не отрывая глаз от чуда, с которым мне самому предстоит соприкоснуться через несколько минут.

— Ну всё, давай прощаться.

Я обернулся к Михаилу:

— Спасибо огромное.

— Да ладно. Как до мэрии добраться, знаешь? Адрес в буклете есть. Тут рядом.

Мы пожали друг другу руки, и я выбрался из машины, направившись в сторону «чёрного» рынка, чтобы через секунду слиться с людским потоком.

Как турист, я глазел по сторонам, открывая в себе падкого на чудеса юнца. Профессия журналиста уже давным-давно должна была выбить из меня любые наивные представления о существовании сказок. Но вот, оказывается, не зря я сохранил веру в магов и волшебников. Где-то очень глубоко, подальше от рассудка, я спрятал надежду на существование чуда.

Большинство высоких витрин заполняли самые разнообразные диковинки технического прогресса: телевизоры, телефоны, микроволновки и электробритвы. Больше всего мне понравился контраст современной техники и средневековых витрин. А неоновые вывески «Элмаркет», «Электросила» и «Чудеса Атлантиды» над входом в сказку лишь усиливали ощущение несоответствия или, скорее, наслаения реальностей.

Там, где должны рекламироваться чудодейственные средства от облысения, сделанные из жабьих глазок и корня мандрагоры, торжественно красовалась современная бытовая техника. Нет, кое-где, конечно, виднелись устройства неопределённого назначения, больше походящие на футуристические произведения искусства, чем на то, что может реально пригодиться в быту.

Но, всё равно, я не испытывал разочарования, с удовольствием упиваясь царящей здесь атмосферой запрета. Мне постоянно приходилось себя одергивать, чтобы не забывать о задачах, ради которых я сюда пришёл: во-первых, узнать о судьбе Сергея, Лёшиного друга, предположительно оказавшегося здесь больше десяти лет назад; и, во-вторых, продавались ли украденные записи на чёрном рынке.

Пришлось остановить первого встречного мужчину:

— Скажите, где найти лавку поисковика?

— По правой стороне, через... раз, два... четыре... через шесть магазинчиков, — уверенно ответил мужчина, и, не дожидаясь благодарности, пошёл дальше.

Как и было обещано, через шесть витрин я обнаружил деревянную, на старинный манер вывеску, с пятью русскими буквами: «ГООГЛ».

«Интересно, кто у кого название позаимствовал?» — усмехнулся я и открыл дверь.

Внутри оказалось просторное белое помещение. Белый же прилавок больше напоминал барную стойку, дополнительным подтверждением чего служил стоящий рядом единственный высокий табурет. Не удивлюсь, если здесь наливают. Из украшений — большая деревянная эмблема с логотипом компании из пяти разноцветных букв. Продавца не видно.

Подойдя к прилавку, я обнаружил звоночек с надписью «Найти». Нажал. В ту же секунду откуда-то сверху раздался спешный грохот шагов. Стена за стойкой казалась цельной, хотя на самом деле была сделана в виде ширмы. Из-за неё-то и вынырнул молодой человек, естественно, весь в белом и с логотипом компании на майке.

— Чем могу быть полезен? — вежливо спросил парень.

— Здравствуйте. Мне нужно кое-что найти... — постарался я ответить с той же учтивостью.

— Всё, что угодно.

— Для начала я хотел бы узнать, переходил ли в этот мир из другого один мой знакомый.

Работник «Гоогла» понимающе кивнул:

— А-а, к сожалению, поиски конкретного человека требуют доступа к конфиденциальным данным и такую информацию могут запрашивать

лишь работники отдельных госучреждений, — словно извиняясь, отвечал он. — Единственное, что можно узнать, пользовался ли кто-нибудь определённым порталом в определённый промежуток времени. Если Вам известно, через какой колодец и когда именно мог перейти Ваш знакомый, то можно попробовать.

— Давайте, — честно говоря, я немного растерялся, не зная, поможет мне это хоть чем-нибудь или же это пустая трата времени.

Из-под прилавка парень достал большой лист с картой города и отмеченными на ней красными и чёрными точками. Красных значилось в несколько раз больше.

— Вам известен точный «ай пи», то есть идентификационный номер портала или его адрес?

— Нет, к сожалению, я лишь приблизительно знаю, где он находится.

— Покажите здесь... — и развернул передо мной карту.

Я нашёл отмеченный на карте вокзал. Так, через мост направо, иду вдоль кирпичного забора.

— Вот здесь! — я уверенно указал на красную точку, расположенную на перекрестке. Под точкой, указывающей место нахождения портала, впусившего меня в этот мир, значились какие-то мелкие цифры. Юноша ещё раз нырнул под прилавок, чтобы достать идеально чистый лист со всё тем же логотипом в одном из уголков. Ручкой написал сверху цифры (видимо, тот самый непонятный «ай пи» портала).

— В каком временном промежутке Вы бы хотели узнать о пользовании данным колодцем? — спросил парень.

Я ещё раз прикинул возраст Лёши, навскидку предположив, когда ему было одиннадцать:

— От четырнадцати до шестнадцати лет назад.

— А точнее? Слишком большой промежуток.

— К сожалению, точнее сказать не могу.

Было видно, что молодой человек хотел возразить, но затем, быстро подсчитав даты, записал начало и конец периода поисков. Я было подумал, что он с этими цифрами отправится в подсобку, начнёт звонить, узнавать, но не тут то было... Стоило лишь записать даты, как на листке, словно на дисплее монитора, стали появляться цифры — четыре аккуратных столбика дат заполнили всю страницу.

— Значит так... — деловито, не отрывая взгляда от бумаги, начал он. — Данным порталом пользовались периодически раз в полгода. Затем, пятнадцать лет назад, в августе воспользовались порталом чуть раньше обычного, после чего ещё через два месяца им стали пользоваться постоянно: через день, через два, раз в неделю, не реже... На отображение

всех перемещений одного листа не хватает. Этого достаточно или требуются ещё данные?

Пока что полученная информация никак не могла уложиться у меня в голове. То есть получается, что до исчезновения Сергея 15 лет назад, кто-то (могу предположить из государственных структур) раз в полгода пользовался именно тем порталом, через который пришёл я. Но спустя два месяца после пропажи Сергея им стали пользоваться чуть ли не каждый день.

— А можно посмотреть использование портала за последнюю неделю? — попросил я.

Парень молча взял лист за верхний угол, затем с силой тряхнул его. На стол бумага вернулась уже полностью чистой. Он опять записал тот же номер моего портала и две даты — сегодняшнюю и недельной давности.

— Последний раз порталом пользовались вчера в половине одиннадцатого вечера.

Так, это был я.

— А до этого?

— Каждый день один раз в утренние часы...

И, точно, на листке значилось всего шесть дат. Значит, сейчас тем колодцем пользуются ещё чаще. Тут возник вопрос: «Если до этого «колодцем» пользовались каждое утро, а после моего перехода его никто не эксплуатировал, связано это как-то со мной или причина другая?»

Постаравшись более детально вспомнить разъяснения Миши, я спросил:

— Скажите, а Вы случайно не можете узнать, сколько у этого колодца уходит времени на «восстановление»?

— Случайно могу... — без улыбки сдохмил паренёк, и, посмотрев на карте цифры возле красной точки, ответил. — Три часа сорок две минуты.

Ага, значит, портал спокойно мог пропустить кого угодно сегодня с утра. Может, Игорь оказался прав и кто-то вправду сильно хотел, чтобы я побывал в этом мире. Но зачем?

— Ещё что-нибудь? — вежливо поторопил мои размышления работник «Гугла».

— Да... я хотел бы узнать, продавались ли мои черновики на чёрном рынке?

В глазах молодого человека жившая до этого холодная профессиональная учтивость сменилась огоньком любопытства.

— Вы писатель? — спросил он.

— Именно так.

— А к какой гильдии Вы принадлежите? — но затем, запнувшись (видимо, решил, что много себе позволяет), добавил:

— Я это спрашиваю только ради скидки. Вы ведь, должно быть, знаете: часть ваших расходов на себя возьмет гильдия писателей.

Я совершенно забыл о деньгах!

— Видите ли, — витиевато начал я, — ни к какой гильдии я не принадлежу.

— Как это? — нахмурился парень. — Вы ведь сами сказали, что писатель. Как вы тогда можете быть не в гильдии?

— Я — гость.

— А-а... — выражение парня сразу же сменилось с подозрительного на радостное. — Тогда понятно, почему Вы порталами интересуетесь. Сейчас про Ваши записи узнаем. — И уже совсем тихо спросил, словно делал что-то запретное, — Выкрали, да?

Я кивнул.

— Ничего, это часто бывает. Особенно в Вашем мире. Ведь редко кто сюда за пропажей сунется. — И, пытаясь меня успокоить, добавил, — О деньгах не беспокойтесь. Гостям 5 первых поисков в подарок.

Парень взял бумагу с прилавка, опять встряхнул её, очистив, и положил обратно. Вслед пошла карта. На их место он положил такой же чистый лист, только слабого розового оттенка.

— Это специальный лист для писателей — одноразовый, — пояснил парень, но я так и не понял, почему у писателей должен быть отдельный лист. — Вот ручка, держите... и напишите что-нибудь здесь.

— Написать? Что? — удивился я.

— Что-нибудь, всё равно. Главное, чтобы вышло хотя бы пару предложений. Поиск Ваших записей ведётся по схожести подчёрков.

Теперь всё стало на свои места. Я вывел свои каракули — первое, что пришло в голову: «Этот мир удивителен и гостеприимен. Я благодарен людям, живущим в нём, за их доброту».

Парень взял лист, прочитав, улыбнулся и уже спустя пару секунд вернул мне лист обратно.

— Ни одна из Ваших записей ещё не продавалась ни в этом городе, ни где-то ещё в нашем мире. Я Вам отдам эту бумагу. Держать на виду. Как только сделка состоится, тут появится текст проданных записей. Тогда идите с этим в мэрию. Они начнут розыск и, возможно, найдут.

— Спасибо огромное, — поблагодарил я и направился к выходу.

— Всегда пожалуйста, — помахал рукой парень.

Положив лист в сумку, я вышел из лавки. Времени у меня в запасе

оставалось достаточно, и я собирался продолжить исследование нового мира дальше. Кто знает, может быть, мне больше никогда не доведётся побывать в этом странном месте.

Я пошёл вперед по улице, углубляясь в торговый квартал, только и успевая крутить головой по сторонам, рассматривая заманивающие посетителей неоновые вывески. Где-то играла музыка, в воздухе кружились запахи кипящего масла и сигаретного дыма. Гул людских голосов был фоном. Всё это с головой окунало в сказочный мир. Я — Алиса, попавшая в сумасшедшую, непонятную, но такую желанную страну, где будни и скука сплошь состоят из удивительных открытий и впечатлений, где самые обычные вещи — поразительная фантазмагория. Где чарами может пользоваться каждый, зная, что чудеса — это всего лишь физика, наука, основанная на точности и логике.

Мне казалось, что целый день напролёт я мог глазеть по сторонам, но из этого состояния меня выдернуло неприятное ощущение: кто-то настойчиво меня дёргал за рукав. Я не сразу сообразил, что передо мной не ребёнок, а маленький мужчина неопределённого возраста. Причём у него не было характерных для карликов несуразных, плохо подходящих друг другу частей тела. Он был абсолютно пропорционален: просто уменьшенная копия обычного человека.

— Покажи руку, — деловито приказал он.

Совершенно не понимая, зачем, я послушно вытащил руку из кармана. Пигмей придиричиво осмотрел мою ладонь, затем всё так же, словно происходящее само собой разумеется, сказал:

— Теперь правую.

Мне пришлось удивлённо созерцать его лысоватую макушку, пока он скрупулёзно, разве что без лупы, изучал мои руки.

— Хорошо, — писклявым голоском удовлетворённо крикнул крошка спустя минуту. — Иди за мной.

И, проворно шмыгая между людей, он направился к одной из близлежащих лавок, на вывеске которой значилось лишь одно слово: «Мальки». Открыв ключом двери, лилипут встал в проходе, дожидаясь меня. Когда я оказался внутри, он закрыл дверь на задвижку. Всю лавку заполонили странные звуки, больше всего напоминавшие быстрое щёлканье языком. Звуки исходили буквально отовсюду: из стен, потолка и даже из-под пола.

Прилавок, касса (что меня удивило), деревянная лестница в углу да голые стены — это всё, ничего лишнего. Насколько хватало глаз, всё, кроме потолка, было поделено на сегменты, квадраты пять на пять сантиметров. К каждому сегменту крепилась геометрическая фигура, круг, ромб или треугольник разных цветов. Я даже не сразу понял, что это не

обои, а своеобразные шкафчики. Человечек зашёл за прилавок, и, взяв лестницу, передвинул её к стене, так же поделенной на равные четырёхугольники, с той лишь разницей, что некоторые из шкафчиков оставались без маркера (разноцветной геометрической фигурки).

— Подойди к стойке, — деловито сказал мой новый знакомый. В руках он держал маленькую коробочку.

Сделав всего несколько шагов, я подумал, что раздающиеся из-под пола щёлкающие звуки сопровождают меня. А когда дошёл до стойки, был в этом уже уверен — то, что испускало их, каким-то образом реагировало на моё присутствие и передвижение.

Тем временем карлик, не обращая на меня никакого внимания, занимался своими делами: прикладывал ухо к пустым клеткам, на секунду замирал, чтобы затем, поковырявшись в маленьком пакетике, извлечь очередной круг того или иного цвета и тут же прикрепить его к ячейке. Круги крепились легко, как сувенирный магнитик к холодильнику.

— Извините... — попытался я обратить на себя внимание, на что этот тип, нахмурив брови, с недовольным видом шикнул, чтобы я заткнулся. Не знаю почему, совершенно не видя в происходящем смысла, я всё же продолжал послушно стоять, наблюдая за странным ритуалом лилипута.

Сначала я решил, что постепенно привыкаю к царившему вокруг треску и щелканью, но спустя несколько минут доносящийся из-за стен и пола шум утих. Прежде, чем странные звуки полностью прекратились, человечек почти всем пустым ячейкам успел присвоить круг с тем или иным цветом.

В тишине он спустился с лестницы, спрятал коробку с цветными фигурками, а на прилавок положил пепельницу и пачку сигарет. Затем ловко туда же запрыгнул сам. Теперь наши глаза находились приблизительно на одном уровне. Из пачки пигмей достал сигарету, из кармана зажигалку — прикурил.

— Успели, — выдыхая изо рта дым с чувством удовлетворения от проделанной работы, сказал мужичок.

— Что «успели»?

Мне хотелось знать обо всём, что здесь произошло: какова природа доносящегося из-за стен стрекотания, что это за странный магазин и зачем я понадобился мальшу. Но спрашивать не стал — наверняка, гостеприимный хозяин сам всё расскажет.

Он окинул на меня мимолетным взглядом:

— Ты же не из нашего мира? А, писатель?

Но откуда он знает, кто я? И что я из другого...

— Ты выглядел или как деревенщина, впервые попавшая в большой город, или как «гость», — пояснил он, намекая: тут не надо быть Шерлоком, мог бы и сам догадаться. — Одет нормаль, по-городскому, значит, оставался второй вариант. Дальше... — Он прервался, чтобы несколько раз глубоко затануться и медленно выпустить дым.

— В моём магазине продаются мальки.

— Типа как у лягушек? — уточнил я, прислонившись к стойке.

— «Типа» да, только не лягушечьи. Я продаю «воришек». Это они так в простонароде называются. Они магию в себе могут хранить и...

— Буквоеды, что ли? — перебил я продавца.

— А-а, значит, уже слышал. Да, буквоедов, и не только. Жрать буквы и хранить в себе магическую энергию слов — это лишь малая часть их способностей. Они также могут впитывать сны, воображение, мысли, знания, память — короче, всё, что содержит психическую энергиею. Кстати, когда «воришка» только появляется на свет, он никакими из этих свойств не обладает. Они разовьются потом, чуть позже, сначала им нужно немного подрасти.

— А на что они похожи, когда маленькие?

Мужчине явно нравилось рассказывать о своём деле, хотя он и делал это с напускнутой неохотой.

— На икринки. Когда они достигают размера детского кулачка, — он сжал руку в кулак, — начинают походить на комок слизи...

— Или медуз.

— Больше всего на медуз, — согласился он. — Оставаясь мальками, все они имеют разный характер и свойства, хотя и выглядят одинаково — как маленькие медузки. Одна часть мальков более пригодна для хранения магии. Такие становятся буквоедами. Другие больше подходят для хранения памяти, следующие — для воображения, а часть — вообще ни на что не годна, кроме как энергию поглощать.

— А как узнать, какой малёк для чего подходит?

— Мы сейчас с тобой этим и занимались. Буквоеды, то есть те, что подходят для магии, за версту чувствуют хорошего писателя. Вот они и заверещали, почувствовав твоё приближение. Я и выбежал на улицу, чтобы найти того, кто их потревожил. Попробуй в такой толпе отыскать хоть кого-то, но я тебя вычислил. Мне повезло. Ну, а дальше ты сам всё видел. В пустых клетках хранятся недавно поступившие, и поэтому ещё не опознанные мальки. Прислушиваешься: откуда звуки — там и буквоед. Прикрепляешь круг. Если тихо, значит «хранитель снов» или «мнемоник»... И так далее. Нужно успеть найти буквоедов, пока они к тебе не привыкли и не заткнулись.

Я окинул взглядом помещение, больше напоминающее работу како-

го-то дизайнера-футуриста, чем «зоомагазин».

— А почему фигурки разного цвета?

— Цвет означает способности малька. Красный — значит, быстрее всего поглощает, дольше хранит, меньше нужно пищи, а, следовательно, больше оставляет энергии... И, соответственно, по убыванию: оранжевый, зелёный, синий. Чем громче пищит малёк, тем больше у него способностей. Плюс есть еще куча нюансов, о которых не имеет смысла рассказывать. Любопытно? — хозяин мальков затушил в пепельнице сигарету и тут же достал из пачки другую

— Ещё как! — соглашаюсь я. — А спросом вообще пользуются?

— Сам как думаешь? Покупают редко, но большими партиями и, в основном, компании, занимающиеся мелкой бытовой магией. Им подавай зелёных. Дорогих красных берут нечасто, в основном, частные лица для чего-то особенного.

— Почему так?

— Во-первых, мальки, которым можно дать «красную» степень, столь же редки, как, например, альбиносы. Стоят они очень и очень дорого. Во-вторых, чтобы частному лицу официально купить малька, нужно предъявить разрешение, выданное МВД.

— Почему так строго?

— Почему?! — наигранно засмеялся продавец. — Ну ты и наивный! Потому, что магию стараются контролировать. Смотрят, чтобы не применяли во вред. Ты что думаешь, у нас, как в фэнтези, встретились два волшебника на улице, и давай волшебными палочками махать? Один другого в лягушку превратил и пошёл дальше? Фигушки! За такое можно и к инквизиции попасть — раз плюнуть.

— У вас до сих пор инквизиция существует? — мои глаза сами полезли на лоб.

— Конечно, не в том виде, как ты себе представляешь, — с кострами и орудиями пыток. Но очень серьезная структура, следящая за применением магической энергии. Ко мне инквизиция каждую неделю жалуется проверять продажи: кому, зачем, сколько. И не дай Боже хоть одного малька мимо кассы. Всё, капут! О чём речь!

— Значит, я не могу купить ни одного? — я сделал вид, будто расстроился, хотя, конечно, помнил о пустом кошельке. Пока что этот мир гостеприимен, и ни за что, слава Богу, платить не приходилось.

— А зачем тебе? — вместо ответа хитро спросил мужичонка.

— Ну... есть планы. Хотел проблемы свои мужские решить. В моём возрасте сам понимаешь, — на ходу выдумал я причину.

— Для такой магии тебе буквоед не менее жёлтого уровня нужен, — задумавшись, пробормотал он.

— Сколько?

Маленький человек тяжело вздохнул и, прыгнув со стойки, достал из кармана крючок, которым подковырнул помеченную жёлтым кругом ячейку. Поддавшись на уговоры хозяина, она выдвинулась вперед, открыв доступ к хранящейся внутри шкатулке. Это был точно такой же куб, какой я видел у Игоря, с той лишь разницей, что этот сверкал серебром. Достав кубик, хозяин задвинул полку, предусмотрительно сняв с неё метку.

— Держи, — протянул он мне ларчик. — Это подарок. Всё равно у тебя денег нет. У гостей их никогда не бывает.

— Спасибо... — поблагодарил я, искренне радуясь подарку, хотя так толком и не понимал, зачем мне понадобился буквоед. Наверное, это вновь дал о себе знать жаждущий открытий и приключений мальчишка, живущий внутри каждого мужчины. С деревянным мечом наголо и искрящимся взглядом, я открыл хранилище и, затаив дыхание, заглянул внутрь. Но, как это часто бывает, восторженным ожиданиям не суждено было сбыться — внутри, в окружении шести зеркальных граней спал себе мирным сном обычный такой прозрачный комок слизи.

— А что с ним делать, когда он почернеет?

Не стоило труда заметить, как от моих слов он вздрогнул, словно услышал ужасные вести. Лилипут медленно повернулся ко мне и очень осторожно проговорил:

— А с чего ты взял, что он должен почернеть? — его глаза блуждали по моему лицу в попытках найти хотя бы малейшую подсказку, кто я, чёрт побери, такой!

— Ну как же, — как ни в чём ни бывало, пожал я плечами. — Я знакомому учёному помогал текст составлять, так у него буквоед черный совсем.

Человечек хлопнул себя ручонкой по лбу, замотав головой:

— Я, конечно, понимаю, что ты совсем не разбираешься в законах этого мира, но таким же неприспособленным идиотом тоже нельзя быть!

— А что не так? — растерялся я.

— Всё не так! — огрызнулся карлик, противно выдвинув вперед нижнюю челюсть так, словно собирался меня укусить. — Не хочешь проблем, причём серьёзных, никогда ни при каких обстоятельствах никому не рассказывай об этом!

— Но почему?! — хотел я понять.

— Ты знаешь, кто такие чернокнижники?

— Ну, те кто чары для причинения вреда другим используют?

— В общих чертах так, но это лишь поверхностное объяснение. Чер-

нокнижник потому и зовётся так, что во время составления магических текстов его буквоед чернеет.

— Но он сказал, что работает над международным проектом и что все буквоеды чернеют! — мне хотелось оправдаться. Удивительным образом в нём сочетались кажущаяся телесная слабость и внутренняя сила. Эту мощь я смог почувствовать на собственной шкуре прямо сейчас. Да, коротышка из тех, кто не даст себя в обиду.

— Глупости! — он размахивал руками, эмоционально жестикулируя. — Ни одна из нормальных организаций не прибегнет к услугам черно-книжника. Все прекрасно знают о суровом наказании за любой намёк на связь с теми, чьи буквоеды чернее смолы. Чтоб ты знал, они, если используются для каких-то нейтральных заклинаний, приобретают молочный оттенок. Если их берут для составления молитв или духовных текстов, они начинают светиться изнутри. Цвет буквоеда, в первую очередь, зависит от помыслов человека и характера магии — чёрная, белая или нейтральная. Коль ты участвовал в составлении чёрных текстов, ты попал! Инквизиция узнает, тебе отсюда так просто не выбраться, писатель! Что за текст он составлял?

— Я не знаю.

— Куда он текст переносил: лист, камень, тело? Куда?

— Это была небольшая книга в кожаном переплете.

— Книга?! Тогда ты вдвойне болван! Книги из магических букв у нас запрещено составлять более 10 веков. Даже священные тексты - и те должны быть записаны на отдельных листах. Слишком большая сила.

Я немедленно направился к выходу.

— Куда ты?! — окрикнул меня карлик.

— Поеду обратно. Может быть, он ещё в квартире.

— Единственное, что ты сейчас можешь и должен сделать — это валить из этого мира поскорее и не возвращаться, если не хочешь серьезных проблем с Инквизицией.

— За что?! — поразился я. — Я ведь не знал.

— «Незнание не освобождает от ответственности!» — слышал? Такое ощущение, будто тебе двадцать лет, а не полтинник.

Хотелось возразить, что я не знаю свой точный возраст, но я вовремя спохватился — это сейчас меньше всего относится к делу. Мной овладело отчаяние, как бывало каждый раз при утрате контроля над ситуацией.

— Иди сюда, — голос карлика изменился. Ушли злость и тревога. Видимо, он хотел меня успокоить. Я подошёл, стараясь оставаться на расстоянии. Не люблю смотреть на людей свысока.

— Слушай, я понимаю, что ты попал впросак из-за своей темноты...

Тебе, кстати, брошюру кто-нибудь давал?

— «О гостеприимстве»? Да, она у меня, но я её ещё не читал.

— А тот, кто тебе её дал, разве не советовал ограничить контакт с местными до минимума, чтобы вот в такие ситуации не попадать?

— Игорь, то есть чернокнижник, — ох, как нелегко быть серьёзным, когда приходится бояться чёрных магов, волшебства и шептать слово «инквизиция», — жил в моей квартире. Естественно, в этом мире, и он явно упоминал, что следовал за мной ради составления книги. Это не случайность.

— Так он тебя уже давно пасёт. — Мужичок нахмурился, вновь потянувшись за сигаретой. Ему требовалось подумать. — Тогда это действительно не твоя вина, но всё равно инквизиции лучше не попадаться. Особенно после прошлого скандала с Лукьяненко.

— Фантастом, что ли? — уточнил я.

— Да. Он, оказывается, свои книги писал специально для чернокнижника. У них цели были крупные. Но Инквизиция внимательно следит за всеми произведениями настоящих писателей, особенно за их черновиками, если они от руки пишут. Так Лукьяненко свои «Дозоры» писал на бумаге, затем набирал на компьютере. Властям говорил, что с чернилами не работает, хотя записи своему сообщнику отдавал — Нику Перумову, который спал у него в квартире под столом (со слов самого Лукьяненко). У них почти получилось закончить очень сильное заклинание. Ой, ты что, весь мир следил за этим громким делом!

— И что Лукьяненко?

— Разучили писать. Не делай такое лицо, беллетрист! Никто ему руки не отрубал. У нас это принято делать с помощью колдовства. Представь, как ужасно для творца не заниматься любимым делом!

Я представил, что меня лишили возможности создавать свои истории — это и вправду ужасно. Стало жаль Лукьяненко: мне всегда нравились его книги.

— А чем конкретно занимаются чернокнижники? Я понимаю, что они творят зло ради собственной выгоды. Просто до меня всё не может дойти, в чём таком ужасном я участвовал?

— Чёрные маги могут заниматься всем, чем угодно: от заказных убийств до ограблений, от принуждения к работе до подчинения тысяч людей — всем, что воздействует на волю человека, что разрушает, уничтожает или питает человеческие слабости. Жажда власти, денег, могущества.

— Разве это слабости?! — возражаю я. — Мне доводилось видеть и общаться с многими «высокопоставленными» людьми, и я бы не сказал, что они такие уж монстры.

— Ты приводишь не те примеры. Я говорю не о тех случаях, когда человек прибегает к посторонней помощи, а когда стремится ко власти и новым вершинам из-за страха потерпеть неудачу, проиграть, остаться одному. Когда лезут наверх не ради улучшения жизни людей, а чтобы безнаказанно творить произвол. Когда люди наслаждаются непогрешимостью или исключительностью.

Убить другого одним словом, заставить отдалиться, получить, что угодно — вот цель чернокнижников. Они становятся на путь чародейства из-за собственной слабости. Зачем учиться публично выступать и развивать харизму, когда можно составить пару слов и люди сами будут восхищаться? Зачем думать, чем заняться вечером, если можно использовать «Фри он» или другое заклинание удовольствия? Зачем думать о создании своего дела, своего бизнеса, если можно заставить других отдать деньги насильно? Зачем становиться лучше, если можно обманом влюбить в себя? Чернокнижники выбирают путь слабости, тем самым разрушая мир вокруг, разрушая себя. Они думают, что становятся сильнее, хотя всё совсем наоборот. Я не знаю, чем помог чернокнижнику ты, но здесь явно задействовано мощное разрушение. Книги только усиливают общую силу слова. Нам даже священные тексты запрещено создавать, потому что, если их сила попадёт в руки к рабам собственных пороков, святость книг превратится в оружие: крестовые походы, смерть неверных, фальшивая вера — всё это примеры немощи под маской добродетели и жестокости под псевдонимом созидания. Единственное, что ты можешь сделать — это затаиться и ждать, надеясь, что последствия не коснутся хотя бы твоего мира. А теперь уходи, писатель, домой. Я сам сообщу в Инквизицию, что кто-то создает чёрную книгу, а ты уходи... и не забудь на таможне положить шкатулку с буквоедом в карман. Сумку будут проверять.

Я будто выпал из реального мира. Чудеса больше не казались чудесами. Магия — лишь ещё одним оружием, а не милой игрушкой. И ещё тело... каждая клетка, словно в одночасье, вспомнила о возрасте и нехватке отдыха — руки и ноги потяжелели, заболела спина.

Дорога до мэрии заняла около двадцати минут. Открывшему дверь охраннику я назвал имя и фамилию, сказал, что у меня назначено по поводу «портала». Охранник спросил разрешения по рации. Дали добро. Он проводил меня в кабинет, где женщина ещё раз спросила мои точные данные, сверилась с компьютером. Пока она ждала ответа, мне пришла в голову идея.

— Извините, — обратился я к ней, — Вы не подскажете, можно ли установить личность человека, подававшего вместо меня заявление о

пользовании «колодцем».

Женщина недоуменно подняла брови:

— Другие частные лица не имеют права запрашивать разрешения на использование «порталов», может лишь сама личность, желающая вернуться в свой мир, или организация, отнесенная по классификатору ГК5, — казённым языком, официально и холодно ответила она.

— Я не понимаю. Что еще за «ГК5»?

— Это организации с повышенным уровнем государственной безопасности, такие как ФСБ, МВД, инквизиция и тому подобные структуры.

— Странно, — промямлил я, пытаюсь разгадать неожиданную загадку. — Скажите, а тогда какая организация подала заявление на мой переход? Ведь сам я его не подавал.

— Извините, это закрытая информация, — вместо ответа обрубил женщину, лишь мельком глянув на монитор компьютера.

— Пожалуйста, скажите хотя бы, эта организация относится к науке или нет? — умоляюще просил я.

Женщина пристально посмотрела на меня, какое-то время раздумывая, как поступить.

— Нет, не имеет, — коротко ответила она и усердно начала ковыряться в компьютере.

— Спасибо! — прошептал я, прекрасно понимая, что её ответ добавил лишь ещё один вопрос.

Через пять минут я получил бумажку-пропуск.

— Идите в холл. Вас там будет ждать человек, который отведёт к portalу и удостоверится в перемещении.

В холле, как и было обещано, действительно ждал ещё один охранник.

— Покажите пропуск, — приказал он. После внимательно изучения бумажки он повёл меня на улицу, оттуда во - дворы. Пришлось идти ещё минут пятнадцать. Мы блуждали между высоток, пока не вышли к обнесённой забором с колючей проволокой территории. Судя по упирающейся в небо кирпичной трубе, мы пришли к тепловому узлу или котельной.

Звонок в ворота. Ещё одна проверка документов. Прямо, как на таможне. Досмотр сумки, как и предупреждал человек. Буквоед, по его совету, спрятан в кармане. «Портал» внутри здания? Ещё несколько пунктов охраны.

— Вам сюда, — передо мной открывают железную дверь, за которой ступеньки. Я поднимаюсь по ним и оказываюсь внутри трубы, уходящей в небеса. Смотрю вверх — ночной небосвод. Смотрю вниз — в двух

метра от меня земля. Специально сделано так, чтобы легко было прыгать.

— Давайте быстрее, — торопит меня охранник.
Я возвращаюсь домой.

... Здесь всё так же шёл снег.

Добраться до своей квартиры не составило труда: сперва - до вокзала, потом поймал машину и в полусне дождался, пока не толкнули в плечо, мол, приехали.

Поднимаюсь по ступенькам, затем - на лифте. Ещё чуть-чуть - и я буду в кровати... спать. Господи, как я устал!

Но все надежды рухнули, когда входная дверь оказалась открытой. Осторожно я проскальзываю внутрь. Звуки работающего телевизора и кипящего чайника наполняют квартиру.

— Андрей Иванович, здравствуйте! — улыбается Лёша. Я облегчённо выдыхаю.

— Привет, Сергей, — здороваюсь я. Одновременно снимая вещи, направляюсь к дивану.

— Андрей Иванович, что с вами? Я — Лёша! — недоумевает фальшивый друг.

— Сергей, всё потом, — отмахиваюсь я. У меня нет сил спорить с ним.
— Всё потом, когда проснусь...

Наконец-то получилось хорошенько выспаться. Уже открыл глаза, я не спешил вставать, продолжая нежиться, наслаждаясь мягкой подушкой и теплым одеялом. Снег за окном, наконец-то, перестал сыпать. Напоминанием о метели осталась только белая пустыня и хмурые тучи, прячущие солнце.

Кто-то на кухне, громко звякая ложкой, размешивает сахар. Собственно, от этих звуков я и проснулся. Этот кто-то — Лёша-Сергей. Вспомнив о предстоящем разговоре, я захотел подниматься ещё меньше. Понимаю, что, стоит только оторвать голову от подушки, как на меня сразу же обрушатся все безнадёжные вопросы. Но, сколько ни лежи, всё равно рано или поздно придётся столкнуться с неприятностями.

— Всю ночь здесь сидел? — спросил я у Лёши, остановившись в проёме кухни.

— Да... — кивнул он, — чайник горячий.

Я прошёл к плите, заварил кофе, в чашку налил молока, и лишь затем сел напротив него. Все-таки непривычно видеть его одетым не по уставу.

— Можно сразу к делу переходить или сначала о погоде поговорим?

— спросил Лёша, оставаясь серьезным.

Чувствовалось, что предстоящий разговор ему так же неприятен, как и мне.

— Сразу к делу, — мне тоже хотелось поскорее выяснить всё, чем попусту ходить вокруг да около.

— Хорошо, — сказал Леша официальным тоном. Явно ощущалось, как натянуты наши отношения. — Как Вы догадались?

— О чём? Что ты Сергей? Кстати, как мне тебя называть?

— Лёша — это мое настоящее имя.

Я ему верил.

— А Сергея ты выдумал, чтобы без риска мне свою историю рассказать?

Вместо ответа он сдержанно кивнул.

— Андрей Иванович, говорите, о чём Вы ещё догадались... И можете свободно вопросы задавать.

— Откуда мне знать, что ты на них честно ответишь?

— Я буду отвечать честно, насколько мне это позволено.

Он отхлебнул из чашки, я сделал то же самое.

— Знаю я совсем немного, а если быть более точным, то ничего — одни догадки и предположения.

— Интересно послушать, как глубоко Вы смогли проникнуть в суть и как объемно видите ситуацию.

— Ну что ж... — начал я строить догадки. — Во-первых, я думаю, что нахожусь на прицеле у той организации, на которую ты работаешь. Кстати, хотелось бы узнать, что за структура следит за мной: МВД, Инквизиция или что-то особенное?

— Инквизиция, — подтвердил он мои догадки.

— Так вот, — продолжил я, — под наблюдением у Инквизиции я довольно давно. Не знаю, правда, насколько. И папки с записями из моей квартиры забрали именно вы. Это подтвердилось, когда «Гоогл» не нашел черновики в продаже на чёрном рынке. А кому они ещё на фиг нужны? Записи у вас? Зачем они Инквизиции?

— Так безопаснее... — ответил он, плохо скрывая ложь.

— Лёш, ты обещал быть честным, — с укоризной напомнил я, — насколько это возможно.

— Нам требовалась выяснить, что за текст составляет Игорь.

— И вы решили это узнать, выписав исчезнувшие буквы из черновиков? Ясно. Что за текст у вас получился? На что он направлен? — эти вопросы меня волновали даже больше самой Инквизиции: ведь я тоже виноват в том, что огромная сила оказалась в руках непонятно у кого. Естественно, мне хотелось знать, какого масштаба беды ждать.

— Андрей Иванович, извините, но это именно то, что я не могу Вам рассказать. Служебные ограничения.

— Ладно, допустим, — не стал я настаивать. — Но вы хотя бы вернёте мои черновики?

— Понятия не имею, — пожал он плечами. — Я всего лишь исполнитель и знаю лишь то, что мне позволяют знать. Но из опыта могу сказать одно наверняка: в ближайшие несколько лет вы их не получите.

— Оч-ч-чень приятно! — я уставился в окно, погружившись в раздумья. Даже не знаю, на самом ли деле они так нужны мне, или это просто обычное собственничество требует, чтобы моё осталось у меня.

— Хочу спросить, — прервал мои размышления Лёшин голос. — Интересно, как Вы догадались, кто я на самом деле?

— Я заезжал к «поисковику» на чёрный рынок...

— Это мне известно, — перебил он, но я не обращая внимания, продолжил.

— ...и там, пользуясь случаем, решил разыскать Сергея. Хотел снять с тебя груз вины за исчезновение мальчишки. Задал приблизительное время, когда пацан исчез из нашего мира. Всё, что я смог выяснить — после его пропажи кто-то начал очень часто использовать тот «колодец». Кто-то из твоих друзей? Может быть, но вряд ли. Потому что наверняка друзей-то и не было — дыра в земле стала твоим личным открытием. И ты начал бегать туда, словно на работу. А ведь работу тебе совсем скоро предложили, ведь так?

Лёша в очередной раз сдержано кивнул:

— Инквизиция в тот момент искала «служителя» в нашем городе. Оказавшись в другом мире, я и перепугался до чертиков, и в то же время меня тянуло к неведомому. Я даже не сразу понял, куда попал. Пришёл к бабушке, а там совсем чужие люди. Испугался до смерти. Они-то мне все и объяснили: и про магию, и про миры. Я радовался, как сумасшедший. Ещё бы! Открытие нового мира означало: то ощущение на уроках физики, что есть что-то неизмеримо большее наших знаний, меня не подвело и я оказался прав. Затем меня отвели в мэрию, где ещё раз более подробно рассказали о двух мирах, о различиях и схожести. Пришёл мужчина, как потом выяснилось «вербовщик» Инквизиции. Он-то и предложил мне стать «служителем» в моём мире.

— Почему ты? Ты же тогда был ещё совсем ребёнком?

— «Вербовщик» сказал, что, если я соглашусь работать, то буду обязан подчиняться ряду ограничений. Во-первых, я никогда не смогу отказать от службы. Работа в Инквизиции - на всю жизнь. Во-вторых, у меня никогда не будет семьи. Часто, не говоря ни слова, по первому приказу мне приходится исчезать на несколько месяцев. В таких усло-

виях семью иметь сложно. Какая женщина согласится на такое? Андрей Иванович, не смотрите так. В моей работе есть и плюсы. Например, полное материальное обеспечение и возможность использовать даже самую редкую магию. О чём говорить, я согласился.

— И что, наниматели выполнили обещание? — спросил я.

— Да, больше, чем на сто процентов. Инквизиция — это международная и межмировая организации, наподобие Интерпола. Её главная цель — отслеживать и пресекать любые нарушения, связанные с альтернативной физикой.

Было видно, что он гордится своей работой, ещё больше напоминая размахивающего игрушечным мечом мальчишку.

— Как ты оказался служителем инквизиции, теперь ясно. Только вот я вам на кой чёрт нужен? Если Игорь, чернокнижник, использовал силу моих текстов, нарушая закон, с ним бы и разбирались! Я при чём? Зачем требовалось разыгрывать всю эту комедию с дружбой? — сколь тщательно я не пытался скрыть обиду, дрожащий голос все равно выдавал меня.

Лёша хмыкнул:

— Андрей Иванович, подумайте сами. Сцапали мы Игоря, и что? А вдруг он всего лишь исполнитель Вашей воли? Спятивших магов с амбициями властелина мира — чуть ли не каждый второй, а настоящих, могущественных литераторов — единицы. Обезвредили одного, появился другой. Начальство поставило передо мной задачу, в первую очередь, выяснить долю Вашего участия во всём этом... проекте.

— Неужели ты так долго не мог во мне разобраться?

— Постарайтесь сейчас встать на наше место! — Лёша старательно избегал признавать свою роль одной из главных, постоянно делая акцент на служении Инквизиции: «Я всего лишь пешка в руках игрока».

— Вы очень сильный писатель — это раз. Вы пишете ручкой, что в наше время большая редкость, и проходящую через вас силу можно использовать для любого заклинания — два. Вы раскладываете записи по полу и надолго оставляете их без присмотра, будто специально хотите, чтобы энергию букв украли — три. Дальше, всё это начинает усиливаться, когда Вы бросаете жену. У Вас резко меняется характер.

— Я бросаю?! — чуть не заорал я. — Как вы за мной следили, если даже не заметили — это она от меня ушла!

— Извините, Андрей Иванович, но я просматривал данные последних нескольких недель до разрыва ваших отношений — Вы так себя вели, словно специально провоцировали развод. По всему было видно, что вы намеренно проявляли холодность, грубость, нетерпение... Вели себя как форменный идиот. Я вообще не представляю, почему она вы-

носила всё это так долго? Как только сверху сообщили, что мне придётся с Вами общаться и показали память служителя, наблюдавшего за Вами в родном городе, мне захотелось провалиться сквозь землю. Я не представлял, как можно быть столь мерзким типом и одновременно писать такие человеческие статьи?

— Я действительно так отвратителен? — злости уже не было, скорее, мне хотелось понять, на самом ли деле именно я послужил причиной разрыва с женой? До этого момента я ни разу не думал, что вёл себя ужасно и винил во всем именно её.

— В жизни - нет, — отрицательно покачал он головой, — но то, что я видел... это словно были и не Вы. Честно говоря, для меня до сих пор остаётся загадкой такая резкая смена характера. — Лёша сделал паузу, чтобы вымыть чашку. — В общем, расставшись с женой, Вы с головой погружаетесь в творчество. Теперь Вас уже ничто не отвлекает. Вы недели напролёт без выходных пишете. Со стороны это выглядит так, будто Вы задались целью закончить проект Игоря в кратчайшие сроки...

— А Вы не думали, что я своим трудоголизмом просто заглушал тоску по жене?

— Это я, и люди наверху, поняли только сейчас. Но тогда всё выглядело слишком подозрительным, чтобы поверить в Вашу непричастность к чёрному рынку магии.

Я лихорадочно пытался соединить все элементы мозаики вместе, что пока получалось плохо: слишком много оставалось «белых пятен». Нужно было дослушать до конца.

— Когда стало понятно, что на расстоянии нам не определить долю Вашего участия в проекте Игоря, мне было приказано «подружиться» с Вами. — Судя по опущенным глазам, ему было неловко за псевдодружбу.

— И что ты узнал из нашей с тобой... дружбы? — я и не собирался его жалеть. Лёша неприязненно поморщился, прекрасно уловив в моих словах иронию.

— За время нашего общения у меня сложилось впечатление Вашего полного неведения о существовании магии и другого мира... Но скоропалительные выводы делать нельзя! Когда Инквизиция почти поверила в Вашу невиновность и собралась брать Игоря, Вы обнаружили пропажу букв. Опять же, эту ситуацию можно рассматривать двояко — или Вы действительно «случайно» так не вовремя сделали это открытие, или же это тонкий расчёт, направленный на запутывание. Вариантов много, а действовать нужно было немедленно — до финального этапа операции оставалось не так много времени.

— Тогда начальство приказало рассказать мне о существовании «ко-

лодца», так? — догадался я.

— Именно, — кивнул мой собеседник. — Наверху решили, что тут Вы себя наверняка проявите. Станет ясно, кто Вы на самом деле — случайный донор для идей Игоря, или же его сообщник. Хотя я уже на тот момент был твердо убежден в Вашей невиновности. Мне предоставили «колодец», который я должен был показать Вам. В нашем городе это единственный портал открытого типа.

— То есть? Что значит «открытого» типа?

— Неужели Вы думаете, что все переходы легко доступны — подходи да прыгай? Если бы так было, здесь бы уже давно все знали о существовании иного мира. Нет, все официально зарегистрированные порталы хорошо замаскированы и охраняются. Из них сделали своеобразные КПП, чтобы избежать нежелательной иммиграции и вытекающих проблем. В одном из КПП Вы побывали на обратном пути.

В памяти всплыла уходящая в небеса кирпичная труба. Сейчас она казалась чем-то нереальным, игрой воображения, хотя прыгал я всего несколько часов назад.

— Ну, и какие выводы сделала Инквизиция после моего прыжка в другой мир?

— А Вы сами как думаете, Андрей Иванович? Если бы мы заподозрили Вас, то тут же началась операция по задержанию Вас и «подельника». Но вот Вы сидите сейчас здесь...

— Хорошо. Только я всё равно не понимаю, зачем Вам понадобилось моё путешествие в другой мир, а? Зачем послание это было?

— Какое? — не понял Леша.

Я не поленился и сходил в коридор, где в кармане куртки лежал смятый клочок бумаги. Вернувшись в комнату, я протянул его Лёше.

— «Прыгай. Найди буквоеда!» — прочитал он вслух, а затем перевёл взгляд на меня. — Это не наша работа. — В его голосе слышалось сожаление.

— А чья? — недоверчиво сощурился я. Мне почему-то казалось, что это послание — очередная хитрость Инквизиции.

— Это уловка Игоря, — озвучил мои догадки Лёша. — Он рассчитал всё до мелочей, а вот мы — нет...

— Постой! — не поверил я своим ушам. — Ты хочешь сказать, что Инквизиция его упустила?

— Мы думали... точнее, Игорь сделал так, чтобы все участники операции думали, как выгодно ему — что у него лишь половина необходимого текста, и что в запасе у нас ещё много времени. Инквизиция слишком привыкла к лёгким победам, в итоге оказавшись несостоятельной из-за собственной самонадеянности. Это была наша главная

ошибка.

На самом же деле, Игорь идеально разыграл партию, тонко просчитав и все наши ходы, и Ваши, Андрей Иванович. Теперь у него в руках огромная сила, а мы не имеем понятия, куда Игорь её применит и чего он вообще добивается. Сейчас все силы инквизиции будут направлены на его поиски и устранение последствий провала операции. А последствия могут быть невероятных масштабов: ведь книги подобной силы не появлялось уже много столетий.

— Неужели, имея в своем распоряжении сильнейшую магию и новейшую технику двух миров, нельзя разыскать одного человека?! — возмутился я.

— Во-первых, он тоже владеет магией и техникой, а во-вторых, как Вы правильно подметили, наши поиски распространяются даже не на одну страну, а на оба мира. Мы не знаем, где и что Игорь собирается сотворить. Единственное, что известно наверняка — если его не остановить, последствия затронут каждого жителя Земли.

— А что делать мне? — хотя я всё ещё злился, это не умаляло моего желания помочь найти Игоря. Все-таки я чувствовал за собой изрядную долю ответственности.

— Вам? Жить дальше под нашей бдительной охраной и пока что не писать.

— Почему?

— Потому, что так надо! — не скрывая своего раздражения, ответил Лёша. — Дополнительные разъяснения получите позже, уже от моего начальства.

— Исчерпывающий ответ, — зло съязвил я, на что он лишь пожал плечами.

Куда делся тот парень, что жаждал как можно больше узнать о моих трудах — навязчивой страсти покойного отца? Все эти искренние вопросы — а как, а что, почему и зачем — всего лишь расчёт, в надежде увидеть мое истинное обличие?

Злостью ли я? Нет, наверное... Скорее всего, мне просто обидно, что фальшь может выглядеть так искренне. Мне обидно, что я потерял друга.

— Зачем меня охранять? Ты думаешь, я сам за себя постоять не смогу? — внутри меня всё кипело.

— Андрей Иванович, я совершенно уверен, что за всю жизнь Вы побывали во многих передрыгах и неизменно выходили победителем, — говорил он спокойно, даже, можно сказать, нежно, словно разговаривал с маленьким ребёнком, что бесило ещё больше. — Но поймите, сейчас это не та ситуация. Вы сейчас беззащитны.

— Или ты объяснишь толком, зачем мне нянька, или я тебя даже слушать не стану, — пригрозил я самым страшным из всего того, что смог придумать, прекрасно понимая, что мои угрозы больше похожи на детский лепет. — Вы боитесь, что Игорь хочет от меня избавиться? Зачем я ему? И какой такой силой он теперь обладает? Он что, может испепелять взглядом, вызвать молнии, засорять канализацию?

— Нет, ничего такого он не может. Созданная им книга наделила его силой иного порядка, — в очередной раз уклончиво ответил Лёша. — Но у него наверняка есть достаточно заполненных заклинаниями букведов. Мы следили за ним с тех пор, как он записал одну треть книги — это по приблизительным подсчетам. Приступая к реализации своей идеи, Игорь, как и всякий хороший стратег, подготовил арсенал самых разных заклятий. Как говорится, на все случаи жизни. Так что у него хватит и оружия, и защиты. Живым Вы ему совсем не нужны — черно-книжник может опасаться, что Вы станете сотрудничать с Инквизицией, дав нам достаточно энергии для создания достойного заклинания-антидота, противодействующего силе Игоря. Убить Вас для него намного безопаснее, чем рисковать, оставляя в живых. Теперь понятно, зачем Вам нянька?

Ответом был тяжкий вздох:

— Согласен, что ничего не знаю о возможностях магии. Скорее всего, большинство моих представлений о волшебстве на деле — ненужный хлам. Силу Игоря мне и впрямь тяжело представить. Ведь маги для меня — всего лишь мальчишки, размахивающие волшебными палочками. Одним словом — чушь.

— Э-э... Волшебные палочки не чушь, — улыбнулся Леша. — Ну, естественно, не так, как эта в книжках описано — внутри них перо феникса или кусок кости единорога — нет. На самом деле, у так называемых палочек на конце находится или магнит, или светодиод. И за счёт очерчивания в воздухе символов, заранее на бумаге приравненных к определённому заклинанию, происходит взаимосвязь текста с определённым символом и объектом воздействия. Это одна из сложнейших систем использования магич...

— Хвати! — остановил я его. — Я ещё раз удостоверился, что ни черта не знаю и ты мне нужен.

Собеседник удовлетворённо кивнул, окончательно сломав мою волю, а с ней - и всякое сопротивление.

Мы уже перебрались в комнату. Я сидел на диване. Лёша в кресле.

— Где мои листы? — я только что вспомнил об оставленных на полу страницах, которых сейчас, конечно же, не было.

— Там, где и все остальные записи — в хранилище.

— Но почему мне запрещено писать? Разве вам не выгодно самим использовать мою силу, а записи оставить в хранилище?

— Мне приказано воспрепятствовать любым Вашим попыткам что-нибудь написать.

У меня, действительно, была одна идея по поводу того, как мне использовать буквоеда, что сейчас лежал у меня в сумке.

— Слушай, Лёш. Если сейчас не опишу произошедшие со мной события, потом большинство подробностей забудется. Ты же не хочешь, чтобы моя история была утеряна для потомков? Или ты только притворялся поклонником моего творчества и тебе все равно?

Видно было, что я зародил в нём зерно сомнений.

— Андрей Иванович, перестаньте на меня давить, — нахмутив брови, возмутился он. — Во-первых, даже позволь я Вам записать продолжение этой истории, наверняка в том мире в комнате присутствует свой служитель инквизиции. Он заметит по Вашему фантому, что Вы делаете. И меня не позднее, чем через час, сменит другой, менее сговорчивый служитель. И ещё, я не верю, что Вы просто страждете записать историю.

Он меня раскусил, что можно обернуть в свою сторону.

— Ты прав, — повинился я. — На самом деле мне нужны записи, чтобы составить из них заклинание.

— Но как...

— Я взял сюда буквоеда, — предугадал я его вопрос. Лёша не смог скрыть испуг. — Мне его дал один человечек за проделанную работу. Теперь хочу составить всего одну фразу, с помощью которой, думаю, смогу совладать с Игорем. Она мне нужна на случай, если наша встреча все же состоится.

— Андрей Иванович, Вам это ни к чему! О Вас заботится такая могущественная организация, как Инквизиция, и...

— И что?! — в очередной раз перебил я его. — Если «такая могущественная организация, как Инквизиция» позволила Игорю уйти, то я не верю, что она сможет позаботиться обо мне. Лёш, прошу тебя!

— Но даже если Вы и напишете достаточно текста, то откуда узнаете, какие из этих букв подходят? Ведь в этом мире так просто не увидеть их сияния! — продолжал он возражать, но уже не так настойчиво. — Да и правильное составление заклинания — настоящее искусство.

Ещё чуть-чуть - и мне удастся его уговорить.

— Неважно, главное, чтобы у меня были патроны, а оружие и цель я найду. Остаётся вопрос, как сделать так, чтобы мои записи не заметил служитель в том мире?

В общей сложности, мне пришлось потратить еще около получаса,

чтобы окончательно убедить его в необходимости осуществления моей задумки. В конце концов, он сдался, сказав, что с удовольствием отдохнет подольше от моего упрямства.

— Попробуйте сделать вид, будто отмокаете в ванной. По крайней мере, это даст дополнительные полчаса форы.

Я взял листы, ручку, плеер, делая вид, словно ищу сменное белье, затем отрываю краны, настраиваю температуру воды, закрываю слив пробкой.

— Всё должно выглядеть так, будто Вы надолго идёте купаться, — советовал Лёша. — Не сидите в ванной, скрючившись, лежите, словно расслабляетесь.

— Так я много не напишу!

— А иначе Вы вообще ничего не напишете! — стоял он на своём. — Чем позже заметят, тем позже меня отстранят и пришлют замену. А лучше пусть вообще не знают.

Пришлось сделать всё, как было велено, притворившись, будто снимаю одежду и ложусь в наполненную ванну. Н-да, неудобно лежать одетым в пустой холодной колыбели из чугуна.

Приготовив ручку, чистые листы и надев наушники, я включил плеер, как обычно, с помощью музыки стараясь настроиться на творческую волну.

«Раз... раз... два... Проверка микрофона... Андрей, Вы меня слышите? — раздался с трудом узнаваемый голос Игоря. — Извините, что говорю тихо, просто не хочу разбудить Вас. Вы так мило похрапываете в комнате... А я на кухне, пью кофеёк. Во-первых, хочу поблагодарить Вас за столь важный, хоть и неосознанный вклад в моё... хм-м... даже, можно сказать, в наше общее дело. Без Вас у меня ничего бы не получилось. Благодарю! Во-вторых, данная запись будет подтверждением Вашей невиновности. Так как Инквизиция ещё долго будет ходить за Вами хвостом. И даже сейчас, когда я уже наверняка далеко от бушующего пожара и всем ясна Ваша непричастность ко мне... они всё равно не оставят Вас в покое...».

Только сейчас до меня дошло, что Лёша на самом деле не столько призван охранять меня, сколько пасти, чтобы я никуда не делся. Бьюсь об заклад, он сейчас звонит «наверх» сообщить, что у меня есть буквоед и я готовлю заклинание, возможно, для побега. Винить ни его, ни начальство инквизиции за такую подозрительность я не имею права. Откуда им знать наверняка, а вдруг я так же обвожу их вокруг пальца, строя из себя невинную овечку, как обвёл их Игорь.

«...Дальше хочу извиниться за то, что последний год Вы провели в одиночестве. Ведь это я виновник ухода Вашей жены. Если бы была

возможность, Вы могли бы попросить у кого-нибудь из инквизиторов «зеркало малька» и посмотреть отражение своей правой лопатки. Замки у Вас в доме слишком ненадежные, рекомендую их сменить. Мне требовалось достичь цели в кратчайшие сроки, а для этого пришлось освободить Вас от всех обязательств, в том числе и уз брака. Ещё раз, мне жаль... Но Вы пострадали не зря, обещаю...»

Мне хотелось заорать, закричать, выдрать наушники и разбить заключенный в плеере голос о стену. Но я продолжал вслушиваться в спокойный, уверенный баритон Игоря, не смея пошевелиться.

«...Вас, должно быть, интересует вопрос: «Для чего, зачем всё это?». Увы, в целях безопасности пока ответить не могу, так как лишняя информация может натолкнуть инквизиторов на мысль о моем местонахождении. Скажу только, что сложившееся устройство моего родного, но чуждого Вам мира меня совершенно не устраивает, и я, как настоящий учёный, пытаюсь всё изменить. В будущем мой мир воздаст Вам по заслугам. Я за этим прослежу лично.

Итак, подведём итоги.

Андрей, к сожалению, оставить Вас в живых я не могу. Думаю, Вам уже объяснили, почему. Я только добавлю, что мне Вы глубоко симпатичны и в моем поступке нет ничего личного — «только бизнес». Сейчас, пока идёт запись и Вы спите в соседней комнате, Ваша смерть недопустима, так как может повлечь немедленный арест. Так что я доверился Вашему неудержимому желанию писать. Зная, что перед тем, как приступать к созиданию, Вы слушаете музыку и догадываясь о Вашем природном любопытстве, устранить Вас несложно. Помните: предсказуемость убивает!

Мне искренне жаль, что приходится лишать Вас жизни. Жаль, что наше личное знакомство оказалось столь непродолжительным. Ещё раз, спасибо, и... прощайте!»

Я ещё не до конца понял, что происходит, пытаюсь избавиться от неприятных ощущений, когда...

Прежде, чем я успел снять наушники, раздался пронзительный писк, от которого заложило уши. Каждую мышцу свело судорогой, а изо рта вырвался стон бессилия. Больше я не смог издать ни звука. Голова запрокинулась назад, сильно ударившись о ванну, так, что раздался гулкий звон. Тело сжимали тысячетонные тиски. Ещё чуть-чуть - и мои кости, хрупкие соломинки, превратятся в муку... Боль была невыносимой, сознание мутнело, пока окончательно не погасло.

— Андрей Иванович, всё в порядке? — услышал я во мраке. Вслед за тем боль отступила.

— Откуда я мог знать, что заклинание может быть активизировано с помощью звука? — я вспомнил, как Игорь выразил сожаление о моей смерти. Неприятный озноб разошёлся по телу. — Тогда мне не верилось, что он желает моей смерти.

Я лежал на диване, выжатый до капли, не имея сил даже пошевелиться, тело безумно болело. Лёша объяснил, что это заклинание называется «Тиски», один из самых быстродействующих, но и болезненных способов убить. Ещё секунд двадцать - и мое тело превратилось бы в лепёшку. На вопрос, как я выкарабкался, Лёша ответил, что у каждого служителя есть набор наполненных буквоедов, что-то вроде магической аптечки. Одно из наиболее часто используемых заклинаний — это блокировка магического воздействия. Если «Тиски» действуют полторы минуты, то обезвредить её можно «Блокировкой» за две минуты. Когда истекает время воздействия заклатья, оно становится безвредным. Вся магия уничтожения очень мощная, поэтому требует много энергии. Быстро действует, но и быстро сгорает.

— Покажи «зеркало» ещё раз... — прошу я Лёшу и переворачиваюсь на живот, чтобы открыть спину.

Как объяснил Лёша, это называется «Отворот». Его подобие используют бабки, когда девушка хочет отбить мужчину у соперницы.

Отражённая в зеркальце надпись больше всего походила на гематому или родимое пятно. Если направить зеркало на уши, то можно увидеть черные потеки — последствия «Тисков». На левой щеке - белесая надпись «Блокировки»: «Стоп магия. Стоп. Стоп!».

Лёша убирает «зеркало», а я переворачиваюсь на бок, лицом к стенке, морщась от каждого движения и вдоха. Больше всего мне сейчас хочется заплакать, как можно скорее свалить из этого чёртова города и отправиться домой в Питер вымалывать у своей жены прощение за то, в чём я не виноват. Лишь отделаюсь от этой Инквизиции, так и поступлю, навсегда забыв и о другом мире, и о заклинаниях, и о подставных друзьях, и о чернокнижниках... Как можно дальше сбежать от все этой чужой и чуждой чертовщины...

Никогда не смотрю новости, а тут вот потянуло включить телевизор.

«...В течение последних двенадцати часов по всему миру образовалось ещё около трёхсот карстовых провалов. Около пятнадцати человек погибло, более полутысячи домов стали непригодными для жизни...»

Под официальные, немного взволнованные комментарии дикторши показывали кадры десятков пугающих огромных дыр в земле от двадцати метров в диаметре... Когда я видел похожие фотографии в Ин-

тернете, эти дыры казались мне чем-то немыслимым, пугающим: где это видано, чтобы твёрдая, надежная почва под ногами вдруг превращалась в зыбкий песок, чтобы уже в следующий миг проглотить, уволочь в темноту за собой невинных?! Но сейчас я испугался по-настоящему. Одно дело - несколько таких дыр на всю планету, совсем другое - когда их сотни буквально под боком. Что это — очередная месть природы за то, что мы её разрушаем? Или что-то ещё?

Я глянул на часы - начало двенадцатого ночи. Думаю, Лёша простит меня за столь поздний звонок. Потянувшись за телефоном, я невольно поморщился от боли. Сколько с тех пор прошло? Четыре или пять дней, а тело до сих пор не пришло в норму.

Набирая номер и ожидая ответ, всё думал, не слишком ли я много от Лёши требую. Как и предупреждал Игорь, он отвез начальству плеер с записью, а то, в свою очередь, самолично мне позвонило, даже не представившись, сообщив басом, что я для Игоря не представляю интереса и меня можно не «охранять». Правда, присматривать за мной будут всё равно. Прозвучало это вполне однозначно, мол: «Не делай резких движений, беллетрист!»

Уезжая, Лёша сказал, что увидеться в скором времени не получится, а, может быть, - и вообще. Большинство сил инквизиторов стягивают в тот мир, потому что, вероятнее всего, Игорь задумал действовать там.

— В записи чернокнижник упомянул, что его удар коснётся того мира. К тому же его видели в соседнем городе. Вот начальство и решило отправить нас туда.

— По-моему, Игорь всегда поступает наоборот — не так, как от него ждут, — возразил я, с чем мой оппонент полностью согласился, жалуясь на все тяготы и лишения младшего офицера инквизиции.

— Про карлика что-нибудь известно? — перевел я разговор в интересное меня русло.

— Да, мы его нашли. Он, действительно, хозяин небольшого зоомагазинчика в квартале чёрного рынка. Говорит, ему заплатили за то, чтобы он подарил буквоеда пришлому писателю. Игорь хотел «убрать» Вас как можно скорее. Вот и спровоцировал на составление заклинания, дав в руки буквоеда. Он знал, что без музыки вы не пишете. Предсказуемость действительно убивает. А я, дурак, пошёл у Вас на поводу! — Было видно, что Лёша винит именно себя. Недоглядел.

— Как хочешь, а буквоеда я не отдам! Инквизиция меня не защитит, — с уверенностью заявил я. Вопреки ожиданиям, Лёша замаялся, над чем-то раздумывая.

— Завершите то, что не доделали. Но если что, сразу звоните! — сказал он на прощание и протянул то самое «волшебное зеркальце» —

крышку от хранилища буквоеда. Тогда я не понял, зачем оно мне. — С его помощью можно в тексте заряженные буквы видеть... Оно как бы показывает отражение другого мира: ведь зеркальце долго отражало чары буквоедов.

Я принял подарок с благодарностью — теперь у меня есть всё, чтобы подготовить нужное заклинание. На что я и потратил последние четыре или пять дней!

Звонил я Лёше наобум, совершенно не представляя, находится он сейчас в этом мире, или его уже давно переправили в иной.

— Андрей Иванович, мне некогда, — наконец раздался его торопливый шепот.

— Лёш, я быстро, мне просто кое-что спросить надо.

Секунды тишины.

— Подождите, — он опять замолчал, послышались шаги, хлопнула дверь, и уже совсем чужой голос процедил, — Что Вы хотели?

— Я тут из дома четыре дня не вылезал. Ты же знаешь, так всегда бывает, когда я работаю...

— И?! — поторопил он меня.

— Только что телевизор решил посмотреть, а там... сотни дыр по всей Земле образовались. Точно, карстовый провал в Гватемале!

— Что? Какая еще Гватемала? — уж слишком подчеркнуто равнодушно спросил он, желая показать свое якобы неведение.

— Это ко мне никак не относится? Что это за дыры? Откуда они?

— Я что, справочное бюро? Откуда мне всё знать?! Подумаешь, дыры какие-то в земле, а чего мне звонить?!

— Лё-ё-ша! — потребовал я, не веря в его неведение.

Из трубки донесся тяжкий вздох.

— Такие дыры в земле образуются, если «колодцы» перекрываются с помощью магии. Размер провала зависит от того, какого размера «круги» на выходе.

— В том мире такие же страшные дыры?

— Нет. Игорь... а то, что это сделал именно он, нет никаких сомнений, хотя и непонятно, каким образом ему удалось достичь столь масштабного эффекта... Игорь перекрывает выходы в этот мир. В том мире всё в порядке.

— Но зачем ему это?

— Потому что сейчас большинство служителей там рыскают в его поисках и он перекрывает им пути возвращения.

— То есть отсюда туда можно попасть, а обратно пути закрыты. Люди там застряли навсегда?

— Нет. Если вход колодца существует, то действующий выход образуется на новом месте через какое-то время. Год, два, пять... в зависимости от параметров колодца.

— Так у Инквизиции здесь вообще нет сил? И кстати, ты сам почему здесь?

Он сдавленно засмеялся.

— Не поверите... из-за «зеркальца», что я Вам оставил. Пока не оформил его пропажу, не имел права перемещаться в иной мир — одно из правил. Вот меня и оставили здесь с ещё несколькими недотёпами. Чёртова бюрократическая волокита сослужила добрую службу. Так что мой подарок Вам в какой-то степени меня же и спас. Ну, а насчёт Инквизиции... главное начальство в том мире, силы тоже. Можно заручиться поддержкой местного правительства, но содействие будет минимальным. Уже неоднократно проверено! Слишком они не хотят, чтобы люди сталкивались со странностями. Проще говоря, мы в незавидном положении. Игорь явно в этом мире, где нет и не будет сил, имеющих возможность предотвратить его восхождение. А когда это станет возможным, он будет уже неприкасаем.

— Так, а чем это грозит? Чем он опасен, теперь-то ты мне сможешь сказать?

Тяжкая тишина.

— Извините, Андрей Иванович, мне нужно бежать.

— Лёша... Лёша!

Вместо ответа - гудки.

Ну что ж, я пошёл на кухню заварить кофе, чтобы с чашкой горячего напитка отправиться дальше «кормить» заклинанием своего буквоеда.

Ах, если б только знать! Тогда наверняка можно было подготовиться, сделать всё по-человечески, а не вот так... как получалось. Слова сказать другие, более значимые, значительные для нас обоих, и уж не вымаливать крохи правды о мире, в котором живу, который всегда мне казался понятным и размеренным, а на деле оказался двуличным подлецом, со своими законами и истинами...

Помню, в те дни мне казалось, что стою я на самой вершине мира... Передо мной, «почти журналистом, почти что на пенсии», открылись удивительные перспективы, о которых большая часть населения планеты Земля может только мечтать.

Ах, если б знать, что прекрасное будущее вмиг может стать зияющей дырой в земле. И нет уже ни магии, ни дурацкой патентной политики, ни таксиста на «Волге» с электромотором... Есть лишь странные взгляды и рекомендации обратиться к врачу, если окружающие начинают

слышать в твоих рассказах не очередной сюжет истории, а воспоминания. От этого становилось только тоскливее.

Как можно жить, зная, что чудеса существуют, что они реальны, как зажигалка или аспирин в аптеке, лишь стоит только доказать, суметь вселить в людские умы надежду и веру в невозможное. Но всё попусту, потому что людей, знающих об обыкновенных чудесах, называют фантастами или психами. Я — фантаст.

Лёшин голос больше мне не ответит. Вместо него девушка скажет, что такого номера не существует, и езжай-ка ты, Андрюша, домой, ведь все равно нечего тебе тут делать...

Вокзал. Сердце больше не замирает от стука колес и запаха мазута, потому что в памяти сразу всплывает длинный состав на воздушных подушках.

Нечего тебе, Андрей Иванович, тут делать. Покупай новый плеер, потому что старый, любимый, так и не вернули, и вали ты в свой Питер добиваться незаконно отнятой жены обратно.

Я — фантаст, или все-таки - сумасшедший, раз мечтаю о мире, который чуть не убил меня и от которого я обещал сбежать навсегда? Честное слово, не знаю... Не знал бы, если б не лежали в моей сумке маленькое зеркальце да серебристая коробочка, а внутри... БУКВОЕД.

Только это не конец, я знаю. Потому что моя статья не дописана, а любая незавершённость стремится пройти путь до конца. И моя статья любой ценой будет окончена.

Часть II. Загадка про муху в автобусе

Удивительно, но я только сейчас вспомнил, что мушиный вопрос появился в тот самый день. Память часто играет с нами в свои странные игры. Мне почему-то казалось, что день рождения загадки приходится на мои шестнадцать или около того лет. А сейчас, сидя на вокзале не ради вдохновения, а в окружении чемоданов, я вдруг отчётливо понял, точнее, это само всплыло в памяти - как я еду в переполненном автобусе. Лучи утреннего солнца прорываются в окна, слепя ещё заспанных пассажиров. Обеими руками я держусь за поручень, уткнувшись лбом в кисти рук, и позволяю мерному покачиванию автобуса и гулу мотора нагонять на меня сон. До выхода ещё остановок десять, и я могу позволить себе барахтаться в зыбкой жиже полусна. По закрытым векам скользят тени зданий и деревьев. И, кажется, что и эта дорога, и эта дремота могут продолжаться вечно...

И вдруг идиллию нарушает какая-то мелочь — перебивая беснующийся мотор и шёпот людей, мерзкой занозой в мой двадцатилетний мир вклинивается муха. Она беспардонно садится мне на пальцы, не желая слетать с них, и даже не реагируя на мои попытки прогнать её. Пришлось приподнять голову, чтобы увидеть ту, что лишила меня сна. Но, видимо, почувствовав неладное, она с громким жужжанием взлетает, начиная патрулировать воздушное пространство автобуса на безопасном расстоянии от меня.

Разлепив один глаз, я наблюдаю, как толстое насекомое нарезает круги над головами сидящих пассажиров. Тут-то и всплыл в памяти учебник ненавистной физики за какой-то там класс. По-моему, даже законы Ньютона. Что-то о силе притяжения — вспомнились картинки, где с помощью стрелок показан падающий вниз шар, а по земле едет тележка с такой-то скоростью. И получается, что, пока шарик достигнет уровня тележки, та к тому моменту уже смещается в сторону, если вообще не уехала чёрт знает куда. И надо было такому случиться, что я, сам того не желая, сопоставил муху с падающим шариком, а автобус — с тележкой. Всё, загадка века готова!

Помнится, с кем я только ни разговаривал о злосчастной мухе! Мог часами пытаться вытянуть из очередного случайного собеседника, от

академика до кухонного философа, всех, как одного, выводя из себя своей непроходимой тупостью, пока в отчаянии от меня не сбегали или не пытались убить.

— Ну, вот смотри... Автобус едет со скоростью 60 километров в час... — в который раз объяснял я условия выдуманной задачи.

— И? — ждал продолжения очередной несчастный, даже не догадываясь, какой ад его ждёт.

— Муха летает по кругу внутри автобуса. Видел когда-нибудь такое?

— Да. Муха летает по кругу в движущемся автобусе, видел. И в чём же загадка?

— То есть получается, что муха летает внутри автобуса со скоростью больше, чем 60 км в час?

— Почему это?

— Ну, посуди сам: муха летает относительно Земли. То есть муха, в первую очередь, преодолевает силу притяжения планеты. И относительно Земли она движется внутри автобуса со скоростью около шести-десяти километров, — недоумённо пожимаю я плечами.

— Глупости. В автобусе она летает с маленькой скоростью... Ну там пять-семь километров.

— Но она же движется относительно Земли и подчиняется силе её притяжения! Если бы она не летела с такой скоростью, как автобус, то припечаталась бы к заднему стеклу...

— Но люди же не припечатываются! — несогласно мотает головой собеседник.

— Люди держатся за поручни и опираются на основу мчащейся машины, поэтому тоже перемещаются по поверхности Земли со скоростью 60 км/ч. А муха летает в воздухе, она не касается поверхности, а, значит, не опирается на стены автобуса. Поэтому муха должна остаться на месте Земли, а автобус ехать. Понимаешь? Единственный способ не упереться в стекло — это лететь вперед со скоростью автобуса.

— Чуть какая-то! — хмурит брови собеседник, чувствуя в условиях задачи подвох. — Воздух же внутри автобуса тоже перемещается со скоростью...

— Это при условии, что окна герметично закрыты! А окна в автобусе открыты — лето, жара! А муха летает своими кругами и в ус не дует.

И так - до бесконечности... Сколько было людей, столько было мнений относительно мухи и автобуса, но все они сходились в одном — в физике я полный профан. Это чистейшая правда — ни черта я не смыслю в формулах и законах, что позволяют нашему сложно устроенному миру существовать в том виде, в каком мы его знаем. Все те люди, что за многие года тщетных попыток понять непростые взаимоотношения

этого насекомого с общественным транспортом, так, возможно, и не узнают, что мир совсем другой и кажущееся банальным и привычным с детства может оказаться куда сложнее...

В мои двадцать муха заставила меня пробудиться от дремы и придумать не решенную до сих пор глупую загадку. И если быть до конца откровенным, то загадки оказалось две. Ведь именно в тот момент, когда я начал вспоминать физику, рассматривая мушиные зигзаги, позади себя я услышал разговор двух мальчишек.

— Ого, где взял?! — спросил один из них. Он-то и убьёт из-за редкой виниловой пластинки своего одноклассника. Он, имя которого я так и не узнаю, железной гантелей в восемь кило вобьёт в мою голову другой вопрос: «ПОЧЕМУ?». Почему люди жестоки?! Почему один подросток из-за, пусть и редкой, пластинки может убить другого? Почему?

Неужели зло и ненависть — это естественная часть человеческой природы? И если так, то зачем наряду с грязью и тьмой — Бог, природа, Вселенная (или кто нас там придумывал), создал такую широкую палитру ярких красок и оттенков?

Сидя на вокзале спустя столько лет, я вдруг понял, что это дурацкая загадка с мухой на самом деле - вранье — моё вранье самому себе. «Ведь кажущееся банальным и привычным с детства может оказаться куда сложнее!» Так остервенело из раза в раз, пытаюсь добиться от очередного «прохожего» мушиной правды, на самом деле я спрашивал «ПОЧЕМУ?» Неосознанно связывая одну загадку с другой, я искал.... искал годами в чужих судьбах, разных странах, континентах и даже мирах, ответ, который так и не нашёл. И, возможно, уже не найду никогда.

Я говорил Лёше, что после того случая воспринимаю мир не более, чем декорацией к спектаклю жизни... Что сегодня в репертуаре — драма, трагедия, триллер? Мне казалось, я вот-вот коснусь места, где живут ответы на все вопросы... Но нить безвозвратно утеряна. Я сижу на вокзале, через час прибует поезд и увезёт меня в Питер из этого городка... Неужели мне впервые в жизни суждено оставить статью незаконченной? Неужели я так и не узнаю правду об Игоре? Лёша был другом, стал — надсмотрщиком. Мольба Игоря обернулась угрозой. Все в итоге — ложь. Или я просто ничего не понимаю? От осознания своей несостоятельности в груди что-то сжимается и становится мерзко, больно, плохо. Ещё чуть-чуть — и сердце расплющит лепёшкой...

Сколько субботних дней я провёл, слушая, как ставший уже родным женский голос отчётливо уведомляет о прибытии и отправлении поездов? Сколько тысяч лиц промелькнуло передо мной? Сколько листов я исписал, вдохновлённый вокзальной суетой? И всё это должно оборваться, только-только начавшись? Хочется кричать, обвинять весь мир

в несправедливости! А, может, действительно, пора на пенсию? Послать к чёртовой матери все эти параллельные миры, буквоедов и злодея Игоря вместе с предательски пропавшим Алексеем — подлым инквизитором. Может, стоит радоваться, а не горевать? Ведь я могу вернуть жену и зажечь спокойной жизнью до конца дней! Кого я обманываю?

Такое чувство, словно мне не полвека, а лет двадцать пять, и я, выйдя из юности лишь недавно, столкнулся с реалиями «взрослой» жизни и только-только начинаю понимать, что мои мечты могут так и остаться мечтами, несмотря на всю наивно-детскую святую уверенность, что у меня будет «не как у всех»...

Впервые в жизни я чувствовал себя по-настоящему загнанным в угол. Никогда до сего момента, даже под обстрелом и каменными завалами, я не чувствовал такой безысходной тоски. Вертелась единственная мысль: «Потерялся... Я потерялся!» Я закрыл ладонями лицо, желая скрыть позорные слезы.

— Приветствую! — прозвучал надо мной незнакомый бас. Опустив руки, я посмотрел вверх. Прямо надо мной лохматым пугалом нависал безобразного вида мужик непонятного возраста. В седой патлатой бороде спряталась простодушная улыбка обветренных губ, характерная для всех юродивых. Вязаная чёрная шапка натянута по самую переносицу и почти прячет пристальный взгляд. Из одежды — дикого вида тулуп, штопаные-перештопанные брюки и удивительной, просто ангельской белизны кроссовки.

Седобородый оборванец молча стоял, вежливо позволяя мне изучить себя и принять какое-то решение. Я хотел было ответить ему грубостью, предположив, что это очередной попрошайка, которые на любом вокзале водятся в непомерных количествах. Но вот что удивительно: этот дед казался мне смутно знакомым, мне даже почудилось, что он молчал в ожидании, пока я его узнаю.

Точно! Это же местная достопримечательность! В этом городе чудакватого деда знали все. Я точно не помню, но, по-моему, он художник. Время от времени его можно было заметить то тут, то там в процессе произвольной выставки. С десятков странноватых, как и их создатель, картин прислонены к дому, чтобы прохожие могли ими любоваться. Редко кто задерживал на полотнах взгляд более чем на одно мгновение, не говоря уже о том, чтобы остановиться и внимательно всё рассмотреть. Люди обычно чурались неухоженного старика, беседующего то с каким-нибудь хипповатого вида пареньком, то с самим собой, то со своими картинками.

Я слышал, что художнику предлагали баснословные суммы за его работы, но он, несмотря на нищету, всякий раз отказывался, предпочи-

тая дарить своё творчество случайным встречным.

Зимой «выставок» он почти не устраивал, предпочитая бесцельно слоняться по вокзалу, то с кем-то беседуя, то просто наблюдая за движением людского потока.

В «свои» субботы я неоднократно встречал его. Сначала он сидел на выбранном месте, затем мог неожиданно встать, направиться к мирно сопящему пассажиру, попросить угостить капучино из автомата. Если человек соглашался, старик с благодарностью принимал маленький бумажный стаканчик благословенной жидкости и... ещё долго болтал о чем-то со своей «жертвой». Если же в грубой или мягкой форме от спонсирования отказывались, дед просто возвращался в свой угол.

Мне всегда был интересен этот странный человек. Я даже несколько раз порывался узнать о нём побольше и, возможно, даже написать статью... но встреча состоялась в самый неожиданный момент.

Я, как загишнотизированный, не мог оторвать взгляда от его новеньких белых кроссовок, полностью позабыв об их хозяине. Про себя я пытался решить наиважнейший вопрос: как в привокзальной декабрьской грязи можно сохранить кроссовки в такой чистоте? Разве что по воздуху летать...

— Извините, Вы не угостите меня чашечкой капучино из автомата? — напомнил о себе старик, видимо решив, что пора действовать.

С трудом оторвав взгляд от чудо-кроссовок, я посмотрел на бородастую улыбку. Почему-то отказывать не хотелось.

— Премного благодарен! — поклонившись, принял он протянутые деньги и направился к кофейной машине. Наблюдая за стариком, я думал о его действиях: вот он засовывает в купюроприемник деньги... выбирает, сколько сахара... нажимает на кнопку желанного напитка... и терпеливо ждёт, пока машина разогреет воду, добавит сахар, кофе и не пропищит, что пора забирать...

Художник немного отвлёк меня, но тяжесть на сердце всё равно отчетливо ощущалась. Хотелось спать. Закрыв глаза, я прислонил голову к холодной стене. Сразу почувствовал вибрации здания — очередной странник, оповещая всех тяжёлым перестуком колес, отправлялся в путь. Воображение уже привычно сменило железные колеса на воздушную подушку.

— Возьми, пожалуйста. А то горячо, — послышался уже знакомый голос.

Он вновь нависал надо мной большой тряпичной куклой, держа в руке два маленьких бумажных стаканчика, один из которых протягивал мне. Мне ничего не оставалось делать, как взять кофе.

— Ты не против если я... — не то спрашивая, не то утверждая, обращался он ко мне, усаживаясь рядом. Судя по всему, от моего ответа ничего не зависело.

Сам от себя не ожидал, но я растерялся, не зная, как поступить. Стаканчик аккуратно держал на вытянутых руках. Тем временем сам чудак, удобно устроившись на неудобном сидении, спокойно наслаждался своим кофе.

— Э—э... — вырвалось у меня, так как сказать что-то было нужно, но что — мне было совсем невдомёк. Заметив мою растерянность, дед замер с чашкой у рта и удивлением спросил:

— А чего ты не пьёшь? Это я тебе принёс.

— Мне? — ещё больше прежнего поразился я.

— Тебе, — как ни в чем не бывало, кивнул он. — А что, ты не хочешь?

— Хочу... но... Зачем Вы просили у меня денег, если у вас хватало на чашку? — меня раздражало даже не само поведение странного старика, а то, что я не мог понять, какая роль в его странной игре отведена мне.

— Хотел отблагодарить тебя за щедрость. Спасибо, что не отказал. Всё-таки сейчас мало кто станет пить со мной кофе и уж тем более разговаривать, — отвечал он, отвлекаясь, чтобы смочить губы напитком.

— Но почему Вы просто не купили себе кофе? — так и не понял я.

— Хе, какой недогадливый, а ещё журналист... — необидно, совсем по-детски подразнил он меня. В его осведомлённости не было ничего удивительного. Во многих журналах к моим статьям прилагается фото, так что меня часто узнают. — Я сидел в углу и смотрел по сторонам, а потом заметил, что тебе нужна помощь. Но просто так я не могу к тебе прийти на выручку — сначала нужно узнать, готов ты её принять или нет.

— А кофе — это что-то вроде проверки? — догадался я.

— Да. По-настоящему принять плоды помощи может только тот, кто сам способен помочь. — Дед высунул язык, засунув его в чашку с кофе, затем, запрокинув голову, стал быстро причмокивать, словно впервые пробовал напиток. Оглядевшись, я заметил, что многие из ожидающих пристально за нами наблюдают, с интересом следя за нашей странной парочкой. Но я уже давным-давно разучился считаться с окружающими.

— И часто Вы перед тем, как помочь, устраиваете кофейную проверку? — поинтересовался я.

— Постоянно. Это помогает мне сэкономить силы и время, не распыляясь на тех, от кого всё равно толку не будет.

— И значит, я прошёл Вашу проверку? — спросил я, отчетливо чув-

ствуя, как губы непроизвольно расплзаются в снисходительной улыбке.

— Ага...

— И теперь Вы мне поможете?

— Именно... — кивнул он.

Честно говоря, мне нравилась и сама нелепость ситуации, и то, как мой «спаситель» говорит — так, будто для него вызволение людей из безвыходных ситуаций — действительно, самое повседневное занятие. Да и сам человек был мне симпатичен, наверное, в первую очередь, своим простодушием.

— Ну что ж, я готов... к помощи... — сдерживая рвущийся наружу смешок, поторопил я его.

— Дай хоть кофе допью!

Я глянул на часы — у меня в запасе оставалось около сорока минут. Я принялся ждать, пока сосед не закончит наслаждаться своим капучино.

— А с чего Вы взяли, что мне... именно мне нужна чья-то помощь? — задал я вполне резонный вопрос.

— А разве нет? — хмыкнул он. — Ты себя со стороны видел? Такое лицо, будто все кофейные автоматы мира сломались...

Судя по всему, счастье у этого полусумасшедшего измерялось чашками капучино.

— Что, всё так плохо?

— Это я у тебя должен спросить! — Старик допил, смял стаканчик, а лепёшку спрятал в карман тулупа. — У тебя через сколько поезд?

Я ещё раз глянул на часы:

— Минут через тридцать пять нужно будет выдвигаться.

— Угу... — с серьёзным видом нахмурился мой собеседник. — Значит, полчаса. Надеюсь, успеем.

— Успеем? И что же мы должны успеть? — с искренней заинтересованностью спросил я.

— Я же говорил — тебе помочь. Времени мало. Надо действовать!

— И как же Вы мне собрались помогать, если даже не знаете, в чём моя проблема?

— А мне этого и не надо знать, — простодушно махнул он рукой. — Моё дело маленькое — помогать добрым людям добрым словом.

— А—а, вот оно что. Добрым словом... — разочаровано выдохнул я. Дед напустил интригу, и я уже решил — предстоит что-то интересное. Оказывается, он мне сейчас всякой ерунды желать будет. Но не всё так просто.

— Слово — лучший помощник. Ведь слово — это забытая стихия! Кому, как не тебе, человеку, создающему Слова, знать об этом?

— Что это значит «забытая стихия»? — от удивления и любопытства я заёрзал на сидении, безрезультатно стараясь устроиться поудобнее.

— Всё потом, если время останется. А пока встань, — сказал старик.

— Зачем?

— Какая разница! — нахмурился он, недовольный моим любопытством. — Просто сделай, что я прошу.

С одной стороны, мне не хотелось делать не пойми что не пойми для чего. Тем более, подчиняясь требованиям чудаковатого, вероятно, уже давно выжившего из ума старика. Но в то же время мне было чрезвычайно любопытно, чего он хочет, а терять мне, собственно, нечего. И я сделал, как он просил.

— Дальше что?

— Дальше? Вон, видишь сидения? — он кивнул, указывая на зал ожидания. Часть мест была заняты людьми: кто-то читал, кто-то пытался спать, кто-то слушал музыку или возился с мобильным — тем, чем заняты ожидающие люди на всех вокзалах мира.

— Вижу.

— Теперь иди и сядь на какое-нибудь из мест.

— На какое? — я всё ещё не понимал, чего он хочет.

— На любое... — пожал он плечами. — Всё равно. Просто выбери место и сядь. Посиди пять секунд, а затем возвращайся.

Я с опаской глянул на свой небольшой чемодан и заплечную сумку, лежавшие слева.

— Да не бойся, не буду я тебя обворовывать. Если хочешь, можешь их с собой забрать, — видимо, прочитав в моём взгляде тревогу, попытался он меня успокоить — Иди уже.

Я с неохотой встал и медленно поплёлся к тем сидениям. Окружающие внимательно наблюдали за моими действиями. Выбрав одно из мест, в самом свободном, на мой взгляд, ряду, я уселся и вопросительно глянул на лохматого «спасителя». Он поймал мой взгляд, — его борода разъехалась в стороны, освобождая место для улыбки, а большой палец правой руки оттопырился, одобряя мой выбор. Левой он шарил во внутреннем кармане своего тулупа.

Поднявшись, я направился на привычное место под видеокамерой. Усевшись рядом, стал наблюдать за стариком, который всё никак не мог что-то найти.

— Неужто не взял? Блин! Да не может такого... — раздосадовано бубнил он под нос, хлопая себя по всему телу. — Ах, вот! Выпала!

Старик наклонился, с радостью подобрав с пола страшного вида мятую и грязную тонкую школьную тетрадку. — Найди кусок бумаги!

— Да, конечно... — Я залез в сумку, достал блокнот и протянул ему.

Старик взял его, откуда-то материализовал ручку, снял колпачок и приготовился записывать. Посмотрев на ручку, я не поверил своим глазам — в руке у него красовался настоящий золотой «Parker»! Коллекционирование перьевых ручек — моё хобби, и в питерской квартире у меня хранится неплохая подборка изящных предметов письма. Поэтому в таких вещах я кое-что смыслю. «Наверное, нашёл», — я решил для себя особо не ломать голову над этой загадкой — ведь сейчас происходило кое-что поинтереснее.

Свободной левой рукой старик открыл тетрадь, стал перелистывать страницы. Я внимательно всмотрелся в каракули, не видя особого смысла в действиях моего странного знакомого, — листы были расчерчены какими-то столбиками цифр и букв.

— Так, кажется, здесь... — нашёл он нужную страницу. Затем оторвал взгляд от тетради и посмотрел на ряды сидений зала ожидания. — Раз, два, три, четыре, пять... — подсчитывал он, по-видимому, вычисляя ряд и место, которое я выбрал. — Первое, второе... так... шестое... двенадцать. Значит, пятый ряд, двенадцатое место... — Он ещё раз сверил свои вычисления с тетрадными записями, удовлетворённо кивнул и перевёл взгляд на лестницу, ведущую на другие этажи. Старик так и замер, не шевелясь, с ручкой и тетрадью.

— Теперь остаётся только ждать... — произнёс он.

— Чего ждать? — мне хотелось понять, на какую ерунду я подписался.

Старик не отвечал, наблюдая, как по лестнице спустился мужчина в кожаной куртке и направился к сидениям.

— Ну... — будто поторапливая того, промывчал старик. Когда мужчина уселся на одно из мест, мой мимолежный попутчик опять начал вычислять ряд и номер места, словно мы находились не на вокзале, а в театре... — 3 ряд, 8 место. Получив два числа, он стал водить пальцем по своей тетради, беззвучно шевеля губами. — Есть! — радостно воскликнул он. — Поздравляю с первой буквой! — и жирно намалевал в моем блокноте то ли ноль, то ли букву «О». Затем, потеряв всякий интерес к носителю кожаной куртки, старик вновь устремил взгляд к лестнице.

— Те, кто знают, зовут меня... — говорил он, не отрывая пристального взгляда от лестницы, — по-разному зовут, но, в основном, Гадальщик, Провидец... некоторые зовут Путником... потому что указываю путь.

— Да? И каким же образом? — делая вид, что верю ему, спросил я.

Он бросил на меня хмурый взгляд, лишь на секунду отвлекшись от наблюдений за лестницей:

— Ты что, меня вообще не слушаешь?! Я помогаю Словом. Будь вни-

мательней, болван!

— И что же это за слова такие?

— Это же очевидно, — пожал плечами Провидец. — Слова, указывающие путь... Слова-знаки...

Старик вновь замолчал, наблюдая за новым объектом — молодая мамаша с девочкой лет четырёх направилась к сидениям. Когда они заняли места, старик повторил уже знакомые действия, после которых в блокноте появилась еще пара букв, «С» и «Е».

— И откуда берутся эти подсказки?

— А ты разве не понял ещё?

Я вновь всмотрелся в мятую тетрадь старика, и непонятные вначале каракули приобрели для меня новый смысл. Тогда я высказал свои догадки:

— Каждому месту у Вас присвоена определённая буква или цифра, какой-то знак. Когда новый человек заходит и садится на место, Вы записываете в блокнот этот символ. Так?

— Именно... — казалось, он меня не слушает, внимательно наблюдая за перемещениями новых людей. В блокноте появились буквы «Н» и «Б».

— «Осень»? Слово «осень»? — сложив вместе записанные им буквы, я по-настоящему удивился. — Вы хотите сказать, что слово «осень» сложилось само собой?!

— Почему само собой?! Я составлял, записывал буквы, люди приходили и садились — так что не само собой.

— Но как такое может быть?! — мне с трудом верилось, что это правда.

— Не веришь? — улыбнулся он.

— Ну почему же... — почему-то мне стало неловко.

— Не веришь... — уже утвердительно кивнул старик. Он протянул мне тетрадь. — На! Сам будешь подсчитывать, коль такой недоверчивый.

Я взял тетрадь, боясь к ней притронуться — не от того, что она имела столь непривлекательный вид, а, скорее, эти листы для меня стали чем-то страшным, таинственным, магическим — чем-то, что принадлежало тому, другому миру.

Все оказалось совсем несложно. Спустя минут пять в блокноте красовалось слово «вместе».

— «Осень» и «Вместе» — что это значит? — спросил я провидца.

— Эх ты, шустрый какой! Хочешь, чтобы всю работу я за тебя сделал? Может, мне за тебя и жизнь прожить? — с укором отчитал меня старик так, словно перед ним сидел не пятидесятилетний мужчина, а

сопливый малец, через слово чередующий глупость с чушью. Самое интересное, что рядом с этим седобородым оборванцем именно таким я себя и чувствовал — глупым, потерявшимся в череде таинственных событий мальчишкой.

— Не надо «за меня жить». Я просто не вижу смысла в этих словах. Что вообще с ними делать?

— Это будет твоя основная задача — понять смысл, осознать, куда эти слова указывают, куда направляют тебя. Вычислить подсказки — дело плёвое, для этого много ума не надо. Даже ребёнок справится, если объяснить, как это сделать. Самое сложное — разгадать, узнать смысл.

Пока он говорил, я следил за передвижениями, не забывая сопоставлять выбранные места с тетрадными столбиками и строками.

— Что-то не получилось... — я посмотрел в записи блокнота, обратив внимание провидца на последовательность записанных им знаков.

— Что такое?

— Ну вот. Буква «Х», затем цифра «20». Буква «С», а за ней опять «0». Что это значит? Чушь какая-то.

— Не торопись! — спокойно сказал старик. — Дальше будет все ясно. Может, это не «хэ двадцать», а «аш два ноль» — формула воды. А «цэ ноль» — или ещё одна формула, или часть следующего слова...

От его разъяснений я немного успокоился. Видно, что опыта в данном деле у него хватает. Я стал дальше расспрашивать провидца:

— Так, а чем мне смогут помочь эти Ваши слова?

— Они укажут, где ты должен быть. Если сбился с Пути, то выведут к нему. Если идёшь верно, то просто подтвердят это, придав уверенности.

— Вы были правы — это та самая помощь, которая мне сейчас необходима. Как раз за минуту до Вашего появления я сетовал на то, что загнан в угол, не знаю, что делать дальше.

Старик понимающе закивал:

— Я и подошёл потому, что увидел твои переживания. Но я не вижу, что ты потерялся. Скорее всего, просто думаешь, будто сбился с пути. Так часто бывает — люди ищут свою дорогу, когда уже идут по ней. Скорее всего, ты просто пока ещё не понял, как отличить верный путь от ошибочного. Поэтому слова, — он указал на свою тетрадь, — лишь станут подтверждением — всё идет именно так, как того хочет Он.

— Даже и не знаю... — тяжело вздохнул я. — Пока что ни «осень», ни «вместе» ни о чём мне не говорят, и уж тем более «хэ два ноль».

— Смысл того или иного события мы понимаем, лишь когда приходит время его увидеть. Не переживай: настанет время, и ты поймёшь, что всё это значит. Просто доверяй себе и иди дальше.

Положившись на слова старика, я продолжил вычислять буквы.

— Можно спросить?

— Да, — он внимательно посмотрел на меня, ожидая вопроса.

— А как Вы открыли эту возможность... гадать? Ведь это мало кому может в голову прийти — назначить сидениям знак и связать их с людьми.

Старик почесал макушку, явно напрягая память.

— Был у меня лет двадцать назад друг... хотя даже и не друг, а так, знакомый один. Димкой звали. Мужик как мужик, ничем особенным он не выделялся — работал на заводе, любил женщин, выпить, погулять. Единственное, чем он отличался, так это редкостной невезучестью. У него почти никогда ничего не получалось. Таких людей как он, в народе называют неудачниками. Дожил Дима до своих сорока годочков, так ничего толком и не нажив: холостяк, обшарпанная квартирка да больная печень — вот и всё его добро.

Однажды, за очередной кухонной пьянкой, когда гости изрядно набрались (был среди них и я), мужики, как это часто бывает под градусом, стали бить себя в грудь, доказывая кто царь, а кто дерьмо. Часто такие разговоры заканчиваются поножовщиной, сам знаешь. И вот, в пылу доказательств, кто-то ляпнул, что у Димы на один успех пятнадцать невезений. Димку эти слова сильно тогда задели. Он, конечно, смолчал, так как никогда буйным нравом не отличался, но потом пару недель сам не свой ходил — глаза в землю уткнул, лоб наморщен, отражая напряженный мыслительный процесс, лицо темнее тучи. Все, кто знали о том разговоре, думали, что он так потерю своей чести переживает, мол, надо было обидчику морду тогда набить, а не труситься... Люди, конечно же, видя разворачивающуюся у него в душе трагедию, всё успокоить пытались, а он лишь отмахивался. Но мне казалось, что здесь не всё так просто и переживает Дима не глубокую обиду, а чувства иного рода, окружающим неведомые. И я оказался прав.

Как-то я зашёл к нему домой с бутылочкой, выпил с ним с глазу на глаз, закусил и заодно тайну его выведал.

Оказалось, что состояние Димы вызвано словами того жлоба, мол, на один успех пятнадцать неудач. «Иваныч, — говорил он мне, — ты не поверишь, но он оказался прав. У меня, действительно, на одну радость два горя приходится!» Я его успокаиваю, говорю: «Дим, у простого люда всегда так, и нет в этом загадки». А он мне: «Ты не понимаешь. У меня всё закономерно! Я проверял — один к двум. Два раза — нет, один раз — да. Но при условии, что всё точь-в-точь делаю, иначе неудач будет больше». «Как это?» — всё не могу я сообразить. «Пойдем, покажу!»

Мы направились в ближайшую бильярдную.

— В бильярдную? — удивился я.

— Да, забегаловка для местной братвы. Мы с ним сели в баре, заказали по полтинничку и стали наблюдать за столами, на которых крутые ребята катали шары. Выбрали для эксперимента двух игроков — один был явно бильярдных дел мастером, о чём говорили и манеры, и отточенность движений, и амуниция. Второй же, наоборот, кий в руках держал от силы раз третий. Само собой, профи громил новичка в пух и прах. Пока второй умудрялся порадовать лузу одним шаром, второй успевал выставить на полку аккуратным рядочком все восемь. «Давай сделаем ставки», — предложил Дима. «А на кого тут ставить? — возмутился я. — Выбор же очевиден!» «Я ставлю на лоха десятку. Один к трём». «Ну, ты транжир!» — пожал я плечами, сетуя на непроходимую тупость Дмитрия, и полез в карман. Само собой, очень скоро выигрыш пошёл в мой кошелёк. «Давай сделаем ставки, — как ни в чем не бывало, вновь предложил Дима. — Я ставлю на лоха десятку один к трём». Он вновь отсчитал денежку и тем же небрежным движением положил её на стол. Я решил для себя, что, если человек хочет проблем, то никто его не остановит. Новичок опять быстро сдал позиции, и мне пришлось с лёгким чувством вины отнимать у ребёнка конфетку.

«Давай сделаем ставки», — не собиравшись униматься вечный неудачник. «Дим, хватит! — категорично заявил я другу. — Если ты думаешь, что я тебе верну проигрыш, то ошибаешься...» «Я ставлю на лоха десятку. Один к трём», — как заведенный болванчик, твердил он своё. Вслед за Димой я уже без бывшего энтузиазма потянулся за купюрами.

Каково же было мое удивление, когда этот профан, который и по шару-то толком попасть не мог, как заговорённый, стал закатывать шары. У всех, кто был тому свидетелем, поотвисали челюсти. Этот криво-рукий пацан мог победить с той же вероятностью, с какой кенгуру мог зайти в бар и заказать водки.

«Что это было, твою мать?!» — вырвалось у меня. Дима, ухмыльнувшись, протянул руку, выказывая желание получить свой законный выигрыш. «А ты разве не понял? Я же говорил — закономерность «один к двум»... Но это ещё не всё. Смотри!» Дима поднялся и пошёл к одному из столиков по соседству, за которым сидела девушка. Я, да и все вокруг, знали, что её зовут Оксана и стоит она столько, что обычному работяге, коим являлся Димка, придётся не один месяц копить на её один-единственный поцелуй. Но Диму, видимо, это не смутило - он смело подсел к девушке. Братки, видя безрассудство моего товарища, снисходительно заулыбались, кто-то заржал. Димку же словно ничего вокруг себя не замечал, видимо, твёрдо решив доказать мне всё прямо сейчас.

«Здравствуйте. Меня зовут Дмитрий. Разрешите Вас поцеловать!» —

достаточно громко, чтобы я мог услышать, сказал он Оксане, демонстративно выпятив большой палец, мол «один».

«Отвали!» — отвернувшись от Димы, выплюнула она. Дима не расстроился и всё так же, слово в слово, повторил своё приветствие. «Ты чё, вообще тупорылый?! Отвали, я сказала!» — уже в лицо, откровенно издеваясь, ответила дорогая проститутка. По залу пробежался довольный гомон, звук сталкивающихся шаров перестал слышаться, всё внимание было приковано к хладнокровному акту унижения навязчивого ухажера. Дима оттопырил указательный палец — «два».

«Здравствуйте, — упёрто проговорил он, а я вжал голову в плечи, готовясь к крикам и возможному мордобою. — Меня зовут Дмитрий. Разрешите Вас поцеловать!»

Никогда не забуду того момента. Дима повернулся ко мне, выпрямил третий палец, одними губами проговорил заветное число, не забыв победоносно мне подмигнуть. А затем случилось то, чего не могло произойти даже на глазах пьющего за барной стойкой кенгуру — Оксана привстала и, притянув к себе Диму, страстно и надолго прилипла к нему губами. Думаю, не имеет смысла упоминать о той тишине, что воцарилась в зале.

Когда Дима встал, как ни в чём не бывало, покинув сидящую с размазанной губной помадой страстную Оксану, и, расплатившись за выпивку, ушёл, прихватив с собой и меня, никто даже не шелохнулся.

«Э-о-у-ы!» — только и мог я выдать из себя. Мое тело трясло, чувствовал я себя погано-препогано. Дима же, неспешно семеня сбоку от меня, лишь утешительно похлопывал меня по плечу, тихо приговаривая: «Я же говорил, закономерность. А ты не верил...»

Я очень отчётливо помню всё произошедшее, потому что именно благодаря Диме я и понял, что в мире существует ещё много неоткрытого и непонятого, что мир не такой простачок, каким кажется.

— Ну, а с Димой-то что стало? Он же со своим даром мог... мог... да много чего мог... Добиться любых высот, получить что угодно.

Провидец на соседнем сидении тяжело вздохнул.

— Я тоже так думал, но вот Димка рассудил по своему... Вместо того, чтобы продолжать эксперименты, проверяя свои возможности на прочность, или просто пожимать плоды удивительного дара, он зациклился не на том, на чём следовало.

— То есть? — не понял я.

— Его больше занимали неудачи прошлого, чем перспективы будущего. Как только Дима открыл эту странную закономерность, он стал размышлять почему... почему так произошло, что он понял всё это только сейчас. Ведь узнай он обо всём раньше, жизнь могла сложиться

иначе. Ему на тот момент было около сорока пяти, и в эти сорок с половиной входило много, на его взгляд того, о чём стоило сожалеть. Любимая женщина, сын, которого он всего-то пару раз видел, смерть друзей по его вине — то, чего уже не вернёшь.

«Ведь это нечестно! — сокрушался он, сидя на кухне, совсем осунувшийся, исхудавший. Даже невооруженным глазом было видно, что в нём оставалось всё меньше и меньше жизни. — Тот, кто наделил меня этим двояким то ли даром, то ли наказанием, поступил несправедливо. Почему я просрал свою жизнь в муках неудачника, просто не зная об элементарной закономерности — два к одному?!»

«Что было, то было! Ты лучше подумай, какие перспективы тебя ждут, как ты можешь преобразить свою дерьмовую жизнь! — пытался я его поддержать, но он ни в какую не хотел обращать внимания на плюсы. — Если ты себя не хочешь порадовать, сделай приятное другим. Например, мне. Помоги разбогатеть!» Я, конечно же, тогда шутил, не рассматривая всерьёз свою просьбу. Для меня намного важнее было помочь ему изменить свой взгляд. Но мне это так и не удалось.

Под конец он окончательно взъелся на Бога (а кого еще в этом винить) за дурацкие игры, в которые он играет с нами. «Почему две неудачи и лишь затем победа? Почему не наоборот?!» — спрашивал он неизвестно кого, и в его голосе слышалось обвинение.

Прыжок с крыши окончился успехом лишь с третьей попытки. В первый раз он всего лишь сломал ногу... С девятиэтажки — о бетон — в это можно поверить? Во второй раз повезло меньше — лишился глаза, левой руки и части кишечника. Ну, а в третий — мозгов... Хотя у него их никогда и не было.

Дима получил землю, к которой так стремился, а я богатство — это был его посмертный подарок. С кем-то три раза поспорил, что я стану миллионером в течение года. Но это я уже потом догадался — иначе моё неожиданное богатство не объяснить.

Знаешь, какие я сделал выводы сразу после похорон, сидя на скамейке в центральном парке? Во-первых, отношение человека к жизни определяет её качество и продолжительность, а во-вторых, мир не такой простачок, каким кажется. Всё в мире подчиняется закономерностям, и, если их вычислить, то можно обуздать этот самый мир.

— И как, получилось? — с надеждой спросил я.

— Увы. На это, как стало известно, одной жизни мало. Всё, чего я смог добиться с теорией закономерности за двадцать лет — это то, чем мы сейчас занимаемся.

Во время рассказа старика я не забывал следить за движением людей по залу ожидания. В моем блокноте значились слова: «Осень, вме-

сте, аш2О, соль, пресно, маяк, кр...». Смысла в них я по-прежнему не видел и особо его пока не искал. Всему своё время.

— Причем нельзя сказать, что я как-то осознанно научился видеть путь и излечивать словами. Это, скорее, тоже произошло случайно, хотя, если и дальше следовать моей теории, то случайность — это закономерность, которую не смогли разгадать.

— Так как всё-таки произошло открытие этого странного способа гадать?

— Я же говорю — закономерной случайностью... — старик замолчал, о чем-то задумавшись, а затем спросил. — Слушай, может, еще по кофейку?

— Спасибо, я не хочу, — отказался я, надеясь на продолжение рассказа. Дед тяжело вздохнул и продолжил.

— Кажется, я уже упомянул, что Дима воспринял моё предположение о богатстве всерьёз. Честно говоря, я и сам толком не понял, как это произошло, но за один год я сказочно разбогател.

— Да? И каким же образом? — удивился я, совершенно не представляя этого оборванца в роли миллионера.

— На своих картинах. Я всегда их писал, но исключительно для удовольствия. Само собой, я и не мечтал, что за них могут платить. Там цепочка продаж-перепродаж была, которую я сейчас и не вспомню.

Кому-то из знакомых подарил свою картину на праздник, потому что ничего другого подарить по финансовым соображениям не мог. У того знакомого картинку вместе с мебелью и техникой судебные приставы забрали в счёт погашения кредита. Там кто-то выкупил и опять выкупил. Одним словом, картина начала жить самостоятельной жизнью, преодолев огромный путь до нью-йоркской галереи. В репортаже по НТВ я её и увидел: «Картина неизвестного автора продана за триста семьдесят тысяч зеленых». Достаточно быстро неизвестный автор стал известным, а заодно и богатым.

— Так что произошло? — недоумевал я. — Почему Вы... ну... — не получалось у меня это произнести, — в лохмотьях?

— А, ты об этом? — засмеялся дед, оглядывая свое тряпье. — Почему я выгляжу, как бомж? Не обращай внимания. Можешь считать это эксцентричностью. Просто я могу себе позволить выглядеть как угодно. Видишь ли, мнение окружающих — такая поганая своей зыбкостью штука, что нужно уметь наплевать на него. Мой секрет счастья прост — сам себе судья. Уж поверь мне — человеку, который прошёл через сытую любовь — я знаю, о чем говорю.

— То есть, Вы хотите сказать, что до сих пор остаётесь богатым человеком? — недоверчиво прищурился я, пытаюсь высмотреть на его лице

признаки лжи.

Он шмыгнул носом:

— Подозреваю, что самым богатым в этом городе. Во всяком случае, за одну жизнь всего не потратить, — а затем добавил. — А, может, и за две... Честно говоря, даже не знаю, что с таким количеством денег делать.

— Вы поэтому больше свои картины не продаёте, а лишь дарите? — предположил я.

— И поэтому тоже, — кивнул седобородый старик. — Мне сейчас интереснее помогать людям словами.

— Можно поподробнее? — он так и не рассказал, как смог открыть гадание в зале ожидания.

— Можно. Будучи состоятельным человеком, я имел возможность часто ходить на различные театральные постановки в разных городах — всегда испытывал слабость к лицедейству. Финансы позволяли сесть в самолёт, прилететь, например, в Москву, и, насладившись представлением, благополучно вернуться домой. Театральный зал и зал ожидания, театр, аэропорт — так и мотался. Вот тогда-то, во время ожидания вылета в Борисполе, мне бросилась в глаза одинаковость и в то же время непохожесть залов театра и аэропорта. В первом — все сидения пронумерованы и каждый зритель занимает строго отведённое место, во втором — любой пассажир может сесть, куда пожелает. Тут и подспела теория закономерности. Возник вопрос: «А случайно ли люди занимают места в зале ожидания или их выбор предreshён?» Этот вопрос послужил основой для дальнейшего открытия.

— И суть открытия в том, что, если обозначить сидения символами и позволить людям произвольно выбирать себе ме... — было влез я, но дед интенсивно замахал руками.

— Не-не-не! Это пришло много позже! Главное открытие заключалось в том, что, если изъяснять словами Жозе Сарамаго, как он пишет в «Евангелии от Иисуса»: «Судьба существует, судьба каждого — в руках тех, в чьи руки попала она в сей миг». Проще говоря, на первый взгляд произвольный выбор людьми сидений зависит, в том числе, и от того, кто наблюдает за этим выбором. Если ты сидишь в зале, то люди выбирают одни места. А если бы ты не сидел, то выбрали бы другие. Вот и всё. Дальнейшее построение буквенно - числовых матриц оставалось делом времени. Я начал строить таблицу, предполагая, что она однозначна — долго ничего не получалось. Но я упорно продолжал экспериментировать, пока не догадался, что человек должен принять какое-то участие в гадании.

— Участие?

— Да. Оставить свой энергетический или какой-то там еще след. В гадании на картах просят сдвинуть колоду, на костях — кинуть их. И так далее. В принципе, я делаю то же, что и гадалки, прося выбрать место. Всё подчиняется одному закону...

— Закономерности! — понимающе закивал я.

— Именно! Он и есть моя религия. С помощью неё я помогаю людям найти свой Путь и Исцелиться.

— Исцелиться?

— А ты как думал! — многозначительно хмыкнул дед. — У каждого из нас есть свой путь или, скорее, даже коридор, по которому мы идём. Мы можем идти левее, правее, выше, ниже, ползти на брюхе по полу. Чем дальше от центра, тем меньше мы реализуем то, что нам положено. В самом худшем случае, мы можем даже пробить лбом стену и выбраться за рамки этого коридора, но последствия этого безрассудства могут быть самыми плачевными.

И вот, чтобы по Пути мы не потерялись, Бог на протяжении всей дороги разбросал маячки, маленькие подсказки...

— Знаки? О них я как-то читал в одной книге известного бразильского писателя. Тогда мне вся эта эзотерическая муть показалась нежизнеспособной.

— Не знаю, не читал, — отмахнулся старик. — Одними из таких маячков являются болезни, которые нам говорят, что мы в чём-то слушаем глупый разум, а не мудрость души.

— То есть, чем сильнее мы сбились с дороги, тем сильнее болеем?

— Наверное, так. Кто-то, кто придумал всю эту систему и для каждого из нас создал коридор, заранее знает самый лучший путь. Гадателям только лишь и остается эту информацию у Коридорного изъять. Подсоединиться к нему и взять. Вот для этого и нужны случайные закономерности. Ведь люди на вокзале выбирают место просто так, подсознательно, особо не задумываясь, а, значит, действуя в согласии с «тем, кто все знает».

Так и получают Слова, которые помогают заплутавшему человеку вернуться на свой Путь. Я просто рекомендую всем повторять Слова, мол, они лечебные, хотя на самом деле люди, даже сами того не осознавая, выходят туда, где им следует находиться — в середину коридора.

— И надобность в болезнях-подсказках отпадает, — восхитился я.

— Вместе с проблемами и неприятностями! — заключил тот, кто называл себя Указывающим Путь. — Часто люди недооценивают силу Слов или, наоборот, переоценивают. Я же нашёл равновесие — в этом моя сила. Поэтому я и способен помогать. Вычислять и рассказывать людям Слова-подсказки — это коридор, по которому мне суждено пройти.

Дед замолчал, закончив свой рассказ о ещё одной удивительной грани мира. Я же задумался, размышляя, спрашивать его или нет.

Мне казалось, что старик знает много больше, чем рассказывает:

— Скажите, а Вы верите, что существуют другие миры — Вселенные, параллельные нашей?

Вслушав мой вопрос, он повернулся, пристально посмотрев мне в глаза так, что даже сердце на мгновение замерло, не выдержав многозначительного взгляда. После напряженной паузы он... улыбнулся.

— А чего в них верить? Вон, посмотри... — он обвел рукой зал, — сколько параллельных вселенных на одном этаже. Видишь, пьяный мужичонка приютился на сидениях? Он живёт в своей Вселенной. Слова его мира — завод, вечер, тошнота, скука, жена, разочарование... Вон, девушка с парнем целуются. Они сейчас думают, что вместе, но на самом деле даже кажущаяся близость оставляет людей в разных мирах. У него - это вечеринки, пиво, секс, родители, еда, кино, учёба, братишка, предательство, страх. У неё — семья, дети, преданность, рабство, скука, усталость, страх одиночества. И мы с тобой болтаем, но ты идёшь по своему коридору, а я — по своему. Бывает такое, иногда, что параллельные миры пересекаются. Мы с тобой сейчас как раз стоим на таком перекрестке — угол улицы Потерянности и переулка Гадальщика. Чем не параллели?

— Я немного другое имел в виду, — мне было интересно, знает ли этот странный, удивительный человек о дырах в земле и мире букв-едов. Своими подсказками он и впрямь мог бы облегчить мой путь.

— Да знаю я, что ты «имел в виду»! Мы говорим об одних и тех же параллелях, просто ты этого пока не видишь. Наша Вселенная ничем не отличается от тебя или меня — у неё тоже есть свой коридор, соседствующий с другими, и где-то должны быть перекрестки и двери из одного мира в другой.

— И вы когда-нибудь сталкивались с этими «дверьми»? — спросил я, стараясь скрыть сковавшее голос волнение.

— Нет. Я знаю об их существовании, доверяя закону случайной закономерности, один из пунктов которого гласит: «Возможно всё, что может быть». Но мне, честно говоря, хватает и людских параллелей, с которыми я сталкиваюсь ежедневно, стараясь сделать их из зигзагов как можно прямее. Я математик, вычисляющий людские судьбы, и не более. И давай уже закругляться. Думаю, мы вычислили достаточно слов-подсказок. Если будешь внимательно смотреть по сторонам, в ближайшее время точно не собьёшься. Прочти, какая бурда у тебя получилась.

Даже не удосужившись разбить на слова, я вслух проговорил все подряд буквы:

— «Осень вместе аш 20 соль пресно мая крест 120 иг»

Последние две буквы сбили меня с толка, и я не мог поверить, что в будущем есть шанс встретить «друга», попытавшегося убить меня? Или это играет со мной чувство вины, каждую минуту напоминающее мне, что я всецело отвечаю за доверчивость, позволившую сумасшедшему с манией величия заполучить в свои руки мощнейшее оружие, и «иг», на самом деле, не первые буквы имени Игоря? На лестнице появилась парочка. Они спускались с верхнего этажа. Я следил за медленной поступью парня и девушки так, словно от них зависела моя дальнейшая судьба.

— Словесный поток может продолжаться вечно — сколько сидеть, столько будут выстраиваться слова, — фоновым шумом бубнил Гадальщик, но я его почти не слушал. Всё мое внимание приковала влюблённая пара, неспешно бредущая по залу. — Правда, есть одно «но» — если долго сидеть, первоначальные Слова теряют всякий смысл. Ведь бездействие — тоже выбор, тянущий за собой череду последствий, а, значит, без действия происходит переход на другую линию в коридоре судьбы, и, чтобы вернуться к центру, требуется уже совсем другой путь...

Девушка села, а парень продолжал стоять рядом. Я лихорадочно начал считать ряд и место, затем сопоставлять с тетрадной таблицей. Буква «О» — получилось «иго»! Но сердце замерло — если её спутник займёт место слева или справа, мои надежды на встречу с Игорем окажутся напрасны — за левым сидением была закреплена буква «А», за правым — число «7». «Уходи! Уходи отсюда!» — мысленно прогонял я мальчишку, словно лишь он один препятствовал встрече с «врагом человечества номер один». Но парень и не собирался выбирать место — оставив девушку сидеть, он направился в сторону кофейного аппарата.

— Да-да, мой друг, — продолжал свои размышления старик, совершенно не обращая на меня внимания. — Судьба меняется постоянно. За очень короткие промежутки времени. Можно сказать, что, как только человек получает от меня с десяток слов, а этого вполне бывает достаточно, надо сразу начинать действовать. Подсказки достаточно быстро станут о себе напоминать. Ты сможешь увидеть смысл этих слов совсем скоро. Сейчас они могут казаться тебе ерундой... но уже через час ты...

Парень подходит к аппарату, достаёт деньги, но не находит нужных купюр. Тогда он осматривается и подходит к одному из ожидающих и просит разменять купюру. Человек начинает рыскать по карманам в поисках денег и находит их в заднем кармане брюк. Он привстает, чтобы достать мелочь. Оказав услугу парню, мужчина снова садится. Первый ряд, шестнадцатое место — буква «Р». Буквы сливаются в «Игор». Это может значить только одно — он действительно в нашем мире и

наша встреча скоро состоится!

— Нет, — перебиваю я старика. — Я не считаю эти слова ерундой и вижу в них смысл.

— Да? — он удивленно вскидывает брови.

— Последние буквы складываются в имя человека, которого мне необходимо повстречать — Игорь.

— Вот как?

— А на какое ближайшее будущее растягивается цепочка Слов?

— Ну, у каждого свои циклы. Но в среднем это не более трех дней. За три дня ты увидишь смысл во всех этих словах, повстречав их на своем пути.

— Три дня?! — поразился я. Такой скорой встречи я точно не ждал. — Но...

Меня перебило прозвучавшее объявление. «Поезд номер 120, Минск — Симферополь, прибыл на третий путь. Нумерация вагонов с головы поезда».

Я даже не успел осознать, что произошло, а провидец уже хлопал меня по плечу:

— Ну, что ж, тебе пора. Нужно ещё билеты успеть поменять. И одной линией вычеркнул цифру «120» из блокнота.

До отправления оставалось ещё минут десять. Можно было неспешно попрощаться, но нужные слова, как всегда в нужный момент, застряли внутри и ни в какую не хотели выбираться оттуда. Пришлось просто стоять, наблюдая за редкими снежинками, неуклюже падающими на асфальт.

— Нигде нет такого разноцветия огней, как на вокзале. Все эти semaфоры, словно живые, перемигиваются друг с другом.

Горящие вдоль железнодорожных путей огни, действительно, смотрелись красиво — движение потоков воздуха создавало иллюзию мерцания звезд. Пришлось приложить усилие, чтобы отвести взгляд от чарующего зрелища.

Я только сейчас заметил, что люди сторонились нас, боясь находиться рядом — седобородый старец выглядел нелепо.

— Спасибо Вам, — сказал я единственное, что мог сказать этому человеку. — Вы мне очень помогли...

— Глупости, — покачал он головой, отрицая свою причастность к моему спасению. — Единственное, что я сделал — это поднял тебе настроение и придал уверенности. Но не так уж велика моя заслуга. Со мной ли, без меня ли, ты оказался бы именно там, где окажешься.

— Это вряд ли, — хмыкнул я. — Полчаса назад я собирался ехать в

Питер, а теперь еду в Крым, в середине декабря, неизвестно зачем и почему, буквально наугад, но с твердой уверенностью, что всё идет как надо.

— Все это мелочи, — поморщился старик. — Я не могу знать, какими дорогами судьба привела бы тебя, куда ей требуется. Да и не нужно это знать. Считай, что я выполнил работу Великого Коридорного, проложив тебе Путь... И выполнил твою — узрев этот Путь. Тебе же осталось только по нему пройти... и постарайся не отвлекаться на лишние вопросы. Просто иди за внутренним компасом и тогда, будь уверен, не заблудишься.

— А если вдруг... — открыл я рот, чтобы спросить его, но он уже привычно опередил меня.

— А если вдруг заблудишься, иди туда и делай то, куда ещё не ходил и что никогда ещё не делал...

— Пассажиры, заходим! — грубым голосом приказала замёрзшая проводница.

— Спасибо ещё раз и до свидания! — попрощался я, хотя знал — никакого «свидания» не будет — мы разговаривали впервые и больше никогда не увидимся.

— Нигде... нигде нет такого разноцветия огней... — Вместо ответа пробубнил предсказатель, и по его отсутствующему взгляду я понял, что моё время вышло. Мне ничего не оставалось, как забраться в купе и, прильнув к окну, смотреть на улицу, где на холодном декабрьском ветру в свете уличных фонарей посреди толпы стоял одинокий Путник, указывающий Путь. Людской поток двинулся вслед поезду — кто-то посылал воздушные поцелуи близким, кто-то сразу кинулся поскорей с промозглых улиц в спасительное тепло вокзала... И лишь художник-прорицатель неподвижно стоял в своих глупых одеждах, устремив остекленевший взгляд внутрь себя, и что-то шептал. А я не мог заставить себя отвернуться от его ослепительно-белых кроссовок...

«А вот, действительно, хороший вопрос — на кой чёрт я еду к Игорю?»

Пока я лениво рассматривал за окном поезда сменяющиеся пейзажи, мысли в голове, переплетаясь витиеватыми тропами, привели к интересному вопросу, который раньше почему-то не имел великодушия осчастливить меня визитом. Хотя должен был сделать это давно!

Нет, а, в самом деле, любопытно, я приеду и скажу: «Игорь, здравствуй!» Он ответит: «Какой хрен тебя принёс, Андрей Иванович, что тебе от меня нужно? И почему ты до сих пор жив? Я ж тебя убил!» И что мне ему ответить? Ведь я, бесспорно, не знаю, что мне от него нужно, с ка-

кой целью я так стремительно приближаюсь к его обители?

Отомстить за попытку убийства? Нет, не злюсь я на него. Будь он каким-нибудь банальным отморозком, попытавшимся прибить меня во время ограбления, бьюсь об заклад, злился бы — за тупость и безрассудство. Но ведь мне даже толком неясны мотивы покушения на мою жизнь. Лёша промямлил малоправдоподобную чушь о попытке убрать в моём лице угрозу. Я, конечно же, ему «поверил», поэтому мотива нет до сих пор. А мои догадки с мизерным количеством знаний о магии можно лишь высмеять. Игорь не показался мне глупцом (его побег из-под самого носа Инквизиции — лишь подтверждение этого), чтобы убивать кого бы то ни было, а тем более меня (не самого последнего человека во всей этой истории) из-за ерунды или прихоти.

Мой «Отворот» от жены тоже можно отнести сюда. Ведь Игорь наверняка потратил ради сокрытой от меня цели уйму сил и средств. И, честно говоря, мне, как человеку творческой профессии, знакомы ощущения, когда уж слишком увлекаешься своим делом, ставя на кон всё, включая собственную жизнь. Так что, несмотря на попытку убийства и разлуку с супругой, Игорь по-прежнему мне симпатичен как мастер своего дела и герой очередной статьи.

Да, пожалуй, мной движет именно мысль, что статья о буквоеде не завершена. Такое обоснование моих безрассудных поисков вполне способно заткнуть рот не замолкающему с самого приезда инстинкту самосохранения.

Осознав, что именно меня в действительности толкает искать скорой встречи с моим потенциальным убийцей, я с облегчением выдохнул: наконец-то получилось убедить себя, что столкнуться с неизведанным, выяснить причины, побудившие Игоря совершить столь неприятные манипуляции со мной, и даже, может быть, написать статью — это достойная награда и оправдание риска для жизни, которому я наверняка подвергаю себя, попадая прямиком в лапы к злодею.

На столе между моих ладоней, рядом с чашкой кофе лежал небольшой кубик, внутри которого в окружении зеркал и темноты хранился подаренный мне буквоед, заряженный придуманным мною заклинанием. Может быть, поэтому я так спокойно отправляюсь в гости к возможной гибели, зная, что в опасный момент смогу воспользоваться чудесными словами и спастись. А, может, это даёт о себе знать голос давно уснувшего внутри молодого журналиста, каким я когда-то был, и который ради ответов мог пожертвовать жизнью?

Рядом с коробочкой-пропуском к моей безопасности, воспоминанием о Лёше лежало небольшое зеркальце. Я взял его в руку, чтобы в который раз увидеть отражение слов на левой щеке: «Стоп, магия. Стоп.

Стоп!». Всего ничего прошло с тех пор, как меня чуть не раздавило в ванной, а Лёша, спасая меня от этой мучительной смерти, залепил на щёку «Блокировку». Вон, даже следы ещё остались. Кажется, будто с тех пор минуло не одно тысячелетие. Так всегда бывает, когда после дней головокружительной беготни наступают недели бездействия и тишины. Вроде и скучно, вроде и нескучно... Главное - не вспоминать и даже не думать о прошедших событиях, а полностью сконцентрировать всё внимание на происходящем сейчас или, в крайнем случае, на ближайшем будущем. Ну, с будущим у меня всё туманно: ведь ни условия, ни обстоятельства встречи с Игорем даже приблизительно мне неизвестны. Возможно, я не успею и одного слова сказать, как пуля прильёт меня к земле, а, может быть, мы побеседуем в лучшем кафе как старые добрые приятели. Он извинится за попытку убийства и вежливо ответит на все мои вопросы, чтобы я с чистой душой мог отправляться в Питер. Наивно? Но такое со мной уже было...

В моём списке осталось ещё много слов, в том числе: «Крест» и «Игорь». Надеюсь, такой порядок и останется — чего-то не больно хочется встретиться с «Крестом» уже после встречи с Игорем. Пускай лучше наоборот.

Значение ещё одного Слова из списка стало мне понятным, стоило лишь сойти с поезда в Симферополе. Уже подбираясь к тамбуру, зажатый в очереди, я почувствовал, как в коридор прорвался порыв ветра, и (о, Боже) он нёс в себе запах осени! Столь приятный моему сердцу аромат, который в заснеженном городе я успел позабыть, зная, что вновь он коснётся меня не ранее, чем через год. Но, как сказал провидец: «Бог ведёт нас одному ему ведомыми тропами».

Наскоро закинув багаж в камеру хранения, я решил немного пройтись по неизвестному городу. Больше всего на свете сейчас мне хотелось насладиться настоящим осенним чудом, а заодно подыскать какое-нибудь приличное кафе. На пустой желудок мозг отказывался думать о дальнейшем пути. Хотя, если верить старику, то ни о чём, собственно, думать не придётся — слова-маячки сами обо всём позаботятся, раздетыми регулировщиками вовремя появившись на дороге.

Я достал лежащий в кармане заветный клочок бумаги и ещё раз проглядел все записанные слова. Никакой особенной надобности в этом не было: за время поездки я успел 1000 раз выучить каждое слово, под перестук колес размышляя об их значении.

«Осень» можно вычеркивать — я уже нашёл ее. Хотя все календари мира убеждали меня, что на Земле сейчас идёт последний месяц года,

но вокруг себя я видел октябрь со всеми положенными атрибутами: красно-жёлтой листвой, усыпающей разбитые тротуары, лужами от недавно прошедшего дождя, хмурыми физиономиями прохожих, ожидающих от предстоящих холодов самого худшего и, конечно же, с дивным запахом засыпающей природы. Странно, почему осень так затянулась?

Далее в списке следовало романтическое слово «Вместе». Смысл его от меня пока надёжно сокрыт. Также и с «аш20», «Соль», «Пресно», «Маяк», «Крест». Уже оставшийся позади поезд под номером «120». И обещающее скорую встречу имя человека, пожелавшего размножить меня с помощью записи своего голоса. Пока это всё.

Кафе «У маяка» новогодним подарком возникло в самом начале моей короткой прогулки — я даже не успел отойти далеко от вокзала. Первый этаж типовой пятиэтажки украшала большая застекленная витрина. Неспешные люди, попивая кофе, о чём-то болтали, не забывая глядеть на прохожих. Вместо доски «Сегодня в меню» у входа стоял небольшой макет полосатого маяка. Тщательно выведенные мелом буквы заманивали омлетом и солянкой.

Ни секунды не раздумывая, я потянул за ручку входную дверь. Внутри оказалось не так много народа. Почти все предпочли сидеть возле просторных стеклянных окон, отчего снаружи казалось, что кафе переполнено. Я был тоже не прочь сесть у окна, но все столики заняты, а ждать я не хотел. Немного оглядевшись, выбрал место напротив стены, украшенной огромной, до самого потолка, картой полуострова Крым. Кажется, я попал в нужное место.

Подошла девочка-официантка. Оставив меню в кожаной папке, она удалилась. Изучив небогатый список блюд, я заказал омлет с мидиями, салат и стакан грейпфрутового сока. На десерт — капучино и творожно-фруктовое пирожное. Вновь подбежавшая официантка всё записала и, забрав меню, удалилась. Я же вновь достал ручку, листок и вычеркнул слово «Маяк». Для меня это стало забавной игрой — выискивать очередной указатель, жирными чёрточками закрашивать его, как бы навсегда распрощавшись с уже пройденным отрезком дороги.

Выполнив долг, я теперь мог спокойно разглядывать карту Крыма, в ожидании своего заказа. Всё побережье Чёрного и Азовского морей нестройными рядами заполняли названия городов и деревень. Их звучные имена, знакомые с самого детства, вертелись вокруг меня, дразня экзотикой: Коктебель, Севастополь, Алушта, Ялта, Гурзуф, Судак, Рыбачье, Солнечная Долина, Песчаное, Керчь.

Удивительно, но за свою жизнь я ни разу не был в Крыму. Объездил по работе больше половины мира, перевидал сотни культур и десятки

тысяч людей, перепробовал невероятные блюда, но в Крым так и не попал. Смотрю на усеянное курортными городами побережье и понимаю, что моё путешествие закончится не здесь, в Симферополе, а где-то там, где большая вода сливается с землёй. Но куда именно я должен направиться, чтобы повстречать своего палача — того, кто сможет ответить на волнующие вопросы, кто не позволит дожить эту жизнь в слепом неведении? Пусть он пытался ради своих целей уничтожить меня, но я должен всё узнать и об Инквизиции, и о магии, и о переплетении наших миров. Моя статья о буквоеде не дописана, и, пока она не будет напечатана, спокойствия мне не видеть.

В те минуты, когда я размышлял об Игоре, внутри зародилось ощущение, что из кафе я уйду не с пустыми руками, а с чётким знанием дальнейшего пути — в каком именно из прибрежных городов скрывается Игорь. Эх, жаль! С Лёшей нельзя связаться! Я бы непременно похвастался, что сбежавший от Инквизиции злодей фактически у меня в руках. Но, конечно же, сделал бы это только после личной встречи с чернокнижником. Никак не раньше.

Официантка принесла заказ. Омлет с мидиями оказался очень вкусным, так что я даже подумывал заказать ещё одну порцию, но решил не переедать. Поглощая нехитрую еду, я продолжал размышлять, куда же занесёт меня провидение.

— Зай, ну поехали со мной. Тебя мамка дожидается, — за соседним столиком молодой человек уговаривал большеглазую девушку капризного вида.

— Андрюша, отстань! Ты же знаешь, что я не могу.

— Ну, зай! — не отступал парень. — Давай вместе к мамке. Я уже сказал, шо ты приедешь.

— Езжай один! — отпиралась девчонка.

— Ну давай вместе. Хочу ВМЕСТЕ, ВМЕСТЕ, ВМЕСТЕ! — совсем по-детски запричитал детина.

Само собой, я понял, что это неспроста. Достаточно было и пару раз сказать, чтобы я обратил внимание. Я вновь развернул листок, чтобы вычеркнуть ещё одно слово, хотя до конца так и не понял, куда оно зовёт. Но, словно подслушав мои мысли, парень произнёс, обращаясь к возлюбленной:

— Послушай, давай хотя бы на один день. Завтра с утра выедем, к полудню уже будем в Севастополе, а оттуда до Пресного всего пятнадцать километров. Я тебя очень прошу...

Мой взгляд начал рыскать по карте в поисках Севастополя. Нашёл! Но что-то не так — на карте не значилось никакое Пресное. Почему?

— Извините... — окликнул я парня, продолжающего убеждать не

поддающуюся девушку. Тот испуганно глянул на меня, словно ждал неприятностей. — Я случайно услышал, что вы знаете, где находится Пресное. Это деревня на побережье, верно? — стараясь выглядеть дружелюбным, спросил я.

— И шо? — парень, видимо, не верил, что я не принесу проблем.

— Дело в том, что мне порекомендовали поехать туда отдохнуть, но я почему-то не могу найти на этой карте деревню с таким названием.

Мои слова почему-то вызвали у парочки снисходительные смешки.

— Это кто Вам так «порекомендовал поехать туда отдохнуть»? Ваш враг, что ли?

— А в чём дело? — не понял я их реакцию.

— На туристических картах, как эта на стене, специально не отмечают её, чтобы какие-нибудь незадачливые туристы случайно не забрели в этот «курортный рай».

— Почему же? — удивился я.

— Потому что там вдоль побережья вместе сливается пресная и соленая вода, образуя холоднейшее море, абсолютно непригодное для купания. Даже когда летом плюс пятьдесят, у берега остаётся не больше пятнадцати.

— Поэтому деревня называется Пресное? — озвучил я то, что и так было понятно.

— Невезучее место, — ухмыльнулась девушка. — Единственный населенный пункт во всём Крыму, где нет возможности заработать на туристах — их там попросту не бывает.

Её слова, скорее, предназначались парню, нежели мне. Девушка явно хотела его задеть, и друг было собрался ответить ей тем же, но я вмешался, вновь обратив на себя внимание:

— Так, а как добраться до деревни, которой нет на картах?

— До Севастополя на поезде, а там возле вокзала маршрутки до Степановки стоят. Они как раз мимо Пресного проезжают.

— Спасибо, — поблагодарил я и принялся пить остывший капучино. Предварительно зачеркнув слова «Вместе», «аш20», «Соль», «Пресно», я оставил лишь «Крест», отделяющих меня от «Игоря». Ну что ж, судя по темпам, с какими идёт зачеркивание слов-маячков — до скорой встречи, Игорь-чернокнижник!

Дорога до деревни Пресное заняла значительно больше времени, чем я ожидал.

Добрался до Севастополя — города русских моряков, где всё так же царствовала погода, более характерная для середины осени, чем для начала зимы. Если бы не порывы холодного ветра, нёщие в себе запах

моря, то можно было даже обойтись без куртки. Думаю, нетрудно догадаться, какая первая мысль настигла меня, лишь стоило сойти с поезда в крупном портовом городе. Конечно же: «Увидеть море и умереть!» Типун мне на язык! Но, немного повоевав с желаниями, я всё же позволил здравому смыслу одержать верх — на море ещё успею насмотреться. Пока ехал по железке вдоль бухты с кораблями, немного успел насладиться морской гладью. Осталось услышать шум волн.

Как и обещал парень из кафе «У маяка», возле вокзала действительно дежурили маршрутки, но лишь одна из них следовала в Степановку.

— Через Пресное едете? — на всякий случай спросил я у водителя. Явно усталый человек с неохотой оторвал взгляд от жёлтой газетёнки и глянул на меня, мол: «Чё те от меня надо?!» Но вслух сказал:

— Садитесь... Будем ждать.

Оказалось, что «ждать» придётся два с половиной часа, пока не заполнятся восемь свободных мест. Судя по соседним, лихо набирающим пассажиров автобусам, маршрут «Севастополь — Степановка» был самым невостребованным.

Уже спустя час ожидания я не выдержал и предложил водителю оплатить недостающие места. Он на меня вновь посмотрел все тем же многозначительным взглядом, и угрожающе произнес:

— Какой умный хлопец! А другие пешком до Степановки пойдут? Жди!

Глянув на своих беззаботно дремлющих соседей, я решил последовать их примеру, привалившись поудобнее к спинке кресла и закрыв глаза.

Разбудила меня тряска на колдобинах проселочной дороги. Глянув на часы, я подсчитал, что прошло два с половиной часа. Судя по пейзажам, мы только-только выехали за пределы Севастополя и теперь едем среди виноградников. В этом году урожай давно собран.

Так, парень сказал, что Пресное находится всего в пятнадцати километрах от города, поэтому даже при самом неудачном раскладе я окажусь в нужной мне деревне через четверть часа. Но, судя по всему, моё умение предусматривать различные варианты развития событий, которым я всегда гордился и благодаря чему часто единственно оставался жив, начало давать сбой. Может, Пресное и находилось всего в пятнадцати километрах, но маршрутка ползла до него совершенно немислимыми тропами, через какие-то производственные объекты, никому не нужные поля и деревеньки в несколько домов. В каждой из них, конечно же, машина останавливалась минут на десять. Злило то, что никто из пассажиров не выходил и не заходил. Следуя по этой странной дороге, я чувствовал себя свидетелем чьей-то игры, о которой все окружающие

знали и воспринимали очень серьёзно. Наблюдая, как шофёр перекуривает на очередной никому не нужной «станции», а пассажиры равнодушно смотрят за окна, сначала я хотел смеяться, но потом появилась неприятное беспокойство. Ведь не должно, не должно здесь быть так ужасно! Не должны люди походить на живых мертвецов, а деревни утопать в такой пустоте и безлюдии — ведь это Крым! Земля мечты, о которой я с детства слышал, как о Рае на Земле, где должны быть удовольствия, музыка и веселье, а не вот эта кислятина. Я, конечно, понимаю, что на календаре уже зима и о туристах можно забыть до следующего лета, но ведь не настолько же всё плохо!

Пресное оказалось больше, чем я предполагал. Автобус нырнул в деревню — вдоль дороги с обеих сторон стояли домишки. С левой стороны в просветах между домами виднелась тёмная морская синева. Стоило мне увидеть маленький кусочек моря, как сердце сначала сжалось, а потом стало удивительно легко. Наконец, микроавтобус остановился на каком-то пяточке, а водитель громко спросил:

— Кто там до Пресного ехал? На выход!

Не сразу сообразив, что это и есть та самая деревенька, к которой вели меня знаки, я продолжал сидеть, потом, спохватившись, взял сумки и вышел, с трудом переставляя затекшие ноги. Как ни странно, водитель не стал тратить время на перекур, а сразу рванул с места, стоило мне закрыть за собой дверь. Я догнал старушку в платочке, приехавшую вместе со мной (кроме неё, вокруг не было ни души).

— Здравствуйте, — окликнул я, но она даже не среагировала. Пришлось повторить приветствие. Она остановилась и посмотрела на меня удивлённо, будто никогда до сего момента не видела здесь приезжих.

— Ты чего тут делаешь? — спросила она так, как наверняка спрашивает у нашкодившего внука.

— Я... это... турист, — ответил я первое, что пришло в голову.

— Турист? Хе... У нас туристов отродясь не было, тем более в начале декабря. Ты, видимо, не только с местом, но и со временем немного прогадал, — саркастически улыбнувшись, сказала пожилая женщина. — Часа через полтора маршрутка из Орловки возвращаться будет. Не пропусти — она у нас почти не стоит... — и, развернувшись, пошла дальше как ни в чем не бывало.

— Извините, — вновь нагнал я бабушку. — Вы мне просто подскажите, кто здесь жилье сдаёт.

— Жильё-ё-ё? — со своей манерой переспрашивать, словно слыша впервые, повторила за мной она. — Никто у нас жилье не сдаёт. Тебе разве не говорили, что место здесь не курортное.

— Говорили, но я вот решил здесь пожить.

После моих слов бабка глянула так, словно заподозрила сумасшествие, того и гляди сейчас ладонью до лба дотронется и спросит: «Может, у тебя температура?»

— Пожить, значит, решил здесь?

— Да, — уверенно кивнул я.

— Ну, поживи, — разрешила бабуля. — Только смотри, от нас до самой Орловки делать нечего, скукота...

— Вот я именно ради скукоты и приехал, — неотступно продолжил я убеждать её дать мне подсказку. Она всё так же недоверчиво оглядела меня с головы до ног:

— Значит, ради скуки?

— Да, именно ради неё!

— Тебя как зовут?

— Андрей... Иванович... — ответил я и сам себя поругал за излишнюю официозность.

— Значит так, Иваныч... — с вновь появившейся усмешкой в голосе сказала она и пошла вперёд, подразумевая, что я последую за ней. — Не привыкли у нас к туристам! Поживёшь у меня. Всё равно тебя больше никто под вечер не пустит. Буду завтрак готовить и обед, а ты продукты покупай. А с деньгами потом разберёмся, как съезжать будешь. Договорились?

— Договорились! — обрадовался я такой удаче.

— Вот и славно. Меня зови Марией Фёдоровной...

— Сколько ты здесь рассчитываешь пробыть? — спросила Мария Фёдоровна, не отрываясь от намазывания печенья сливочным маслом. Она уже успела мне постелить в одной из трёх комнат её дома. Я переоделся «в домашнее» и теперь, поужинав жареной картошкой с сыром, чаевничал с хозяйкой, ведя неспешную беседу. К чаепитию я уже успел рассказать про себя — кто я и откуда, чему хозяйка несказанно обрадовалась, объяснив, что сама большую часть жизни прожила под Питером, а сюда приехала досматривать брата. Так и осталась жить в Пресном: «Здесь, если человек с годик поживет, то остаётся навсегда, уже ни за какие коврижки место не поменяет», — объясняла она свой выбор. На мое недоумение уклончиво ответила: «Вода здесь больно вкусная».

— Сколько здесь придётся пробыть, точно не знаю... — пожал я плечами. — Минимум, несколько дней — пока нужного человека не найду.

— Ха! — удовлетворенно крякнула бабка. — Так и знала, что никакой ты не турист. Значит, человека ищешь?

— Да. Может, Вы будете знать? — если хочешь кого-то найти, спроси

у местных.

— Если он или она из Пресного, то буду. Здесь не так много жителей — все друг другу или брат, или сват.

Я назвал Игоря, описал возраст и внешность, каким я его запомнил, но Мария Федоровна покачала головой:

— Сожалею, но он не из нашего посёлка.

— Вы уверены? — не унимался я. — А может, он чей-то родственник и лишь изредка приезжает сюда.

— Нет, Андрей, вряд ли. С местными его точно ничего не связывает.

— Но я знаю наверняка, что он должен быть где-то здесь! — продолжал я убеждать то ли старушеницу, то ли самого себя, не позволяя признаться, что внутри зародились сомнения — а вдруг я ошибся? До этого мне даже в голову не приходило, что я мог промазать, угодив в это Богом забытое место по воле случая, просто разглядев слова-подсказки там, где их не было — высосав из пальца. Чёрт!

— Ты это... — виновато, словно она послужила причиной моих ошибок, начала хозяйка, — только не расстраивайся, а отправляйся спать. Утро вечера мудренее! А я ещё подумую.

Так и поступил. Скрипя пружинами, забрался на старую кровать и попытался немного почитать, но не смог: в голову лезли неприятные мысли о напрасной поездке. Как я ни старался их отогнать от себя, справиться с появившимся напряжением всё не получалось. Когда уже собирался сдаться, выключить свет и постараться скорее заснуть, в дверь постучали.

— Да? — отозвался я, натянув одеяло под самый подбородок. В проёме появилась Мария Фёдоровна, держа в руке стакан воды.

— Можно? — вежливо спросила хозяйка. Она подошла к кровати и поставила стакан у изголовья на стул, на котором лежали мои вещи.

— Это если я пить захочу? — догадался я, но она отрицательно замотала головой.

— Ни в коем случае не пей!

— Так, а что там? — недоумеваю, нахмурил я брови.

— Просто обычная вода, — уверила старуха и для пущей важности взяла стакан в руки, чтобы сделать глоток. — Видишь, обычная вода.

Я ещё больше нахмурился:

— Тогда зачем она здесь?

— Чтобы сны плохие не снились, — объяснила Мария Фёдоровна, отчего мои брови быстро поползли вверх. — Не делай такое лицо! Ты не думай, я человек не суеверный, однако эту местную традицию исполняю всегда. Знаешь, сколько таких, как ты — неверующих через это прошли? В этом месте с землёй что-то неясно или грунтовые воды тому

виной, точно не знаю... Но если ты человек здесь новый, то в первое время без защиты глаз тебе не сомкнуть — сразу кошмары сниться начнут. И не смейся, а если хочешь выспаться, то не спорь. Просто вода пускай в изголовье постоит.

— Хорошо, — пожал я плечами. Тем более, после знакомства с буквоедом я могу понять — существует много удивительных вещей. Если чего-то не знаешь, то это совсем не значит, что этого нет.

От моих слов старуха сразу засияла:

— Вот и ладненько! Только воду из стакана не пей.

— Я понял, — уверил я её, и она со спокойной душой ушла, пожелав сладких снов.

Вопреки ожиданиям, тяжёлые мысли меня больше не донимали, и я отключился почти сразу.

Просто так всё обойтись, конечно же, не могло. Проснувшись, когда в комнате было еще темно, но за окном виднелись первые признаки рассвета, я почувствовал дикую жажду, что возникла, словно назло доброй старухе. Идти в потёмках на кухню, спотыкаясь о стулья и ударяясь о косяки, или же протянуть руку, чтобы взять стакан? Ясно, что выбор очевиден, несмотря на строгое предостережение.

Сделав всего один глоток, я понял, что совершил ошибку, тут же выплюнув жидкость — она была невероятно горькой! Рот свело от отвращения — ведь ещё неизвестно, что за гадость я выпил.

Вскочив, я включил свет, чтобы исследовать стакан, но ничего особого не обнаружил: цвет прозрачный, запаха нет — вода, как вода, если бы не эта невыносимая горечь. Я даже представить не мог, что старуха могла так спокойно выпить это пойло, даже не поморщившись.

Всё же выбравшись на кухню, я поставил стакан в раковину, а сам, тщательно прополоскав рот, напился из-под крана. Стало легче. Вернувшись в комнату и выключив свет, я улёгся в кровать, размышляя над поступком хозяйки — может, она так пошутила или это у неё проверка такая на вшивость? Поутру спрошу, а пока — спать...

Но, как и обещала старая ведьма, сна не получилось. Лишь стоило сознанию погрузиться в сладковатый омут дремы, как всё мысленное пространство заполнили раздавленные «тисками», обезглавленные тела неизвестных мне людей. А над ними стоял Игорь, снисходительно улыбаясь. Он держал руку поднятой вверх с зажатыми в кулаке наушниками, на конце которых маятником качался отобранный Инквизицией плеер. И с каждым покачиванием трупы всё прибавлялись. Туда-сюда... Туда-сюда...

На границе сна и яви я с трудом дождался утра.

Дома хозяйки не оказалось, а живот вздулся и болел. Все-таки часть отравы из стакана попала в желудок. Я был измучен мерзкими видениями, состояние было совсем никудышным — ещё чуть-чуть - и станет катастрофически ужасным. Хотелось поругаться с хозяйкой за дурацкие шутки. Но, с другой стороны, она ведь предупреждала и я сам нарушил запрет! А теперь ещё и виню её. Когда вернётся, надо узнать, что это за фокус с водой.

На плите стояла сковородка с остатками вчерашнего картофеля, а рядом на столе — два яйца, зовущих меня на подвиг яичницы. Приготовив нехитрый завтрак и сметав его в один присест (после чего, кстати, боль в животе прошла), на полках я нашёл растворимый кофе, в холодильнике — молоко. Наблюдая из окна кухоньки-веранды за черноморским утром, я думал о своих дальнейших действиях.

Сидеть в доме, дожидаясь, пока Игорь сам по себе материализуется из воздуха, не имело смысла. Нужно искать или подсказку, или самого Игоря, но никак не ждать. На том и порешил — пройтись по улицам поселка, чтобы, хотя бы приблизительно, сориентироваться и самое главное - увидеть море, которое уже довольно давно не навещал.

Вымыв за собой посуду (кстати, оказалось, что стакана с «горькой водой» на кухне нигде нет), я привёл себя в порядок, обулся и вышел за ворота, вежливо поздоровавшись с сидящей на цепи приветливой дворнягой.

В утреннем свете посёлок не казался таким зловещим, как вчера, а походил на самую обычную большую деревню. Людей на дороге почти не встречалось, но все, как один, с навязчивым любопытством с головы до ног рассматривали «чужака».

Погода была чудесной. Словно готовясь ко встрече дорогого гостя, царившая здесь осень решила примерить на себя лучший из нарядов — золотисто-красный шёлк. Воздух пропитан ванилью. Саму по себе я не очень её люблю. Но в сочетании с яркими красками и примесью морской соли она принесла блаженство и забвение проблем. Хотелось, закрыв глаза, слушать шуршание опавшей листы под ногами и приглушённый шум морского бриза.

Когда налетел порыв ветра, я натягивал повыше воротник свитера и смотрел, как листья начинали кружиться, вальсируя под неслышную мелодию, а деревья им аплодировали. Я был очарован. Меня заполнила осенняя благодать, а голову дурманило *полное безмыслие*. Так, в неведомой мне доселе неге неведомыми путями я выбрался к побережью.

Совершенно неожиданно кончился забор. Сразу за ним я ожидал найти поворот, но ограждение прерывалось обрывом, открывая вид на бескрайние воды и белые облака. У меня перехватило дух. Я остановил-

ся, совершенно забыв дышать, и мог только смотреть и смотреть, будто находясь под гипнозом благоговения...

Не знаю, сколько прошло времени (оно потеряло всякое значение и измерялось лишь количеством вдохов), прежде чем я смог вновь овладеть своим телом и подойти к краю обрыва. Внизу, на расстоянии двенадцатизэтажного дома, подобравшись к самому подножью и поглотив остатки пляжа, которого, судя по всему, здесь никогда толком и не было, бушевали волны. Именно здесь вместе соединялись вода и суша. Я обернулся, чтобы сверить расстояние — ближайшие домики находились на опасной близости к обрыву. Море, веками по песчинке отвоевывающее пространство суши, продолжало наступление. Ещё с полсотни лет — и жилища людей осыплются, проглоченные жадными штормами.

Слева можно было рассмотреть Севастополь — вдоль длинного берега на набережной точками замерли многоэтажки отелей. Справа в нескольких километрах на выпирающей в море скале видна высокая белая башня с какими-то пристройками, а над самым её куполом — сверкающий в лучах солнца крест. Церковь!

— Вот ты, Игорь, и попался! — на радостях сказал я вслух, сожалея об оставленных дома списке и ручке.

Я вернулся на основную дорогу, разделяющую весь посёлок пополам, и по нему побрел в сторону церкви, разумно предположив, что это самый быстрый способ добраться до пункта назначения. Так оно и оказалось, правда, глазомер подвёл, и идти пришлось дольше, чем казалось вначале.

Лишь стоило окраинному дому остаться позади, как начался лес — настоящий сосновый лес, разве что с проложенной по нему асфальтированной дорогой. До этого хоть бы одну сосну увидел, а тут... Место, однозначно, стоит внимания. Интересно, чем тут люди живут? Надо будет у Марии Фёдоровны разведать, если, конечно, Игорь меня не урезонит первым.

Спустя какое-то время я понял, что дорога незаметно изгибается вправо, уходя от того места, куда я хочу попасть. Наверняка где-то здесь дорога разделяется — должны же к церкви вести хоть какие-то пути. Где церковь, там и дорога — люди же как-то попадают в храм...

Но даже самой маленькой тропы, ведущей к церкви, я так и не нашёл. Когда я сообразил, что лишь отдаляюсь от нужного мне места, пришлось немного вернуться и сквозь лес пойти в сторону обрыва. Если идти вдоль берега, то, так или иначе, окажусь возле церкви.

Мне это место нравилось всё больше — и красиво, и загадка есть — идеальное место для отдыха. Деревья подступали к самому краю обры-

ва. Некоторые даже нависали над ним, цепко впившись корнями в зыбкую почву. Море мелькало, проглядывая из-за древних стволов. Пробираясь сквозь сосновый лес, я даже немного запыхался. Судя по всему, я поднимался вверх по склону, хотя, когда смотрел на церковную башню, казалось, что она находится на том же уровне, что и я.

Прежде, чем закончился сосняк и впереди замелькала церковная башня, я услышал странный, доносящийся из ниоткуда звук — монотонное гудение, наподобие того, что можно услышать из трансформаторной будки. Казалось, что звук не имел направления и места рождения, будто сама земля издавала его. Странность заключалась в том, что это самое гудение появилось в одночасье, совсем не так, как положено порядочным звуковым волнам — сначала еле слышно, а затем, по мере приближения к источнику, постепенно наращивая силу, а резко, раз — и всё!

Я остановился как вкопанный, сначала решив, что это у меня в голове что-то переклинило, но, сделав шаг назад, понял, что интенсивное гудение исчезло. Шаг вперёд и — звук вновь появился. Я даже присел, думая, что звук усилится, но ничего подобного — гудение осталось на прежнем уровне. Странно, очень странно!

Немного поэкспериментировав, я нашёл линию, разделяющую гул и тишину, для пущей убедительности очертил её палкой. Выходило вот что... Если хотя бы часть тела, будь то всего один палец или нога, касаются земли за чертой, то звук прекрасно различим. Ну а если просто наклониться над линией, то гудения нет, и единственное, что слышно — шум морских волн. Получается, что я это гудение воспринимаю не слухом, а оно поднимается вибрацией по моему телу, так? Что же там гудит под землей? И как может всего один сантиметр отделять зону звука и тишины?

Ну что ж, вопросов к Марии Фёдоровне как представительнице местных жителей всё прибавлялось.

Смирившись с навязчивым гудящим звуком в голове, я направился дальше, чтобы, наконец, добраться до церкви. Но и здесь меня ожидало очередное любопытное открытие. Стоило замаячить просвету среди деревьев, как я наткнулся на неожиданную преграду — старый забор из красного кирпича высотой в два с половиной человеческих роста, словно здесь была военная база, а не церковь.

В поисках входа я двинулся вдоль забора. Стоит ли говорить, что никакого входа не было!

То есть получается, что забор начинается над пропастью с одной стороны, полукругом огибает участок, и заканчивается над обрывом с другой стороны. Но ведь люди же внутрь как-то должны попадать!

Мысль, что передо мной просто церковь необычной постройки, как глупую, я уже давно оставил. Осталось теперь отыскать вход, если не для прихожан, так для служителей. Не живут же они там безвылазно? А что, если вход есть со стороны моря? Лестница вверх? В моем положении любая идея могла оказаться верной, поэтому я не стал отмечать даже самые нелепые догадки. Как раз, идя через лес, я заметил у обрыва что-то напоминающее спуск вниз — ведущую к морю «козью тропу». Придется немного вернуться, но это не проблема.

По пути я наткнулся на липу, одиноко растущую среди высоких сосен. Оценив форму дерева и свои силы, я решил рискнуть и взобраться повыше, надеясь рассмотреть территорию церкви и расположение входа.

Само здание находилось достаточно далеко от забора и свидетельствовало, что архитектором был человек с нездоровой психикой. Вершину высокой башни, увенчанную золочёным куполом и крестом, оккупировала стая ворон. Они буквально облепили символ христианства, жадно толкаясь и щемя соседей, желая уместиться на удобных выступах. Те, кому места не хватало, летали вокруг, недовольно каркая, но упорно отказываясь приземляться где-либо ещё.

К башне прилежала большая пристройка, более походящая на белёное здание тюрьмы, чем на часть собора, с тонкими длинными окнами-бойницами. А между ними была втиснута, наподобие балкона или веранды, застекленная круглая площадка, идеально подходящая для обзора моря и побережья. Явно все три части сюрреалистического ансамбля строились в разное время и для разных целей. Что уж говорить, церковь (да и церковь ли это вообще?) идеально подходила своей странностью для этих мест.

Пустое же пространство от церкви и до забора заполнялось ровными рядами построек, похожих на длинные теплицы из пластика, возвышающиеся над землей всего на метр.

Внимательно осмотрев территорию, входа я так и не нашёл. Не сошло хлебавши пришлось вернуться на землю и направиться дальше искать спуск к морю.

Пока брёл, огибая деревья, поймал себя на мысли, что все эти преграды меня не пугают и не мешают, а, скорее, наоборот — чем нелепее и удивительнее становится ситуация, тем больше внутри зарождается уверенность в верно выбранном направлении. Это место, словно кусочек мира буквоедов, овеяно волшебством и загадками.

Найдя место, более-менее похожее на тропу вниз, я всё внимательно осмотрел и даже сделал несколько десятков шагов, прежде чем смирился с тем, что к морю здесь мне лучше не спускаться. Нет, горная

тропа, может, и выведет меня вниз, да и полоска пляжа здесь больше, чем в посёлке, и море не достигает до самих скал... но я точно не смогу выбраться сухим: из земли, широкогрудо возвышающейся над морем, водопадами стекали потоки воды. Из грунта текли реки, падая вниз, и по песку уходили в море. Я видел такое в Грузии, Франции и Палестине — везде это явление называют «Гора плача» или «Рыдающие скалы», когда грунтовые воды выбираются наружу. Обычно это небольшие струйки, но никак не целые реки. Удивительно.

Ну что ж. На сегодня, пожалуй, хватит. Крест я нашел, осталось дело за малым.

На обратном пути я заскочил в магазин, чтобы закупить продукты. Вышло два больших пакета — сам я столько неделю бы ел, но перед предстоящим разговором хотелось задобрить приютившую меня старушку. Расспросить предстояло о многом. Некоторые мои вопросы могли показаться ей чрезмерными для обычного праздного шатающегося искателя. А, как подсказывал мой опыт, сначала нужно задобрить человека, а уже затем спрашивать.

Дома её не оказалось. Привязанная на входе Жучка дружелюбно виляла хвостом, узнав неожиданного гостя. Пошуршав пакетом, я достал пачку крабовых палочек и скормил всё собаке. Выслушав благодарный лай, прошёл в пристройку, служившую и прихожей, и кухней одновременно. Быстро раскидал продукты по полкам холодильника, чтобы поскорее отправиться к себе в комнату, прихватив несколько ломтиков сулугуни.

За обдумыванием предстоящей беседы с Игорем и поеданием сыра и застала меня Мария Фёдоровна. Заглянув в комнату, она улыбнулась и вместо приветствия спросила:

— Кушать будешь, горемыка?

— Буду, — согласился с радостью я, хотя аппетит уже перебил.

Женщина исчезла, и началась на кухне активная возня с перезвоном тарелок, кастрюль и половников. Щёлканье строгающего ножа и звук шипящего масла постоянно отвлекали от чтения, а когда в комнату проник запах жареной рыбы с морковью и луком, я отложил чтение в сторону, не в силах больше бороться.

Умело орудуя половником, Мария Фёдоровна, даже не обернувшись ко мне, бросила:

— Руки мой и садись за стол.

Золотистая корочка скумбрии, овощной салат и пюре оказались на второе. На первое полагались щи. За едой мы вели непринужденную беседу. Каждый из нас немного рассказывал о своем прошлом. Вроде

всё в порядке, но ощущалась недосказанность. За разговором я старался подбирать слова, чтобы повернуть беседу в интересующее меня русло, но всё произошло само собой — хозяйка сама, укоризненно покачав головой, сказала:

— Я ж тебе говорила, стакан с водой не трогать. А ты, как дитё малое... Вон, уже волосы все седые, а всё туда же...

— Виноват, но я серьёзно Ваши слова не воспринял, — оправдывался я.

— Не поверил, что ли?

— Даже не знаю, почему Ваш указ нарушил, Мария Фёдоровна. То ли спросонья думать особо не хотелось, то ли журналистская душонка взыграла — «никому не верь, а сам проверь». Теперь-то верю, конечно... хотя многое остается непонятным.

— А что тут понимать, Андрюша? «Аш два о», она и в Африке «аш два о»...

Услышав это обозначение воды, точь-в-точь, как записано на листке, доставшемся мне в подарок от деда-провидца, я ощутил нервную дрожь.

— «Аш два о»? — заворожённо проговорил я.

— Да, — кивнула старуха, явно не заметив мою оторопь. — Только не говори, что ты никогда о чудесных свойствах воды не слышал...

— Вы имеете в виду святую воду?

— Это лишь отражение основных свойств воды, самое главное из которых — способность хранить и трансформировать информацию.

Сказав это, хозяйка замолчала, хотя ей явно было что мне рассказать. По-видимому, она ждала от меня какой-нибудь реакции, которая не заставила себя ждать:

— То ли мне кажется, то ли Вы на самом деле говорите не словами обывателя, а специалиста?

На что она хитро улыбнулась:

— Заведующая гидрологической лабораторией в течение двадцати пяти лет. Я же говорила, что под Питером жила, но не успела уточнить, что была привязана к южному водохранилищу города, и лишь на пенсии переехала сюда. У меня здесь старший брат жил и давно к себе звал. У него была вторая группа инвалидности, и требовался постоянный уход. Так я здесь и оказалась.

Можно было не продолжать, я и так чувствовал, что её слова о воде - не суеверная болтовня деревенской бабушки, а подкреплены знаниями учёного.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — продекламировала Мария Фёдоровна и вышла из кухни к себе в комнату. — Ещё древ-

ние знали, — слышался её голос, сопровождаемый шуршащими звуками интенсивных поисков, — о чудодейственных свойствах воды. А упомянутый тобой, Андрей, феномен святой воды — лишь малая толика того, на что она способна... О, нашла! — бабка появилась в проёме, аккуратно на вытянутых руках неся стакан воды, верх которого был обёрнут перевязанным ниткой целлофаном. В другой руке — сосуд с гладкой, блестящий металлической поверхностью. Она поставила их передо мной, а сама села на прежнее место.

— Как думаешь, почему принимать душ рекомендуют и перед сном, и с утра?

— Вечером вода успокаивает, а с утра бодрит? — предположил я.

— И не только! — женщина лекторским жестом оттопырила указательный палец. — Налипшую за день грязь (я имею в виду энергетическую), вода «смывает» с человека, принимая всё на себя. И человек не тащит в кровать чужеродный мусор.

— А утром смывает остатки снов? — догадался я.

Мария Фёдоровна кивнула.

— Именно этим, то есть поисками способов считывать записанную в воде информацию, я и занималась в своей лаборатории.

Я что-то такое уже слышал:

— Это вроде компьютера на воде, который пытаются изобрести?

— Это другое. Ты говоришь о считывании последовательности молекулярной структуры, а я — об энергетической информации.

— То есть Вы хотите сказать, что уже в те времена, когда еще и компьютеров-то не было толком, да и духовная тема напрочь отметалась...

— ... правительство и закрытые НИИ знали о существовании тонких энергий и пытались их упразднить с помощью технологий.

— И Вам это удалось? — я не мог поверить, что «новая физика», или по-другому, магия, столь широко используемая в мире Игоря, вовсе исследуется и у нас. Хотя, если правительства знают о существовании альтернативных миров, чему удивляться?

— Нет, в лаборатории мы так и не нашли способ считывать энергетический потенциал воды, но зато я нашла его в совершенно неожиданном месте... здесь, в поселке Пресное! Смотри...

Она взяла обычный стакан, размотала нить и сняла целлофановую плёнку, а затем перелила его содержимое в железную чашу. Я наблюдал, как самая обычная вода перетекает из одного сосуда в другой.

— Это остатки той самой воды, которую я поставила у изголовья твоей кровати.

— Зачем Вы её сохранили? Ещё и законсервировали, — недоумевал я.

— Потом объясню... Смотри внимательно, — сначала она сняла с шеи крестик, зажала его в левой руке, а правой взяла со стола нож. — Смотри на поверхность воды. — Из-за того, что второй сосуд сделан из металла, разглядеть в нём что-то было довольно сложно, но я всё же старался ничего не упустить. — Мария Фёдоровна поднесла висящий на цепочке крестик к самой кромке воды, стукнула ножом сбоку чаши. По поверхности воды начали расползаться с трудом заметные круги, вызванные вибрацией. Сначала мне хотелось пожать плечами, мол, «подумаешь, что в этом удивительного», но хозяйка, рассмотрев на моем лице разочарование, повторила: — Смотри! Не отвлекайся...

Только через минуту наблюдения до меня дошло, что вибрации поверхности давно уже должны были прекратиться, но она продолжала равномерно покрываться рябью.

Решив, что я готов, она сказала:

— А теперь дотронься до чаши.

Сделав, как она велела, я ощутил, что моё сердце уже второй раз за сегодняшний день решило остановиться — в ГОЛОВЕ ПОЯВИЛСЯ ТОТ САМЫЙ ГУЛ, ЧТО Я СЛЫШАЛ В ЛЕСУ! Не громче, и не тише — равномерное гудение словно зарождалось в самом центре черепной коробки. Я отпустил чашу — звук исчез.

Просидев ещё минуту с хаотично мечущимися мыслями, хоть как-то пытаясь увязать одно с другим, я неотрывно смотрел на чашку.

— Пожалуй, хватит, — вдруг сказала хозяйка, и, надев крестик, взяла железный сосуд и перелила воду обратно в обычный гранёный стакан. В прозрачной жидкости, словно чайники, плавали маленькие чёрные кусочки. Через пару минут они покрыли поверхность воды тонкой тёмной пленкой.

— Это в железной чаше было? — равнодушно спросил я.

— Нет, это выделилось из воды в результате вибраций.

— Химическая реакция, — мне почему-то с трудом думалось: «А не гул ли виноват?»

— Нет, энергетическая. Вот эта чёрная плёночка — это твои кошмары, которые вода впитала. Не веришь? — обиженно надула сухие губы Мария Фёдоровна.

— Что Вы, верю я! И даже точно знаю, что всё это правда. За последнее время мне приходилось сталкиваться с вещами и позагадочнее. Просто устал я за сегодня что-то, плохо соображаю уже...

— Давай тогда на завтра отложим, — предложила хозяйка.

— Что Вы! Ни в коем случае! — я не на шутку перепугался. Ещё не хватало столь долгожданный разговор откладывать до завтра. — Вы мне лучше объясните, как все эти чудеса работают.

— Если бы я знала, Андрюша, — тяжело вздохнула Мария Фёдоровна как бывший учёный. — Я просто хотела, чтоб ты воочию убедился, как вода растворяет чужие сны. Но подробно я вряд ли смогу объяснить. Просто знаю, что пить пропитанную снами воду — нежелательно. Она может иметь эффект яда.

— Поэтому у меня живот болел?

— Именно, — кивнула хозяйка. — И вода сама на вкус кислая была?

— Горькая, — поправил я.

— Ну, или горькая, неважно. Главное, что в поле действия негатива сама структура воды, не говоря уже об энергетическом потенциале, может изменяться. В нашем посёлке люди неоднократно до смерти травмились «грязной» водой, которая и называется так из-за вот этой чёрной пленки.

— Подождите, Мария Фёдоровна... Так что, об этом весь посёлок знает? — поморщился я. Мне начало казаться, что я опять оказался в мире Игоря, где все знают о магии, и лишь я один — несведущий турист.

— Все не только знают, но и успешно пользуются!

— Пользуются чарами воды? — я не верил своим ушам.

— Ну-у, я бы не стала называть то, что я тебе, Андрей, только что показала, магией. Ведь под этим явлением есть научная основа, а не только суеверие, — ей явно не нравилось слово «магия» как антагонист «науки». — Но большинство жителей поселка ещё издревле использовали свойства воды, которые сейчас относятся к сверхъестественным, хотя на самом деле они очень даже естественные.

— Например? — ох, как мне хотелось чудес! Во мне снова заговорил юный первооткрыватель.

— Например, если выпить вот эту воду в малых количествах, чтобы не отравиться, то можно увидеть во сне твои воспоминания или кошмары. Вот то самое считывание информации с воды, которого я так и не смогла добиться в стенах родной лаборатории.

— Это касается только плохих снов?

— Конечно же, нет. Любые сны могут запечатлеться в воде и действовать по-разному. И жители Пресного прекрасно это знают и с успехом пользуются. Например, с помощью эротических снов лечатся бесплодие и большинство сексуальных расстройств. Сны-приключения спасают от хандры, меланхолии, а также проблем с позвоночником и суставами. И так далее...

— Так, а как Вы узнаете, какой именно сон находится в воде?

— А для этого и нужна «звон-чаша», как её здесь называют. После необходимых действий с крестом и вибрацией проявляются кусочки снов. Какого цвета они, таков и сон в воде. Кошмары — чёрные, страсть

— бордовая, спокойствие — бирюзовое, и так далее... Мы смотрим на цвет плёночки и используем её по назначению — у каждого цвета своя сфера применения.

Всего цветов восемь, если не брать в расчёт оттенки. Чем насыщенней цвет, тем более сильной энергией обладает сон в воде и тем он эффективнее.

Я прикинул в голове: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Плюс чёрный и белый. Получается девять, а не восемь». О чём я и спросил Марию Федоровну:

— Потому что семь цветов радуги и черный, — пояснила она.

— А белый?

— А белый сон, Андрюша, это местная легенда. Никто никогда не видел его, но все думают, что он существует как особый артефакт. Белый цвет содержит весь спектр цветов, а, значит, обладает их силой. Говорят, что это и есть та самая легендарная живая вода. Мол, она убирает у человека все внутренние и внешние недостатки, делая его совершенным. Я даже слышала предположение, что, когда Иисус был маленьким, Дева Мария видела божественный сон и случайно напоила сына белой водой, сделав его особенным.

Мне захотелось повнимательней рассмотреть железную чашу. Я взял её в руки.

— Для того чтобы сны стали видны в воде, подойдет любая металлическая чаша и самый обычный крест?

Марию Фёдоровну мои слова рассмешили:

— Андрюша, ну подумай сам. Если б было так, как ты об этом говоришь, то уже весь мир давно был бы в курсе. Крест подойдет самый обычный — потому что важен не материал, а сама духовная составляющая распятия. Кстати, есть подозрения, что религиозный символ любой конфессии подойдёт не хуже христианской. А вот сосуд нужен особенный — какой-то специальный сплав и форма. За счёт вибраций сны материализуются. Не смотри так... В буквальном смысле! Я немного экспериментировала с этим явлением и узнала, что после использования чаши масса воды увеличивается. То есть получается, что вот эта плёночка появляется из ниоткуда. Было, например, 200 грамм, а стало 203...

— Так, а откуда вы этот чудо-сосуд берёте? Он у вас тут что, вместо сувениров продаётся? — попытался пошутить я.

— Это очень большая редкость... У нас в деревне лишь единицы им обладают.

— И где его взять? — мне показалось, что хозяйка не желала об этом говорить, но и я так просто не хотел сдаваться.

— Нигде ты его не возьмешь, — уклончиво ответила она.

— Вы боитесь, что я об этом растрезвоню всему миру?

— Ой, что ты! — засмеялась старушенция, прикрыв ладонью рот. — Чего тут бояться-то? О необычных свойствах воды люди всего мира знали ещё тысячелетия назад. Не говоря уже о том, что о подобных явлениях в газетах писали, пишут и будут писать, но никто эту информацию не воспринимает всерьёз. Думают, как ты, мол, «водная магия» да бабушкины сказки.

— Я так не думаю!

— И на том спасибо... — хозяйка встала, чтоб поставить на огонь чайник. — Кофе будешь?

— Угу.

Она достала чашки. Аккуратно поставила на стол варенье.

— Кстати, когда я дотронулся до чаши, услышал гудение в голове.

— Это вибрации, которые ощущает тело, но не уши, — хозяйка сразу поняла мой вопрос, словно ждала его. — У меня есть теория, что именно благодаря этим вибрациям материала, из которого сделана чаша, энергия воды трансформируется в материю.

— Такой же звук я слышал... то есть почувствовал в лесу, на подходе к...

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! — грубо оборвала она меня. Судя по её взгляду, я сделал какую-то глупость. — На кой чёрт тебя к монастырю понесло?

— Значит это монастырь, а не церковь? — теперь мне более стало понятно желание отшельников огородиться высоким забором и построить теплицы для собственных нужд.

— Никогда не слышал, что любопытные мало живут?!

— Профессия у меня такая — быть везде и всегда. Я журналист. Хоть и староват, но молод душой, — пытался я перевести всё в шутку, но на хозяйку мои уловки не действовали. — А любопытство — движущая сила нашей профессии.

— Хрен ты, а не журналист! У меня спросить сначала не мог, а потом уже шарить неизвестно где?!

— Так что в этом страшного? — не мог я никак сообразить. Мария Федоровна тяжело вздохнула, видимо поняв, что без объяснений не обойтись. Она разлила кипяток по чашкам, я потянулся за сахаром. Усевшись, она стала повествовать:

— Пресное никогда особо популярностью не пользовалось. Вон первых, пляжей почти нет. Море подступает почти к самым скалам. А во-вторых, грунтовые воды, из-за которых морская вода у берега остаётся холодной — фактически, температура воды здесь на несколько гра-

дусов ниже, чем в деревнях по соседству.

— На несколько градусов? — удивился я. — Мне говорили, что море в Пресном немногим теплее льда.

— Это чуть позже стало — когда скалы начали не плакать, а рыдать. Лет двадцать назад нет-нет да и заедет кто-нибудь к нам искупнуться. Но, всё равно, туристы оставались большой редкостью. В основном, люди приезжали сюда навсегда.

— В такое неудачное место? Зачем?

— А потому что наша вода на всю округу славилась своей чистотой и целебной силой. Люди верили, что если жить на воде из скал, то жизнь будет долгой и безболезненной.

— И это действительно так? — сейчас я был готов поверить во что угодно.

— Сомневаюсь... — женщина пожала плечами. — Мой старший брат и переехал сюда в надежде вылечить диабет, но ничего из этого не получилось. Так что, куда не глянь, здесь кругом больные и калеченые...

— Так если это миф, почему никто не уезжает?

— Кто его знает? Есть в этом месте что-то особенное, да и вода, и в самом деле, вкусная и чистая: такую сейчас редко встретишь. Кстати, именно поэтому сны так хорошо и цепляются к нашей воде — чем она чище, тем лучше хранит энергию сна.

— Вот как? — своим вопросом я как бы просил её подробнее рассказать о возможностях воды. Мой намёк Мария Фёдоровна поняла прекрасно.

— Я экспериментировала с разными жидкостями. Больше всего цветных плёнок образовалось именно в нашей воде. И я думаю, что уже издавна здешнюю воду считали особой. При советах в Пресном вели раскопки и нашли глиняные таблички с изображениями — в воду кладут ржавый меч, и он становится новым, заточенным. Древние считали, что эта вода не то, что людей, а даже вещи лучше делает. Кофе пей, а то остынет...

И, действительно, я совсем о нём забыл, заслушавшись Марию Фёдоровну. Она отхлебнула из своей чашки и продолжила:

— Около двадцати лет назад (я как раз только-только к брату сюда перебралась) старый маяк начали переделывать под монастырь...

— Маяк? — у меня мурашки забегали по спине, и захотелось тут же посмотреть записанные стариком слова — не привиделось ли.

— А ты разве не заметил сходство? Одна большая длинная башня — где ты такие церкви видел?

— Нигде.

— Вот и я о том же, Андрюша. Никто никому ничего не говорил, про-

сто в одночасье обнесли всё высоченным непроницаемым для любопытных взглядов забором...

— Да уж, смотрится впечатляюще.

— И начали строить — поставили на место прожектора купол с куполом, на свободном месте пристроили здание. Что-то там крутили-мутили непонятное, установили теплицы. Без конца копали, перекапывали...

— А обзорная часть?

— «Обзорная часть»? — не поняла Мария Фёдоровна, что я имел в виду.

— Ну, между башней и зданием — похожая на шайбу застеклённая веранда, — пояснил я.

— А, точно! — закивала старуха. — Её год назад добавили зачем-то, чтобы братьям на море любоваться, наверное.

Я задумался, насколько это странно — делать из маяка монастырь, огораживать его высоченной кирпичной стеной, превращая в крепость, да ещё и без входа.

— А как братья выбираются из монастыря? У них же даже ворот нет? — задал я интересовавший меня вопрос.

— Тоже, небось, голову ломаешь, как так: стена — есть, входа — нет?

— Ещё бы! — я вспомнил, как поразился, не найдя в ограждении ворот.

— Вход в монастырь только один — под землёй.

— Как это?

— Если идти по дороге — сначала она поворачивает направо, затем — влево — чуть дальше виднеется тропинка, которая ведёт к железной дороге. Рельсы подведены к воротам туннеля. Он-то и ведёт к монастырю под землей.

— Постойте! Вы, Мария Фёдоровна, хотите сказать, что к монастырю ведёт туннель с железнодорожными путями? — я не мог понять, зачем.

— Но зачем монахам поезда? Они что, овощи на экспорт выращивают?

— Вряд ли, ведь овощам не требуются кошмары, — хмыкнула она.

— Вы о чём? — я даже замер.

— Всё о том же! Ты думаешь, откуда у нас «звон-чаша» взялась? Нам, местным жителям, её монахи выдали — по одной на 15 домов.

— Зачем?!

— А ты не догадываешься, Андрей? Чтобы мы могли воду проверять — на заряжённость снами, и — отбирать чёрную воду с кошмарами. А затем продавать им же. Раз в месяц жители поселка приносят ко входу в туннель бутылки с «плохой водой» и за каждый кошмар получают деньги.

— И в какую цену нынче кошмары? — съязвил я.

— На вес золота, — без улыбки ответила хозяйка. — Когда построили монастырь, скалы стали источать не просто ручейки, а целые водопады, что отпугнуло и без того редких туристов: вода стала ледяной. С одной стороны, это окончательно убило возможность заработка на туризме. Но монахи разом решили проблему с деньгами — десять кошмаров в месяц обеспечивают пропитанием семью из пяти человек. Поэтому никто не жалуется на странное соседство.

Для меня всё ещё многое оставалось неясным. Главными вопросами оставались следующие: зачем монахам покупать у местных жителей «чёрную воду» и какое отношение они имеют к Игорю? Надо выяснить.

— Так, а как они хоть выглядят, эти монахи?

— Самые обычные люди — чёрные рясы, подпоясанные ремнём, а ещё у всех кожаные перчатки телесного цвета. Их монахи не снимают даже в летний зной.

— Зачем монахам перчатки? — задумался я вслух.

— Андрей, ты бы ещё спросил, что они там производят и что поезда вывозят из подземелья вагонами. Даже предположить боюсь, что это может быть за «продукция», в состав которой входят кошмары...

Мы замолчали. Я стал размышлять о загадочном монастыре на берегу. Хозяйка же немного посидела и стала убирать со стола.

— Мария Фёдоровна, — позвал я её, — как думаете, а может быть человек, которого я ищу, в этом монастыре?

Мой вопрос, скорее, был условностью, так как и без мнения местной жительницы мне стало очевидно — слова-подсказки вели меня к «маяку-кресту». Игорь наверняка находится там. Только что услышанное я переваривал, стараясь понять-таки, какое место чернокнижник огромной силы, содержащейся в созданном им фолианте, занимает среди скупающих плохие сны монахов. Само собой, все эти явления взаимосвязаны. Только вот каким образом — самый главный вопрос. Чем больше я придумывал возможных вариантов, тем меньше мне хотелось встречаться с Игорем. В голове всплывала армия голливудских злодеев всевозможного пошиба. И все, как один, мечтали об одном — стать безграничными властителями мира. Неужели этот невероятной красоты образованный молодой человек из их числа? Мне почему-то так не казалось. Может, именно из-за противоречия между профессиональным журналистским чутьём и уликами его злодеяний единственной целью нашей встречи я избрал постижение первопричины поступков Игоря. Но вместо ясности каждый новый шаг увеличивал зияющую пропасть незнания. Тем паче, я был готов рискнуть ради ответов. А, судя по всему, они меня не раз удивят. Одно то, что Игорь (или кто там им руко-

водит) сумел создать из крымского посёлка мирок, более подходящий его Вселенной, где господствует магия, уже говорит о многом.

— Ну так что, Мария Фёдоровна, всё есть же вероятность встретить моего товарища среди монахов?

Судя по замершей без движения хозяйке и её побелевшему лицу, мой вопрос пришёлся не по душе.

— Не думай к ним даже соваться! — испуганно прошипела она. — Или ты сдохнуть хочешь?

— Чего? — оторопел я от подобной реакции.

— Того! — огрызнулась она. — До тебя ещё не дошло, что здесь не всё так просто?

— Неужели? — с улыбкой идиота я, наверное, выглядел забавно.

— Слушай, — рявкнула Мария Фёдоровна, громыхнув посудой о стол, — мы хоть от этих бесов и зависим, но, кроме денежных отношений, нас ничего не связывает. Знаешь, почему? Потому что любопытные домой не возвращались, так и перевелись в Пресном. Остались, жалко, такие, как ты, «туристы»... Чего всё на рожон лезете и лезете? Ты что, Андрюша, жизнь совсем не любишь?

— Люблю...

— А какого хрена ты так от неё избавиться хочешь?! — негодовала бабка, защищая мою жизнь так, словно в моем лице хотела спасти всех, кто пропал.

— Многие исчезли? — в моём голосе было искреннее сожаление о важных для неё людях.

Она тяжело выдохнула, сев на стул.

— Многие, Андрюша... многие... — поникшим голосом ответила уставшая, одинокая женщина. — Мы и к властям, и в милицию обращались, но без толку. Странно всё, странно...

— Я уже понял, что страннее некуда. Только, Мария Фёдоровна, я же всё равно по-любому постараюсь проникнуть на территорию монастыря. Знаю, что Вы сможете мне подсказать, как лучше туда пробраться. А нет, так я сам вход поищу.

— Нет, — твердо обрублила она.

— Мария Фёдоровна, пожалуйста!

— Не-ет... — демонстративно отвернулась она.

— Я же ноги себе переломаяю, если с забора упаду. Да и не молод я уже, — попытался убедить упрямыцу, но не вышло.

— Делай, что хочешь. По крайней мере, ты сам будешь виноват. А я грех на душу брать не собираюсь.

Ну что ж, у меня оставался последний аргумент.

— Одну минуту! — я пошёл в комнату, взял коробочку с буквоедом и

зеркальце. Вернулся на кухню. — Вот... — положил я их на стол.

Хозяйка лишь мельком глянула на странные предметы и вновь, будто ей не было интересно, отвернулась, но спустя минуту, не выдержав, спросила с чрезмерным равнодушием:

— Что это?

— А это, Мария Фёдоровна, доказательство, что я не обычный «турист», а чётко знаю, на что иду...

— Ты мне всего лишь показал кубик и зеркальце. Мне это ни о чем не говорит.

Я взял коробочку, открыл крышку — при свете блеснула внутренняя зеркальная поверхность — и достал плотный круглый комочек слизи, размером с фалангу большого пальца. Буквоед уже стал приобретать мутновато-серый цвет — сейчас он заполнен нейтральным заклинанием защиты. «Изначально энергия не плохая и не хорошая. Она приобретает полярность в зависимости от того, на что ты её направляешь! — вспомнил я слова продавца буквоедов. — На разрушение или созидание.»

— Что это? — повторила свой вопрос Мария Фёдоровна с уже более выраженным любопытством.

— Это живое существо, которое призвано хранить в себе магический заряд, — объяснил я.

— Как вода - сны? — сравнила бывшая начальница гидрологической лаборатории. Я глянул на стакан с водой. Его поверхность всё ещё устилала черная плёнка. В этот момент я готов был поспорить, что буквоед в моей руке и ставшие материей кошмары как-то связаны, но как именно — объяснить не мог.

Мария Фёдоровна осторожно протянула раскрытую ладонь, на которую я положил шарик.

— Как его использовать? — спросила она, с трепетом рассматривая склизкое чудо.

Я задумался (говорить — не говорить) и решил рассказать всё, как есть. Выслушав подробную инструкцию, Мария Фёдоровна вернула мне буквоеда. Я тут же отправил его «спать» в зеркальное хранилище.

— А это зеркальце тоже особенное? — уже более смело, как и положено, по-хозяйски, она взяла маленькое зеркальце, чтобы рассмотреть со всех сторон. — Зеркало, как зеркало.

Сначала я собрался ответить, что оно сделано в другом мире и поэтому способно отражать след, оставленный применением магии, но передумал — уж что-что, а рассказывать ей все с самого начала точно не хотелось.

— Оно отражает последствия магии... — этого достаточно.

Вот тут Мария Фёдоровна, молодец, сделала то, до чего я вряд ли бы додумался — поставила зеркальце за стакан с «плохой водой». В зеркальце вся вода, а не только верхняя кромка, имела густой, насыщенный чёрный цвет.

— Ну-ка, погодь... — женщина встала и скрылась в своей комнате, чтобы уже через мгновение появиться с двумя стаканами, накрытыми целлофаном. — Эту воду я ещё не успела проверить... — Поставив их на стол, она даже не стала развязывать пакеты, а просто посмотрела на отражение — в одном стакане плескалась темно-синяя жидкость, в другом — бледно-розовая, от чего хозяйка заметно покраснела. — Это не мой сон, а соседской девки... — лишь по её реакции до меня дошла причина неловкости старушки.

— Откуда ты их взял, эти предметы? — задала она вполне резонный вопрос, ответ на который у меня уже был заготовлен.

— Так, а Вы думаете, зачем я Игоря ищю? Вернуть кесарю кесарево, — других объяснений она из меня не вытянет.

Мария Фёдоровна закивала, делая вид, что ответ её устроил, а сама о чем-то задумалась:

— Слушай, Андрюш, а продай-ка ты мне зеркальце и переносчик колдовства, а?

— Нет, что Вы... как я Игорю в глаза смотреть буду?!

— А если я тебе расскажу, как внутрь монастыря попасть? — хитро заулыбалась старуха. — И так, чтоб никто не заметил?

— Откуда Вы это можете знать? — недоверчиво сощурился я.

— Могу, — уверила она меня.

Потребовалась всего секунда, чтобы решить эту задачу:

— Только зеркало отдам. Если не устраивает, то я и сам смогу вход найти — не впервой. Главное, я теперь знаю, что он есть, — прибавил я для пущей убедительности долю уверенности в голосе.

— Зеркальце, так зеркальце, — пожалала она плечами, так что не осталось сомнений — на большее хозяйка и не рассчитывала. — По рукам!

В путь я отправился перед самым рассветом, чувствуя себя не иначе, как идущим на дело воров.

— Раз пошли на дело я и Рабинович... — само собой соскользнула с моих губ бандитская песенка.

Зима с неохотой подбиралась к теплому крымскому берегу, балуя местных жителей легким морозцем, и выбранной амуниции вполне хватало для защиты от порывов морского ветра.

«Выйдешь по дороге, ведущей из поселка. Она вильнет направо, затем налево... Почти сразу после поворота с правой стороны увидишь

тропинку между деревьев. Иди по ней. Она как раз тебя выведет к воротам туннеля».

В предрассветных сумерках тропинка угадывалась с трудом. Высокие деревья не давали бледным, совсем еще заспанным лучикам, пробраться к земле.

Мысленно прикинув проложенный Марией Фёдоровной маршрут, я решил, что как раз сейчас должен находиться напротив монастыря. Следуя подробным указаниям хозяйки, я иду в противоположную от моей цели сторону.

Тропа стала резко уходить вниз, уводя меня с горки. Это значит, что я пришёл.

Гигантские железные ворота скрывались под навесом, за долгие годы сплошь обросшим травой и кустарником. Интересно, туннель и железную дорогу построили тогда же, когда маяк переоборудовали в монастырь, или позже? При взгляде на огромные ворота с облупившейся местами краской казённого зелёного цвета, куда вполне могла войти даже баллистическая ракета, всё становилось понятно. Такое ощущение, что это ворота от бункера старой ракетной шахты. Их не пробить даже залпом из базуки. Рядом с такими громадинами поневоле начинаешь задумываться о собственной уязвимости.

Слева виднелась врезанная в ворота маленькая калитка. Сложно представить, что она открывается и в проёме показывается фигура в монашеской рясе. Сюда, скорее, подойдет военный в каске и с автоматом наперевес. Представляю, с каким шумом открываются ворота — наверное, об этом событии сразу узнаёт вся деревня.

Судя по количеству ржавчины на рельсах, железной дорогой пользовались крайне редко, но и совсем заброшенной она не была.

«За рельсами обойдешь холм. Метрах в пятидесяти найдешь зарешеченную дверь с амбарным замком. Она-то и позволит тебе попасть в туннель. Это что-то вроде запасного выхода или отдушины, которой никто не пользуется. О двери мало кто знает из местных. Вход скрыт среди кустов, так что тебе придется потрудиться, чтоб его найти».

Вопреки опасениям Марии Федоровны, найти тайный проход оказалось совсем несложно — обратил внимание на чуть большее скопление кустов, чем везде, и направился туда. Среди ветвей пряталась обычная решетка в половину моего роста. Сразу за прутьями начиналась непроглядная тьма.

«Дверь охраняет амбарный замок, но он так, для виду только. Его даже ломать не придётся. Просто поднатужься, потяни дверь вверх, она с петель и сойдёт. Тогда просто отодвинь её и шмыгай внутрь. Но не забудь дверь на место поставить!»

— Откуда Вы это всё знаете, Мария Фёдоровна? — спросил я её после получения подробных указаний. — Вы что, туда лазили?

— Не я... — прикусила она губу, потупив взгляд. — Соседский сын — Борька. Говорила я малому недотёпе не соваться к монахам. А у него юность и жажда приключений... — с болью вздохнула женщина, и замолчала.

— И что? — поторопил я её с ответом.

— И то! — огрызнулась Мария Фёдоровна, поставив на теме точку.

Дверь поддалась с большой неохотой, пришлось измазать руки в ржавчине, отдавить пальцы и надорвать спину. Следуя указаниям Марии Фёдоровны, оказавшись внутри, я задвинул дверь обратно. Отряхнул руки и достал из левого кармана небольшой фонарик, выданный мне заботливой хозяйкой вместе с благословением и напутствием. В правом ждал своего часа контейнер с буквоедом.

Согнувшись пополам, я исследовал место, где оказался. Сквозь стены сочилась вода. Стекая на пол, она создавала противно хлюпающие под ногами грязные лужи. За воротник то и дело попадала холодная капля, потом мучительно долго сползавшая вниз. И впрямь средневековое подземелье, в котором и положено жить монахам.

Нора (назвать эту дыру коридором язык не поворачивался) шла прямо, упираясь в цельную бетонную стену. Затем ход поворачивал направо, двигаясь вдоль стены. Что дальше? Фонарик высвечивал впереди лишь темноту, иногда вырывая из неё куски земли и грязи.

Выход (а точнее вход) в бункер, как и ожидалось, нашёлся. Такая же зарешеченная дверь дырой зияла в стене. Ровно поделенный на квадраты свет отражался с другой стороны. Теперь понятно, что это никакой не запасной выход, а допотопная вентиляция.

Замок на двери висел с напротив, но, по опыту, он не должен служить помехой. С громким предательским скрипом, измазав меня ржавчиной, решётка поддалась. Я спрыгнул вниз с высоты трёх метров, чуть не подвернув ногу.

Место, где я оказался, уж совсем не походило ни на какие средневековые катакомбы. Бетонный туннель с округлым потолком и парой рельс на полу. На освещении монахи, не стыдясь, экономили — если бы не спасительный фонарик, то темень была бы абсолютная. Но со светом придётся расстаться, чтобы не быть замеченным раньше времени. Я надеялся застать врасплох Игоря и успеть объяснить ему цель своего неожиданного появления прежде, чем он схватится за нож.

Я совершенно забыл про странный гул и растерялся, жутко перепугавшись, когда он вдруг раздался. Сообразив, что это никакая не сигнализация, я успокоился и стал ступать осторожнее, зная, что до мона-

стыря осталось совсем немного.

Туннель заканчивался такими же громадными воротами, как и начинался. У меня даже промелькнула мысль: «А не пришёл ли я к выходу?», но, вспомнив о рокоте, ставшем привычным фоном, понял, что направление выбрано верное и, скорее всего, я у самой цели. В груди появилось ощущение возрастающего страха. Так, мне ещё паники не хватало!

Дверь в воротах оказалась незапертой. Я медленно потянул её, стараясь делать это как можно тише, но всё получилось в точности наоборот. За приоткрытой дверью виднелась такая же темнота, разбавленная светом мерцающих звёзд. Что это?!

Мне было трудно поверить своим глазам. Под моими ногами то загорались, то гасли маленькие огоньки, плавно перемещаясь в пространстве. К гулу прибавился звук льющейся воды и сильный запах сырости. Не имея возможности оторвать заворожённый взгляд от великолепного зрелища тысяч мерцающих огоньков, я шагнул вперёд, оказавшись на чём-то вроде мостика. Лишь стоило наступить на металлическую поверхность, как эхо раскатом грома разнеслось повсюду. В этот самый миг меня ослепил свет сотен ламп.

Я находился внутри огромного ангара, похожего на бочку из металла. Лампы висели под стеклянной крышей. На поверхности она была похожа на теплицы.

Сочающаяся из стен вода попадала в огромный бетонный резервуар. Тысячи тонн воды заполняли бассейн невиданных размеров. При свете «звёзды» в воде больше не светились.

Подвесные мосты по кругу обходили сооружение. С противоположной стороны находилась ещё одна дверь — самая обычная.

Я сделал несколько шагов и, решив, что туда мне и надо, услышал быстро приближающийся топот. Резко обернувшись, я увидел, как из тоннеля на подвесной мост проскользнули две фигуры. Чёрные подпоясанные рясы и перчатки телесного цвета — всё, как и описывала Мария Фёдоровна. Спокойные лица ничего не выражали, а осматривающие меня глаза, скорее, выражали равнодушие, нежели удивление, злость или страх. Словно моё появление они восприняли как данность. Можно подумать, что каждый день к ним в обитель вламывается чужак.

— Долго Вы до нас добирались, Андрей Иванович... — Игорь вышел из двери, куда я только что направлялся. Всего одно мгновение - и оба выхода перекрыты. Я остался без права на отступление, хоть в воду ныряй. Сердце желало выпрыгнуть наружу, избивая меня быстрыми ударами. Не на такую встречу я рассчитывал.

— Вы меня ждали? — получалось, что я угодил в ловушку, сооружён-

ную собственными руками.

Вместо ответа Игорь достал из карманов джинсов мобильный телефон.

— Алло, — гулким эхом отражаясь от стен, послышался звук громкой связи.

— Мария Фёдоровна, — сказал Игорь в трубку, не отводя от меня взгляда, и не убирая противную улыбку с губ. — Клиент доставлен. Всё в порядке. Отсыпайтесь, голубушка.

— Ну и славно, — раздался её голос. — А то я переживаю.

И связь оборвалась...

Спокойный голос хозяйки испугал меня больше, чем полное отсутствие путей к отступлению. Получается, что всё это время я, как дурак, шаг за шагом шёл в подставленную Игорем мышеловку, наивно считая себя охотником.

«Защита!» — вспомнил я. Вся надежда на буквоеда! Я забрался рукой в карман, стараясь не привлекать внимания, но меня не отпускало ощущение, что Игорь уже знает о каждом моем шаге. Он с явным удовольствием наблюдал за моими действиями.

В кармане открываю крышку коробки... Что?! Пусто! Неужели старуха побеспокоилась о том, чтобы я оказался полностью беззащитен?

Игорь же, дождавшись триумфа, спросил, словно прочитав мои мысли:

— Мария Фёдоровна позаботилась о Вашем буквоеде. Он не должен помешать нашей встрече. А то кто знает, какой чушью Вы, Андрей Иванович, напичкали своего питомца. Знаете ли, с заклинаниями лучше не шутить. Правильно составить их — большой талант. Ведь Вы об этом не знали, верно?

Эти слова оказались командной к действию. Оба монаха рванули с места ко мне. В два шага преодолев отделяющее нас расстояние, они набросились, с легкостью блокируя мои жалкие попытки отбиться, повалили на железный пол, полностью обездвизив. Стон отчаянья вырвался изнутри. Мысли хаотично металась в поиске спасения, пытаюсь найти хотя бы малейшую зацепку, но раз за разом натыкались на пустоту. Надежды не было...

Громкий чеканящий шаг Игоря отдавал в голове, перебивая надоедливый гул и заполонивший тело ужас.

— Игорь, я искал тебя... Ничего не хотел плохого... Просто поговорить и кое-что выяснить...

Его улыбающаяся физиономия тенью возникла надо мной. Свет ламп слепил глаза, но я успел заметить, как ангельская красота Игоря вмиг обернулась ликом смерти.

— Извините, Андрей Иванович, но я и так долго ждал. Мы выбились из графика и времени на разговоры у нас нет. — В руке у него оказался точно такой коробок, что лежал у меня в кармане. словно нарочно, медленно он открыл его и достал оттуда чёрный, будто пропитанный тушью, комочек слизи.

ЧЁРНЫЙ БУКВОЕД в руках у **ЧЕРНОКНИЖНИКА!** Какие могут быть варианты?!

— Игорь, умоляю, не убивай меня! Я просто хотел поговорить!!! — заорал я, когда он сел на корточки и натянул на указательный палец буквоеда. Странно, но, испытывая ужас, я вовсе не боялся — не смерть страшила меня, но мысль о незаконченных делах причиняли боль: жена так и не узнает об истинной причине нашего разрыва, а статья так и останется без финальной точки.

— Всё, что бы Вы сейчас ни услышали от меня, Андрей Иванович, Вы всё равно бы не поняли и не поверили ни единому слову...

— Поверю, Игорь! Поверю! Только давай поговорим!.. — попытался я схватиться за клочок надежды, который Игорь тут же беспощадно разорвал. Он словно бы с жалостью улыбнулся и отрицательно замотал головой:

— Нет, не надо мне верить, Андрей Иванович. Не надо... Вера может при-
внести в жизнь ощущение комфорта. Но истинным освобождением она может стать только через собственный опыт. Чтобы Вы не верили, Андрей Иванович, а знали, Вы должны умереть. Только лишь через опыт смерти наши с Вами пути сольются в один...

— О чём ты, Игорь?! — его слова казались мне бессвязным набором слов — в данной ситуации я просто не способен был думать.

— Смерть в нашем случае — единственный выход. А точнее вход... — он дотронулся буквоедом до моего лба. Жуткая боль пронзила сначала голову, а затем и всё тело, словно меня сжигали изнутри. — Привезите мне оттуда сувенирчик, — сказал он, и повел палец, выпуская наружу заклинание.

«СЛОВО—СЛОВО—СЛОВО...» — эхом загромыхал его голос.

Часть III. Аум

*В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.*

Оно было вначале у Бога.

*Всё через Него начало быть
и без Него ничего не начало быть,
что начало быть.*

*В Нём была жизнь, и жизнь была свет че-
ловеков.*

*И свет во тьме светит, и тьма не объала
его.*

Евангелие от Иоанна 1.1–9

Боль похожа на тьму. Она сгущалась, становясь всё более плотной, пока не вытеснила сама себя, вывернув наизнанку. С обратной стороны её находилось блаженство — свет. Казалось, сияние исходило из меня, но, приглядевшись, я понял, что оно рождено вдалеке. Лучистый поток стал уплотняться, пока не сжался до крохотной точки. Я вновь оказался в темноте, но на этот раз впереди звёздочкой мерцал спасительный выход, словно я находился в туннеле... Но никакого туннеля, конечно же, не было — просто посреди тьмы спасительным ориентиром был луч света. А вместе с ним пришла уверенность, что я нахожусь внутри того самого коридора нашей судьбы, о котором говорил старый предсказатель. Чем больше человек при жизни прошёл по нему и чем больше выполнил поставленных задач, тем ближе выход и тем меньше придётся блуждать одному в темноте. Часто, чтобы пройти его полностью, людям требуется не одно и не одна тысяча перерождений.

Я не хотел находиться в этой вязкой темноте и поэтому направился вперед к свету. Не было тела: ни рук, ни ног. И всем своим существом я стремился попасть к свету, несмотря на непреодолимую тяжесть.

Сияние по чуть-чуть начало приближаться, и с каждым пройденным «шагом» в памяти всплывали картинки — какие-то лица, места, события, чувства... Я понял, что мне это предстоит пройти в следующих жизнях — в новом теле и с новым именем. Иногда мне будет казаться, что «я где-то это уже видел». А видел я это именно здесь — в коридоре

Предназначенных Свершений.

Вдруг совсем рядом со мной возникло мерцание. Словно кто-то открыл окно, чтобы проветрить затхлую комнату. Откуда-то я знал, что это окно не имеет права на существование, и единственным источником света в этой тьме должна быть та точка, всё ещё остающаяся далеко.

Неужели даже здесь от меня требуют принятия решений? Я опять на распутье: либо пройти коридор до конца, либо проникнуть в пугающую неизвестность, манящая своей доступностью? Что ж, в который раз позволю любопытству победить рассудок.

Блики солнца слепят залитые слезами глаза. Мир вокруг кажется набором разноцветных пятен. Звуки доносятся откуда-то издали, будто сквозь толстую стену — приглушённые и еле различимые. Тело слушается плохо, руки и ноги — словно только что пришиты нерадивой хозяйкой и готовы оторваться от любого неловкого движения. Я несколько раз падаю, больно ушибив колено и разодрав правую ладонь. Лежу, не в силах оторвать щёку от земли, чувствуя прохладу недавней ночи. На зубах скрипит песок, а на языке — вкус дорожной пыли. Не шевелюсь, собираясь с силами, чтобы встать и уже через несколько шагов вновь оказаться лицом в пыли. При этом сознание кристально чисто — нет ни мыслей, ни каких-то осязаемых нарушений, но тело почему-то совершенно не хочет слушаться, как будто оно ещё не привыкло к новому хозяину. И мне лишь остаётся наблюдать, как оно отторгает меня, капризная, не желая мириться с чуждым существом внутри...

Вновь споткнувшись и больно, до полного потемнения в глазах, ударив плечо, вместо привычной утоптанной пыльной дороги щекой я почувствовал что-то приятно мягкое, пахнущее травой. Я перевернулся на спину и запустил пальцы в густые зеленые локоны земли. Вырвав клочок, я поднёс его к носу, чтобы глубоко вдохнуть запах жизни. Кажется, я уже забыл этот аромат.

Глаза продолжали слезиться, хотя я уже мог различать очертания деревьев и облаков в небе. Но всё ещё оставалось слишком размытым, чтобы можно было понять, где я нахожусь. Пытаюсь встать, но ни черта не получается, сил преодолеть сопротивление тела нет. Закрываю глаза, и сразу начинает казаться, что меня качает из стороны в сторону, ещё чуть-чуть и — выбросит за пределы тела. Открываю глаза — слепит солнце... оттенки голубого, серого, жёлтого и много зелени... Они сливаются, перемешиваются калейдоскопом. Они кружатся каруселью, не желая остановиться и помочь мне понять, где я, и... кто я...

Так, посреди водоворота я и погружаюсь в глубины бессознательно, не выдержав, не справившись с бунтующим телом. Краски смеси-

ваются в одно сплошное чёрное пятно, издали напоминающую тьму, длинную, свернувшуюся трубой, без входа и выхода. Я бегу по ней очень, очень... неизмеримо долго. Я не могу видеть, а лишь ощущаю под ногами твердую поверхность. Бесконечный бег вперед. Я стараюсь не растерять по пути надежду, что тьма неожиданно оборвется ясным летним днём. И чувство, что я потерялся, наконец-то пройдёт, не оставив внутри ни следа. Из этого отчаянного бега в потёмках меня вывело тёплое мягкое прикосновение. Оно было детским: только ребёнок мог так касаться — с любопытством, немного несмело и без капли угрозы, словно мою щёку гладили пером. С трудом, но всё же, мне удалось разомкнуть слипшиеся веки, и вновь я мог видеть лишь мутные очертания мира. Но и этого хватило, чтобы понять, почему касание казалось таким приятным: по щеке меня гладил ангел. Нависающий надо мной силуэт мог принадлежать только божественному посланнику — тонкие контуры, а голову ярким ореолом венчает нимб... Мне хотелось смотреть на его сияющий лик, но глаза слепило болью. С сожалением я вновь сомкнул веки.

— Лежи спокойно, — раздался мягкий дивный голос. — Ты пока не можешь идти, тебе нужно ещё немного сил.

Я попытался разомкнуть губы и с удивлением обнаружил, что у меня это получилось. Больше того, я мог говорить!

— Кто ты? — мне хотелось знать, как зовут ангела-хранителя, исцеляющего моё тело своим прикосновением.

— Риша, — ответил спокойно ангел. — Попробуй теперь пошевелить рукой.

Пришлось поднапрячься, чтобы совладать с телом, которое должно мне беспрекословно подчиняться, но сейчас давало сбой. Подняв руку над собой, я подержал её немного выпрямленной. Ноша слишком быстро стала непосильной, и руку пришлось вновь опустить.

— Теперь открой глаза, — всё тем же бархатным голосом попросил ангел. Конечно же, я сделал, как мне велели. Мне хотелось увидеть его вновь — святое сияние над головой, гладкость линий. Это был он...

— Хранитель... мой... — выдавил я из себя каким-то шершавым голосом, — благословен...

Размытые очертания становились более чёткими, а я лишь наблюдал, как вместе с невидящим взглядом тает существо, посланное небесами. Вместо него надо мной появилось девичье лицо, ещё не девушки, но уже не ребёнка. Её глаза были закрыты, а губы что-то быстро шептали. Голова заслоняла собой солнце, чтобы лучи не слепили меня.

— Кто ты? — повторил я вопрос. У меня не было сил удивляться или делать какие-то выводы, поэтому я мог лишь принимать всё как дан-

ность: только что передо мной был ангел, в одночасье обернувшийся обычной девчонкой. Вместо ответа она подняла веки и посмотрела на меня пурпурными глазами, затем отстранила ладонь от щеки, чтобы запустить её в мои волосы, остановив движение на темени. Я смотрел ей в глаза, не смея отвернуться, ощущая, как с каждой секундой моё тело наполнялось новыми силами, словно от её руки исходили волны и согревали всё мое изможденное тело. Как если бы я был надувным шариком в форме человека, а она накачивала меня воздухом. Её губы шевелились, но я не мог разобрать ни слова. «Наверное, молитесь о моем спасении. Выпрашивает у небес сил для меня», — догадался я.

— Попробуй ногой пошевелить. Должно получиться, — произнесла она тем самым молочно-тёплым голосом.

Согнуть ногу, затем другую мне удалось без особого труда, даже удивительно легко. Того ужасного ощущения, что меня разорвали на части, а затем собрали вновь, неудачно сшив всё вместе, почти не осталось. Тело слушалось вполне сносно. Я решил попытаться сесть, но девичья рука удержала:

— Рано ещё... Лежи спокойно! — и я лежал, пока она «накачивала» меня чем-то, что позволяло чувствовать себя лучше.

Когда дева, наконец, убрала ладонь от головы и встала, я ощущал себя заново родившимся.

— Вставай.

Я поднялся на ноги. Конечно, меня еще немного качало, но на ногах держался уверенно, не сравнить с тем состоянием, когда и шага не мог сделать.

Совсем невысокого роста, она смотрела на меня снизу вверх своими удивительными глазами, явно радуясь моей способности самостоятельно двигаться. Ничего не говорила, а лишь смотрела внимательным, спокойным взглядом, дожидаясь каких-то решений, а я стоял молча, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Придумать ничего не мог, поэтому просто разглядывал её. На вид - лет 15–16, русые волосы заплетены в длинную косу, из одежды — чистый белый сарафан до лодыжек, передник с орнаментом, на ногах - сандалии, а возле них лежал тряпичный свёрток. Совсем ещё молода — незавершенные изгибы тела, мягкость лица и форм... От неё исходил аромат юности, который ни с чем не перепутать, но был и лёгкий, едва различимый оттенок просыпающейся женщины. Все потому, что никакой женщины ещё и не было, лишь девочка-подросток с огромными глазами, пристально наблюдающая за мной.

— Оглянись... — не отводя глаз, сказала она. — Ты узнаёшь это место?

Я перевёл взгляд за неё: шагах в двадцати стояло одинокое дерево — толстый ствол уходил высоко вверх, заканчиваясь ветвистой, усыпанной оранжевыми листьями кроной. Сразу за деревом начинался резкий спуск вниз к оврагу, на дне которого журчала речушка... Дальше простиралось выгоревшее поле, и лишь у самого горизонта виднелись колючки леса. За мной же, буквально в двух шагах, оказалась утоптанная пыльная дорога с колеями. Дальше — небольшая поляна и опять же густой лес. Лето в самом разгаре. Лучи солнца высоко в небе просачивались сквозь тонкий слой облаков, от чего весь мир заливали лишь жёлтые тона — много-много жёлтых оттенков.

— Узнаёшь? — поторопила она меня с ответом. Я вновь повернулся к ней.

— Нет. Я не знаю, где нахожусь.

Девушка кивнула так, словно и без моих слов знала ответ, губами прошептав что-то вроде «понятно». Я хотел было спросить, что это за место, но она опередила меня вопросом:

— И кто ты, конечно, тоже не знаешь? — посмотрев ей в лицо, я думал найти на нём насмешку, как мне показалось, прозвучавшую в вопросе, но, кроме привычного спокойствия, ничего не увидел. Мне ничего не осталось сделать, как сосредоточиться, обратившись туда, где хранятся память и мысли, чтобы... ничего не обнаружить: ни образов, ни названий, даже собственного имени я не смог найти. Сосуды воспоминаний оказались идеально пустыми, что меня жутко перепугало.

— Нет. Я не знаю, кто я! — прозвучал голос, наполненный дрожью. Я даже не мог с уверенностью сказать, что этот голос действительно мой. Ведь я не помню, как звучит мой голос.

— Хорошо, — опять сказала она, словно знала все заранее. — Тогда я буду звать тебя Аум.

— Почему «Аум»? — удивился я. Мне это имя показалось неестественным и резало слух. Мой вопрос явно удивил девушку.

— Что значит «почему»? Потому, что я буду тебя звать Аум, а ты меня — Ришей. Что не ясно? Просто нам дали такие имена. Вот и всё...

Дали такие имена? Что это может значить?

— Постой, это же ты только что сама придумала мне имя, а не кто-то другой?

— Ничего я не придумывала, — нахмурилась она. — Тебя так называли, а я лишь озвучила.

Мне её объяснения казались нелепостью. Кто назвал? Когда назвал? Значит ли это, что девчонка знает, кто я? Зачем она тогда об этом спрашивала?

Пока я пытался хоть что-то понять, Риша подняла с земли котомку и

стала спускаться к реке. Я же стоял столбом, совершенно не понимая, что делать. Если бы она не обернулась и не крикнула: «Ну, где ты там?» — так бы и стоял у дороги. У самой речушки она разулась, взяла в руки сандалии и стала переходить на другую сторону, ничего не говоря и не объясняя, видимо, подразумевая, что я послушно пойду за ней.

Подойдя к кромке воды, я обнаружил, что никакие сандалии мне снимать не придётся, потому что у меня их попросту нет. Босые лодыжки торчали из-под белого, тонкого балахона, испещрённого какими-то символами разных форм и размеров. Я решил продолжить исследование и наклонился над водой. Из воды на меня смотрел двадцатипятилетний парень с острыми резкими чертами и глазами вишнёвого цвета. Зрелище меня очень удивило — хоть я и не помнил себя, а значит, не знал, как именно должен выглядеть, внутри была твёрдая убежденность, что не так: мне точно не двадцать пять и лицо не такое. На мгновение вновь мелькнуло чувство, будто мое тело мне не принадлежит и даже отторгает, как если бы я гостил в нём без спроса.

— Давай скорее! — поторопила меня Риша. Я вошёл в прохладную воду. Всё дно реки было усеяно маленькими камушками. Они больно впивались в подошвы ступней.

Когда я вышел на берег, Риша как раз завязывала вторую сандалию. Выпрямившись, она ещё раз всмотрелась в мои глаза, и лишь затем протянула мне свою ногу, приказав:

— Неси! — а сама развернулась и зашагала по полю в сторону леса. После острых камней трава казалась настоящей благодатью. Я с удовольствием в три больших шага нагнал девушку.

— Мы куда идём? — не выдержав молчаливого бессмысленного движения, спросил я у Риши, которая, судя по уверенной поступи, прекрасно знала точное направление. На мой вопрос она отреагировала уже привычно — удивлённо глянула на меня, чуть приподняв светлые брови, и просто сказала:

— Мы идём прямо. — А затем уточнила, — к лесу...

— А дальше куда?

— Не знаю. Там видно будет. Подойдем к лесу, нам скажут, куда дальше. Может — прямо через него, а может — по границе: влево или вправо.

— Кто «нам скажет»? — не понял я.

— Тот, кто дал тебе имя, — спокойно отвечала она, не убавляя шага. Меня её простые, односложные ответы, точнее, практически их отсутствие, серьёзно раздражали.

— То есть ты не знаешь, куда мы идём?! — вдруг дошло до меня.

— Знаю — прямо. Я же тебе уже говорила.

— Стой! — рявкнул я, не выдержав такого издевательства с её стороны, и схватил Ришу за руку, резко развернув лицом к себе. — Я тебя спрашиваю конкретно! Ты знаешь, куда мы в итоге придём? В город? Деревню? Куда ты меня ведёшь?

— Я тебе отвечаю, Аум, — совершенно спокойно, словно глумясь, говорила она, — сейчас мы идем прямо. Куда мы придём в итоге, мне знать не дано.

Желая наказать, я с силой сжал её плечо, но она не произнесла ни звука. Лишь посмотрела в глаза так спокойно и немного удивленно, что сковавшая меня изнутри злость превратилась в страх. Я почувствовал, что на самом деле не злюсь на неё, а просто боюсь. Это неизвестность, полное беспамятство и движение в никуда страшно пугают меня...

Во взгляде Риши не было ни укора, ни страха, ни ответной злобы, лишь непонимание и любопытство. Я разомкнул руки и виновато отвернулся. Риша лишь потеряла плечо, сказав:

— Пошли. Нам ещё долго идти... — и зашагала вперёд.

Когда я смотрел на поле с холма, мне казалось, что до леса рукой подать, хотя, на самом деле, мы брели уже очень долго, но не прошли и половины пути. Я устал, а отроковица ни разу не остановилась и даже не обернулась, уверенно выпагивая вперед к тёмной полосе на горизонте. Её рост (на две головы ниже меня) не мешал двигаться быстро, так что мне постоянно приходилось ускорять шаг, чтобы не отставать.

Тратя последние силы, готовый в любую минуту просто упасть в траву, я почему-то не смел окликнуть и остановить мою немногословную спутницу. Хотя вручённая мне на хранение котомка почти не имела веса, а нести её за узел было достаточно удобно, из-за усталости мне постоянно приходилось переключивать её из руки в руку. Пальцы отказывались что-либо держать.

Неожиданно, без предупреждения, как и всё, что она делала, Риша остановилась. Я чуть не налетел на неё.

— Нужен привал, — развернувшись ко мне, сказала она и приняла из моих рук ношу. Затем села на траву и стала развязывать узел. Я рухнул рядом, вытянувшись во весь рост и раскинув руки в стороны.

— А я думал, ты никогда не остановишься, все будешь идти-идти... — сказал я Рише, которая что-то искала в мешке. — Но ты, наконец-то, устала.

— Я не устала.

— Хм-м... Только не говори, что меня пожалела.

— Не скажу. Просто пришла пора сделать привал. Настало время остановиться и поесть. Мы остановились и поедим.

Я глянул на девушку. Котомка превратилась в скатерть, на которой лежало по куску хлеба и сыра. Охотничьим ножом Риша отрезала вяленое мясо.

Был ли я голоден? Пожалуй, даже очень. Просто усталость перебивала чувство голода, в теле вновь ощущалась неслаженность частей, словно оно вспомнило, что хранит в себе чужака.

— Ешь. Тебе надо. — Риша положила на хлеб кусок мяса и стала отрезать себе. Было видно, что сыр и хлеб остались для следующего привала.

— Тело болит. Устал, — пожаловался я. Мне не виделось в этом ничего зазорного: ведь Риша была моей спасительницей.

— Подожди. Сейчас поедим, я тебя снова закреплю. Для этого нам привал и дали... — спокойно, по-деловому объяснила она, кусая хлеб. Её уверенность в каждом слове и поступке вызывала у меня непонятно, чего больше: восхищения её бойкостью в таком раннем возрасте или умиления тем же.

— Сколько тебе, девочка? Лет 15–16? — спросил я снисходительным тоном, хотя обижать её мне не хотелось.

От моих слов она замерла с куском сыра у самого рта, глядя в упор:

— Вообще-то четыре месяца лета... — и, улыбнувшись, добавила, — Если бы мне было 15 лет, то я бы застала времена Последнего Правителя.

— То есть? — нахмурился я, не понимая её слов.

— Мне четыре месяца лета. До зимы осталось еще девятнадцать месяцев лета. К тому времени у меня уже внуки или даже правнуки будут.

— С чего же тогда я решил, что тебе 15 лет? — скорее сам себя, чем её, спросил я вслух. Но Риша ответила:

— Это потому, что ты — подселенец. Так и знала! Вначале только догадывалась, а сейчас убедилась, — по её лицу было видно, что признание меня каким-то там «подселенцем» её радует. — И то, в каком состоянии ты находишься, и какое на тебе одеяние...

Я посмотрел на свой балахон, пытаясь понять, что с ним не так:

— А какое у меня одеяние?

— Ритуальное. Разве не видишь, вот символы возрождения, а вот магнит для души, втягивающий в тело... а вот эти знаки замедляют отторжение тела...

Я пытался высмотреть в каракулях на белой ткани хоть что-то знакомое, но не мог — символы ни о чем мне не говорили.

— Меня что, из мёртвых воскресили?! — от этой догадки по телу пробежал неприятный озноб, а тело стало болеть ещё больше.

— Нет. Просто тебя подселили в тело местного, — она рассматривала

меня в упор, пытаюсь что-то разглядеть в лице. — Хотя, судя по всему, тело тебе досталось умерщвлённое. Тебе не видно, но у тебя синяки на висках. Вообще странно это всё. Такое бывает. Тело впадает в кому или умирает, а затем человек просыпается другим, словно его подменили. А ведь, на самом деле, на его месте кто-то другой.

— Ты это мне говоришь?! — захохотал я, но Риша покачала головой, мол «я не об этом».

— Судя по глазам, ты не бес, и не светлое существо, а обычный человек из другого мира или планеты...

— Поэтому я и использую другое, отличное от принятого здесь, летоисчисление? — догадался я.

— Да. Некоторые знания достаются от самого тела. Язык, например. Память при перемещении души в другой мир стирается, но не вся. Какие-то элементы остаются нетронутыми — такие, например, как время и другие привычные основы мироустройства. Видимо, наши четыре месяца равны вашим пятнадцати годам.

— А ещё мне мое отражение в воде показалось чужим — выгляжу, как молодой парень, а чувствую себя намного старше...

— Вот ещё одно доказательство, что ты — обычный человек. Подселенцы из мира духов обычно не ощущают своего возраста. Странно. Кому и зачем понадобилось приводить в наш мир тебя? Не вижу смысла.

Риша, как и я, уже доела, и теперь, размышляя, совсем по-детски тербила в руке косу.

— Как мне полностью восстановить память о себе? Может, тогда станет понятно, кому я здесь понадобился? — разумно предположил я.

— Может, и станет, — пожала плечами девчонка, — только не всё сразу. Привал заканчивается, а мне тебя ещё «наполнить» надо.

Мне сразу вспомнились нежные прикосновения её мягких рук к щеке и темени, а ещё приятное ощущение силы, расходящейся по телу волнами.

— Зачем меня «наполнять»? — я хотел понять, что и зачем она делает: ведь каждый ответ мог помочь что-либо вспомнить.

— Ты слишком нестабилен. Тебе-то помогли подселиться в это тело, но закрепить почему-то не закрепили, и теперь тело отторгает чужеродную душу. А ты разве сам не чувствуешь, как разваливаешься по частям?

— Чувствую, — теперь стало понятно, откуда это противное ощущение.

— Вот, — кивнула Риша, — я тебе через темя дам немного своей энергии. Станет чуть лучше и снова сможешь идти. Правда недолго,

но до следующего привала хватит, а там ещё немного, и мы придём на место.

— Постой, — нахмурился я, — ты же сказала, что не знаешь, куда мы идём.

— Не знаю, — подтвердила Риша.

— Тогда откуда тебе известно о конце нашего пути? — я невольно улыбнулся. Мне показалось, что удалось уличить маленькую обманщицу. Но все зря — она невозмутимо спокойно ответила:

— У нас еды всего ещё на один привал, не больше. Если дали так мало еды, значит, дорога не будет долгой.

— К вечеру хоть придём? — недоверчиво пробубнил я. Ришу мой вопрос рассмешил — она залилась звонким детским смехом.

— Я рада, что меня к тебе направили. Ты такой несмышлёный, как ребёнок, а я люблю детей. Глянув на мое недовольное лицо, Риша поняла, что мне её слова не доставляют особого удовольствия и решила объяснить причину своего веселья.

— Вечер наступит очень-очень нескоро. Разве неясно? — и указала пальцем в небо. Понять, на что именно указывает Риша, не составило особого труда: за всё время, что прошло с тех пор, как мы пересекли реку, солнце не сдвинулось визуально ни на йоту, неподвижно застыв в зените и продолжая окрашивать всё в жёлтые цвета.

— Ляг, — приказала девушка, чему я беспрекословно подчинился. Она так же, как это было в момент нашего знакомства, коснулась своей мягкой, горячей ладонью моей щеки, а затем и темени. Я впитывал волны тепла, наслаждаясь приливом сил и нежным прикосновением. Растекающийся сверху тихий шёпот заставил приоткрыть глаза — всё тот же ангел-хранитель, слепя сиянием нимба, парил надо мной.

Когда процедура была завершена, Риша поднялась и завязала остатки еды в тряпку.

— Пойдём. Нам велят идти... — поторопила она меня, безжалостно лишая блаженной неги. С неохотой, но пришлось вставать.

— Послушай, Риша, — решил я задать давно возникший вопрос, — о ком ты постоянно говоришь «нам дали имена», «нам сказали идти», «сделать привал»? Ты о ком?

— Когда идём, мы разговаривать не будем, чтобы не сбивать дыхание — тебе может не хватить сил. Когда идём — молчим. Разговоры потом. Так надо, — спокойно отстранила она мой вопрос, но я не собирался сдаваться.

— Ты мне ответишь, и до следующего привала я тебя ни о чём не спрошу! Все, кого ты постоянно упоминаешь, кто руководит всеми нашими действиями, даёт имена, говорит, идти или стоять, куда-то на-

правляет — кто это?

— Как кто? — её взгляд скользнул по моему лицу, а на губах обозначилась улыбка. — Конечно же, Вселенная! Она и имя дала, и направляет нас...

От её ответа мои брови поползли вверх:

— Каким образом?! — разозлился я, но вовремя спохватился, догадавшись о природе её слов, — Ты меня обманываешь!

— Нет, — как ни в чем не бывало, покачала она головой.

— Ты сказал: только один вопрос. Все ответы во время следующего привала. А пока следи за дыханием, — и отвернулась, не собираясь больше ни о чём говорить.

Пробудившийся интерес помогал идти, я буквально толкал себя вперёд — поближе к привалу, где будут даны ответы. Вышагивая вслед за ведуньей (той, что ведаёт знания, недоступные мне, и ведёт сквозь беспмятство к просветлению), я неотрывно наблюдал, как её коса, маятником гипнотизируя меня, покачивается из стороны в сторону. Может, бесконечные вопросы, а может, и движение туго сплетённых волос помогли преодолеть путь до леса, не обращая внимания на вновь появившуюся усталость. Высокие деревья встали перед нами сплошной стеной. На границе леса Риша и объявила привал. Не став дожидаться, пока она поделит остатки еды, я требовательно спросил:

— Теперь-то ты ответишь?

— Отвечу. На какие? — не отвлекаясь от процесса превращения мешка в скатерть, спросила она так, словно вправду забыла о моих вопросах. Меня её равнодушие поразило.

— Как «на какие»? Во-первых, каким образом «Вселенная» нас направляет и даёт имена?

Риша разломала сыр на две половинки и лишь затем, внимательно взглядевшись в мое хмурое лицо, ответила:

— Я чувствую Вселенную внутри, а ты разве нет?

— Ни черта я не чувствую! — огрызнулся я.

Девочка глубоко вздохнула и посмотрела направо, туда, где линия разрыва леса и поля уходила далеко вперёд, сливаясь длинным швом.

— Я забываю, что ты не отсюда. Вот я и игнорирую некоторые «простые», на мой взгляд, вопросы, хотя моей задачей, скорее всего, и является научить тебя жить здесь.

— Твоей задачей? Это тебе тоже Вселенная изнутри прошептала? — зло пошутил я, но Риша, казалось, не заметила моей иронии.

— Нет, это я только предположила. Мне пока неизвестно, для чего я была тебе послана, какова моя основная задача. Не знаю, долго ли с

тобой пробуду... Мне лишь пока известно, что я должна быть рядом.

Она определенно знала, о чём говорит — её спокойный, невозмутимый голос выдавал лишь уверенность в каждом слове. Только вот мне её ответы казались чем-то сложным и мистическим. Мне тоже хотелось быть таким спокойным и уверенным:

— Как ты чувствуешь Вселенную? Как ты все это ощущаешь?

— Просто знаю, что надо делать — вот и всё.

— И всё? — удивился я.

— Да. Знаю, что твоё имя сейчас Аум, что идти надо сейчас через лес и что я тебя должна вести.

— И ты это просто знаешь? — недоверчиво сощурился я.

— Да.

— А заблудиться в лесу не боишься?

— Когда к тебе шла, не заблудилась же, — Риша отвечала, дожевывая остатки мяса. Мне почему-то есть не хотелось. — Ешь!

— Не хочу, — упрямо повел я носом.

— Ешь, — повторила она спокойно. — Тебе надо это съесть. Иначе не дойдёшь.

— Откуда ты знала, что встретишь меня? — я стал жевать сыр.

— Я не знала, что встречу тебя. Просто жила с родителями в доме, а потом я почувствовала, что мне нужно идти. Мама дала еду. Я попрощалась и пошла туда, куда нужно.

— И они тебя так просто отпустили? — мне с трудом верилось.

— Родители тоже знали, что Вселенная говорила мне уходить, поэтому не возражали. Им было жаль меня отпускать, но так надо. И мы попрощались.

— Хм...

— А потом я шла, слушая Вектор, и пришла под дерево. Вселенная сказала мне сделать под ним привал. И совсем скоро появился ты, идущий в беспамятстве по дороге.

— Что означает «я шла, слушая Вектор»? Что еще за «Вектор»?

— Вектор — это голос Вселенной. Чувство внутри, куда нужно идти и что делать. Вектор указывает верный путь. Если его слушать, то заблудиться невозможно.

— Чушь! — мне самому не было понятно, почему я с такой легкостью отрицал её слова, почему с таким остервенением отказывался верить.

— Ты можешь сам убедиться, если хочешь. Просто оглянись вокруг и почувствуй, куда из всех направлений тебе хочется идти. — Не желая верить, а лишь чтобы утереть этой спокойной и рассудительной девчонке нос, я стал смотреть по сторонам. — Не спеши... Задержи взгляд в каком-нибудь направлении и послушай свое тело.

Я посмотрел на поле туда, откуда мы пришли. Равнина простиралась бумажным листом, и отсюда нельзя было различить ни холма, ни дерева, под которым меня дожидалась Риша.

— Ничего не чувствую.

— Вот, — удовлетворенно кивнула она. — А теперь посмотри налево вдоль леса.

И действительно, спустя всего мгновение я почувствовал, как в груди возникает желание идти именно в ту сторону и чуть левее, в лес. Но не прямо сейчас - нужно почему-то немного подождать.

— Чувствую! Нам вон туда... — улыбнулся я, с удовольствием ощущая, как внутри растекается уверенность и отступает страх перед неизвестностью. Стало понятно, как Риша могла с такой легкостью покинуть отчий дом — ведь сама Вселенная направляет, а страх делает шаг назад. — Оказывается, это очень приятно, ощущать Вектор!

— Наверное, — пожала она плечами. — Я всегда его чувствую, поэтому не знаю, каково жить без него.

— Ого! И ты в любой момент безоговорочно пойдёшь туда, куда велят чувства?

— Да, Аум. В любой момент ветер может подуть в другую сторону и нам придется сменить направление

— И тебе никогда не хотелось остаться там, где ты хочешь, вопреки голосу внутри?

— Нет, мне это даже в голову не приходило...

— Почему? Ведь это очевидно — идти неизвестно куда, неизвестно ради чего, если здесь спокойно и хорошо — глупо!

— В моём мире каждый с самого детства знает, что главное, а что нет. Каждый знает смысл и суть своего рождения!

— И что же главное? В чем смысл?

— Найти пределы собственного потенциала через приключения, максимально реализовать себя и воплотить все таланты. А это невозможно, если подчиняться стабильности и бояться перемен. Меняться и подчиняться изменениям — это основные правила игры. Откуда взять спонтанность и творчество, если всё уже предreshено разумом? Поэтому нас с детства учат слушать Вектор, слушать голос Вселенной и не бояться оставить всё, что есть, ради мимолетного желания. Кстати, что сейчас говорит тебе желание?

— А? — её слова меня словно загипнотизировали, и лишь когда она обратила внимание, я прислушался к происходящему внутри меня и чётко смог уловить, что... — Пора закругляться и идти дальше?

— Именно! — улыбнулась Риша. — Поэтому ложись, нужно тебя наполнить. — Я с готовностью лёг, предвкушая её мягкое прикосновение и

встречу с настоящим ангелом.

Теперь мы шли рядом — в одночасье Риша перестала быть моим поводырём, превратившись в спутника. Чувство направления отныне не покидало меня, невидимым компасом ощущаясь внутри, словно из груди торчала стрелка, с точностью указывая, куда сделать следующий шаг.

Сначала мы брели вдоль леса. Видимо, я настолько слился с этим удивительным чувством направления, что даже не заметил, как мы, не сговариваясь, одновременно нырнули в чащу.

Лес ковром устилала слои опавшей листвы. Лоскуты оранжевых, красных и жёлтых пятен шуршали под ногами. При этом листья таких же цветов украшали сами деревья. Видимо, листва, как и волосы, постоянно менялась — опадала и сразу начинала отрастать новая. Так и получилось, что весь лес усыпали листья, и больше ничего — ни травы, ни кустов. Идти оказалось совсем несложно, не нужно тратить дополнительных сил на преодоление мелкой поросли. Лес, скорее, походил на ухоженную рощу, чем на обитель диких зверей.

Я даже не следил, рядом ли Риша, отстала или ушла вперед. Как она сказала: «Если чувствуешь внутри Вселенную, заблудиться невозможно!» Несколько раз мы теряли друг друга из виду, но это уже не имело особого значения.

Высоко надо мной шелестели листья, задеваемые вольным ветром, а солнечные лучи мерцали, окутывая всё золотистым сиянием.

Вселенная точно рассчитала мои силы — только лишь по телу начала расплзаться усталость, мы почти одновременно вынырнули из сумрачной прохлады леса. Сначала я, а затем в тридцати шагах справа появилась Риша. Старыми знакомыми мы улыбнулись друг другу.

Я чувствовал себя в самом настоящем убежище — на ровном блюдце лесной опушки стоял деревянный домишко.

— Наверное, это лесничего? — высказал я свое предположение, когда Риша подошла ближе.

— Этот дом пуст. Он специально для нас. Разве ты не чувствуешь? — сказала она, и, не став дожидаться моего ответа, направилась к дому.

Я действительно откуда-то знал, что из этого дома совсем недавно ушли жившие здесь люди и что мы шли именно сюда, и что пробудем здесь какое-то время. Зачем и почему — непонятно, но это, почему-то, не имело особого значения. Так надо.

Подойдя к дому, Риша в два шага прошла веранду и открыла незапертую дверь, чтобы исчезнуть внутри. Я же решил обойти дом вокруг.

Перед верандой была утоптанная площадка с длинным столом, по

обеим сторонам которого лежали отшлифованные половинки дерева, служившие скамейками. В десяти шагах от него находилось обложенное камнями кострище с тремя пнями по кругу.

Слева от дома под навесом - большая поленница, сложенная аккуратными стопками дров. Наверное, ночи здесь длинные и холодные. В сарае, расположенном рядом, я обнаружил все необходимые для хозяйства инструменты: от молотка до косы, гвозди, верёвки и всякую бытовую мелочь — бери да пользуйся. Странно, что хозяева не позаботились о замке на дверь.

Протоптанная тропинка вела за дом, где сразу встречала пристройка с загоном — странные мохнатые существа смотрели на меня сквозь сбитые доски забора, бляньем выражая интерес к новому хозяину. Не желая их напугать, я не стал приближаться. За хлевом начинались ухоженные гряды огорода. Здесь аккуратными рядами росла самая разнообразная зелень, овощи, а по периметру была устроена живая изгородь из кустов, украшенная разноцветьем ягод. Справа, уже ближе к дому, из земли вырос колодец. Больше всего меня во всем увиденном удивило, что прежние хозяева могли оставить хорошо налаженное хозяйство неизвестно на кого. Надо будет узнать у Риши, а пока мне хватит того, что я увидел. Теперь можно последовать примеру девчонки и осмотреть сам дом изнутри.

Она накрывала на стол. Меня удивило, с какой легкостью Риша приняла это жилище. Я так не мог, стоя на пороге, не решаясь зайти.

— А ничего, что мы здесь побудем? Хозяева возражать не станут? — я всё не мог пересилить себя и зайти внутрь.

— Не станут, — уверенно ответила Риша.

— Откуда ты знаешь? — спросил я недоверчиво, но шаг в дом всё-таки сделал.

— Потому что сейчас это наш дом и мы здесь хозяева, — пояснила она, ловко рыская по полкам в поисках посуды и еды.

— А построившие этот дом и жившие здесь до нас люди?

— Они ушли. Вселенная их отправила в другое место, где будет им новый дом... временно. Так что не думай об этом, Аум, а бери то, что дают. Настанет время, когда и нам придётся покинуть это место. Тогда нужно отдать то, что забирают, и не жалеть о потере. Так надо. Понятно?

— Понятно, — кивнул я. Мне показалось, я действительно понял, что имела в виду Риша.

Внутри дом представлял собой одну большую комнату, поделённую на разные зоны. Прямо напротив входа в деревянной стене утопал каменный очаг. Внутри на железной перекладине висел чугунный котел.

Над камином во всю стену до самого потолка простирались забытые книгами, листами и тетрадами стеллажи. Справа располагалась кухня — стол, который накрывала Риша, шкафчики, полки с посудой и кухонной утварью. В полу дверца, судя по всему, ведущая в погреб.

Всю левую часть дома занимали три шкафа и шесть кроватей — в два ряда по три. Но лишь две из них были аккуратно застланы и накрыты покрывалом. У остальных матрацы скручены. Казалось, что прежние хозяева знали, сколько человек придет на их место, о чём я и спросил Ришу.

— Конечно, знали, — ответила она. — Они могли не стелить нам, но хозяева сами так захотели. Спасибо! — сказала Риша, обращаясь к неведомым предшественникам приютившего нас дома.

Риша постоянно забывала, что я знаю многим меньше её, от этого ответы на мои вопросы часто оказывались трудными для понимания. Постоянно приходилось или догадываться, или задавать дополнительные вопросы.

— Теперь понятно, почему прежние хозяева оставили дом и сарай открытыми — они ждали нас и хотели, чтобы мы беспрепятственно зашли. Поэтому не повесили замок? — я сел за накрытый стол, из погреба Риша достала банки с соленьями, сухари, сыр... Сама она села за стол напротив меня и стала развязывать закрытые бумагой глиняные и стеклянные банки.

— В нашем мире нет замков. Двери открыты не потому, что нас ждали, а потому, что никто здесь не закрывает двери. Зачем их запирать?

— Как зачем?! — удивился я, не поверив в это. — А если кто-то другой, какой-нибудь чужак придёт и ограбит дом, заберёт все припасы, деньги и вещи? — мне казалось, что я говорю прописные истины, которые-то и озвучивать не имеет смысла, потому что о них и так все знают. Но очевидное для меня оказалось чуждым Рише. Она смотрела на меня, сясь понять смысл моих слов.

— Я не понимаю, — нахмурилась девушка, — зачем кому-то забирать всё из дома? Любой человек может прийти в любой дом и взять всё, что ему нужно: еду или вещь. И никто не будет считать человека «чужаком». Этого слова нет в обиходе.

Теперь уже я не понимал. Риша заметила мое смятение и решила пояснить:

— Кто угодно может взять из дома, в котором ты сейчас живешь, что угодно, и никто не станет противиться этому. Всё происходит в согласии со Вселенной. Никто ничего в нашем мире не считает своим и поэтому с готовностью расстается с любым местом, жилищем, вещью, едой или человеком, если того потребуют перемены, звучащие в голосе Вселен-

ной. Ты говоришь, что нужно запирать дома на замки, чтобы никто не забрал из дома «всё»? Но я не пойму, Аум, кому понадобится хлеба и мяса больше, чем он съест в пути, и вещей больше, чем можно сносить? Зачем кому-то брать больше, чем требуется?

— Но как же?! — пытался я объяснить Рише то, во что сам переставал верить. — Разве нет здесь таких людей, кто не хочет работать, и поэтому силой отбирает у других еду и вещи?!

— В нашем мире нет. Все с готовностью и радостью делают свое дело. Кузнец — куёт, жнец — жнёт... Всё никак не пойму, кто откажется заниматься интересным и любимым делом? Кто сам себе враг?

Я с отвращением сморщился, словно её слова были горькими. Мне не хотелось это принимать:

— И нет тех, кто обязан работать? Кто делает что-то лишь потому, что должен прокормить себя и своих детей? Кто выживает?

— Я не понимаю, Аум, как можно делать что-то, если этого делать не хочется? Кто не хочет чего-то, тот не делает. А если ты занимаешься своим делом в согласии со Вселенной, то она тебе дает всё необходимое: принесут люди или сам возьмешь. Никому не приходится бороться за жизнь, и уж тем более, брать лишнее силой.

— И денег всем хватает?

— «Деньги»? — Риша проговорила слово, словно забыла его смысл. — Что это?

— Ты не знаешь? — не на шутку растерялся я. — Деньги — это единица обмена: бумага или металл, эквивалентные предметам, пище или труду. Понимаешь?

Риша смешно наморщила лоб:

— Кажется, да. Ты говоришь о явлении, которое было в нашем мире очень-очень давно. Деньги... — повторила она, пытаясь вспомнить как можно больше. — Кажется, деньгами у нас называли высушенные листья редкого дерева Аум. Но здесь уже никто их не использует. Наличие в обществе денег — признак его малой сознательности и необходимо лишь на первых этапах человеческого развития.

— Нет денег?! — чуть не подскочил я.

— Нет. Деньги, как условная единица обмена — очень несовершенны. От них пришлось отказаться ещё во времена Последнего Правителя, то есть очень давно. Я лишь отчасти знаю, каким было общество во времена использования денег. Знаю, что люди обменивали свой труд на листья Аум — эквивалент вещи или дела. Чем больше у человека было листьев, тем больше он мог получить вещей или дел других людей. Проблема в том, что люди начинали искать возможность получить больше листьев, чтобы было больше вещей и дел, часто отворачиваясь

от того, что говорила им Вселенная, не согласуя свое направление с тем, куда указывал Вектор. Люди стали больше ценить обростание лишними вещами, чем следование голосу Вселенной. Почти все зависели от листов Атум, пренебрегали желаниями, заставляя себя делать то, чего не хочется.

— Но как сейчас без денег происходит обмен? Ведь это сложно? Как еду, например, поменять на одежду? Кто устанавливает размеры и количество хлеба в обмен на штаны?

— А нет никакого обмена, — улыбнулась Риша. — Каждый берёт, что ему нужно, а другой отдаёт, что просят, ничего не требуя взамен. Взамен ничего не нужно. Труд сам по себе вознаграждение. Пекарь печёт потому, что ему нравится месить тесто и нравится запах свежего хлеба, и он любит это делать. Портной шьёт потому, что ему нравится кроить и придумывать одежду. А я сейчас здесь с тобой говорю всё это не потому, что ты мне за это что-то дашь, а потому, что так распорядилась Вселенная и я должна здесь быть и отвечать на твои вопросы. Мои желания и требования Вселенной всегда совпадают...

— Но неужели количество пекарей такое, что способно снабдить всех, кто нуждается в хлебе?

— В большинстве своём люди здесь сами себя обеспечивают всем необходимым: и едой, и одеждой. Лишь иногда, что-то отдавая или получая у других. Как, например, мы с тобой сейчас едим то, что сделали не мы.

— Постой! — перебил я Ришу. — А как без денег существует государство? Ведь без них ни тебе налогов, ни разных учреждений!

— Твои вопросы продиктованы памятью о твоём родном мире, который, судя по твоим вопросам, находится далеко позади Анатаны. Государство и налоги в моём мире касаются уже упомянутых времен Последнего Правителя, — спокойно продолжила объяснять она. — Государство, как и деньги, характеризует ранние этапы развития человека и его сознания. Человечеству требуется государство, если у него слабый дух.

— Слабый дух? — не понял я.

— Изначально планета была поделена на участки, которыми управляли разные племена, затем народы или расы. Обычно во главе стоял человек, наделенный властью, перешедшей к нему по наследству или полученной в результате голосования. Этот человек должен быть лучшим из лучших представителей страны. Ведь властитель должен был представлять интересы людей и государства, а не следовать своим страхам, амбициям или порокам. К сожалению, к управлению часто рвались именно испорченные всей этой грязью люди, чтобы с помощью

власти что-то доказать или компенсировать свои недостатки. Мало кто из глав поистине служил своему народу. Но правитель должен быть свободен от пороков. И когда мы это поняли, на посты руководителей стали выбирать наиболее чистых духом. С появлением в большинстве стран таких правителей выяснилось, что ими движет одна цель и идея — о лучшем обществе, отсутствии боли, страха и несправедливости, о возможности совершенствоваться и творить в наиболее комфортных условиях. Тогда правители объединились, стерли границы своих земель и народов. Никто из них не имел амбиций и не стремился быть первым и лучшим, а все они служили общей идее, которая и стала во главе. Постепенно вся планета стала единой Землей и не было больше границ, а осталось одно-единственное и единое государство — Последнее Государство, просуществовавшее очень долго. Идея о лучшем мире — вот что было во главе, вот что на самом деле считалось Последним Правителем. Вокруг этой идеи собрался совет мудрейших: старейшин и ученых. Они определяли законы, которые помогали скорее сделать Последнее Государство чище и лучше, а вместе с ним — и жизнь самих людей. В услужении у учёных находились администраторы и управленцы. Они пытались осуществить законы с максимальной эффективностью.

— Так устроен этот мир? — с чувством восхищения заворожённо проговорил я.

— Уже нет. Он был так устроен давно. Постепенно и необходимость в Совете Мудрейших тоже отпала. Люди достигли уровня сознания, достаточного, чтобы обходиться без людского управления.

— Но как же? Без власти и руководства разве не наступил хаос?

— Людьями перестали управлять другие люди, но мы почувствовали руководство другого порядка. Сама Вселенная ведёт нас. Каждый из людей поступает в соответствии с Единым Потокком. Жизнь течёт, и каждому рождённому есть в этом потоке место, каждому отведена роль, каждый и есть частица этого Потока. Мы слушаем Вектор, направляющий нас, и делаем что нужно, не задавая вопросов.

Риша встала и направилась к шкафам, а я продолжил сидеть, неспособный пошевелиться — по всему телу растекались волны тепла и умиротворения.

— Но ведь тогда все в этом мире должны быть добрые и не творить зла... — я развернулся, желая стереть очередное «но». На глаза мне попало багровое пятно у основания плеча — оставленный мной синяк, когда я схватил Ришу и с силой сжал. Она посмотрела на меня, не понимая, почему я остановился на полуслове, а затем, проследив за моим взглядом, сама стала рассматривать большой синяк. В памяти всплыл тот самый взгляд её пурпурных глаз, когда в момент пугающей неопре-

деленности я пытался причинить ей боль. Тогда девушка смотрела недоуменно и с интересом, словно не понимала, почему я это делаю. Как если бы до этого она никогда не сталкивалась с людской жестокостью... как если бы я первый, кто причинил ей боль... И Риша не стала защищаться или нападать, а просто смотрела, и эта её открытость помогла мне стать более понятным для себя самого. Я увидел, как за моей жестокостью прятался страх потерянного, одинокого человека. Это и был ответ на мой вопрос, который я не успел задать. Я всё понял без слов.

Встав, я подошёл к Рише. Она перевела взгляд на меня.

— Извини. Я не хотел тебе сделать больно. Просто испугался — мне было очень страшно не понимать кто я, и где я...

Но вместо того, чтобы принять или отвергнуть мои извинения, она просто указала мне на кровать, чтобы я лёг. Не спрашивая ни о чем, я послушался, и уже через мгновение почувствовал ставшее приятной необходимостью целебное прикосновение. Веки сами прикрылись. Я словно домашний кот в руках любимой хозяйки.

— Мы не судим о добре и зле — что правильно, а что нет. Законы Вселенной, а значит, и движение Потока выходит за рамки этих понятий. Мы просто делаем что нужно, вот и всё. Нет вопросов. Нет сомнений. Мы не нарушаем правил, потому что их попросту нет. Каждый из нас готов в любой момент сделать что-то, что скажет голос внутри, без сожаления или раскаяния... Это и есть главный закон жизни: **ДЕЛАЙ ТО, ЧТО ДОЛЖЕН И ХОЧЕШЬ. ДЕЛАЙ, ЧТО ВЕЛИТ ВСЕЛЕННАЯ.** Ради этого и даётся нам жизнь.

— Ради чего? — уточнил я, чувствуя, как Риша переложила ладонь на лоб.

— Понимаешь, — мне приходилось концентрировать внимание, чтобы слушать её — под теплотой прикосновений моё сознание словно тяжелело. — Я не знаю, из какого мира пришёл ты, по каким законам жил, чего хотел... В этом мире каждый рождённый чётко знает, ради чего пришёл топтать ногами землю, ради чего был рождён.

— Но ты ведь сказала, — с трудом заставляя себя говорить, произносил я слова, — что жила с родителями, пока однажды не услышала призыв отправляться в путь? Ты же не знала, что и когда произойдёт? А сейчас говоришь, что каждый с рождения знает свою миссию...

— Не торопись, Аум, дослушай. Если ты спросишь меня, кем я хочу стать, что воплотить, то отвечу, что пока ещё не поняла, какие у Вселенной на меня планы. Может быть, я и была рождена лишь ради встречи с тобой? А, может быть, это лишь начало пути и я, благодаря нашей встрече, осознаю что-то важное? Эти вопросы интересуют меня, но на самом деле они неважны. Когда настанет момент, я всё узнаю и пойму.

Говоря об осознании цели своего рождения, я подразумеваю, что для живущих в этом мире людей главной ценностью остается акт творения. Тебе нужно лучше понять правила и законы, царящие на этой планете. Тогда многое станет ясно, и вопросы отпадут сами собой.

— И что же это за мир?

Риша молчала, а когда я уже готов был поторопить её, заговорила вновь:

— Мы зовём его Анатана. Планета Анатана. С языка праотцев переводится как «Последняя Граница». Это значит, что на моей планете, в этом мире рождаются души, почти готовые к трансформации...

— «Трансформации»?

— Когда душа заканчивает ряд циклов перерождений, когда рассчитывается с большинством долгов и воплощает большинство поставленных задач, сбрасывая с себя все лишнее и эволюционируя до степени готовности перехода из Материальной Вселенной в Духовную, то есть получает возможность избавиться от привязки к телу и физическому миру; когда душа достигает определённого уровня, достойного выхода из цикла перерождений и переселения в ангельские миры... тогда она в последний раз рождается здесь, на этой планете. На Анатане душа, пока ещё находясь в теле, окончательно подводит баланс, дорабатывая свои задачи и отдавая последние долги перед тем, как трансформироваться — окончательно распрощаться с физическим миром и перейти в мир духов.

Каждый из живущих здесь знает это и ставит отработку перед этой Физической Вселенной наивысшим приоритетом. Мы воспринимаем жизнь в физическом теле (воплощении) не более, чем школу для обучения и развития души. Каждый из обитателей Последней Границы хочет побыстрее отдать остатки долгов и уйти в трансформацию.

— Звучит, как рабство, — я хотел нахмуриться, но мышцы не слушались меня. Исходящее из девичьих рук тепло действовало на меня, словно гипноз — все ощущения исчезли, сконцентрировавшись на кончике её пальцев. Моё сознание набиралось сил, а вот тело уснуло. Мне казалось, что я разговариваю с Ришей, но шевелю ли губами — в этом я не был уверен.

— Нет, — послышалось мне. Я не мог различить, воспринимаю ли я слова Риши ушами или они сами по себе возникают у меня в голове. — Это совсем не рабство. Скорее, жизнь в гармонии со Вселенной. Таких миров, как Анатана, — один на миллион населённых планет. Лишь очень немногие души эволюционируют до той степени, чтобы иметь возможность родиться на этой или подобной планете....

Не имея сил открыть глаза, я плывал в океане белого света. Так хо-

рошо и спокойно. Её голос возникал из ниоткуда.

— Но ведь, как я понял, вы живёте, как дикари — строите деревянные дома, куёте железо, сами печёте хлеб; нет никаких значимых технических изобретений. Вы просто живёте. Чем этот мир отличается от другого? Разве что отсталостью...

— Я не знаю что такое «технические изобретения». Если у нас этого нет, значит, здесь это не нужно. Анатана наиболее приближена к божественному, к миру духов. Анатана — это Последняя Граница, лучший из Физических Миров. Если у тебя появилась возможность оказаться здесь помимо рождения, если тебе дали проводника, то есть меня, значит, тебе выпала великая честь познать красоту этого мира. Понять, каково это — жить в единстве с Миром. Смотри не глазами человека, а душой, что заточена в темнице тела. Тогда ты увидишь не поверхность, а суть... — её слова плавали где-то рядом, дрейфовали, как и я, на тёплых волнах спокойствия. Жаль, у меня никак не выходило ухватиться за смысл её слов — он тонул в белом мареве.

— Что я должен увидеть?

— Ты пришел сюда научиться видеть главное, не доверять поверхностному. В Анатане все является не тем, чем кажется в начале. Парикмахер, когда стрижет, избавляется от грузов прошлых жизней, развязывая кармические узлы людей. Когда метёт уборщица, она чистит пространство от ненужных энергий. Физический мир лишь на поверхности — основное действие невидимо глазу, но ощущается душой.

— Тогда в чём твоя задача, Риша? Что внутри?

— Открой глаза, Аум... — послышался её голос. Я сделал, как она велела.

«Что это?!!»

Я лежал нагой на кровати, а Риша сидела сверху. Мы двигались в едином ритме в такт друг другу. Внутри неё было хорошо. Я ощущал, как от сжимающей мой член вагины расходитя по телу эта молочная теплота.

— Тебе же, дитя... Нельзя! — сказал я, не произнеся ни звука. При этом я не был способен управлять своим телом, лишь наблюдать и ощущать.

— Мне четыре месяца лета... — ответила она, не шевеля губами. — Нет правил. Я делаю то, что надо, не задавая вопросов. — Заворожённо я следил за ритмом её маленьких грудей. Не имея сил пошевелиться, посмотреть, я мог лишь ощущать, как в паху была разлита кровь. — Не забывай, что всё кажется не тем, что есть на самом деле. Физический мир лишь верхний слой... Я делаю то, что надо.... Данное тебе тело не сможет удерживать твою душу долго — оно станет отвергать тебя, а

энергии, достаточной, чтобы суметь зацепиться, у тебя нет. Ты нуждаешься в поддержке извне. Прямо сейчас во время проникновения, ты получишь много моей энергии. На какое-то время тебе хватит. Это необходимость... Этого требует Вселенная... Этого хочу и я... — её кожа, словно молодой весенний лист, была тонкой и беззащитной. Я мог видеть, как её вены реками расходятся по всему телу, пульсируют. — Закрывай глаза и пей мое тепло...

— Это необходимость. Этого требует Вселенная. Этого хочу и я! — произношу я вслух, прежде чем с головой окунаюсь в животворящие волны.

Когда я открыл глаза и увидел перед собой деревянный потолок, то немного растерялся. Глаза бегали по сторонам, тщательно исследуя кухонную часть и книжные полки — мой разум силился понять, откуда всё это взялось, почему меня окружает бревенчатый дом, а не пещера, заполненная водой? Я вновь зажмурился и погрузился в слепую темноту, стараясь вспомнить все, что знаю. В мыслях кружились жёлтые оттенки, теплые прикосновения, нареkanie меня Аум, и долгая дорога домой, сквозь поле и лес. Почему я решил, что должен находиться в какой-то пещере? Может быть, это остатки сна?

Потерев ладонями закрытые веки, я решил снова осмотреться — и, действительно, на этот раз окружающая обстановка не казалась такой непривычной.

Из окна в комнату проникал всё тот же ровный янтарный свет. Неужели в Анатане всегда день?

В желудке ощущалась полная пустота, как если бы я не ел тысячу лет.

— Тысячу лет... — проговорил я чуждым голосом вслух, пытаюсь понять, сколько это — тысячу лет здесь. Интересно, а сколько «тысячу лет» в моем мире? Ясно лишь одно — и здесь, и там, тысячелетие — это время достаточное, чтобы сильно проголодаться. В памяти сразу всплыла Риша на кухне. Может быть, она что-нибудь приготовила? Живот отозвался громким бульканьем. Осталось только найти Ришу и попросить её о... Риша?! В мгновение перед глазами промчались неясные, расплывчатые образы — её нагое тело, нависшее надо мной, юная грудь, ощущение влажной теплоты... и слова: «Это необходимость».

Как я и предполагал, на простыне и одеяле оказались пятна засохшей крови. Я постарался успокоить себя, что это её решение и всё сделано из необходимости помочь моей душе закрепиться в отвергающем её теле, но всё равно вина за совершение чего-то запретного не покидала меня.

Омерзительный корящий голос напрочь отказывался умолкнуть, твёрдо решив как можно скорее выжить меня из постели. Аккуратно сложенная одежда лежала на соседней кровати: трусы и легкий балахон вроде того, в котором я пришёл, только более серый и без непонятных символов.

Одевшись, я вышел на улицу.

Риша сидела за большим столом, читая книгу и не отвлекаясь, иногда протягивала руку к чаше, откуда доставала то ли какие-то ягоды, то ли орехи, и клала себе в рот. Коса распущена — лёгкий ветер с удовольствием играл с копной девичьих волос.

Преодолев возникшее внутри смущение, я шагнул с веранды.

— Что читаешь? — спросил я вместо приветствия, усевшись по другую сторону стола и наигранно непринужденно взял из чаши то, что ела Риша. Это оказалось сладковатым орехом. Девушка явно нехотя оторвала взгляд от страницы, чтобы глянуть на меня и, улыбнувшись, ответить:

— Это труд Наиши Саната «Травница».

— Можно глянуть? — попросил я и принял из её рук толстую книгу в кожаном переплете. Толщиной в ноготь листы были аккуратно исписаны полосами неведомых знаков. Периодически попадались рисунки разнообразных растений, каких-то трав, кустов и деревьев. Не понимая смысла написанного, я только и мог рассматривать рисунки. — Я здесь ничего не понимаю, почему? — поднял я взгляд на Ришу.

— Потому что ты используешь тело, а значит и разум рождённого в нем человека, пока ты не занял его обитель. Ты понимаешь мою речь, потому что он мог говорить, но не понимаешь письма, потому что прежний хозяин твоего тела не умел ни читать, ни писать... — ответила Риша.

— Но как? Неужели здесь живут безграмотные люди? И это ты называешь «миром, максимально приближенным к божественному»? Как такое может быть?

— Хм... я не понимаю, что тебя удивляет, Аум. Как грамотность или её отсутствие влияет на отработку долгов перед Вселенной?

— Но ведь... — хотел я возразить, мне казалось, что знание письма необходимо каждому, но вовремя понял, что опять привношу знания из прежнего мира. Вместо того, чтобы спорить, я решил выслушать пояснение Риши. Она терпеливо продолжила:

— У нас каждый получает необходимые именно ему знания. Зачем тратить бесценное время на то, что ненужно? Может быть, прежний хозяин твоего тела был землепашцем, и ему, чтобы взрастить богатый урожай, намного важнее было умение читать знаки природы, чем люд-

скую письменную речь.

— Но мне кажется, что знать письмо необходимо! Чтение — наилучший из способов познания.

— Тебе кажется, Аум, — спокойно покачала она головой. — Лучший из способов познания — это чувственный опыт твоего тела. К тому же, если тебе необходима информация, ты можешь её просто брать у Вселенной, не читая. Знания, которые тебе нужны, всегда открыты в любой момент, в том количестве и качестве, в каком они сейчас необходимы...

— «Просто брать»? Что это значит? — нахмурился я.

— Все знания существуют постоянно. Они везде, и ты можешь их свободно получать от Вселенной. Но большинство знаний, ненужных тебе, закрыты, чтобы не сбивать с пути и не мешать идти именно своей дорогой. Тебе доступны знания, необходимые тебе на данный момент. Например, если ты пришёл сюда расплатиться со Вселенной через травничество, помогая людям исцеляться, ты автоматически будешь знать, какие травы для чего нужны. Но эти знания будут открываться тебе постепенно, по ходу твоего развития и по требованиям ситуации.

— Почему?

— Например, чтобы, будучи ребенком, ты не мог использовать дурман-травы и не стал от них зависим, не натворил бед. Но когда к тебе приведут умирающего от боли, ты в мгновение узнаешь все дурман-травы и сможешь облегчить страдания просящего исцеления...

— Как я могу знать, не прочитав ни строчки?

— Так же, как ты знаешь, как дышать и как жевать пищу. Это естественное знание появляется само по себе внутри, как отголосок Абсолютных Знаний Вселенной. — Я внимательно слушал Ришу, хотя её слова казались мне фантастикой. — Как видишь, в нашем мире не нужно тратить на пустое и знать всё подряд. Лишь необходимое.

— А как ты узнаешь, что необходимо, а что нет? Зачем ты тогда читаешь «Травницу» этого... как его?

— Найши Саната, — напомнила мне она. — Потому что мне интересно, и я чувствую, что мне это надо прочитать... Так реализуется воля Вселенной — когда что-то появляется в жизни, а вместе с тем Вектор внутри указывает на это, мол, давай изучай. Если мне попала в руки книга про травы и меня тянет читать её, значит, заключённые в ней знания, так или иначе, пригодятся. До этого я училась читать и писать, потому что мне этого хотелось, а Вселенная дала учителя в нужное время. Не знаю, как и для чего, но знания трав мне пригодятся.

— Но зачем ты читаешь, если говоришь о свободном доступе ко всем знаниям во Вселенной? Взяла бы и получила эти знания! Так разве не проще? — мне даже не требовалось высматривать противоречие между

словами и действиями Риши — всё на поверхности. Она рассказывает о чудесах полёта, но сама пользуется ногами, а не крыльями. Непонятно...

— Я сказала, что есть альтернативные способы получения знаний, не только чтение. Но если сейчас мне интересно читать, значит, я буду читать...

Получая ответы на одни вопросы, я сразу задавал другие. Казалось, это бесконечный процесс.

— Зачем тебе «Травница» — ты не знаешь, а просто делаешь, что велит Вселенная, так? — уточнил я.

— Да. Но то, что мы не получаем лишние знания, совсем не значит, что каждый на Анатане изучает лишь узкий отрезок знаний, связанных с задачей его воплощения. Лишь одной Вселенной известно, кто и как должен реализоваться. Часто реализация души бывает на стыке разных отрезков знаний.

— То есть?

— Землепашец может увлекаться пороодообразованием, а также устройством микровселенной... «Наверное, Риша имеет в виду ядерную физику!» — понял я.

— К тому же, его могут интересовать изобразительное искусство и взаимосвязь энергетических потоков со здоровьем тела. Если всё это интересно человеку, значит, полученные в этих сферах знания помогут ему что-то реализовать, воплотить в мир и понять себя, сделав самого себя, землепашца, лучше. Познавая и создавая, заключенная в тело душа получит какие-то навыки, приобретёт свойства, необходимые в Духовной Вселенной. Например, душа землепашца, преодолев Последнюю Границу и попав в ангельские миры, сможет влиять на погодные условия и урожай.

Часто многогранность интересов и широкий кругозор — необходимые условия для эволюции нашей души. Возможность увидеть и обдумать вопрос с разных точек знания бывает очень важно...

— Но зачем тебе «Травница»? Лишь для расширения кругозора?

— Настанет время, и я узнаю, — непроницаемо спокойно ответила Риша. — А пока что я буду следовать за своим интересом. Вопрос в другом — будешь ли следовать ты за своим?

Я непонимающе уткнулся взглядом в пурпурные зрачки девушки:

— Мой интерес лишь в одном — хочу есть, — решил пошутить я, заодно напомнив о еде.

— Нет, — отрицательно покачала она головой, — я не о потребностях тела. Я говорю о том, куда направляет тебя твой Вектор внутри. Пока что ты редко обращаешь на него внимание, и поэтому я помогаю тебе

учиться слышать свои желания. Итак... что ты ощущаешь внутри?

Замерев, я стал прислушиваться к внутренним ощущениям, но ничего, кроме требований желудка, не слышал, о чём и сообщил Рише.

— Не там ищешь. Обращай внимание на реакции тела. Я сидела напротив и наблюдала, как у тебя горели глаза, когда ты рассматривал непонятные слова в книге. Как ты улыбался, обводя их по контуру пальцем, словно сам хотел их писать.

— Они мне кажутся красивыми, вот и все. — Действительно, меня очень задело то, что я не способен понимать рукописные символы и использовать их для письма. Я словно уцербен без этого.

— Также ты не заметил, как защищал важность и необходимость умения писать и читать.

— Хм-м... само собой! Я до сих пор считаю твои объяснения неточными... и никак не могу понять, как возможно жить, не зная письма?!

— И еще тебя очень удручает неумение пользоваться символами письменной речи, — добавила Риша за меня.

— Да... — согласно кивнул я.

— И ты хотел бы научиться?

— Да... — повторил я с готовностью тот же жест.

— Вот теперь ты слышишь, куда именно ведёт тебя Вселенная.

— Ты хочешь сказать, что я был «подселен» в тело, в незнакомом мире, для того чтобы выучиться грамоте? — недоверчиво сморщился я.

— Я лишь хочу сказать, что ты этого хочешь. Так почему бы не последовать за своими желаниями?

— Но где мы будем искать учителя?

— А зачем тебе его искать? Ведь не зря я оказалась здесь... с тобой...

Перед глазами проплыла картина — девчонка ходит надо мной, что-то диктуя, а я скрючившись замер над листами. Мне это почему-то показалось забавным, хоть я и воспринимал Ришу своим наставником.

— Ты будешь меня учить?

— Да, — приподняла она одну бровь. — А разве сейчас я не учу тебя, указывая на прописные истины, от которых ты, словно дитё малое, нездешнее, открепиваешься?

— Мне нужно восстановить память, — хмурился я по привычке. Сам не зная почему, но я противился идее учиться у этой девочки. — Память — сейчас самое главное!

— У тебя нет времени ждать. Все всегда случается не рано и не поздно, а вовремя. И не надо ждать каких-то условий — они никогда не наступят. Если Вектор требует учиться Логосу-слову, так тому и быть. Чем больше ты будешь сопротивляться, тем больше бед на тебя обрушится. Вселенная силой заставит тебя делать то, что ты должен делать!

— Но у меня есть дела и поважнее. Для начала нужно узнать, каким образом и для чего я оказался в этом мире.

— Если бы это дело действительно было «поважнее», тебе бы уже предоставили всю необходимую информацию, если же тебе до сих пор ничего не известно и ты не имеешь даже малейшего понятия, откуда эти знания можно получить, это может значить лишь одно — бери то, что дают. Хочется изучать Логос — изучай, не жди с моря погоды. Ты живой, а живые обязаны двигаться. Неважно, на этой ли земле или в другом мире — это правило распространяется на все Вселенные. Невежество и обездвиженность, то есть отказ от познания и развития — это главные грехи. Хочешь ты того или нет, но ты будешь жить здесь, учиться чувствовать Логос, познавать мир Анатаны — Последнюю Черту рождений. Этого хочет Вселенная...

Договорив, Риша взяла из моих рук книгу, встала из-за стола и направилась в дом. Я испугался, что обидел её, но на веранде она, как ни в чем не бывало, обернулась, чтобы сказать:

— Помоги мне разжечь огонь в камине. Мы будем готовить еду.

Мое обуздание Логоса началось в тот самый момент, когда Риша вместо меня разглядела направление моего Вектора. Но, как я узнал впоследствии, её внутренний компас горел желанием помочь мне научиться письменной речи, объяснить решение Вселенной вести меня путем познания.

Само обучение, как оказалось, выглядело совсем не так, как я себе представлял. Никакого «корпения» над листами, никакой вычитки текста. Обучение грамоте абсолютно естественно влетало в самую жизнь, словно что-то само собой разумеющееся, как бывает с ребенком, постигающим навыки речи в процессе самой жизни.

— Ты можешь почувствовать, что нам предстоит пробыть здесь достаточно долгое время. Поэтому необходимо устроить свой быт, — говорила Риша, пока я разжигал огонь. — В погребке есть кое-какие запасы... Но, во-первых, их надолго не хватит, а во-вторых, мы не можем съесть их все.

— Почему? — удивился я.

— Не знаю... — пожала она плечами. — Просто мы должны пополнять их. А когда настанет время, и этот дом перестанет быть нашим, и мы покинем его, в погребке должно остаться даже больше, чем было в момент нашего появления здесь.

— Для следующих людей, которым это место будет домом? Так велит Вселенная? — догадался я.

— Да. Так надо, — кивнула Риша.

Мы начали вести быт или по-другому — просто жить. Риша учила меня всему: как искать в лесу грибы и коренья под листьями, собирать плоды, кормить скот и возделывать землю огорода. Хотя некоторые вещи я всё же знал — какие можно рубить деревья для камина, а какие ещё должны жить; как убивать и снимать шкуру животных... Очень мало знал, но некоторые навыки и знания сами собой могли всплыть в голове. Бывало, что Риша пыталась показать мне, как пользоваться каким-нибудь инструментом, и вместо того, чтобы слушать, я отстранял её в сторону и профессионально использовал орудие. Например, когда она показала мне топор, я сразу же отобрал его, крепко схватил, чтобы тут же запустить в ближайшее дерево. Лезвие вошло глубоко в ствол. Тогда Риша перевела на меня взгляд и сказала:

— Теперь мне ясно, почему ты так мало знаешь и умеешь. Энергетическое тело знаний, которое человек приобретает в процессе жизни, в момент смерти остается с физическим телом и разлагается в течение года. Покидая физическое тело, душа большую часть знаний и памяти оставляет в мире живых, а меньшую, в виде опыта — забирает с собой. Именно поэтому ты обладаешь навыками этого тела, но почти ничего не помнишь из жизни в родном мире. Твоё тело раньше принадлежало профессиональному убийце, который ничего не смыслит в быту, но знает, как забрать у тела жизнь и причинить боль.

— Как такое может быть? — я стал смотреть на свои руки и ноги, словно хотел разглядеть в их форме опровержение Ришиным словами. Мне не хотелось находиться в теле убийцы. Хоть ее пояснения и звучали спокойно, но для меня называться убийцей было оскорблением. — Ты же сказала, что Анатана — это Последняя Граница перед миром духов... Ты говорила, что здесь никто ничего не считает своим, и каждый может свободно взять то, что нужно. Так зачем убивать? Ты также говорила, Риша, что на этой земле нет государств, а, значит, нет границ, которые нужно защищать от чужаков. Так откуда здесь взялись убийцам?

— А что тебя удивляет, Аум? Убийца здесь — такая же почитаемая миссия, как миссия врача или земледельца.

— Я не понимаю! — я подошёл к дереву и одним рывком выдернул топор из ствола. Древко оружия лежало в ладони как влитое.

— Ты подумай сам. Ведь Вселенной как-то надо регулировать произвольно меняющийся хаос мира, стараясь превратить его в упорядоченный космос. Именно для этого и нужны исполнители Её воли. Кто-то выращивает овощи, кто-то пишет книги, кто-то убивает. У каждого своя миссия и свой Вектор движения.

— Ты хочешь сказать, что убийца здесь не преступник?

— «Преступник» значит «тот, кто преступил закон Бытия». А закон

этот один — следуй голосу Вселенной. Я буду «преступницей» для Мира, если не стану идти за Вектором и откажусь обучать тебя Логосу, а ты - «преступником», если не захочешь познавать его, выбрав невежество. Человек, лишаящий тело другого человека жизни в соответствии и с согласия Вселенной, то есть по указанию внутреннего Вектора, не может быть преступником. Он лишь делает то, что от него требуется...

— Потому что так надо?

— Именно! На Анатане убийца — лишь исполнитель воли Мира. Когда приходит время, он появляется и перерезает горло, а может, сворачивает шею или душит во сне. Часто люди ждут убийцу и встречают свою смерть с радостью — ведь его появление означает скорую смерть и долгожданное избавление от тела вместе с переходом во Вселенную Духов.

— И никто не пытается бороться или сопротивляться?

— Нет. А зачем, Аум? Каждый здесь хочет отработать все свои телесные задачи, отдать долги и расплатиться с Физической Вселенной, наконец-то избавившись от оков плоти. Уж слишком ограничен мир материи.

— А близкие? Неужели мать спокойно смотрит, как убивают её дитя? Я никогда не поверю в такую бездушность!

— Близкие радуются, что любимый человек развоплотился, избавился от груза материи и теперь свободен от цикла перерождений. И могут лишь надеяться на возможность ещё раз встретиться в другом, более совершенном месте.

— Но разве смерть не приносит страдание?

— Смерть приносит освобождение и облегчение — уж кто-кто, а ты, пришедший духом из другого мира, должен это знать. Ведь пока ты сюда добирался, тебе удалось ощутить блаженство бестелесности.

— Я не помню, — понуро признался я.

— Естественно, не помнишь. Иначе и вопросов таких не задавал бы.

Мне захотелось отложить топор подальше. Несмотря на все объяснения Риши, осознание себя заточённым в теле убийцы оставляло шлейф серых мыслей. М-да, неприятненько вышло. Я направился к сараю, чтобы оставить там топор — не бросать же его прямо здесь. Риша шла за мной следом, готовая в любой момент ответить на мои вопросы, большинство из которых я сам еще полностью не осознал, ощущая лишь постоянную неясную тревогу.

— Получается, что на Анатане нет страдания? Если здесь даже смерть воспринимается избавлением?

— Ты прав, Аум. Слово «страдать» так же, как и «мучиться» являются устаревшими и почти не используются. «Боль, увечье, болезнь» при-

сутствуют в обычной речи, но очень мало. Собственно, как и в жизни — они есть, но совсем немного.

— Странно, — задумался я, — если этот мир находится ближе всего к божественному, то почему здесь всё еще есть боль? Как я помню из твоих слов, на Анатане рождаются самые развитые души во всей Вселенной. Почему вы окончательно не искорените «боль, увечья и болезни»? Здесь наверняка сосредоточены умнейшие и талантливейшие ученые умы, чистые духом люди?

Ришу мой вопрос несколько не удивил:

— Разве не очевидно? Может быть лишь одна причина, по которой боль ещё жива здесь — на этого нет воли Вселенной.

— Но зачем... зачем, Риша, Богу заставлять страдать людей, которые постоянно находятся с ним в контакте и готовы безоговорочно исполнить любую Его волю? Болезнь и увечья как наказания или корректор жизненного пути перестают быть необходимы! Зачем тогда людям страдать?

— Затем, что физический мир не может существовать без боли. Подумай сам — если твоё тело не испытывает голода, жажды, дискомфорта, тяжести, если у тебя всё есть и тебе ничего не надо, захочешь ли ты развиваться, двигаться?

— Да, захочу! — эмоционально выпалил я.

— Разве, Аум? — хитро улыбнулась девчонка. — А зачем что-то делать, если и так все есть, и тебе ничего не надо? Каждый на этой планете хочет избавиться от тела не только потому, что оно ограничено тремя пространствами, но и потому, что тело в самой своей основе содержит боль. Боль напоминает о совершенстве духа и несовершенстве материи, указывая каждому из нас, в какую сторону двигаться — в сторону избавления от бремени телесной оболочки. Так что боль и болезни необходимы, хотя бы ради стремления к смерти...

Я невольно поморщился, пытаюсь осмыслить её слова:

— Тогда почему ты говоришь, что слова «страдать и мучиться» на Анатане вышли из обихода? Ведь боль приносит страдание!

— Нет, Аум. Боль — это телесное ощущение. А страдание и мучение — это отношение к этому ощущению. Если я испытываю боль и не хочу, чтобы она была, злюсь на неё, то начинаю страдать. На Анатане люди относятся к боли, как к естественному указателю на какие-то проблемы, решение которых избавляет от боли.

Боль — есть, а страдания — нет... Боль естественна, а страдание искусственно создано самим человеком. Боль шлифует душу и заставляет человека двигаться вслед за своим духом, а страдание ограничивает и тормозит развитие. Поэтому в моей жизни нет «страдания», но есть

«боль» — редко... очень редко, но есть.

— Например, когда я тебе сжал плечо?

— Да, когда ты сжал мое плечо, я испытала первую в своей жизни боль такой силы...

— Первую? — удивился я. — И что, ты ни разу до этого сильно не ушибалась, не ломала руку или ногу?

— Нет, — мотнула Риша головой, — ни разу. Поэтому для меня это был первый опыт настоящей боли. Но второй был интереснее...

— Второй? — не понял я.

— Когда от меня потребовалось передать тебе больше энергии, ты проник в меня, и я испытала боль... — от её слов мое сердце быстро забилось, а дыхание перехватило. Я совершенно растерялся, не зная, как реагировать на её слова. Как обычно, Ришин взгляд выражал непоколебимое спокойствие. — Но боль была смешана с ощущением глубины, о которой я не могла знать.

— Давай не будем об этом? — постарался я остановить неприятную для себя тему, отчего Риша лишь удивлённо глянула на меня.

— Почему ты закрываешься?

— Просто не хочу, — отвернулся я, направившись в сторону дома.

— Хм-м... Как скажешь, Аум, — донеслось из-за спины. Её слова наверняка значили многим больше, чем было сказано.

Я не мог обойтись без её подпитки. Каждый раз перед сном она наполняла меня светом. Проникать в неё — значило для меня больше, чем просто удовольствие. Отдавая мне себя, Риша передавала мне силу на жизнь, на весь следующий день до сна. Она помогала моему телу принять заключенный в нём дух чужака. Она делала то, что требовала Вселенная, не задавая лишних вопросов, выжимая себя без остатка. А я лишь мог принимать её дар, стараясь не слушать голос в голове. Я запутался. Меня распирали противоречия между её спокойствием и моим желанием.

День за днём солнце медленно двигалось по небосклону, прячась за пеленой облаков, окрашивая мир в жёлтый цвет. Меня повсюду окружал этот густой жёлтый — когда я засыпал, и когда просыпался, в лесу, и дома... Безумно хотелось наступления ночи, но до неё, как до края Земли, оставалось еще очень далеко. Солнце ото сна ко сну продвигалось по небу лишь чуть-чуть, почти незаметно. Хотелось закрыть глаза и погрузиться во тьму, но здесь даже за закрытыми веками мог быть лишь один жёлтый цвет — закрывай окна или нет, накрывайся подушкой, завязывай тряпьем глаза — все бесполезно. «Хочу ночи... Очень...»

— Тьмы не будет никогда, — слышал я её голос, перетекающий в ме-

ня вслед за животворящей энергией. — Привыкни к свету. Когда ты освободишься от бремени тела, тебе, как и каждому, суждено стать частичкой света, чтобы слиться в единое целое.

— Когда я умру, я стану светом? — подумал я, и мои мысли перетекли в неё.

— Когда ты умрёшь, ты станешь звуком. Но для начала ты должен понять, каково это — быть им.

И я учился быть звуком, я учился понимать смысл Логоса-слова. Изодня в день Риша помогала мне учиться чувствовать Логос душой, а не умом.

— Если тебя сразу научить читать и писать, показать, как читается каждая из букв алфавита, то единственное, чему ты научишься, — читать и писать, — поясняла Риша, когда я её спросил, почему мы так и не приступили к учёбе.

— А разве не это главная цель?

— Нет... Ты, в первую очередь, должен научиться чувствовать Логос, суть Слова, его истинную природу — это важнее всего.

— Но разве не было бы разумнее научиться сначала понимать буквы, а лишь затем суть, которую они несут? Это было бы намного проще.

— Действительно, Аум, — ответила Риша, — это было бы проще. Но, познав один из алфавитов, ты ограничишь им способность познавать. Изучая один язык, ты стал бы его заложником.

— Ну, можно было бы выучить ещё один.

— А затем ещё... и ещё... — прервала она меня. — Но главного бы ты так и не понял! Сначала научись чувствовать суть Слова, его природу, и лишь затем приступай к изучению символов и звуковых знаков, с помощью которых оно реализуется.

Спустя несколько дней Риша позвала меня, когда я чистил хлев. Оставив работу недоделанной, я вошёл в дом и увидел, что девушка сидит за столом перед раскрытой книгой и ждёт меня.

— Садись, — указала она на место справа. — Сейчас настало время обучить тебя... — и, не договорив, подвинула книгу ближе ко мне. Я посмотрел в непонятные знаки, а затем перевёл взгляд на неё.

— У меня руки грязные.

— Ничего страшного, — отмахнулась она от моих возражений.

— Почему сейчас? Почему нельзя подождать, пока я закончу дела?

— Не надо ждать. Сейчас самое время!

— Слушай, — я поднялся и навис над ней, — мы столько дней занимались ерундой или вообще ничего не делали, а теперь ты хочешь, чтобы я все бросил и резко кинулся учиться?

— Раньше тоже не надо было. Ты слишком хотел познавать, и твоя

голова работала неверно. А теперь, «занимаясь ерундой или вообще ничего не делая», ты освободился от ненужных мыслей и твоя душа открыта. Ты способен слышать суть Слов. Настало время, поэтому сядь рядом.

Я снова сел. Она пододвинула книгу еще ближе.

— Для начала ты должен понять, что Слово — это больше, чем просто сумма его составляющих, то есть больше, чем набор букв. Смотри... — она ткнула пальцем в одно из сотен слов. — Это буква «х», это «л», это «е», это «б». Сами по себе они просто буквы, стоящие рядом, но вместе — они несут образ. Закрой глаза, — я закрыл. — Теперь представь «хлеб». Что ты видишь?

У меня сразу же в голове сам по себе возник большой круглый румяный каравай, который на деревянной лопатке достают из печи. Он вкусно пахнет. Корочка хрустит, а мякиш пышен. Рот мгновенно наполнился слюной, в животе заурчало.

— Ты видишь образ. Твоё тело мгновенно реагирует на него так же, как и окружающий мир.

— То есть? Ладно я, но мир как может реагировать? Образ-то у меня в голове... Оттого, что я представляю, вкусный пирог не появится на столе.

— Ты пока не понимаешь, но поймёшь. Сейчас же просто скажу, Аум, что ты являешься частью Мира. Когда ты представляешь что-то, тот же «хлеб», силой мысли ты как бы создаешь новое пространство, временную буферную зону, в которой этот образ хлеба может существовать и для которой этот «хлеб» так же реален, как я для тебя. То есть можно сказать, что ты создаешь временную Вселенную, и в ней существует «большой круглый румяный каравай, который на деревянной лопатке достают из печи»... — описала она точь-в-точь, как я представил хлеб, немало удивив меня. — Не удивляйся. Я просто почувствовала твой образ «хлеба». Ты тоже научишься этому — читать не суммы букв, а образы. Это несложно, если Слово живое...

— Что значит живое? Есть что ли мёртвые слова? — я посмотрел на аккуратно исписанные страницы. Только сейчас я понял, что книга рукописная.

— Есть и мёртвые слова, только я их называю «неживыми» или «искусственными». Такие слова придуманы людьми, и в них почти никакой образ не заложен, в них нет энергии, нет жизни.

— А для чего же они тогда нужны?

— Пустые слова несут информацию и упрощают жизнь, но не могут создать пространство для образа. У них попросту не хватает на это энергии. Энергия в них есть, но её слишком мало. Например, слово «культура»

минация» или «кумир»... пусто! Почти ничего не представляется. Слово само по себе целиком состоит из энергии, слово — это и есть энергия... Вопрос остаётся в соотношении информации с энергией в том или ином слове. Ты должен научиться считывать энергию Слова, а не информацию, хранимую в нём.

— Я не понимаю! — уже в тысячный раз я силился решить сложнее уравнение, придуманное, похоже, специально для меня.

— Энергия — это волна, вибрация. У каждого слова она своя, неповторимая. Если прислушаться к внутренним ощущениям, вызываемым разными словами, то можно видеть образы слов.

— Например, как ты увидела мой образ «хлеба»?

— Это было несложно. Ведь слово «хлеб» очень живое, у него сильная энергия. Я посмотрела, как оно преобразилось в тебе и поэтому смогла фактически прочесть мысли. У «хлеба» сильные вибрации, слово живое. А вот, чтобы увидеть «кумира», этому нужно учиться — у мёртвых слов почти нет вибраций, поэтому они почти никак не воздействуют на физический мир.

— А как воздействуют живые? Они реально могут повлиять на тебя и меня, или даже на этот стол?

— Аум, пойми, любая материя — это та же самая энергия, только плотно концентрированная и по-разному проявленная, а Слово — это энерго-информационная структура, та же энергетическая вибрация, только менее плотная, но так же влияющая на мир.

— То есть слово «стол» так же реально, как и вот этот стол? И что, с помощью слова можно сделать так, чтобы он сломался? — пытался сообразить я.

— В первоисточнике «Слово» означало «се пространство творящее». То есть в самом понятии «Слова» заложена информация, воздействующая на мир и создающая своё пространство. Слово существует и действует в пространственно-временной плоскости, влияя на окружающий континуум и «перестраивая» его энергетическое содержание. Так что думай сам. Потом, чуть позже, если это будет угодно Вселенной, ты научишься воздействовать Словом на материальный мир, а пока от тебя требуется умение читать образы слов.

И я стал учиться...

Поначалу я видел лишь незнакомые символы, соседствующие друг с другом в произвольном порядке.

— Не пытайся понять систему и логику языка. Не думай о том, что может значить та или иная буква — не это имеет значение. На каком бы языке слово ни произносилось, оно несёт в себе образ, потому что, когда человек записал или сказал слово, он автоматически создал про-

странство, в котором существует этот образ. Твоя задача и состоит в том, чтобы подсоединиться к этому пространству, и, почувствовав, считать хранимый в нём образ. Ты понимаешь это, Аум?

...Затем я начал ощущать, как внутри меня, когда я смотрю на то или иное слово, что-то зарождается. Но ощущения всё ещё оставались смутными призраками, дразня меня далекими силуэтами, исчезающими сразу, стоило мне лишь попытаться поймать их...

— Вот, смотри, — Риша открыла наугад книгу и, не глядя, ткнула пальцем страницу. Глянув, какое слово попало на удочку, она произнесла:

— Посмотри на него.

— Ну и? — мне достались очередные неясные знаки Наиши Саната.

— Теперь закрой глаза и прислушайся к ощущениям. Что ты чувствуешь?

— Я... не знаю...

— Не торопись, Аум. Просто наблюдай за тем, что происходит внутри, подмечай даже малейшие изменения и говори о них. Ещё раз посмотри на слово. Вот так, хорошо... Теперь вновь закрой глаза. Не спеши.

— Я... я не знаю... У меня почему-то перед глазами красный цвет. Такой неприятный. И в груди нарастает тревога. Хочется бежать или сделать что-то, чтобы защитить себя. Фу! Не хочу больше! — я открыл глаза.

— Ты понял, что это за слово?

— Нет. Мне просто почему-то стало не по себе.

— Потому что это слово «опасность», Аум. «Опасность»!

И, наконец, я научился «читать» образы слов, смог их видеть внутри себя, не понимая самого языка. Вслед за солнечным диском, неспешно ползущим по небосводу навстречу горизонту, я продвигался к пониманию сути написанного. Сначала я по привычке всматривался в рукописные символы на бумаге. Затем мне хватало бросить молниеносный взгляд, а позже я научился обходиться без ненужного просмотра — закрывая глаза, кончиками пальцев считывал хранимые образы слов. Постепенно я даже научился «читать» мёртвые слова. Но слова, к сожалению, всё ещё оставались для меня лишь разрозненными частями текста — над каждым из них мне приходилось «зависать», чтобы затем связать их воедино, получив в итоге хотя бы какой-то осмысленный отрывок.

— Я чувствую, что могу больше, но почему-то у меня не получается читать сразу предложение или абзац... приходится по словам... — поделился я с Ришей, когда мы обрабатывали землю в огороде. Она возилась с ростками, а я носил воду из бочек возле колодца. Прежде, чем

ответить, она встала с корточек, глянула меня, отчего мое сердце ёкнуло, как бывало каждый раз, когда я сталкивался с пурпуром её глаз. Что я на самом деле испытывал к этой девчонке? Я не мог с уверенностью ответить на этот вопрос. Риша перевела взгляд в небо, наблюдая за светилом. Сомкнув веки, она глубоко вдохнула, словно хотела уловить витающий вокруг аромат. Спустя мгновение прозвучал ответ:

— Не пора ещё, Аум. Читай слова, чувствуй их. Когда настанет время, тогда начнём. Нам укажет Вектор... — и, больше ничего не поясняя, вернулась к росткам.

«Время настало» через четырнадцать циклов сна.

Я, как обычно, выполнил часть домашних дел: покормил скот и нагасил воды, а потом стал выбирать книгу для занятий. Иногда я выбирал её наугад, иногда загадывая число ряда, иногда долго пролистывая одну за другой. Риша никогда не вмешивалась в придуманный мной ритуал, но не в этот раз. Я думал, что она ушла в лес собирать корешки и какие-то семена, которые, как я понял, она выискивала, следуя указаниям «Травницы» — книги, которую почти не выпускала из рук, тщательно перечитывая её изо дня в день. Когда я подошёл к полке и уже потянулся за выбранным томиком в обрамлении из красной кожи, то услышал её голос из-за спины:

— Не та!..

Я резко обернулся, испугавшись неожиданного появления. Она стояла, неотрывно вглядываясь в какую-то из книг на верхней полке.

— Верхний ряд, четырнадцатая книга слева.

Откуда она знает, что это за книга? Или ей опять Вектор указал?

Мне пришлось залезть на стул, чтобы дотянуться до фолианта. Книга оказалась ещё более тяжёлой, чем выглядела.

— Пойдём, — скомандовала Риша и взяла книгу...

Усевшись за стол, она положила книгу перед собой, погладив чёрную обложку, словно любимого питомца.

— Это Регреб Сюрб «Книга АУМ». Он будет тебя учить «читать» предложения и абзацы.

— Да неужто?! А я думал, это время уже никогда не придёт... — невесело ухмыльнулся я, на самом деле уже давно перестав надеяться на переход к следующему этапу обучения. Я хорошо уяснил, что Риша чувствует, когда спешка внутри меня утихает и я начинаю принимать действительность: только при условии моей полнейшей покорности сложившимся обстоятельствам она переходит к следующему этапу. Лишних вопросов я не задавал, отчётливо понимая, зачем Риша останавливается каждый раз, когда я начинаю торопиться, и ждёт, пока внутри у

меня не утихнет пламя.

Вопреки ожиданиям, Риша открыла драгоценную книгу на первой странице, а не как всегда, наугад.

— Слово — это больше, чем набор букв.

— Это образ... я помню, — кивнул я.

— Хорошо, — Риша продолжила объяснять теорию. — А предложение — это больше, чем набор слов...

— Потому что это больший образ, — перебил я её, но мой ответ отказался неверным.

— Не так. Предложение — это не только большой, сложный образ — это куда более сложная структура. Как бы это лучше объяснить? — задумалась Риша, совсем по-детски покусывая губы. В такие моменты мне становилось сложно воспринимать её серьезно. Несмотря на всю глубину знаний и понимание сути вещей и явлений окружающего мира, частично она оставалась ребёнком. Но я сразу же забывал об этом, лишь стоило мне заглянуть ей в глаза, за которыми пряталась очень старая душа, прошедшая тысячи перерождений лишь для того, чтобы родиться на Анатане — у последней черты физического мира — и объяснить мне правила безмолвного языка.

— Когда ты или кто-то другой складываешь слова в предложения, а затем произносишь его, думаешь или записываешь, то ты как бы вкладываешь в это предложение частичку себя. То есть ты создаешь пространство, в котором живут не только образы предложения, но и все твои ощущения, эмоции и энергии, вложенные в него. Созданные тобой предложения отныне будут пропитаны тобой. Они буквально будут сиять созданным их человеком. В отличие от пространства произнесенного единичного слова, пространство предложения может существовать очень долго...

— Как долго?

— Тысячелетиями... веками... сутками... Все зависит от того, что за человек создал его и что он туда вложил, какую часть себя. Пространства одиноких слов возникают и исчезают довольно быстро. А словосочетания или предложения, даже случайно оброненные, могут существовать, воздействуя на мир очень долгое время. Некоторые даже целую вечность...

— Ого!

— Когда ты читаешь предложения в книге, то появляющиеся у тебя в голове картинки — это образы и ощущения того самого пространства, что когда-то создал написавший книгу человек. Ты читаешь не слова, а пространство. Пространство записанных слов будет храниться столько, сколько будут храниться записи.

— То есть книги могут создавать целые реальные миры, которые читатель считывает? И то, что нам представляется нашим воображением, на самом деле воображение автора?

— Только не воображение, а созданная им Вселенная, которую ты можешь посетить, не читая текст, а лишь ощущая эту Вселенную. Тебе даже не обязательно касаться текста или видеть его. Достаточно знать, что где-то есть такое пространство, а, значит, его можно почувствовать.

Каждое Ришино слово глубоко проникало в меня, накрепко оседая в памяти, чтобы в нужный момент я мог воспользоваться полученными знаниями.

— То есть получается, что читать абзацы и предложения, не читая их — это не предел? И что даже книги можно считывать целиком?

— Да, можно. Только разница в том, что ты их не читаешь мозгом, а переживаешь изнутри. То есть хранящаяся в книге информация становится не знанием, а опытом, что намного важнее и надежнее. Так, во время смерти физического тела знания о мире остаются с телом и постепенно разрушаются, а часть опыта сливается душой. Мы и воплощаемся в физическом мире ради приобретения душой опыта, а значит — это смысл нашего материального существования и нет ничего важнее. Но не торопись! Для начала ты должен научиться считывать хотя бы пространство предложений, абзацев и страниц... и лишь затем ты научишься переживать книги изнутри. Этому нужно долго учиться. Это не так-то и просто. Всё должно проистекать постепенно. Ты готов?

Я хотел приступить поскорее, но на этот раз вместо привычной спешки сначала прислушался к телу. Внутри всё оставалось в спокойствии, только в груди около сердца что-то неприятно шевелилось, призывая меня жадно вцепиться в новые знания. Только стоило обнаружить внутреннего беспокойного торопыгу, как он исчез, и я действительно почувствовал, что готов приступить. Всё это время Риша пристально наблюдала за мной. Когда я сказал, что готов, она удовлетворенно кивнула, убедившись, что её уроки не проходят даром, и подвинула ко мне книгу Сюрба поближе.

— Я выбрала эту книгу не просто так. Она особенная... — Вдруг я понял, как Риша узнала и выбрала именно эту из всех стоящих на полке книг. Неужели, не прикасаясь ни к одной из них, девчонка сумела перечитать все книги, и выбрала наиболее подходящую для моего обучения?

— И чем же она особенная? — спросил я юную наставницу.

— Это книга о возникновении Вселенной. С её помощью ты познаешь истинную сущность Слов. Положи ладонь на эту страницу, а правую — на следующую. Вот так. Закрой глаза... и обратись внутрь себя.

Не старайся ничего представлять, а просто слушай свои ощущения, как умеешь, а когда почувствуешь что-то... это может быть что угодно... начинай говорить. Описывай ощущение или видение — неважно. Главное - не позволяй своим мыслям вмешиваться. Позволь телу и заточённой в нём душе решать всё самим. Просто наблюдай....

Закрыв глаза, я сконцентрировался на ощущениях в правом боку — что-то покалывало, а живот урчал, переваривая недавнюю трапезу. Ничего особенного, что хотя бы издали напоминало возможный текст, во тьме закрытых глаз не ощущалось. Следуя за опытом прежних попыток «чтения» слов, торопиться я не стал.

Сколько времени прошло? Много? Мало? Или вообще оно остановилось? Не знаю. Но это и не имеет значения. Я не вижу Ришу, но знаю, что она всё так же сидит рядом, помогая мне своим присутствием «увидеть». И это действительно помогает...

Сначала мне показалось, что я засыпаю, как вдруг начали всплывать какие-то образы: огонь, просторные зелёные луга, океанская гладь, ночной небосклон, полный звёздных гирлянд — всё это, мерцая кадрами, всплывало из темноты лишь на мгновение, чтобы исчезнуть. Это могло оказаться сном, но я чётко осознавал пределы своего тела и, самое главное, жгущие книгу ладони. Я словно впитывал через них увиденные образы. Но затем и это ушло вместе с ощущением тела и себя самого. Единственное, что осталось — это пустота, в которой зарождалось что-то густое и яркое... Когда я пожелал коснуться этого чуда, оно наполнило, затопило белым сиянием всё, что я не мог видеть... И я купался в нём, счастливый... Это было настоящим чудом — я почувствовал сам мир, самую Вселенную. Я словно прикоснулся к Творцу... Открыв залитые слезами благодати глаза, первое, что я увидел — улыбающуюся Ришу.

— У тебя получилось, — наклонившись к самому уху, прошептала она и нежно поцеловала в мочку, как целуют не ученика, но возлюбленного. Она подняла мои онемевшие руки, чтобы забрать лежащую под ними книгу. Найдя нужный отрывок, Риша начала читать:

— *Знай меня, вечное семя
всего, что растёт...*

Каждое её слово я уже знал... и знал, что она прочтёт дальше...

*...Я — суть вод,
сияние солнца и луны:*

Тогда я позволил набрать в лёгкие воздух и с выдохом вторить ей слово в слово то, что не читал, но чувствовал...

*аум во всех Ведах,
слово, которое Бог.*

*Я — тот, кто есть в Эфире,
и тот, что силён в человеке.
Я — священный запах земли,
свет огня,
жизнь всех жизней...¹*

Дальше я не смог произнести ни слова — ком счастливых слёз подкатил к самому горлу. Не имея возможности терпеть, я обрушил потоки рыданий, обняв Ришу и запутавшись в её волосах.

Я лежал, приложив ухо к её животу. Юная, упругая кожа пахла здоровьем и силой. Мне нравилось, когда Риша теребила пальцами мои локоны, гладила по голове. Её руки касались меня, даря ощущение надежности и счастья. Мне нравилось её нежное тепло, я уже привык к нему и даже не думал отвыкать. Каждый раз от Ришиных прикосновений в груди разгорался большой белый шар. Я бы не смог сказать наверняка, что это за чувство, но одно знал точно: мне было приятно, и мне хотелось испытывать эти ощущения снова и снова. Полностью расслабившись, я не мог заставить себя пошевелиться и спугнуть эту сладкую дремоту, но разум требовал найти ключи к каждой запертой двери — ответы к бесчисленным вопросам.

— Риша... — я всё же смог побороть себя и начать.

— Да? — не переставая гладить мою голову, откликнулась девушка.

— У меня много вопросов.

— Ты на всех них сам можешь найти ответы, — даже не став дослушивать, сказала Риша. — Просто бери информацию у Вселенной, так же, как ты это делал с книгой. Все ответы на все вопросы уже существуют, если ты знаешь, что где-то есть пространства, в которых хранятся эти ответы. Просто достань их оттуда...

— Я так не хочу. Хочу, чтобы ты мне ответила, — я уже знал, что получение информации и образов требует серьёзной концентрации (особенно у новичка), а мне не хотелось разрушать такое приятное спокойствие, в котором сейчас пребывало моё тело.

Риша молчала, видимо, размышляя, пойти ли на поводу моей блаженной лени. Решив, что я пока ещё недостаточно самостоятелен, она сказала:

— Слушаю тебя.

— То, что я почувствовал в той книге... то, что мне удалось пережить... все эти слова, мол «я — божественное семя, свет огня, жизнь всех жизней...» — что это было? Я думал, что мне предстоит всего лишь

¹ Шри Кришна «Бхагавадгита»

научиться читать и писать, тогда как на самом деле ты приоткрыла для меня дверь к тайнам Вселенной... — я поднял глаза вверх, чтобы в момент ответа увидеть лицо Риши. Её веки оставались сомкнутыми.

— Это не я открыла для тебя эту дверь... Это путь, который тебе предстояло пройти. Ради него ты и пришёл в это тело, в этот мир. Постигание Вселенной полностью взаимосвязано с постижением и обузданием силы Слов. Письмо и чтение — лишь малые части твоего пути. Ты уже наверняка и сам понял, что за символическими знаками алфавита лежит бесконечная глубина и смысл. Их-то тебе и суждено познать.

— «Бесконечная глубина и смысл?» — заворожённо повторил я, пробуя на вкус столь значимую фразу. «Глубина и смысл Слов» — я мысленно взвешивал, пытаясь понять Ришин ответ. — Ты имеешь в виду образы, стоящие за каждым словом?

— Нет, — так и не открывая глаз, ответила Риша. Она шевелила лишь губами. Могло показаться, что она находится в трансе. — Я имею в виду другое... Ты просто пока не понимаешь, Аум, за что взялся. Не понимаешь величия происходящих событий и возложенной на тебя ответственности.

— Так объясни! — повысил я голос. Я больше не мог терпеть туманных ответов. Риша лишь приоткрыла глаза, и спокойно произнесла, не прекращая поглаживаний:

— Моя миссия — это подготовить тебя, дать все необходимое, временно подавать знания. Слышишь, Аум — всему свое время! Все должно случаться не раньше и не позже, а в точном соответствии с Движением Вселенной. Поэтому, делай, что должен делать, а всё, что нужно — настигнет тебя само...

Больше к «Книге Аум» я не притрагивался. Риша куда-то её дела, велел, чтобы я учился «читать» предложения и абзацы на других текстах. Так я и поступил — день за днём, вырывая среди повседневных дел любое мгновение, чтобы сесть за стол и, погрузившись в себя, постараться «увидеть», почувствовать пространство, что когда-то создал автор, записав на бумажных листах «больше, чем сумму букв».

Поначалу я всё никак не мог понять: с одной стороны, Риша говорила, что нет ничего важнее познания силы Слова, а с другой — мне приходилось слишком много времени тратить на посторонние дела.

— Это не посторонние дела, — отвечала Риша, когда я вновь спрашивал её. — Это сама жизнь. Ты не можешь «тратить слишком много времени на жизнь». Жизнь — это естественный процесс, который ты должен полностью принимать и учиться встраиваться в него, быть с ним единым целым. Уметь правильно, естественно жить, если не наслажда-

ясь, то хотя бы не страдая в быту, так же важно, как и выполнить возложенную на тебя миссию. Пойми, Аум, если ты станешь тратить энергию на сопротивление повседневности — проще говоря, на мелкий, ненужный мусор, то у тебя не останется сил для главного. Поэтому перекапывай поле дальше, Аум, а когда будет свободный момент — учись «читать».

Дом и учёба... быт и познание... жизнь и совершенствование... День за днём я просто проживал отведенное мне на Анатане время. Пока все мои действия не начали сливаться в единый процесс — бытие. Мне нравилось то, как я живу, нравилось открывать новые горизонты своих возможностей и новые знания, которыми делились со мной книги. Мне нравилось совершать ставшие уже привычными действия — ухаживать за скотом, возвращать плоды в огороде, помогать Рише готовить... а перед сном любить её тело, чувствовать, как что-то перетекает от неё ко мне — что-то, дающее жизнь. Я научился в эти моменты разговаривать с ней мыслями. Позже я понял, как это происходит — мысли - это те же образы, а, значит, они тоже создают пространства, к которым можно подсоединиться и считывать их. Когда я смог управлять этим процессом, Риша стала отвечать на мои вопросы, передавая мне ощущения или отсылая к пространствам, хранящим ответы на мои вопросы. Вместе с мыслями передавалось гораздо больше, чем просто слова: ощущение, восприятие мира, эмоции. Собственно, сами слова были вторичны или вообще не имели значения, оставаясь отголоском привычки шевелить губами...

Так я всё больше креп, научившись «читать» целые страницы, тратя на концентрацию минимум времени. Новый способ учиться, считывая информацию напрямую из пространства первоисточника, оказался невероятно интересным и продуктивным. «Чтение» можно было сравнить лишь с личными переживаниями и опытом. Как если бы я лично стал свидетелем описанных в книге событий — сомневался и желал, видел, слышал и переживал всё происходящее глазами автора, ненадолго проникая в голову другого человека, превратившись в него. Это настоящее чудо! «Читая книги», я мог побыть одним из старейшин совета Времен Последнего Правителя или главным архитектором межгалактических порталов; по желанию - стать свидетелем войны между планетами, случившихся на Анатане в давние времена... Риша оказалась права — читая глазами, а не душой, разве смог бы я получить ранение в правое плечо, защищая родной дом от врагов? Я мог бы лишь представить это, не испытав настоящую физическую боль. Я грустил бы о погибшей жене героя, но не смирился с быстротечностью жизни после долгих лет тоски по своей любимой.

Множества чужих жизней превращали мои будни с Ришей в красочный спектакль. Мне не было скучно ковыряться в земле или пасти скот. Не имея сил умолкнуть, я взахлёб рассказывал молчаливой и такой родной девушке о новых переживаниях. А она слушала мою болтовню, перебивая лишь для того, чтобы уточнить какую-нибудь деталь так, словно сама не знала чувств бороздившего океаны моряка или старого аскета.

Я был счастлив. Я с полной уверенностью мог сказать, что знаю его — живу внутри и изучаю счастье со всех сторон, в облике сотен жизней. Мне казалось, так будет всегда, что мне суждено остаться здесь, в этом гармоничном мире, прожить жизнь в окружении любви и энергии Риши. Но Вектор изменил свое направление...

Научившись «читать» книги целиком, я настолько увлекся «бытом», что не заметил, как Движение Вселенной начало торопить меня.

— Пойдём, — как всегда, неожиданно, Риша вышла из дома, крепко обнимая правой рукой ту самую габаритную книгу. В тот момент я, сидя на веранде, чистил плоды, помогая Рише готовить ужин. Взявшись ей помочь, я думал, что она станет резать салат, но, услышав голос Вектора, она бросила все дела и направилась ко мне.

Как показывал опыт, сопротивляться внезапному уроку не имело смысла. Поэтому я встал, тряпкой вытер мокрые руки и прошёл к столу. Дождавшись, пока Риша усядется рядом, сказал:

— Ты же наблюдаешь за моими успехами, и знаешь, что я «читаю» книги, не прикасаясь к ним. Так зачем ты спрятала Регреба Сюрба? Ведь если захочу, с лёгкостью смогу прочитать её, даже не зная, где она лежит.

Вместо ответа она спросила:

— Так, а почему же до сих пор не прочитал, Аум? — хитро улыбнулась Риша.

— Потому что ты достаточно доходчиво объяснила — всему своё время. Видимо, я ещё не был готов понять суть, заключённую в книге. Верно?

— Верно, Аум. А спрятала я её, чтобы она лишний раз не соблазняла бежать быстрее своих возможностей. Была вероятность, что ты не сдержишься, и я хотела подстраховаться. Но вот ты научился справляться со спешкой и смог спокойно дождаться времени созревания плода нового опыта... Сегодня ты начнешь познавать «Книгу АУМ».

— Мне интересно, почему книга носит мое имя? Это совпадение?

— Если захочешь, сегодня ты узнаешь всё.

— Ого! Звучит многообещающе, — улыбнулся я, хотя на самом деле внутри ощущал трепет.

Почувствовав мое волнение, Риша, желая снизить витающий в воздухе налёт таинственности, сказала:

— Ты только не думай, что происходит что-то особенное. На самом деле, всё, что ты сейчас узнаешь, на Анатане известно любому ребенку, и каждый человек здесь живет согласно этим знаниям. Скорее, ты отстал, и теперь, чтобы идти дальше, нужно немного тебе помочь сравняться.

— Постой, — поморщился я. Кому понравится, когда его называют отсталым? — Ты же говорила, что на Анатане каждый занят исключительно своим делом и знает лишь то, что ему нужно знать для жизни и выполнения своей миссии... что здесь много безграмотных, потому что навык письма и чтения нужен не каждому... А теперь ты утверждаешь обратное, мол, каждый знает то, что я изучаю. Мне опять непонятно.

— Тебе всё станет ясно, когда ты «прочтёшь» «Книгу АУМ». Просто сделай это.

— Сейчас? — я поднял на Ришу взгляд. Сам не знаю почему, но я оттягивал момент «чтения», словно знал заранее: после обратной дороги уже не будет, а результаты окажутся совершенно неожиданными.

— Начинай, — спокойно и твердо приказала Риша.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаюсь справиться с волнением и сосредоточиться на книге.

— Не переживай, всё в порядке, — раздался её голос у меня в голове. Я хотел открыть глаза, чтобы посмотреть, шевелит ли она губами, но веки почему-то не слушались меня. Я словно разом провалился в темноту, из которой по своей воле не мог выбраться.

— Настройся на пространство «Книги АУМ». Почувствуй его, — голос Риши меня успокаивал, принеся с собой уверенность и смирение. Не думая больше ни о чём другом, я позволил уму свободно выпускать любые образы и знания.

Глубокий вдох перенёс меня в удивительное место — со всех сторон обступило абсолютное всеобъемлющее НИЧТО. Это была даже не тьма, а что-то не поддающееся описанию: ведь даже тьма имеет плотность. Я же болтался в пустоте, в любой момент готовый усомниться в собственном существовании. Странно не иметь хотя бы малейшего якоря — теряешься, чувствуя себя незащищённым. В пустоте я стал маленькой, незащищённой крупницей. Сознание испуганно молчало. Наверное, боялось быть проглоченным.

Затем в полной тишине появилось спасение (ум возликовал, снисходительно поглядывая в сторону опасения навсегда исчезнуть)... еле различимый звук — словно где-то очень-очень далеко кто-то дул в громадную трубу и лишь слабые отголоски могучего трубного воя жалким

писком доносились издали. Откуда этот звук? По мере его нарастания впереди появился блёклый мерцающий огонёк. Он, как и звук, приближался, увеличиваясь в размерах, разгораясь все ярче.

Уже без особого труда можно было, не напрягая слух, различить в этом непонятном звуке утробный рокот...

— А-а-а-а-а... — далекий великан решил выдохнуть из лёгких весь воздух. И огонь впереди горел огромным шаром, мерцая, пульсируя в такт глубинному голосу...

— Ау-у-у-ау-ау-а-а-у-у-у-ау-м-м-ма-ум-м... — К басу гиганта присоединялась голоса других людей — несколько, десятков, сотни... и вот миллиарды голосов вторят странную молитву. Каждая клеточка тела отзывалась на этот звук, вибрируя в такт, желая присоединиться, слиться с этим рёвом несметного числа глоток...

Вслед за звуком со скоростью мчащейся на полном ходу повозки приближается ко мне пульсирующий свет, а я стою у него на пути... и странное «аум-м-м» разносится по округе. Откликаюсь на зов, я шагаю вперед к неизвестному, грозному свету — пусть давит, разможит меня тысячами тонн. Вот уже совсем близко, даже перепонки рвутся, кровотока... Два... один...

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!! — не сдерживая себя, ору я.

Никакой повозки, способной превратить моё тело в кровавое месиво, конечно же, нет. Всё по-другому... Вместо столкновения я оказываюсь в бурлящем потоке пронсящих мимо образов, цветов и красок, звуков и запахов... Отрывки каких-то мелодий и голосов гремят со всех сторон, смешиваясь в единый гомон. Лица людей, морды животных и удивительных существ, такие знакомые и удивительные пейзажи: леса, озера, расплавленные и заснеженные скалы, величественные океанские воды, многолунные небеса, города и пустыни, смрад болот и ароматы цветов, свежесть воздуха и затхлость подвалов...

Из этой бурлящей реки я вынырнул так же неожиданно, как и оказался в ней. Раз! И я вновь болтаюсь в пустоте, окруженный пульсациями утробного «Аум-м». Только теперь вместо света передо мной разверзлась огромная свастика из миллиардов крошечных огоньков. Спиралевидная галактика закручивалась вокруг чёрной бездны светом нескончаемого числа солнц. Она кружилась, вальсировала, чувствуя великий «Аум», постепенно уменьшаясь, растворяясь ненасытной чёрной дырой. Миллионы лет космического танца проносились передо мной, а я не торопил их, спокойно дожидаясь, пока величественная красота вновь не станет одной-единственной крохотной точкой на горизонте — мерцая всё меньше, угасая вместе с утихающим «Аум»... Пока в последний раз не подмигнет мне звездочка и утихнет, вновь оставив меня од-

ного в компании полнейшей пустоты и тишины.

Открыв глаза, я встал из-за стола.

— Куда ты? — спросила Риша.

— Спать, — в унисон её спокойствию, ответил я, и направился в дом, оставив девушку одну.

Конечно же, уснуть не получилось. Лишь стоило закрыть глаза, как в памяти всплывала галактическая свастика. Я лежал, отвернувшись к окну, наблюдая сквозь стекло за движением пелены облаков. Солнце уже совсем близко подобралось к линии горизонта, и жёлтые краски мира Анатаны значительно померкли. Совсем скоро, через несколько циклов сна наступят непродолжительные сумерки, а там до тьмы — подать рукой.

Риша бесшумно забралась под одеяло, прижавшись ко мне горячим телом и положив ладонь на сердце. В моей груди сразу стало теплеть.

— Ты всегда горячая, а я всегда мёрзну, — сказал я, не шевелясь.

— Это потому, что у тебя тело — мёртвое, — ответила она шёпотом.

Мне совершенно не хотелось двигаться и даже языком шевелить было в тягость. Я закрыл глаза и мысленно спросил:

«То, что я видел... когда «читал» «Книгу АУМ»... ведь это рождение и смерть Вселенной? — и, не став дожидаться ответа, продолжил. — Это было прекрасно. Мне бы хотелось снова пережить далекий свет...»

«В любой момент, когда захочешь», — прозвучал её ответ у меня в голове.

«Это хорошо... хорошо...» — я глубоко вздохнул.

«Ты соприкоснулся с тем, что переживает каждый житель Анатаны. Ты соприкоснулся с истинной природой Вселенной, и теперь понимаешь, насколько твои собственные мысли и представления о ней ничтожно малы и неправдоподобны. Ведь именно это гнетёт тебя, Аум?»

Её последний вопрос заставил меня вздрогнуть, ощутить не дающую покоя тяжесть. Я повернулся лицом к Рише и слегка отодвинулся, чтобы было удобней смотреть ей в глаза. Лишь на мгновение оторвав руку от моей груди, Риша дождалась, пока я снова неподвижно замру, и положила ладонь на прежнее место.

Для меня всё ещё оставалось непривычным разговаривать мыслями.

«После того, что мне удалось увидеть и пережить, я сам, моя жизнь и любые мои действия разве могут хоть что-нибудь значить? Всё не имеет значения...»

На её лице мелькнула лёгкая улыбка, что, не скрою, меня задело — неужели она не воспринимает мои переживания всерьёз?

«Ты видел смысл существования Вселенной, ты смог ощутить его, но

так и не понял главного, Аум... Учись видеть главное, суть, начало начал, где и хранятся ответы...»

«О чём ты?»

Её улыбка стала отчетливой, а глаза излучали любовь.

— Мир появился из ничего, чтобы стать всем, — сказала она вслух. — Единственная задача Вселенной — проявить себя в максимальном разнообразии форм, пространств и энергий. Из точки на чистом листе стать кругом, затем залить собой весь лист и снова исчезнуть. Познать весь опыт, какой только возможен. И ты, и я — часть этого разнообразия, которое Вселенная должна пережить.

Твой опыт познания сути Слов так же важен, как опыт планеты или галактики.

Я вспомнил, как мимо меня проносилось всё это разнообразие образов, составных частей огромной Вселенной. Наблюдая за ними, я не заметил, как сам мчался в этом потоке, что я тоже его часть...

— Познать то, что ты должен познать... Пережить, что должен пережить... Научиться тому, чему ты должен научиться. Это и есть главное! Какое место ты занимаешь во Вселенной? Повлияет твоё исчезновение хоть на что-нибудь или никто этого не заметит? Считаешь ли ты происходящее вокруг справедливым или бесчестным? Все это, Аум, вторично и малозначительно.

Не имея сил слушать её объяснения, я отстранился, но Риша вновь приложила руку к моей груди.

— Ты мне зря показала эту книгу, Риша. Ты ошиблась. Я ещё не был готов увидеть всё это... Могущество Вселенной просто раздавило меня, как букашку.

— Я не могла ошибиться, Аум. Ты «прочитал» книгу в точном соответствии и согласии с Движением Вселенной. Увиденное величие окружающего мира раздавило не тебя, а лишь твоё Я, ненужное, лишнее, обособленное от Вселенной. Теперь ты можешь совершенно по-другому ощущать Вектор внутри себя — не как бескомпромиссного тирана, управляющего тобой ради своих целей и выгоды, а как Голос Всего, действующего во благо Всего, частью которого ты тоже являешься. Поэтому перестань сопротивляться... и учись.

— Учиться? — хмыкнул я. — Но я и так делаю всё возможное. Я стал «читать» целые книги, даже не прикасаясь к ним. Теперь мне осталось познать лишь письмо.

— Ошибаешься, Аум. Ты всего-то научился считывать пространство мыслеформ, познал Слово, как образ, но до главного ещё не добрался. Ты должен соприкоснуться с истинной природой Слов, прийти к их корням. Только тогда твоя миссия здесь будет завершена. Без пережи-

ваний, что подарила тебе «Книга АУМ», ты не сможешь продвинуться дальше поверхности. Почувствовав Вселенную такой, какая она есть, а не такой, как её представляешь, ты можешь пойти глубже, познать природу Слов... Но это случится потом. Тебе нужно поспать. Ты испугался и потратил на это слишком много энергии, которая предназначалась для поддержания жизни в твоём теле, — Риша отняла от груди руку и встала с кровати.

— Но я не хочу спать! — я действительно не хотел спать. Слишком много всего предстояло понять.

— Ляг на спину и закрой глаза, — сказала Риша, сев на край кровати. А потом я вновь почувствовал прикосновение её горячих ладоней, только на этот раз к темени. — Сделай три глубоких, медленных вдоха и выдоха, — всё тем же спокойным голосом приказала она.

Я набрал полную грудь, а затем не спеша стал выдыхать.

— Раз, — считала она.

И вновь воздух неспешно проникает внутрь.

— Два.

Три я уже не слышал, вдыхая совсем другой воздух мира сновидений.

— Пойми, Аум, — объясняла мне моя наставница, сидя на привычном месте. Сумерки сгущались, и мне приходилось напрягаться, чтобы тусклые серые тени, заменившие привычные соломенные цвета, не отвлекали меня, — сама Речь несёт в себе образ Вселенной. И Речь, и Вселенная движутся от простого, элементарного, к усложнению, а затем вновь к начальной простоте. Смотри... — она закрыла глаза и замолчала. Я тоже закрыл, поняв, что она хочет показать мне какой-то образ. Спустя мгновение в темноте возник узор. Сопоставив его с «Книгой АУМ», я постиг смысл образа. Мерцающий огонёк и тихий звук постепенно нарастали, чтобы вырасти, расшириться, затопить всё образами и смыслом, а затем начать угасать и, наконец, исчезнуть в маленькой точке... Одновременно я вспомнил Ришины слова, что Мир появился из ничего, чтобы стать Всем. Единственная задача Вселенной — проявить себя в максимальном разнообразии форм, пространств и энергий.

— Не зацикливайся на языке! На символах и знаках! И даже на том, как они звучат!

— Это не главное... поверхность? — понял я.

— Речь и Письмо несут в себе образ Вселенной. Когда-то кто-то решил, что некий символ равен некоему звуку, а совокупность этих символов и звуков несёт в себе некий образ. Это правила игры. Мы даже сейчас сами можем придумать свои символы и звуки и приравнять их к

определенным образом, придумать правила их написания. Проще говоря, можем придумать свои правила игры, и они будут действовать, точно так же создавая пространство образов. И неважно, что понимать наш язык будем только мы с тобой. Считывать образы сможет любое существо во Вселенной. Письмо — это всего лишь матрица смысла. Этих матриц может быть миллиарды. А смысл всегда один и берёт он силы у первоисточника.

— Получается, что миллиарды разных языков — это и есть проявление задачи Вселенной проявить себя в максимальном разнообразии? — спросил я Ришу, хотя уже начал понимать, к какому выводу она хочет меня привести. Направление её рассуждений становилось для меня всё более очевидным.

— Да, — кивнула девчонка, — это одна из составных частей Вселенского разнообразия. Но, в отличие от всех остальных форм и энергий, которыми изобилует Вселенная, именно Слова имеют особую силу, являя собой источник появления и развития Вселенной...

— Ты о чём?

— О том, что Речь, а, точнее, самая простая её форма — Слово — это лоно Вселенной. Первое Слово создало эту реальность, этот мир. Слово — это нулевой элемент, из которого зародилась другая энергия и материя: огонь, вода, воздух, земля...

Внутри меня зазвучали слова из «Книги АУМ»:

Знай меня, вечное семя

всего, что растёт...

Я — суть вод,

Сияние солнца и луны:

Аум во всех Ведах,

слово, которое Бог.

Я — тот, кто есть в Эфире,

и тот, что силён в человеке.

Я — священный запах земли,

свет огня,

жизнь всех жизней.

Теперь эти слова я не только ощущал, но и смог понять. Риша тем временем продолжила свои объяснения, стараясь донести до меня истины, понятные любому ребенку на Анатане:

— Именно поэтому с помощью содержащихся в словах образов можно «сонастраиваться» с физической реальностью, и управлять ею.

— Но каким образом?

— А сам ты не догадываешься? — вместо ответа спросила Риша.

— Нет, если спрашиваю... — её попытки заставить меня размышлять

сейчас почему-то раздражали.

— Слова и образы — это вибрации. У каждого Слова своя волна, своя вибрация, то есть код. Некоторые слова резонируют с первородным кодом, по которому работает механизм Вселенной и осуществляется её Движение, а некоторые — нет.

— Так как не несут в себе образов. Это ты мне говоришь опять про «живые» и «мёртвые» слова.

— Да... Только теперь ты должен понять, что в живых Словах есть частичка Первого Слова, а в мёртвых — нет, потому что они искусственные. Мёртвые слова почти не вибрируют, для Вселенной они не существуют.

— А разве они не являются частью Вселенского разнообразия?

— Являются... Но связь с корнем, с Первым Словом утеряна.

— А что это за Первое Слово? — я нетерпеливо заерзал на скамье.

— Первое Слово — это самый первый уровень Творения Вселенной. Это чистейшая из энергий.

Изначально всё, что было — это чистая божественная мысль, идеальный мир идей и возможностей, где не было ни энергии, ни материи, ни вибрации. Это и есть Творец, понимаешь?

— Просто болтающиеся в пустоте идеи и возможности их реализовать, и больше ни-че-го... Что уж тут непонятного. — Хотя мне и сложно всё это уместить в голове, но кажется, я вполне понимал, о чём говорила Риша.

— Затем этот безграничный потенциал решил воплотиться, чтобы познать предел своих возможностей, — Риша создала парадокс, но сама этого даже не заметила. — Этот потенциал и воплотился в бесконечное разнообразие миров: материальные и менее плотные, более тонкие Вселенные-пространства. Все эти миры объединяет одно — каждый из них зародился из Первого Слова. Слово — это первое, что появилось из пустоты возможностей. Всё творение в основе своей состоит из сакрального звука-вибрации. Ещё его называют «Утерянный аккорд», «Слово Бога», «Логос», «Космическое дыхание» — это первая речь, творящее Слово, из чьего голоса зародился Мир, и которое постоянно его творит, продолжая расширять разнообразие форм и энергий...

Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Внутри, далеко в темноте мерцает маленькая звездочка — неужели это и есть то самое?

— Дыхание Жизни Создателя, мать всех вибраций — это звук как энергия, являющаяся первым принципом в природе. На Анатане все знают, что Бог говорил Звуком и это первый принцип вихревого, огненного действия, которое создало колёса энергии в пространстве, создало реки водоворотов, существ, пузырьков и отдельных личностей —

всё это разнообразие. И ты, и я произошли от Первого Слова. Именно звук Первого Слова является творческим принципом и источником всего творения... — В ушах клокотало утробное гудение «Ау—ум—м». Я вспоминал момент, когда мне довелось соприкоснуться с Вселенной. Теперь я начал понимать смысл увиденного. Эта звуковая энергия или Слово... «было вначале с Богом, и было Богом, и через него начало быть всё, что начало быть». Всё, что ты сейчас видишь и ощущаешь, — это эхо, отголосок изначальной вибрации. Кстати, «аум» и означает «начало», «изначальное»...

Открыв глаза, я увидел пурпур Ришиных глаз.

— Получается, Регреб Сюрб назвал свою книгу «Книгой Начал»?

— Регреб Сюрб лишь переписал вручную, скопировал книгу. На Анатане не принято указывать имена авторов, особенно, если книга написана с позволения Вселенной. А вот тот, кто переписывает книгу, обычно оставляет своё имя. На самом деле «Книга Начал» - древняя рукопись, которая есть почти в каждом доме.

— В каждом? — я хотел спросить, зачем, если многие на Анатане не умеют читать и писать. Но вовремя вспомнил, что для местных жителей это и не нужно.

— Когда мы встретились, я спросила у Вселенной, какое дать тебе имя. Вектор указал, что твоё имя Аум. Тогда мне сразу стало многое понятно: в чём суть нашей встречи, чему я тебя должна научить, и что тебе предстоит познать...

— И? — поторопил я Ришу. Мне так хотелось скорее во всем разобраться, что я даже не обратил внимания на крайнюю степень озабоченности, отразившуюся в её голосе и лице.

Прежде, чем ответить, она глубоко вздохнула:

— У нас на Анатане из уст в уста, испокон веков передается пророчество... сказание о грядущем. О том, что должно произойти, что происходило уже множество, бесчисленное количество раз.

— Я не совсем...

— «Когда эта Вселенная достигнет своего предела... — Риша говорила так, словно читала пророчество по бумаге. Даже тембр её голоса изменился. — Когда создание новых форм будет невозможно, появится человек, способный познать и произнести Первое Слово. С того самого момента, как Слово будет произнесено, мир начнет стремиться к своему первоначальному состоянию, чтобы, сузившись в Первый Звук, вновь начать расти и развиваться!». Аум, ты — Начало. Ты пришёл, чтобы завершить воплощение этой Вселенной ради нового начала.

— Постой, — я ощущал, как улыбка растерянности расплывается у меня по лицу. — Ты хочешь сказать, что я вестник Конца Света?

— Нет, Аум... Ты тот, кто Создаст Конец этого воплощения Вселенной. — Риша пристально вглядывалась в мое растерянное лицо. — Ты испуган, Аум. Почему?

Как она не понимает?!

— Риша, как ты не понимаешь?! Только что ты мне сообщила, что я должен уничтожить эту Вселенную со всеми ее мирами и жизнями, а я по-твоему должен оставаться спокойным? Ты с ума сошла?!

Она опять не ответила сразу, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ты неверно говоришь. Ты не должен «уничтожить» Вселенную. Ты должен помочь ей завершить этот цикл рождения. Она, как одинокая старуха, отжила все свои дни, и теперь молит небеса о скорой смерти. Этот Мир достиг своего предела в этом воплощении и теперь готов сузиться в одну маленькую точку, и начать развиваться вновь. День Брахмы настал, когда всё станет единым, разрозненные части сольются в суть одного.

Чем больше Риша объясняла... чем спокойнее она была... тем страшнее становилось мне и хотелось бежать отсюда как можно дальше. Но тело окаменело.

— Я не хочу!!! — закричал я.

— Чего ты боишься, Аум? — развела она руками. — Цикл жизни завершен, так же, как в конце жизни человека — выполнил или не выполнил он задачи — приходит смерть... за которой снова будет жизнь. Это нормально и естественно. Смерть так же естественна, как и жизнь. Ты просто предназначен помочь Вселенной завершить, подвести итог её очередного воплощения.

— Я... я не... не хочу... Делай все сама! — всё мое тело сотрясали судороги, во рту пересохло.

— Ты ведь это уже делал, Аум. Ведь не зря же тебя подселили в тело убийцы. Оно помнит, как помогало другим людям лишиться жизни, избавиться от тела. Значит, тебе будет легче принять свою задачу... К тому же, судя по всему, твоя душа или прошлые воплощения были связаны с Речью и Словом. Ты обладал талантом владения нулевым элементом. Твоя душа и только она способна совладать с Логосом. Именно поэтому я не могу сама это сделать, лишь ты.

— Пе-перес-с-ста-стань... — я не усидел и рухнул наземь, больно ударившись головой. Конвульсии продолжали сотрясать тело, становясь всё сильнее.

— Это ты сам, Аум... Ты сам сопротивляешься тому, что должно быть. Не думай о том, что правильно, а что — нет... Слушай свой Голос Внутри. Чувствуй, куда указывает Вектор... и увидишь, что убить Вселенную, помочь ей завершиться — твой Путь. И пока ты не примешь его естест-

венность и неизбежность, твои мучения и проблемы с каждым новым мгновением лишь станут усугубляться.

Сказав это, она встала и ушла в дом, оставив меня лежать на земле, корчась от боли.

Вечер наступил быстрее, чем я ожидал. Как-то неожиданно я засыпал в окружении сумеречного света, а проснулся в полутьме — серые краски мглы в мгновение сменились темнотой спрятавшегося солнца. Это угнетало...

Риша, бродя бестелесным призраком в объятии мрака, полностью игнорировала меня: не разговаривала, не готовила для меня еду, не ложилась рядом спать, не питала энергией, не говоря уже о том, чтобы позволить мне войти в себя. Несколько раз, когда она уже привычно не отвечала на мои вопросы, испытывая ярость, я не выдерживал и словами проклятий выплескивал ненависть наружу. Но она не удостаивала даже взглядом, продолжая заниматься своими делами.

Странно, но я отчётливо осознавал, что её поведение не является наказанием или обидой на мой отказ следовать своему Пути. Скорее, Риша просто делала то, что от неё требовалось. Если так можно выразиться, то она выполняла поручение «сверху», следуя внутренним ощущениям.

«Ну и пусть, — думал я тогда, ещё до конца не осознав всей серьёзности последствий её отстраненности. — Как-нибудь обойдусь. Не собираюсь я никого уничтожать и больше ни одной книги в руки не возьму».

Сначала я стал постоянно испытывать холод. Я перестал работать и лишь сидел у очага в доме, стараясь хоть немного согреть одервеневшие мышцы. Тело беспрерывно била дрожь, а кожу покрывали мелкие прыпышки. На Рише было всё хозяйство, но я и не думал ей помогать: ведь она меня тоже не хотела понимать! Приходилось отлучаться лишь в туалет и чтобы съесть немного заготовленной провизии.

Когда за окном окончательно стемнело, я уже не был способен выйти на улицу, сидел в свете мерцающего огня, дающего крупинцы тепла. Совсем скоро я уже почти не мог передвигаться. Каждое движение давалось с трудом — боли не чувствовал, но, чтобы пошевелить пальцем, приходилось прикладывать невероятные усилия. Мышцы налились свинцом и отказывались слушаться. Я нашёл подходящее ведро и стал справлять нужду в него, поставив совсем рядом.

Лишь стоило закрыть глаза, как появлялось ощущение, что меня шатает из стороны в сторону, с силой норовя в любой момент вынуть душу наружу, а тело наполняла тягучая, неудержимая тошнота, кото-

рую невозможно было сдерживать внутри. Сначала я думал, что не перестающая окружать меня вонь исходит именно от ведра, но, когда я начал чесать тело, местами с него стала сходить кожа, а под ней... гниющая плоть. Тело разлагалось.

И вот настал предел, когда я не мог даже протянуть руку, чтобы подкинуть в огонь дров. Со стороны я был похож на вонючую кучу тряпья и мяса. Именно в момент, когда я находился на грани, я и услышал её голос.

— Тебя подсадили в мёртвое тело. Всё это время через меня тебе поступала энергия, необходимая для нормального функционирования. Обесточившись, тело начало отвергать чужака и разлагаться. Аум, сделай то, что ты должен сделать. Закончи свои мучения и мучения этой Вселенной. Ведь жизнь невозможна без боли. Жизнь и есть боль... Не сопротивляйся. Будь тем, кто ты есть — Лишающим Жизни.

Сам её спокойный голос, её слова, наполненные пониманием Высшего замысла, вызывали гнев. Я ненавидел эту чёртову девку, этот дрянной мир, это чужое гниющее тело, в котором я оставался узником.

— Мразь!!! — заорал я, вскочив из последних сил, ничего не понимая. Одним рывком я допрыгнул до неё, словно пустой мешок, швырнув Ришу к кровати. С грохотом она упала на пол, ударившись головой о край. Я вновь настиг девчонку, поднял её, положив животом на матрац, оставив стоять на коленях и держа одной рукой за шею, с силой вошел в неё. Рыча диким зверем, не обращая на льющиеся из моих глаз слёзы, я насиловал её. — Мразь!!! Ну, давай! Дай мне силы, сука!!! Дай жизни!!! Дай жить спокойно...

Но ничего не происходило. Я не чувствовал, что теплота перетекает от неё ко мне, что я наполняюсь столь необходимой мне энергией. В конце концов, я сдался, рухнув рядом, заливая лицо слезами. А она не шевелилась, продолжая всё так же спокойно смотреть на меня:

«Не я даю тебе энергию... — раздался её голос у меня в голове. — Я лишь провожу энергию, которую даёт тебе Вселенная. Сейчас из-за твоего отказа двигаться в согласии с Потокотом источник перекрыт. Просто делай то, что должен, и тогда твои страдания закончатся...»

Она поднялась, не обращая внимания на льющуюся из рассечённой брови кровь, поправила сарафан, словно и не было только что насилия над её телом, села на край кровати, дожидаясь, пока я не приму решение. Но это лишь глупая игра — потому что решение за меня уже давно приняли и никакого выбора на самом деле нет.

— Согласен... на все согласен, Риша... — рыдал я, уткнувшись лицом в её окроплённый красным сарафан. — Только пусть эта поганая жизнь скорее закончится... Прошу!

Вместо ответа она стала гладить меня по голове, перебирая пальцами волосы. Постепенно её ладонь становилась всё теплее и это тепло согрело меня изнутри так, как не согрело бы пламя тысячи очагов.

Вместе с солнцем небо покинули и облака. Вечно затянутый свод освободился от непроницаемой пелены, открыв глазам яркие гирлянды созвездий, щедро рассыпанные повсюду... Мне казалось странным видеть столько звезд — местами они сливались в густые туманные потоки. Всё это ещё более потрясло по соседству с тремя яркими лунами. Каждая из них отражала солнечные лучи с особым оттенком. Самая дальняя спутница Анатаны более остальных украшала небосклон столь знаковым пурпурным сиянием.

Я мог всё время просто лежать, любоваться звездами и триадой лун. Теперь я даже не заходил в дом, просто вытащил покрывало на улицу, развёл костер и всё время бездумно лежал, не имея ни единой мысли в голове, глядя в глубину небесной пропасти. Порой начинало казаться, что звёзды затеяли пляску, перемигиваясь и постепенно приближаясь, желая то ли пасть на землю, то ли увлечь с собой.

Сон сбился. Уже не осталось чётких циклов и равных промежутков — я то спал, то не спал, то лежал, находясь где-то между. Сколько времени проходило, я не имел ни малейшего представления.

Риша отпаивала меня травами — одной её энергии не хватало. Вот где сгодилась «Травница». Что там с домом, сдох ли скот, жив ли огород — я не знал, а Ришу ни о чём спрашивать не хотелось. Периодически она появлялась с очередной порцией снеди, а затем, дождавшись, пока я подкреплюсь, забиралась ко мне под одеяло — накормить моё тело живительной энергией. Удивительно, как её не тошнило от соприкосновения со мной? Особенно поначалу, когда гниющие куски ещё не зарубцевались пятнами уродливых шрамов. Если даже я сам себе был противен, то что уж говорить про неё?.. Но сколько я ни заглядывал ей в глаза, не смог увидеть в них ни отвращения, ни усталости — казалось, она вообще ничего не испытывает, а просто идёт своим Путем. Ну, что тут скажешь... Риша — верный служитель своей Вселенной.

И всё это происходило в абсолютном безмолвии, которое не хотелось нарушать даже своим силовым дыханием. Сначала я думал, что Риша злится на меня из-за того, что я сотворил с ней, но вскоре понял — она лишь может принять случившееся, как свершившийся факт. Она молчит, чтобы лишний раз не ворочать языком впустую.

Лишь однажды я не выдержал и спросил её, когда она принесла горячую пищу:

— Неужели тебе нестрашно, что всё закончится и ты превратишься в

ничто, в малюсенькую точку энергии? Это же абсолютная смерть — даже души не останется, лишь один-единственный звук! — мои остеклевшие, усталые глаза наблюдали за трапезой огня, пожирающего поленья.

Риша держала в руке тарелку и чашку с лечебным отваром трав, дожидаясь, пока я привстану. Сидеть я ещё не мог.

— Ты можешь не бояться смерти, Аум. Скорее всего, ты родом из другой Вселенной, а значит, за мгновение до её исчезновения твоя душа вернется обратно, откуда пришла.

— Я не про себя спрашиваю...

— Неважно, про кого, — Риша подняла голову вверх, став внимательно рассматривать луны, словно видела их впервые. — Знаешь, что такое счастье?

— Конечно... — ни мгновения не сомневаясь, ответил я, но Риша мой ответ проигнорировала.

— Не знаешь. Потому что если бы знал, то не стал спрашивать о таких глупостях. Само слово «счастье» — «сочастие», то есть когда отдельные части складываются вместе правильным образом. В результате чего получается «цель-ность». «Цель» или, по-другому, «Се Ал» — «это все»², понимаешь? Наша задача прийти к состоянию «Се Ала», стать всем. Счастье — это действие по достижению цельности со Всем, слияние с Миром, осознание Единства. Процесс превращения несовершенного, но разнообразного мира в идеальное состояние единства энергий. Так что ты не прав, Аум, если думаешь, что «все закончится, и я превращусь в ничто». Как раз дела обстоят иначе: я, этот камень, огонь, звёзды и космос — всё это станет единым целым, каковым и является... Это и есть счастье, это цель всего во Вселенной, это цель самой Вселенной, самого Бога...

Постепенно я стал возвращаться в прежнее состояние. Тело набиралось сил, приобретая возможность двигаться дальше. От этих мыслей внутри просыпалась тревога. Мои опасения подтвердились, когда в очередной раз, принеся мне съестное, Риша сказала:

— Ты должен продолжить обучение. Сроки требуют действий.

Я удивленно хмыкнул:

— А разве у Конца Света есть сроки?

— Конечно... Всё происходит в точном соответствии с Движением Вселенной. Всё предусмотрено до мгновения, до движения мельчайших частиц.

— Да? — довольно скривился я, предвкушая аргумент, с которым

² «Игры богов» проект Сергея Стрижака

Риша вряд ли справится. — А что, если бы я отказался выполнять задуманное Вселенной? Всё, часики бы остановились?

— А ты разве отказался? — невозмутимо спросила Риша.

— Нет, но мог бы... — я все ещё улыбался, но уже не так уверенно.

— Мог бы, но ведь не отказался.

— Постой-ка! — нахмурился я, сраженный неприятной догадкой. — Ты хочешь ска...

— Верно, Аум. Твоё сопротивление, мучительное принятие неизбежного, и даже время выздоровления — это было предусмотрено. Мы идём точно по графику.

Её слова окончательно сбили меня с толку:

— Я... тогда не понимаю. Если всё неизбежно и заранее предусмотрено, зачем тогда весь этот спектакль? Зачем Миру обманывать меня, что я обладаю хоть каким-то выбором?

— А Мир и не обманывает, это ты сам хочешь так думать. Все твои проблемы и мучения — лишь следствие того, что ты почему-то решил поиграть в свободу выбора. Свободы нет, есть лишь обязанность и долг пройти свой путь до конца. Ты можешь пренебрегать своим долгом, выбирая иллюзию свободы, а значит страдание и боль...

— А если я прямо сейчас пошлю тебя, вместе с твоими порядками и сроками к чертям?! Вот тогда и посмотрим, что ты будешь делать, и кто свободен!

Я зло дышал, вперив ненавидящий взгляд в спокойную Ришу. В ответ на мои слова она недоверчиво приподняла левую бровь и сказала с нескрываемой иронией в голосе:

— Пошлешь? Ну-ну, сильно сомневаюсь...

— Почему это?!

— Потому что времени на ещё один урок для тебя с обесточиванием тела и разложением плоти нам не отвели. А значит, урок усвоен и дальше гонора и слов дело не пойдёт. Так что хватит блефовать и обманываться, Аум. Отдохни. Поспи. Как выспишься, мы приступим...

Нужно ли говорить что, глядя ей вслед, я пытался прогнать ненависть. Хуже того, я прекрасно понимал, что Риша тут ни при чём — девочка исполняет лишь волю Мира. Но так уж случилось, что Вселенная говорит со мной её устами и эти уста излагают лишь правду — абсолютную, высшую, зачастую непонятную мне — человеку, меряющему всё мерой справедливости.

Ненависть — бессмысленная, пустая, ядовитая — имела лишь одну единственную причину. Так гадко осознавать себя безвольной пешкой, рабом космических законов и, хуже того, — невозможность бороться с Богом, неспособность хоть что-нибудь противопоставить Безгранично-

му Могуществу.

На самом деле, чтобы смиренно выполнять Его задания, нужно иметь более высокоразвитое сознание, чем моё — такое, как, например, у Риши. Ведь не зря же я не родился на Анатане, а, значит, и до совершенства духа мне далеко. Но остаётся главный вопрос: «Почему я? Почему именно я, и только я был выбран для столь ответственной миссии?»

— Тому есть несколько причин... — стала объяснять Риша, когда я проснулся и готов был порвать этот мир в клочья. — Цель, как Вселенной, так и человека — познать пределы своего могущества и способностей. Поэтому ты должен развиваться. А данная ситуация — хорошая школа для души. Опыт, который ты приобретёшь, познавая Первое Слово, редко кому доводится пережить — это огромный скачок на пути эволюции. Видимо, в твоём родном Мире на тебя возлагают большие надежды... Это первое.

«Плевал я на все надежды!» — буркнул я про себя, забыв, насколько легко читаются мысли.

— Во-вторых, твоя душа и тело уже обладают определённым набором свойств, знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения возложенной на тебя миссии. Твоё тело принадлежало убийце, а душа способна познать Логос. Это так-то и просто и дано единицам... Сейчас ты должен познать Первое Слово — это главное.

— А что тут, собственно, познавать? — небрежно отмахнулся я. — Всё и так ясно — подсказка на подсказке. Во-первых, моё имя само за себя говорит, а во-вторых, я слышал Первое Слово, когда «читал» «Книгу Начал» — нарастающий утробный звук «а-а-а-у-у-м-м»... — попытался я повторить его.

— Нет-нет... — отрицательно покачала она головой. — «Аум» — это не Первое Слово. Это лишь звук, отображающий его. От людей Первое Слово было всегда закрыто, недоступно нашему сознанию, и, чтобы как-то обозначить Песнь Господа, очень давно люди придумали звук «Аум» — глубинный, утробный вибрирующий рокот, который лишь отдалённо может напоминать Логос. Поэтому «Аум» и переводится как «Начало»... Так что не всё так просто. Я думаю, ты и сам понимаешь, почему Первое Слово сокрыто от взора всех существ и способно открыться лишь тому, кто предназначен его познать — то есть тебе, Аум.

— Понимаю, — согласился я. — Вселенной давно бы пришёл конец, если бы каждый встречный знал, как её уничтожить. Один псих на поколение обязательно да найдется.

— Тебя нельзя винить в том, что ты не понимаешь всей глубины ситуации и своей роли в ней... той силы, которая попадёт тебе в руки.

— Риша, ты мне говоришь, что я должен стереть целую Вселенную, вдобавок как-то понять и принять это? Извини, но я Вселенную даже представить не могу. Так откуда я могу правильно «понимать и относиться»? Я и сам прекрасно знаю, кем являюсь — песчинкой в огромном океане. И как этой песчинке могут доверить такую силу? Чушь!

— Относись, как хочешь, — пожалала она плечами. — Но знай, что ты познаёшь не просто «Слово, которое уничтожит этот Мир», а то, что создаст новый... новый мир. Можно сказать, что, поняв Первое Слово, ты на миг получишь Абсолютную Власть, ты сольёшься с Богом, станешь существом, способным творить целые миры, понимаешь? Суть не в том, что тебе предстоит уничтожить Вселенную, а в том, что благодаря тебе появится новая... Очередной цикл перерождения будет завершён.

— Ты хочешь сказать, что я стану Богом? — не верил я своим ушам. Мне казалось, что эта девчонка что-то путает. Ведь я никак не могу стать Им. Песчинка. Крохотная и ничтожная.

— Я хочу сказать, что на мгновение ты сольёшься с Ним, познав Силу Творящего Логоса. Богом ты не станешь, но соприкоснёшься с Ним так близко, как вообще возможно, понимаешь?

— Понимаю... И после этого мгновения Эта Вселенная исчезнет, сжавшись в один маленький Звук?

— Это произойдет не сразу... Произнеся Первое Слово, ты станешь поворотным моментом, когда расширение Вселенной завершится и запустится механизм постепенного сжатия. Коллапс произойдёт не в одночасье. Так же, как и с расширением, Вселенная начнет сужаться медленно, постоянно ускоряясь. Возможно, на Анатане пройдёт не один миллион лет, и к моменту, когда сужение пространства доберётся до этой части космоса, сама Анатана будет развеяна космической пылью...

— Так вот зачем нужно запастись едой? Получается, что Конец Вселенной наступит нескоро и на планете успеет смениться не одно поколение. Ну хорошо, я готов «Слиться с Богом»... — шутливо протараторил я, так как не мог относиться серьезно к этому всему. Да, возможно, я таким образом пытался защититься от возложенной на мои плечи непосильной ноши. — Что надо делать? Прочитать книгу? Медитировать? Молиться?

— Все намного проще и сложнее, Аум. — Риша совершенно спокойно наблюдала за моей иронией. — Нужно просто ответить на вопрос.

— Загадка?

— Нет, просто указатель. Считается, что на этот вопрос правильно может ответить лишь тот, кому откроет себя Логос.

— Я слушаю, — поторопил я девчонку, но она, в своей привычной манере, и не собиралась спешить. Лишь немного помолчав, начала го-

ворить.

— Жизнь человека — это такое же пространство, какое создает писатель, описывая какую-то историю. Можно сказать, что писатель проживает не одну жизнь, создавая разнообразные миры. Поэтому самую человеческую жизнь можно сравнить с книгой...

— Ну и? — я не мог терпеть.

— Так вот, если бы твоя жизнь стала книгой, то какую бы её часть, какой отрывок ты поместил бы на обложке, сделав его археобразом всей книги, твоей жизни, тебя самого?

— Что за чушь? — недовольно сморщился я. — При чём тут это?

— Ты поймёшь, когда ответишь на этот вопрос. Обретя ответ, ты познаешь Первое Слово, и воплотив его, запустишь механизм сжатия Вселенной. Попытайся найти ответ.

— Допустим, — ощущение, что меня обманули, всё не проходило, — но зачем, спрашивается, мне было учиться «читать» книги?

— А разве неясно? Не познав суть Слов и их природу, ты не сможешь «произнести» Первое Слово... Но это будет потом, а пока попытайся ответить — это твоя главная задача. — Риша встала, чтобы уйти в дом.

— Постой! Ведь у меня и жизни-то не было, я ничего не помню! Из чего мне составлять чертов «археобраз» — книги жизни, как таковой, и нет! Помню себя с момента, как очнулся на дороге.

Но Ришу мои аргументы не пугали:

— У тебя есть достаточно, чтобы ответить и понять Логику Бога. Видимо, прожитого на Анатане времени достаточно для верного ответа. Так что... — так и не договорив, Риша ушла, оставив меня одного наедине с тягучими мыслями.

Что за чёрт? Я совершенно не понимаю, какого рожна от меня требуется? Непонятная загадка — что может быть тупее? «Какую часть моих дней можно считать главным символом всей жизни?» Мне же, собственно, и выбирать не из чего! Что я успел повидать? Дорогу, поле, лес да эту поляну с домом — и всё! Риша всё это время объясняла мне что-то, рассказывала об этом мире: по каким законам он существует, какое место занимает в нём человек... Хотя, если посмотреть с другой стороны, то я многое узнал и многому научился. Но что из этого «главное»? Что может быть достойным Первого Слова? Нелепость какая-то! Хоть бы Риша подсказала... Ведь наверняка знает что-то ещё — она же намного опытнее и во многом умнее меня! Хотя дело ведь не в опыте или уме. Она же вполне отчётливо объяснила, что только мне откроется Логос. Значит, лишь я могу «верно» ответить на этот вопрос и понять логику Творца.

Если я пойму, что было главное, или, скорее, какой крохотный эпизод всей истории Вселенной отражает саму суть Творения, я смогу познать модель, по которой Бог создал квинтэссенцию, суть, воплощение Всего. Найти ключ к Первому Слову и отпереть дверь. Пусть всё закончится.

Размышления затянулись. Я вновь ничего не делал, проводя всё время в раздумьях у костра. То смотрел на трёхлунье и ворох золотистых звезд, надеясь отыскать ответ в глубине космоса. То ожидал, что мудрость огня подскажет верное направление, но... все мысли приводили к тупику — любая ситуация, слово или поступок в итоге оказывались ничуть не важнее любых других.

Риша безукоризненно продолжала выполнять свои обязанности. Приносила пищу для тела и души или просто молча сидела рядом, вслушиваясь в треск костра. Это всё, что она могла для меня сделать. Большого мне и не требовалось.

Я уже не мог терпеть: голова раскалывалась от идей. Мне хотелось поскорее покончить с очередным испытанием, но, казалось, чем больше я стремился найти ответ, тем дальше от него уходил, теряя верное направление из виду.

Не имея больше сил страдать, я начал снова помогать Рише по хозяйству. Оказалось, что за время моего «отсутствия» ничего не развалилось — живность пребывала в том же количестве, да и огород не пропал. Разве что с приходом ночи всё «уснуло» в ожидании новых лучей.

Риша не сопротивлялась моей помощи и не настаивала на поиске ответа, видимо, понимая, что ответ придёт вовремя — именно тогда, когда будет угодно Вселенной.

Так и произошло...

За время поиска «главной» части моей жизни я исполосовал воспоминания вдоль и поперёк — благо их было не так много. Но даже с тем, что мне удалось прожить от встречи с Ришей и до сих пор, хватило для постоянных сомнений и неуверенности в сделанном выборе. Может быть, тот миг, когда я открыл глаза и почувствовал, как через руки в моё тело проникает живительная энергия, заслуживает считаться «главным»? А, может, когда я ударил Ришу, а она так принимающе и удивлённо посмотрела на меня? Хотя... Когда я посмотрел на своё отражение в воде, мне тоже показалось это значимым... Или вот когда я узнал, что на Анатане каждый может брать, что ему хочется? Хм-м.. а когда я «услышал» Вектор внутри себя? Но тогда и первое «считывание» образа с «Книги Начал» не менее важно... О! Точно! Тот пульсирующий огонёк, который всё приближался, пока не превратился в целую Галактику, больше остального достоин стать наиважнейшим собы-

тием и переживанием моей жизни! Но это если бы не было моего противостояния предназначению — ну-ка, поспорь с самим Богом! И так мои мысли, не переставая, скакали с одного на другое в поисках события, достойного украшать обложку моей «книги судеб».

— Хорошо, что ты помнишь лишь такой маленький отрезок. Прожив полноценную жизнь, ты наверняка бы съел себя заживо, не зная за что зацепиться.

— Ну почему же?! — возражал я. — Многие наверняка посчитали бы главными события жизни рождение ребёнка или обретение партнёра... Это просто!

— Но ведь Вселенная до сих пор не стала уменьшаться, а, значит, люди, считающие главными «рождение детей и обретение партнёра», ошибаются.

— Ну да, — соглашаясь, кивал я. — Вряд ли Творец заводит детей и ищет себе пару, — мои рассуждения показались Рише забавными. Она улыбнулась. — Может творчество как акт творения?

— Аум, не старайся понять Бога, старайся понять себя, и тогда поймешь Его...

Все казалось бесполезным. У меня так и не получалось прийти хоть к какому-то определенному выводу — что из пережитого мной самое важное, и в коротком абзаце способно всецело передать мою суть... Что бы ни делал, я ни на секунду не переставал рассуждать, превратив поиск ответа в навязчивую идею. Я ел и размышлял. Убирал навоз из хлева и размышлял. Я читал книги и надеялся в них найти подсказку. Разговаривал с Ришей лишь о начале творения. В конце концов, я понял, что перечислил все возможные варианты, но с главным так и не поделился.

— Риша, я уже перебрал всё, но ни на чём одном остановиться не могу. Мы сидели у костра, попивая из чашек только что приготовленный горячий травяной чай. Риша мастерски научилась готовить всякие отвары.

— Ищи, Аум... Древний вопрос задан не просто так. Ответ есть, и ты его знаешь. Только ты.

— Риша, произошло столько всего, столько вещей, из которых просто невозможно выбрать! Да, какие-то события кажутся мне более значимыми, какие-то — менее, но, когда я их начинаю рассматривать подробнее, то понимаю, что все они не так уж и важны или, наоборот, кажется, что без них моя жизнь вообще бы не случилась!

— Ищи, — сказала Риша, не отрывая взгляд от костра.

И тут мне в голову пришла идея послушать, как она сама ответит на заданный мне вопрос.

— Интересно, а какой случай считаешь символом всей своей жизни ты сама? — Но прежде, чем она ответила, я воскликнул, пораженный догадкой, — Построй-ка! Кажется, я понял!!!

Риша недоверчиво сощурилась, подозревая неладное:

— Что ты понял?

— Я пока ещё не уверен... но... понимаешь, я так долго искал... и всё не мог найти, а тут сказал, и вдруг понял...

— Ты можешь говорить яснее? — поторопила меня она.

— Подожди... не видишь: я волнуюсь... Мысли путаются, — я сам не мог поверить, что одна маленькая догадка может вызвать такую бурю переживаний. Так всё просто! Неужели мои поиски подошли к концу? — Риша, мне теперь понятно, почему я не мог выделить главного в своей жизни. Почему я искал, искал, искал... но не мог остановиться на одном!

— И почему же? — замороженная моим поведением, она не могла отвести от меня глаз. Я искренне и с удовольствием наслаждался этим моментом, когда я чему-то могу научить юную наставницу, когда наконец-таки настало время расплатиться за её заботу и терпение — я могу хоть что-то ей отдать за все старания.

— Потому что «целое — больше, чем просто сумма его частей», понимаешь? Слово больше суммы букв... Ты же сама меня этому учила!

— И что? — мне казалось, что она и так всё знает, просто хотела, чтобы я сам обо всем догадался. Важен мой личный опыт, мои старания.

— Это значит, что жизнь больше, чем череда событий. Вся моя жизнь, как и твоя — главное! Всё, что в ней было и чего не было, плюсы и минусы, радость и боль — все равноправно значимо для всей жизни! А, значит, не имеет смысла по отдельности. Риша, ничто не важнее другого! Этот же принцип подходит и для Мира. Именно исходя из него, Творец создавал Вселенную: целая галактика не важнее планеты, планета не важнее народа, народ не важнее одного человека, человек не важнее камня, камень не важнее всего одной молекулы, а, значит, галактика не важнее молекулы. Принцип равноправия, цельности и единства. Всё важно в равной степени, а, следовательно, неважно ничто! Вот незыблемая основа, Теория Всего, на основе которой была создана эта Вселенная. Поэтому, следуя ей, на обложку книги «Короткая жизнь человека по имени Аум», я вынесу всю свою жизнь, но так как это невозможно, я не стану писать ничего. Обложка останется пустой.

Нахмурившись, Риша просто сидела, бессмысленно глядя на пламя костра, стараясь понять, о чем я ей толкую:

— Но какое тогда Первое Слово? — спросила она, немного поразмыслив над моими словами.

— Я же сказал, — сразу ответил я. Внутри было хорошо — Всё важно настолько, что ничего не важно. Пустота — это всё! Первое Слово, Первый Звук, из которого было Начало Всего — это Звучание Пустоты. Тот самый Логос, который я искал — это пустота, тишина, то, чего нет.

Хотя Риша и оставалась серьёзной, она не могла скрыть рвущуюся изнутри радость — голос выдавал ее. Теперь-то я был убежден — она прекрасно знала и о «пустоте», и о «тишине», но продолжала безукоризненно следовать Пути моего наставника, своими вопросами подталкивая меня делать все новые и новые шаги к «открытию».

— Но ведь... что «пустота», что «тишина» — это, пожалуй, самые безобразные слова, самые «мёртвые», так как в них вообще не заложены никакие образы, они лишь констатируют отсутствие чего бы то ни было, они не вибрируют, не звучат. Как ты сможешь их «произнести» (ведь это значит не просто сказать словами или в мыслях, а создать пространство образа, согласно всем правилам), если образа нет и пространство не создается?

Доводы Риши были разумными, ответить мне было нечем. Я и впрямь не знал.

— Не знаю... но смогу... — я никогда ещё не был столь уверен в своих силах. — Мне осталось понять, как именно нужно произнести Первое Слово и тогда...

Ещё не успев договорить, я остановился на полуслове, почувствовав, что происходит неладное.

— В чём дело? — Риша, не понимая причины молчания, проследила за моим взглядом.

В лесу, окружающем поляну, я увидел мелькнувший среди деревьев огонёк. Всё, как тогда в «Книге Начал» — виднеется маленькая пульсирующая точка, которая всё увеличивалась. Разница лишь в том, что я вижу эту точку наяву.

К одинокому огоньку вскоре присоединился ещё один, затем ещё и ещё... Вскоре весь лес мерцал звездным небом. Куда ни помотришь — отовсюду равномерно приближались десятки огней. А воздух залило шуршание сухих листьев.

— Что это? — с надеждой хоть на какое-то разумное объяснение обратился я к Рише. Но никакого спокойствия на её лице я не увидел. Всегда спокойная и уверенная, идущая вслед за Голосом Вселенной, сейчас она была растерянной.

— Я... я... не знаю... Этого не должно быть.

— Что значит «не должно»?

— У меня такое впервые. Я всегда хотя бы приблизительно знала, что должно произойти. Вектор указывал мне. Сейчас же я чувствую, что,

найдя Первое Слово, я должна помочь тебе его произнести и нам ничего не должно мешать...

— Ошибается твой Вектор, — хмыкнул я.

— Аум, ты что, не понимаешь?! — крикнула испуганно девчонка. Казалось, она подобралась к самой грани. — Вектор — это голос Вселенной, а она не может ошибаться. Ты хоть знаешь, чем это грозит?!

Тем временем огоньки достигли опушки леса и стало очевидным, что их природа вполне объяснима — у границы леса, держа в руках горящие факелы, стояли сотни людей...

Три луны достаточно освещали ночь, а когда поляну окружили факелы, тьма отступила, превратилась в день.

Я наблюдал за происходящим, совершенно не понимая, как мне реагировать. Ришу в буквальном смысле била нервная дрожь. Я ждал, что будет дальше.

Вскоре от окружающей нас огненной изгороди отделилось несколько человек. Они направились в нашу сторону.

— К нам гости, — удивительно спокойно сказал я Рише. Она сидела спиной к путникам и не могла видеть этого. Её бессмысленный взгляд был устремлен в пляшущее пламя, девушка лишь непрерывно шептала что-то вроде: «Этого не должно быть... Как такое возможно? Почему? Почему же? Ведь не должно... Почему тогда?»

Отчего мне так спокойно на душе? Ведь я не видел на Анатане ничего, кроме этой девочки, ставшей мне и учителем, и любовницей, и другом... А тут сразу сотни людей не пойми откуда и зачем? Может быть, они несут нам угрозу? Но почему даже эти вопросы не ложатся на грудь тяжестью камня?

Отчего мне так спокойно на душе? Не оттого ли, что я всего несколько мгновений назад понял главное в моей жизни — ничто не важнее другого, всё равно и всё едино. Это не вывод, и не мысль — это ощущение единства внутри.

Тем временем гости приблизились достаточно, чтобы можно было разглядеть их лица — все оказались мужчинами. Их было семеро. Одежды казались мне очень знакомыми, только я не мог понять, где я мог встречать упоминание о чёрных мешковидных рясах с капюшонами, поясом и перчатками телесного цвета. Может, в какой-нибудь из книг?

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался один из них, видимо лидер — единственный, у кого капюшон отброшен за спину. Мужчины остановились полукругом вокруг костра. Риша так и сидела, шевеля губами и не отрывая глаз от огня.

— Здравствуйте, — вежливо ответил я. Главный из группы пристально всмотрелся в меня, словно хотел что-то найти на моём лице. И, уви-

дев, что искал, удовлетворённо улыбнулся и кивнул остальным. Без промедления двое из гостей синхронно шагнули, схватив Ришу под руки.

— Этого не должно быть!!! — не своим голосом запрочитала девушка. — Почему! Неправильно! Вектор говорит другое! Другое! — кричала она, пока парни тащили её в сторону дома. При этом Риша не сопротивлялась, а, обмякнув тряпичной куклой, лишь голосила, что было сил, пока её не затащили в дом. Откуда её уже не было слышно.

И я, и гости молчали, наблюдая за входом. Совсем скоро двое мужчин в чёрных рясах вновь появились на веранде. Уже без Риши...

Я повернулся лицом к главарю:

— Они её убили? — удивительно спокойно спросил я у него.

— Что ты! — всё так же вежливо отвечал мужчина. — Просто разожгли очаг и усадили смотреть на огонь. Вы не волнуйтесь: пламя поглотит поленья, она уснёт и забудет о случившемся. Эффе́кт от заклятия не оставит следов ни на теле, ни в душе...

У одного из вышедших из дома я разглядел зажатую в руке скомканную тряпку. Её передали моему собеседнику, а мужчина немедленно протянул тряпку мне:

— Переоденься.

Я поднялся и принял из его рук одежду, оказавшуюся тем самым испещрённым письменами балахоном, в котором нашла меня Риша. Не задавая вопросов, я делал всё, что мне говорили. И не испытывал при этом ни страха, ни даже крохотного намёка на тревогу — все происходящее со мной казалось чем-то естественным.

— Вы те, кто вселил мой дух в это тело? — решил спросить я, пока надевал балахон.

— Я лишь нашёл для тебя подходящего человека и подготовил тело, освободив его от духа, чтобы ты мог погостить на Анатане. Когда же тебя призывали, я просто наблюдал за ритуалом, но не участвовал в нём, — с удовольствием ответил мужчина.

— А что теперь? — не скажу, что меня это сильно интересовало, но знать бы не помешало.

— А теперь, — широко улыбнулся он, — ты получил здесь всё, что нужно — сувенир у тебя и настала пора отправляться домой! — при этом он три раза поднял и опустил над головой факел.

Следуя сигналу, ожидающие по периметру поляны люди зашевелились — огни поспешно поплыли по кругу. Кружась в огромном хороводе, люди, до-стигнув условленной точки, шли стройным рядом к середине поляны, как раз туда, где стоял стол. Каждый из участников действия держал в одной руке факел, а в другой — несколько крупных веток.

Подходя к столу, люди в балахонах аккуратно укладывали ветви у стола, а затем шли дальше, достигая опушки с другой стороны, чтобы продолжить шествие по кругу.

— Что они делают? — не понимал я.

— Это дар каждого тебе, — туманно ответил человек.

Дальше мы продолжили молча наблюдать за ритуалом, ожидая, пока все участники не пройдут, по очереди положив свои ветки.

— Пора, — скомандовал человек, и в составе группы я направился к столу. Подойдя вплотную, главный встал ко мне лицом, произнеся: — Пусть боль твоя утихнет, а разум засияет огнём, и — низко поклонился мне.

Не спрашивая ни о чём, я взял из его рук факел, поднёс его в нескольких местах к ветвям, подождав, пока огонь не перекинется на них. Лишь затем я сам взобрался на алтарь.

— Спасибо тебе! — крикнул мужчина.

И вновь, как по команде, остальные шестеро поднесли факелы к костру, дав дереву возможность поскорее разгореться.

Огонь запылал с новой мощью. Слышался треск сучьев. Сотни мужских голосов затянули песнь-молитву, похожую на первородное «а-а-у-у-м-м». Когда раздался мой первый крик боли, они пели, желая утешить горящее тело. Тело, умирающее второй раз. Но это ни капли не помогало — пламя невыносимо терзало меня. Я лишь мечтал скорее потерять сознание, но тело всё не отпускало чужую душу, желая наказать меня за вторжение и беспокойство. И я расплачивался своей болью за чужие жизни. Мой крик смешался с хрустом дерева и сотней других голосов, прославляющих мою жертву:

— А-а-а-а-а!!!

Часть IV. Второй после Бога

«Esse est percip.

«Существовать — значит быть воспринятым.»

Постулат Джорджа Беркли

Прохлада коснулась моего лба. Я пылал, тело ломило, а дыхание давалось с огромным трудом — казалось, ещё чуть-чуть - и я сгорю дотла. Всего шаг оставался до моего превращения в пепел, и я мечтал пройти его как можно скорее, но...чье-то заботливое прикосновение сдерживало от прыжка в пропасть, не давало вновь окунуться в беспамятство, из которого я только что выбрался с таким трудом.

Сделав неудачную попытку открыть глаза, я понял, что совершенно не могу двигаться. Мое тело словно залито бетоном, что пугало ещё больше.

Поняв мое беспокойство, невидимый опекун произнёс:

— Не, бойтесь, Андрей Иванович. Оцепенение пройдёт вместе с жаром очень быстро. Это побочный эффект перемещения...

Однозначно, это был Лёшин голос. Но вместо успокоения он принёс ещё больше тревоги. «Откуда? Что?» — больное, уставшее сознание судорожно пыталось выхватить из потока мыслей хоть что-то, способное привести к разгадке происходящего сейчас со мной.

Потратив остатки сил на воспоминания (тем самым усилив головную боль), я всё-таки отыскал в памяти яркий момент: удар о стальной пол, холодное жжение щеки и просьбу Игоря «привезти ему сувенир», которую он произнес за секунду до касания меня смолянисто-чёрным буквоедом. Тогда я думал, что умру...

Недомогание и дикий холод, вызванный перенесённым жаром, конечно же, мешали мне размышлять. Но времени ждать, пока я приду в себя, у меня могло не быть. Ну и хотя бы каких-то более-менее стройных версий о том, что могло произойти с момента нашей последней, крайне неудачной встречи с Игорем, и как Лёша оказался здесь (а «здесь» — это где?), у меня не было. Всё, что я смог наскрести, была лишь маловразумительная цепочка: А. Игорь — негодяй; Б. Лёша принадлежит к Инквизиции, которая охотиться за Игорем; В. Лёша рядом со мной; Г. Значит, Игорь пойман и я в безопасности. Если мои догадки верны, тогда я могу расслабиться и спокойно восстанавливать силы. Но

вразрез с осознанием этого шло полное отсутствие ощущения безопасности. Возможно, тому виной неспособность двигаться...

— Андрей Иванович, — вновь обратился ко мне Лёшин голос, — пока Вас полностью не отпустило, постарайтесь не терять время зря, и хоть что-нибудь вспомните из путешествия. Это очень важно.

О каком путешествии речь?

Я почувствовал, как непроизвольно нахмурился. Значит, контроль над телом постепенно возвращается. Хорошо. Жар тоже заметно спал...

— Вспомните обо всём, что видели и слышали там. Пригодится любая мелочь, — продолжил Лёша, не давая мне отвлечься от, как он упомянул, очень важного.

Но, несмотря на его усилия, мне всё равно не удавалось понять, чего он от меня хочет. Никакого «путешествия» быть не могло! Ведь после магии Игоря я отключился и...

В то же мгновение меня охватило удивительное ощущение — не воспоминание, а гораздо больше и значительнее. Словно я — уже не я во все, а кто-то другой, кто-то более мудрый, целостный, познавший то, что мне преждему даже и не снилось.

Эта фантазмагория захватило целиком, поглотила и страхи, и боль, испытанные мгновение назад. Оно помогло прозреть и очиститься. Как если бы я, завершая огромный путь, не помня самой дороги, держал в руках все добытые сокровища и стёртые до дыр сапоги. Вместе с тем, телу стало легко и свободно. Прошла скованность, голова прояснилось.

— Так-то лучше, — сказал Лёша. — Открывайте глаза, Андрей Иванович. Теперь можно!

Он помог мне сесть на кровати. Сам я ещё оставался слабым.

Судя по сияющей физиономии, Лёша был искренне рад видеть меня в полном здравии, чего я не мог сказать о себе. Более всего сейчас требовалось понять и разобраться в окружающей обстановке. Ненавижу оставаться в неведении.

— Андрей Иванович, — беспрерывно улыбаясь, обратился ко мне Лёша, — Вы пока в себя приходите, а я быстренько за провизией сбегая. После такого далекого путешествия вам нужно хорошенько подкрепиться. Набирайтесь сил, а я сейчас...

Встав, он прошёл к большой дубовой двери, и, постучав, дождался щелчка замка.

— Я быстро — одна нога здесь, другая там! — зачем-то уверил он меня и скрылся за дверью. Замок снова издал резкий звук.

Меня явно охраняли снаружи. Или всё-таки сторожили? Это мне ещё предстоит узнать.

Комната, в которой я находился, более походила на пристанище алхимика, каким его изображали на гравюрах средневековые художники: округлый свод и тщательно выбеленные стены; всё свободное пространство заставлено стеллажами с толстыми фолиантами и пергамен-тами; два больших стола трещат под тяжестью каких-то коробок и колбочек с разноцветными жидкостями и предметов неясного назначения. Я бы мог окончательно решить, что попал в логово древнего чародея, если бы не мирно покоящийся на краю стола ноутбук. Вдобавок, вместо положенной свечи комнату освещала маленькая лампа с торшером — не считая балконной двери, ещё один источник света. Сквозь стекло хоть и проникали лучи, но были они столь безжизненными и слабенькими, что, кажется, лишь подчеркивали сумрак темницы.

Решив, что именно вид с балкона поможет мне, наконец, разобраться, где меня держат, я попытался приподняться и встать. Общая слабость, граничащая с бессилием, позволила мне лишь с третьей попытки оторваться-таки от кровати. Оттолкнув стул, на котором всего минуту назад, терпеливо дожидаясь моего пробуждения, сидел Лёша, я с трудом добрался до балкона.

То, что я увидел, никак не укладывалось в голове.

— Как?! — вырвался стон.

Дверь на застеклённый балкон оказалась незапертой. Я ступил на выложенный грубым брусом пол, неотрывно глядя сквозь стекло.

Казалось, я завис над пропастью. На самом её дне живёт бескрайнее море, а следит за ним сосновый лес. Бесспорно, я находился внутри той странной церкви-маяка, куда так стремился попасть. Только сейчас меня это совсем не радовало.

За окном царила настоящая зима. Снег сыпал крупными хлопьями, укрывая кроны сонных деревьев, исчезая в морских волнах. Вот только... на территории монастыря снег не шёл. Я находился достаточно высоко, и мне хорошо было видно, что снег падал за чётко очерченным кругом, проходившим в нескольких метрах от кирпичного забора.

Я посмотрел вверх. Так и есть! Хлопья щедро сыпались их тяжелых туч, но, достигая определенной высоты, исчезали, словно таяли, будто церковь находилась под невидимым колпаком, уберегающим территорию от снежной скатерти.

Послышался звук открывающегося замка. Появился Лёша. Как и обещал, он держал в руках поднос с мисками.

Защищаясь от зимнего холода, я закрыл балконную дверь.

Первое, что мне хотелось узнать — это сколько я здесь пробыл?

Прежде чем ответить, Лёша не спеша поставил поднос на стул, единственное незахламленное место во всей комнате.

— Всего около тридцати с небольшим часов.

— Правда? — странно, но мне казалось, что с момента моей последней встречи с Игорем прошло гораздо, гораздо больше времени.

Удивительно! Неужели ещё вчера была теплая осень, а сейчас уже зима? Я смотрел за окно, не имея сил оторвать взгляд от засыпающей лес белой стены, от моря, поглощающего небесный холод. И, казалось, что такой же холод проник внутрь меня, накрепко засев в груди. Так быстро всё поменялось... Только что был жар, а теперь холод — не растопить. Только что осень, а теперь... вот...

— Что Вы вспомнили, Андрей Иванович? — Лёша уселся на кровать и теперь намазывал кусок хлеба маслом. — Что Вам снилось?

Может быть, мне показалось, но Лёша вполне отчётливо выделил слово «снилось», одной только интонацией, как бы сообщая мне: «Здесь не все так просто, как вам кажется!»

— Снилось? — переспросил я. — Ничего конкретного вспомнить не получается. Так, лишь невнятные ощущения чего-то, картинок я не помню...

— Ничего страшного, — успокаивая то ли меня, то ли себя самого, бодро уверил он. — У нас ещё есть время.

Заставив себя оторвать взгляд от завораживающего зрелища, я посмотрел на Лёшу, только сейчас заметив, что на нём балахон — точно такой же, какие были на двух монахах, сопровождавших Игоря.

У меня не было сил удивляться и строить догадки, поэтому я просто спросил:

— Всё это время ты работал не на инквизицию, а на Игоря?

Лёша закончил с сервировкой «стола». Посмотрев на меня, он, улыбаясь, ответил:

— «Работал на Игоря» — не совсем верная формулировка. Правильнее будет сказать «служил». Да, Андрей Иванович, с самого начала нашего знакомства, и даже значительно раньше, я служил Игорю. Садитесь, всё готово.

Я даже не шелохнулся.

— Что означает твое «значительно раньше»? — от его слов у меня неприятно засосало под ложечкой, как бывает каждый раз, когда появляется угроза с головой «окунуться в грязь».

— Андрей Иванович, Вы сейчас очень многого не понимаете, но в ближайшее два дня для вас очень многое прояснится. Вы узнаете столько, сколько некоторым цивилизациям приходилось постигать не одно тысячелетие. Поэтому, зная о своей очень слабой информированности прошу, не судите меня строго и вынесение окончательного вердикта отложите на потом... — он сделал паузу, ожидая от меня какой-

либо реакции, но, так ничего и не дождавшись, продолжил:

— Мы Вас ведём очень давно, но активно строить Событийную Реальность, выводя на нужный нам путь, начали с ухода Вашей жены. Это событие можно считать началом нашей операции. До этого, в основном, велась организационная работа.

— Я не понимаю, — тщётно силился я разобраться в Лёшиных словах.

— Ничего сложного... — уверил меня он. — Уход жены, переезд в неведомый город, встреча со мной на вокзале, «вояж» в другой мир, знакомство с Игорем — всё это хорошо подготовленный сценарий, единственной целью которого было Ваше, Андрей Иванович, попадание в конечную точку — то есть присутствие здесь и сейчас.

— Но разве Игорь не получил от меня то, что ему было нужно? Ведь он, став обладателем Книги, пытался от меня избавиться! — возразил я.

— Что вы! Игорь ни в коем случае не желает вам зла... Это всё — не более, чем спектакль для Инквизиции, чтобы они решили, будто Вы всего лишь пешка, а не ферзь, и переключили внимание с Вас на поиски Игоря.

Мне было неприятно осознавать, что каждый мой шаг — не более чем эпизод тщательно продуманного фарса.

Словно прочитав мои мысли, Лёша поспешил успокоить:

— Не переживайте, Андрей Иванович. Все люди очень предсказуемы. Мы превратили свою жизнь в линейную игру, в которой можно идти лишь там, где проложена дорога. Именно поэтому так легко с помощью событий и обстоятельств выстраивать Реальность в нужном направлении. Если Вам горько осознавать себя марионеткой, разрешите Вас утешить. Вы каким-то образом смогли выйти за рамки сценария и лишь чудом оказались здесь!

Было видно, что Лёша понимает всё, о чём говорит — его слова звучали так, словно вообще не существует вещей, которые нужно от меня скрывать, и я могу спрашивать обо всём, что пожелаю. Так люди, долго находящиеся без движения, разминают затёкшие мышцы, наслаждаясь долгожданной свободой. Мне не требовалось просить ясности: Лёша сам продолжил стирать слепые пятна между моим виденьем своего пути, и тем, каков он был на самом деле. Я мог предположить, что чего-то недопонимаю, но, чем больше мой подставной друг говорил, тем больше я убеждался в своем глубоком неведении, сравнимом разве что с врожденной слепотой.

— Когда Вы вернулись из мира фантомов и Инквизиция, убедившись, что Вам ничего не угрожает, сняла слезку, мы активировали в Вас желание докопаться до истины. Помните мой подарок — зеркаль-

це? Вы же наверняка неоднократно смотрели через него на свое отражение, и, чем больше им пользовались, тем сильнее внутри разгоралось желание докопаться до истины. Сев в поезд, Вы должны были «случайно» увидеть меня. Несомненно, Вы бы не справились с профессиональной привычкой — повиснув у меня на хвосте, должны были начать слежку. А там уже привести Вас к монастырю — дело техники. Но в купе, где я Вас дожидался, Вы так и не попали. Каким-то удивительным образом Вы, Андрей Иванович, вырвались из Событийной Реальности, смоделированной подробнейшим образом...

Нужно ли говорить, какая здесь у всех была истерика. Весь план коту под хвост! И самое главное из-за чего?!

— А предсказатель на вокзале? Разве это не ваших рук дело? — не поверил я, на что Лёша вполне правдоподобно ответил:

— Нет. Это непростительный форс-мажор. То, что Вы, в конце концов, сами пришли сюда — настоящее чудо. Мы уже потеряли всякую надежду, как вдруг местная жительница рассказала про позднего постояльца. Чудо — не иначе! Кроме как «эффектом кроссовок» это не объяснить.

Видимо, в моем взгляде ясно читалось непонимание. Лёша тут же пустился в пояснения:

— В мире фантомов не так давно гремела история про заряженные кроссовки. Один находчивый предприниматель стал продавать профессиональным бегунам-марафонцам заряженные магией буквоедов кроссовки, которые, якобы, помогали бежать на пределе возможностей в течение получаса, хотя силы заряда хватало максимум минут на 5, а то и меньше. Не зная про обман, бегуны, не чувствуя усталости, неслись положенные полчаса. Начиная бег и чувствуя за собой силу, они уже не могли остановиться. Когда всё вскрылось, СМИ назвали это явление «эффектом кроссовок», что-то вроде магического плацебо.

— А причём здесь я?

— Но как же! — довольно хмыкнул Леша. — Вы - как те спортсмены: почувствовав вкус движения, уже не можете остановиться, желая новых знаний. Благодаря чему, в итоге, Вы и оказались в самом эпицентре событий. Чудо!

Устав стоять, я подошёл к одному из стульев, заваленному книгами, и, не раздумывая, скинул их на пол, чтобы сесть напротив Лёши.

— И вот я здесь, — сказал я, — только мне неясно, зачем всё так сложно? «Моделировать Событийную Реальность», «подбрасывать мне мысли», «вести меня»? Не проще ли было просто усыпить и привезти сюда?

Даже ещё не дослушав до конца, Леша отрицательно замотал голо-

вой:

— Опять Вы не до конца понимаете суть происходящего. Во-первых, на протяжении всей операции главным требованием Игоря оставалось, чтобы Вы сами захотели найти его и по своей собственной воле оказались здесь. Потому что, если на Вас повлиять силой, Он бы смог вмешаться. А так как Вас никто не заставлял, Он был бессилён! Кто этот загадочный «Он», я так и не понял. Лёша говорил о «Нём» с явным почтением и нескрываемой боязнью. Неужели Лёша говорил о том, о ком я подумал?

— Во-вторых, лишь постепенное приближение к пункту назначения и плавное проникновение в ситуацию гарантировало чистоту Вашего восприятия и минимальное сопротивление новой шоковой информации, которую Вы узнали и которую ещё предстоит узнать. Только представьте, что мы похищаем Вас из питерской квартиры и, привезя сюда, вываливаем на Вас всё, что сами знаем — о других мирах и Ваших способностях, магии буквоедов и Инквизиции...

Я даже улыбнулся:

— Решил бы, что я в плену у сумасшедших!

— Вот именно! А так - постепенно всё сами раскопали, никто не помогал. Мало того, что Вы, Андрей Иванович, освоили огромный пласт знаний — Вы, к тому же, подготовили себя к новой, ещё более удивительной, информации, которую Вам предстоит узнать. Давая мелкие задания, жизнь постепенно подготавливает к новым, более серьёзным свершениям.

— Куда уже больше того, что я узнал за последний месяц? — скептически отнёсся я к словам Лёши. Но вместо ответа он встал:

— Вам нужно обязательно поесть, — взял чашку с чаем, протянул мне, а сам направился к двери. — Всё, что нужно, я рассказал. Остальное сообщит сам Игорь. Конечно, Вы прибыли сюда с небольшим опозданием и на ту информацию, на которую отводилось пять дней, сейчас у вас есть всего три. Поэтому отдыхайте, Андрей Иванович. Вам понадобится много сил: и умственных, и душевных. Вы не узник, Вы почетный гость. Мы с Вами увидимся чуть позже. Дальше Вас поведет Игорь.

Он постучал, и дверь, щёлкнув замком, отворилась.

— Последний вопрос, Лёш, — попросил я, отхлебывая уже остывший чай.

— Да? — застыл он.

— Все, конечно, ужасно интересно... вот только я никак в толк не возьму. Я-то на кой чёрт Игорю?

Прежде, чем ответить, Лёша помялся несколько секунд, и, наконец, решив, что скрывать нет смысла, сказал:

— Без Вас, Андрей Иванович, он не сможет убить Бога.
И исчез за закрытой дверью...

После того, как вся по-армейски безвкусная еда оказалась у меня в желудке, я улёгся на кровать, опираясь о спинку. Закрыв глаза, я попытался ни о чем не думать. Но из этого ни черта не выходило: в голове звучали Лёшины слова.

«Без вас не получится убить Бога», — что это может значить? Не в прямом же смысле? Может, он имел что-то другое в виду?

Лёша очень верно подметил, что за последний месяц я повидал столько, сколько не приходилось встречать за всю свою бурную журналистскую карьеру. Поэтому ещё совсем недавно, услышав такое от кого бы то ни было, лишь покрутил бы пальцем у виска. Но вот из уст псевдоинквизитора, работающего в двух мирах и служащего сильнейшему учёному-метафизику, заявление об убийстве Господа звучит не так уж и безрассудно.

Звук открывающегося замка прозвучал, когда я находился в одном шаге от то ли бреда, то ли сна. Проснулся вроде бы совсем недавно, а сонливость такая, словно несколько суток не спал.

В комнату вошли. Дверь закрылась. Замок вновь щёлкнул.

— Спите, Андрей Иванович? — раздался знакомый голос.

Приоткрыв один глаз, я мельком глянул на Игоря. Вопреки ожиданиям увидеть его облачённым в монашескую рясу, отметил, что одет он был вполне цивильно: тёмно-синие джинсы, спортивные туфли и чёрный свитер.

— Сонливость никак не проходит, — мне плохо удавалось скрыть неприязнь, хотя, возможно, я не сильно-то и пытался, — после вашего заклинания.

— Что Вы, Андрей Иванович, — вполне дружелюбно, не обращая внимания на мой тон, уверил Игорь, — наша последняя встреча здесь совсем не при чём. Сонливость и постоянное ощущение холода - симптомы безвременья, в котором мы сейчас прибываем.

Я открыл глаза, и внимательно посмотрел на Игоря.

— Безвременья? — Игорь явно купил мое внимание, точно зная, что новое для меня всегда стояло выше личной неприязни.

— Да, — улыбнулся он. — Это маленький вынужденный трюк, чтобы противник не добрался, пока мы не произведем решающий «выстрел».

Подойдя к балконной двери, он позвал меня и, дождавшись, когда я встану и, с трудом переставляя ноги, доберусь до него, сказал, указывая в сторону леса:

— Видите: на территории монастыря снег не идёт? И, если присмотр-

реться, цвета за чертой снега чуть-чуть тусклее, чем с нашей стороны, видите?

И действительно, приглядевшись, можно было уловить разницу оттенков: словно всё, что находилось со стороны зимы, становилось прозрачным.

— Чем больше Вы будете здесь находиться, тем отчётливее будет проявляться разница в нашем маленьком пузырьре и за его пределами.

Игорь не спеша отошел от окна и уселся на тот самый стул, где до него сидел Лёша. Я же остался стоять у окна, пытаюсь понять смысл его объяснений.

— Здание церкви и подземные помещения — всё это находится внутри большого шара, который неподвластен времени. За невидимой стеной оно идёт своим чередом, а здесь его нет. Ваше тело и душа не привыкли существовать вне времени, вот и пытаются защититься сном. А холод, который вы испытываете, — результат недостатка энергии, ведь здесь Вы находитесь на самообеспечении, испытывая что-то типа кислородного голодания. Вот возьмите...

Игорь залез в карман и достал оттуда небольшой оплетённый кожей шар, внутри которого плескалась густо-синяя жидкость.

— Это амулет, — протягивая вещь мне, пояснил Игорь. — Он поможет избавиться от сонливости и холода. Видите, у меня такой же ... — он оттянул воротник свитера, и продемонстрировал точно такой же шар в плетеной кожаной оправе. Только цвет наполненной жидкости был светло-голубым. — Когда будете носить его, он меняет цвет: сначала на голубой, а затем на молочно-белый. Как станет белым — пора менять.

Так и не дождавшись от меня действий, Игорь положил амулет на стол:

— Ну, как знаете... Надоест мёрзнуть - амулет здесь. — Игорь глубоко вздохнул, явно испытывая дискомфорт от моего молчания.

Можно было подумать, что я злюсь или, не дай, Боже, обижаюсь на Игоря. Нет, ни в коем случае. Мне просто нужно было кое-что проверить. Если я правильно понял, моя персона крайне необходима Игорю, и, значит, я могу «заказывать блюда для главного стола». Поэтому своей кислой миной я просто пытался проверить глубину зависимости Игоря от меня. Пока что он ходил на цыпочках...

— Андрей, — наконец Игорь решился расставить всё по местам, — у нас совершенно нет времени на глупые игры, — словно подслушав мои мысли, сказал он. — За короткий срок Вам очень многое нужно узнать, понять и принять.

— Игорь, ты же сказал, что мы находимся в безвременье, а теперь

твердишь о каких-то сроках.

— Вам всё станет ясно, когда Вы вникнете в положение дел. А пока просто примите как данность, что мы ограничены конкретными датами. Мы, может, и находимся в безвременье, но за стенами пузыря время неумолимо движется вперёд. Поэтому хотя бы выслушайте меня: уверен, Вам не будет скучно...

Предоставляя мне сделать выбор, Игорь протянул ладонь, приглашая сесть напротив. Когда я вернулся на кровать, спрятав ноги под одеяло, он протянул амулет:

— Можете не надевать. Пусть просто лежит рядом. Этого тоже будет достаточно.

Взяв амулет, я положил его у ног. Игорь одобряюще кивнул.

— Для начала, Андрей Иванович, хочу перед Вами извиниться за причинённые неудобства, — сказал Игорь более официальным тоном, словно начал вести переговоры. — Мне, действительно, жаль, что пришлось лишиться Вас семьи и привычного образа жизни. К тому же, последствия нашей встречи нельзя назвать приятными хотя бы из-за тех болевых ощущений, что Вам пришлось испытать в результате воздействия магии...

Я пока решил ничего не отвечать, желая узнать, что же он ещё скажет.

— Но могу предположить, зная вас как первоклассного журналиста, что полученная за последнее время информация и опыт с лихвой покрывают тот дискомфорт, что Вам пришлось пережить по моей вине, — тщательно подбирая слова, продолжил он тоном дипломата. — Возможно даже, что, предложи я Вам вернуть назад всё: спокойную жизнь, жену, признание общественности, за исключением всего того, что касается мира буквоедов, Вы откажетесь, не желая больше жить в глубоком неведении.

На моих на губах появилась саркастическая улыбка:

— И теперь ты будешь стараться выставить себя моим благодетелем? Не получится!

— Боже, упаси! — замахал он руками. — Ни в коем случае! Я лишь хочу донести, что каждый получает то, что ему нужно. Вам — прозрение, мне — Вы.

Не сдержавшись, я всё же рассмеялся во весь голос. Мне показалась забавной эта стратегия подобраться ко мне. Если так дальше пойдёт, скоро Игорь объявит, что мы вообще друг без друга не можем обойтись, и он мне жизненно необходим.

На мой смех собеседник никак не реагировал, продолжая сидеть, излучая вполне искреннее радушие.

— Андрей, чтобы Вы ни думали, я не враг, а Вы не узник.

— Да? — наигранно улыбнулся я. — Значит, я прямо сейчас могу уйти?

— Можете, — спокойно ответил Игорь. — Правда, есть два обстоятельства, способные Вас удержать здесь. Первое: есть ли смысл уходить, если Вы так сами стремились попасть сюда? Может, стоит узнать обо всём?

— Возможно, ты и прав, — перебил я его. — Вот только не потому ли я так «сам стремился попасть сюда», что кое-кто подпитывал мой интерес колдовством? Лёша рассказал мне про зеркальце.

Единственное, чего мне сейчас по-настоящему хотелось - это не видеть безупречную улыбку моего врага, и... Чёрт! Кого я обманываю?! Да, я хочу знать правду!

— Ну, допустим, я не прощу себе, если уйду, так и не узнав истинную причину столь сложного замысла. Мне очень интересно, зачем я тебе понадобился? Но это опустим. Ведь есть и вторая причина, почему мне сейчас не стоит уходить отсюда?

Игорь помолчал несколько секунд, раздумывая, как бы лучше выразиться:

— К сожалению, так просто перейти границу безвременья не получится. Если Вы вдруг решите перешагнуть отсюда туда, то будете уничтожены на молекулярном уровне — просто исчезнете, словно и не было Вас никогда.

А вот это почему-то слышать было совсем неприятно.

— То есть я не узник, но уйти не могу. Хорошенькая «свобода».

— «Мудрец тот, кто постигает жизнь из окон своего дома». Вам не нужно никуда идти. Вы находитесь в самом центре событий. Для журналиста нет ценнее места, чем в точке на поле боя. Другие могут только мечтать оказаться на вашем месте... — воодушевлённо уверял меня Игорь.

— Для журналиста нет ценнее места, чем за столом с генералами, в генштабе, — обрубил я его прыть. — Мне только одно непонятно, с кем ты воюешь? — спросил я, специально выделив «ты». — Лёша мне сказал, что ты собираешься убить...

— Бога! — Игорь закончил за меня фразу. — Да, это не метафора и не оговорка. Я действительно собираюсь убить «Его Всемогущее Святейшество».

Хотелось сказать: «Игорь, а не это слишком ли - заявлять такое человеку, который всего месяц назад думал о магии и других мирах, как о выдумке фантастов?!» Хотя я и повидал множество чудес, но это ничуть не уменьшило желания спросить Игоря напрямую: «Ты что, псих?!»

Всему же есть предел, даже необычному! Но вслух сказал так, словно брал интервью у главного врача психиатрической больницы:

— А подробнее можно?

— Подробнее нужно, — одобрительно кивнул Игорь, поудобнее устравившись на стуле, что предвещало долгий разговор. — Для начала я хочу понять уровень вашей информированности. Что Вы знаете о Боге? — и, опередив моё недовольство, Игорь поспешил пояснить причину столь глобального вопроса: — Андрей Иванович, я ни в коем случае не собираюсь заниматься теософской абстрактной демагогией. Мои вопросы, как и всё то, что Вы от меня услышите, несут в себе вполне конкретные знания. Не забывайте, что я ученый с техническим складом ума и меня, собственно, не интересуют философские измышления. Думаю, Вы это и сами хорошо усвоили ещё в нашу самую первую встречу.

Игорь замолчал, давая мне возможность всё хорошо переварить и принять тот факт, что наш разговор не развлечение, что он несёт в себе вполне определенную миссию, пока для меня неясную. Решив, что молчание затянулось, он спокойно повторил:

— Поэтому ещё раз... Что Вы, Андрей Иванович, знаете о Боге?

На сей раз вопрос не показался мне бессмысленным и я, стараясь собрать воедино все свои представления о духовном устройстве мира, ответил:

— Знаю о Боге не более остальных... Честно говоря, я никогда особо не задумывался о высоких материях и душе.

— Но вы же журналист! Горячие точки, беды, голод, убийства — на протяжении всей своей жизни Вам, как никому другому, приходилось сталкиваться с проявлением самых тёмных сторон жизни. Неужели Вам никогда не хотелось разобраться в первопричинах зла? А там уже и до вопросов веры недалеко.

Меня невольно передёрнуло. Мальчик без имени взял в руки гантель и подошёл к однокласснику, не желающему отдавать редкую пластинку. Я стоял в тени, наблюдая за предстоящим убийством, не имея сил вмешаться. Всё, что я мог — смотреть, повторяя раз за разом: «Почему? Ну почему это происходит?»

Стараясь унять дрожь, я глубоко вздохнул. Так о чём это Игорь? Ах, да... Хотелось ли мне разобраться в «первопричинах зла»?

Вслух же я сказал:

— Меня всегда больше интересовал вопрос, при каких обстоятельствах общество допускает возможность преступления. Точно так же, как вы - прежде всего, - физик, я — социолог, и проблема божественного — не мой профиль.

Мне показалось, что я смог уйти от прямого ответа, но Игорь не

унимался:

— Из нашего разговора, Андрей Иванович, надеюсь, Вы сможете уяснить, что божественное касается любой сферы, какую ни тронь. Пока Вы остаётесь человеком, Вам не удастся избежать отношений с Богом. Поэтому вопрос остается открытым! — Игорь давил меня взглядом, заставляя ответить.

— Да что я могу знать?! — взбесился я не на шутку. — Бог сотворил всё. Он нас любит и заботится о своих детях. Адам и Ева - первые люди. Иисус - Его сын. Когда мы умираем, то попадаем к Нему. Нельзя грешить, иначе попадешь в Ад. Ах, да! — вспомнил я. — Ещё я знаю, что в мире, в котором я побывал, существование Бога — научно доказанный факт. Достаточно? — я с вызовом посмотрел на Игоря.

— Вполне! — довольный моим ответом, согласился Игорь. — А что Вы ответите, если я скажу, что Бог — не тот, за кого себя выдает?

— Я отвечу, что мне непривычно слышать, когда о Боге отзываются, как о вполне конкретной личности. Словно бы Он действительно седовласый старикан на облаках, а не абстрактная любовь и благодать после смерти.

— Смотря о каком Боге мы сейчас говорим, — как ни в чём ни бывало, пожал он плечами. Было видно, что мой оппонент говорит о вещах естественных, даже повседневных, отказываясь замечать, что для меня эта тема, хоть и ясна на бытовом уровне, но многие её части остаются чем-то непостижимым. Сам собой вспомнился таксист, с удовольствием посвящающий меня, растерянного, в правила жизни двух миров.

— А что, богов несколько? — чувствуя себя самой наивностью, спросил я.

— Сейчас, Андрей Иванович, Вы должны попытаться уместить у себя в голове новое, совсем непривычное устройство мира. Без этого мы не сможем двигаться дальше.

Игорь встал и, неспешно шагая по комнате, продолжил:

— Существует Бог-Отец и Бог-Сын. Бог-Отец — это непостижимое, бесконечное, неопределённое, неопишемое. Он ЕСТЬ всё! — Игорь остановился. Закрыв глаза, он глубоко вдохнул, а на выдохе стал декламировать, с выражением, громко чеканя слова:

— Бог — это меньше, чем ничто и, в то же время, больше, чем всё. Он меньше нуля и, в тоже время, больше бесконечности. Бог не велик и не мал, и Он не существует во времени и пространстве. Это сам Бог творит пространство и время, а, значит, пребывает вне их. Таким образом, Бог не только бессмертен, но и бесконечен — Бог за пределами человеческого воображения, чьё царство — Абсолют. В состоянии бесконечного и непостижимого совершенства, вне времени и пространства, этот Бог

просто есть.

Закончив свою речь, Игорь открыл глаза и выжидающе посмотрел на меня, мол, «понятно?»

— Я только понял, что Бог вроде есть, а вроде и нет и что Он настолько велик и непостижим, что по этому вопросу вообще не стоит заморачиваться.

Нет, конечно, я старался понять объяснения Игоря, и мне было искренне любопытно разобраться в столь сложной для меня теме, но сидящему напротив типу о моей заинтересованности знать не обязательно. Пусть старается, объясняет.

Выразив тяжёлым вздохом крайнюю степень разочарования моим равнодушием, он, как можно короче, объяснил:

— Вы, я, этот монастырь, весь мир и все другие миры — это все части Бога-Отца. Мы состоим из него. Можно сказать, что Он — и замысел, и строительный материал. Бог — это возможность творить. Это бесконечный источник идей.

— Вроде понял. Бог-Отец — то, из чего мы состоим.

— Очень хорошо! — обрадовался Игорь. — И всё вроде бы хорошо, но беда Бога-Отца в том, что Сам Он не творит, а предоставляет эту возможность другим высшим существам.

— Бог-Сын? — догадался я.

— Верно, — подтвердил моё предположением Игорь. — Парадокс Бога-Отца, главным образом, состоит из того, что, являясь началом всего сущего, Он полностью доверяет построение миров другим, более мелким Богам. Этих Богов-сыновей превеликое множество, и каждый творит свою Вселенную со своими законами, существами и характером. Внешний облик мира полностью зависит от того, что создаст местечковый Бог.

Кажется, я начал понимать, к чему ведёт Игорь, и, действительно, как мне было обещано вначале, вникнув в положение дел, нашел идею убийства Бога не такой уж сумасшедшей.

— И ты собрался... убить Бога, создавшего наш мир?

— Наши миры — их в его распоряжении несколько, — поправил меня Игорь. — Люди называют его по-разному: Яхве, Негева, Танахе, Хашеле, Небо, Перун, но это всё одна сущность, сотворившая эту реальность из потенциала Бога-Отца.

Игорь вновь замолчал, давая мне возможность осмыслить только что услышанное. При попытке переварить новую информацию, которая достаточно компактно смогла уместиться в голове, при рассмотрении её под разными углами у меня не возникло ни единого «но», чтобы возразить или отмахнуться, как от чего-то незначительного.

— Не забывайте, Андрей Иванович, что мои слова - не пустой религиозный трюк, а научно обоснованный факт. Если потребуется, я могу предоставить подтверждение каждого своего слова.

— Не надо доказательств, Игорь. Я тебе верю, — честно признался я. — Лучше объясни мне, за какие такие деяния ты решил убить нашего Создателя? По-моему, вполне неплохой мир получился. Одни только кошки чего стоят?! — попытался пошутить я, но Игорь словно и не слышал меня.

— Просто он настоящая сука, — спокойно, без капли эмоций, ответил он, от чего мне стало не по себе — человек напротив меня не оговорился, а мог ответить за каждое своё слово. В его голосе слышалось законное право говорить так о высшем существе.

— Не слишком ли резко, Игорь, ты отзываешься о своем родителе? Я не настроен морализировать, но не стоит ли так называемый Яхве уважения хотя бы потому, что создал тебя и позволил тебе существовать?

Настала пора улыбнуться Игорю. Хотя он и скрывался за научной обоснованностью своего мнения, не требовалось быть психологом, чтобы почувствовать в холодном тоне Игоря личную неприязнь. Так и хотелось его спросить: «За что ты злишься на Бога?»

Но вопрос не стоило даже задавать — Игорь сам назвал причину:

— Поверьте, он недостоин уважения, как и любой трусливый и лицемерный человечиска. Потому что тот, кто создал этот мир, хуже даже самого отъявленного негодяя, — хотя Игорь говорил без малейших эмоций, его слова были пропитаны ненавистью. — Одна Вселенная не похожа на другую, в первую очередь законами мироздания, которые Бог вводит в начале сотворения: это можно, это нельзя, физические и биологические законы, энергетическое построение, многомерность времени и пространства, и, что самое главное, взаимоотношение самого творца со своими детищами — всё это правила игры, которые он сам себе устанавливает и которые едины как для него, так и для его Вселенной.

Яхве сделал роковую ошибку ещё в самом начале — на первом этапе творения, когда придумывал законы для себя и пока ещё невоплощённого мира.

— И в чём же Его ошибка? — поторопил я Игоря.

Игорь пристально посмотрел мне в глаза.

— Он сделал себя зависимым от своего творения — от нас.

— Постой-ка... — ошарашенно остановил я Игоря, пытаюсь осмыслить его слова. — Ты хочешь сказать, что люди нужны Яхве? Но для чего?

— Чтобы существовать! Да, Андрей Иванович, не делайте такое лицо.

Это правда. Яхве смертен. Естественно, его жизнь нельзя сравнивать с человеческой. У высших существ всё по-другому. Но однозначно можно сказать: не станет людей — Яхве погрузится в небытие. Не могу, правда, сейчас объяснить, как и почему, создавая мир, он допустил такую оплошность... не это сейчас важно!

Мой мозг закипал, отвергая, выталкивая столь «сложные» знания. Слова Игоря были настолько «не от мира сего», настолько дикими, что разум сопротивлялся им, как мог. Мне хотелось возражать, ругаться, обвинять Игоря в сумасшествии... но в итоге я просто сидел и слушал, как этот софист в пух и прах разбивал все мои представления о правильном и неправильном, верхе и низе, добре и зле...

— И всё бы ничего, если бы люди себе жили спокойно, не тужили... и давали жить своему создателю. Только вот беда в том, что не жизнь питает Яхве... — ещё не дослушав фразу, я уже знал, что сейчас скажет Игорь, а мне очень не хотелось это слышать. — Ему нужна наша смерть!

Взрыв! И мне кажется, что я падаю вниз на самое дно тёмного бесконечного колодца, из которого никогда не выберусь, а буду только падать и падать, пока не растворюсь в этой темноте.

А Игорь не собирался останавливаться:

— Во время умирания человека высвобождается особый вид энергии. В мифологии его называют Амритой — эликсир бессмертия. Вот он-то и нужен Яхве.

Свести одно с другим, чтобы понять причину ненависти Игоря к своему создателю, было несложно. Ведь Игорь меня и подводил к тому, чтобы я понял:

— Но ведь получается, что смысл человеческой жизни...

— Это смерть! — жестоко проговорил Игорь. — Другого смысла у нас нет. Мы — просто еда Бога. Мы — стадо на убой!

— Но ведь в Библии говорится, что Бог любит нас... — я пытался схватиться за любую, даже самую тонкую соломинку, но всякая моя попытка отказа принять новую реальность, в которой я — не более чем еда, сразу же пресекалась.

— Конечно, любит, — улыбнулся Игорь. — Так же как и Вы любите шашлык или сочную отбивную! Почему Вы так сопротивляетесь этому, а? Андрей Иванович? Чувство собственной значимости не даёт принять тот факт, что на самом деле Вы — не более, чем высокоинтеллектуальный фастфуд? — Я молчал, выжидая. Сейчас я должен слушать и понимать. — Наша планета, города — это божественная ферма. Человеческая ферма была создана и предназначена для смерти, а миллионы других существ — лишь подготовительная почва. Корм для корма.

— Получается, что звери, растения и все планета созданы лишь для

нашего успешного разведения? А не слишком ли сложно?

Игорь демонстративно зевнул.

— Вы меня расстраиваете, Андрей Иванович. Если бы Вы были курицей на птицефабрике, и не верили, думая, что создавать курятник слишком сложно, я бы понял. Но Вы же не курица. Это Ваше человеческое высокомерие, видимо, не позволяет приравнять себя к еде. Мы, люди, привыкли считать себя особенными существами — венцом творения. Но бросьте эту ерунду. Просто скажите себе: «Да, я не более чем пицца для высшего существа. Все мои свершения, моральные и духовные достижения, общечеловеческие принципы — все это никому ненужное барахло. Единственное, что от меня действительно требуется — это сдохнуть вовремя». Примите! Увидите: сразу полегчает.

Я неотрывно глядел в одну точку, но я не мог принять правду Игоря.

— Твоя история, — тихо прошептал я, — похожа на фантастический рассказ, которой я читал в детстве. Хозяева Мира перелетают с планеты на планету, создавая кормушки для работающих за деньги трудяг. В свободное общество они вводят деньги, чтобы заставить людей работать просто так. Им нужно лишь золото, а благодаря деньгам хозяева Мира получают рабсилу и еду.

На что Игорь спокойно ответил:

— Часто наши идеи значительно опережают своих авторов по уровню и требуется какое-то время, чтобы дорасти до них. Так, например, в детстве мне несколько раз приходила мысль: «А что, если Господь создал людей и всю сложную экосистему ради корма для мошек?».

— Мошек? — недоумённо повторил я.

— Да. Ну, вдруг Бог питает к ним слабость или его забавляет, как они летают в воздухе над человеком. Ведь может такое быть?

— Чушь! — отмахнулся я от слов Игоря, как от назойливой стайки мошкар.

— Вот и я отгонял эту мысль, как мог. Потому что уж слишком она губительна для нашего, человеческого эго. Ведь если допустить вероятность такого устройства, то получается, что все высокие материи и смыслы — иллюзия. Кто ж знал, что мои детские мысли окажутся правдоподобнее этой сфабрикованной реальности. Андрей Иванович, Вы всё еще считаете, что я должен быть благодарным своему создателю?

Я не знал, что ему ответить.

— За что Вам благодарить Бога? — безжалостно продолжал Игорь, — ведь Вы его часть! Клетка в теле или орган не благодарит Вас, что Вы существуете. Клетка нужна Вам больше, чем Вы ей! Без клетки, её способности расщеплять вещества и создавать энергию, Вы непременно умрёте. Нужно искоренить из своей головы тупую почтительность к

эгоцентричному творцу, которая культивировалась церковью, властью и внушалась Вам с самого детства родителями... а им - их родителями... Люди создают богов, а не наоборот! Он зависим от маленькой клетки, а не наоборот. Так за что Вам, мне, кому бы то ни было уважать Бога? За то, что он создал мир-ферму для своего же питания?

Сам не знаю почему, но мне хотелось защитить Создателя, словно я не мог смириться с невиданным доселе предательством. Уж если Бог предал меня, то о каком уважении к остальному миру может идти речь?

— Но как Его можно осуждать за стремление к жизни? Мы же, люди, поступаем, как и Он — разводим фермы, теплицы, где выращиваем «низших существ» для своего пропитания, чтобы поддерживать в теле жизнь. Курица бы тоже удивилась и с трудом, как и я, приняла тот факт, что все эти большие, светлые конструкции и горы еды созданы не для её блага, а чтобы мы, люди, более высокие существа, могли её съесть, тем самым продлив себе жизнь. Также и Бог поступает с нами! Мы для него по уровню сознания, как курицы для нас, низшие существа. И Он не считает зазорным поедать нас!

— Андрей Иванович, — Игорь смотрел на меня, не останавливая мои слабые попытки оправдать творца, заранее зная о провале. Он понимал больше меня. — Я бы с Вами согласился. Нет, а действительно, чего обижаться на Яхве за желание прожить ещё один-другой миллиард лет. Чёрт с ним, что в человеческой жизни смысла нет. Главное - чтобы на полочке хорошо спалось. Но есть одно «но», которое перечёркивает любую попытку оправдать творца нашего мира и характеризует Его, как эгоистичную тварь...

Игорь замолчал. Похоже, попытка сломать мою картину мира, за которую я держался всеми руками и ногами, давалась ему с трудом. Отдышавшись, он спросил:

— Андрей Иванович, если продолжить аналогию с курятником, то как бы Вы поступили, зная, что курица на ферме — единственный источник Вашего пропитания, с каждым днём становится умнее и умнее, и, если ничего не предпринять, то однажды она станет равной Вам по уровню сознания и выйдет за рамки вашей власти? Потеряв весь курятник, Вы, естественно умрёте от голода, но при этом дадите жизнь множеству других живых существ — сродни Вам или даже превосходящих вас по величию. Как бы Вы поступили с курами — дали бы им спокойно развиваться из жизни в жизнь до тех пор, пока они не сбегут от Вас? Или же попытались бы ограничить их развитие, чтобы куры-еда никогда не посмели стать лучше?

Насмешка в голосе Игоря предназначалась мне за упрямые попытки защитить того, кто недостоин защиты.

— Игорь, я не понимаю... — я растерялся.

— А чего тут понимать?! Просто поменяйте местами людей с курами - и всё сразу станет на свои места!

Комната вновь погрузилась в тишину. Игорь стоял у балконной двери, наблюдая, как снег засыпает сосновый лес и волны проглатывают снежинки.

Я с трудом мог думать. На этот раз дело было совсем не в безвременье — лежащий рядом амулет вправду избавил от сонливости и пронизывающего тела холода. Просто мой мозг кипел, выжигая микросхемы, на которых хранились старые теории и смутные представления о том, как всё устроено. Я всегда считал себя открытым для всего нового, так почему же с таким трудом я постигаю Игоревы слова?

Подумаешь, велика беда, что все мои старания добиться чего-то в обществе и для общества, самому стать лучше — мышьяная возня. Даже если я толком и не задумывался над вопросами смысла жизни, то где-то внутри всегда чувствовал: главное — не стоять на месте, двигаться к совершенству. И это чувство наверняка есть у каждого, даже самого «плохого» человека. Оно, как компас, указывающий верное направление и оправдывающий саму человеческую жизнь. Но Игорь - словно злой дядя, отбирающий у мальчика веру в чудо — в то, что мои деяния, мысли, чувства имеют хоть какой-то смысл. И пусть даже мне за них придётся отвечать. Пусть меня даже накажут за неверные поступки. Лишь бы они, а значит и я, имели смысл. Зачем нужно всё, если от меня требуется лишь смерть?

Тихий, спокойный голос Игоря, звучал подбадривающе. Его хозяин знал о повисшей у меня на сердце тяжести:

— Яхве уже многие миллионы лет, с самого сотворения, ограничивает человечество в развитии, не давая нам вырваться из того парника, что он для нас создал. Войны, болезни, личные драмы, катаклизмы, ложные учения — всеми возможными и невозможными способами создатель человеческих теплиц пытается затормозить, остановить нашу эволюцию.

В нас, в людях, на уровне духа, на уровне ДНК заложено стремление к совершенству. Любое живое существо, любая система и даже вещество должно развиваться — это закон Бога-Отца, которому даже Яхве не может противостоять. Со временем люди неотвратимо становятся совершенней, наши знания о мире и духовные ценности развиваются, а вместе с ними и мы становимся лучше. Люди с каждым прожитым днем, с каждым открытием и новой мыслью на шаг ближе к совершенству. А где совершенство, там и бессмертие. Каждому из нас суждено развиваться в божество и самому построить Вселенную. Естественно, Яхве это не на

руку — с каждой бессмертной душой, вышедшей из-под его юрисдикции, он приближается к собственному забвению, а наш господин очень не хочет умирать. Насколько мне известно, Яхве — совсем молодой Бог, ему около 16 миллиардов лет, а значит, ему ещё присущи страсти — страхи, предпочтения, эмоции. В нём ещё слишком много человеческого. Именно поэтому он не может принять, что ошибся, и теперь ему суждено исчезнуть. Он отказывается следовать закону Бога-Отца и позволить нам превзойти самих себя, выйти за рамки человеческих тел и стать бессмертными духовными сущностями. Потому что без тела нет смерти, нет Амриты.

Если не вмешаться, то неизвестно, сколько ещё миллиардов земных лет он будет издеваться над нами, создавая максимально экстремальные условия для выживания, насылая на людей всё больше и больше несчастий. Ведь если человек заботится о хлебе насущном, ему не до развития... Ему бы выжить...

Бог присматривает за нами ровно настолько, чтобы мы все разом не сдохли раньше времени. Но, чтобы этот подлец ни делал, всё равно, из века в век, проживая жизнь за жизнью, мы становимся лучше, совершенствуемся и физически, и интеллектуально, и духовно — не благодаря Богу, а вопреки его стараниям оставить нас на уровне пещерных жителей. Человечество обречено не из-за своей греховности, как принято считать, а точно наоборот — из-за стремления к совершенству.

— А как же душа? — спросил я. — Насколько мне известно, она же бессмертна, и большинство религий указывают, что главный смысл человеческой жизни — её развитие!

— Совершенно верно, — кивнул Игорь. — С каждой прожитой жизнью души становятся мудрее... И некоторые по совершенству уже достигли уровня Яхве. Вот только есть одно условие — Закон, который Яхве предусмотрительно установил. В его, то есть нашей Вселенной душа может стать Божеством только через вознесение в теле. То есть достичь такого уровня совершенства, когда сможет стать Богом во плоти.

— И что, никому ещё это не удавалось?

По лицу Игоря расплылась довольная улыбка. Он был рад увидеть во мне соратника. Он чувствовал, что я больше не сопротивляюсь.

— А вот это самое интересное в моей истории. Вместо того чтобы признать поражение, когда человечество, несмотря на все препятствия, таки оказывается на пороге восхождения, и отпустить новоявленных богов творить Вселенные, Яхве поступает, как наркоман.

— То есть?

— Слышали шутку про то, что конопля на самом деле дерево, а не куст, просто ему не дают вырасти? Так это про Яхве — он выкорчёвыва-

ет разросшееся дерево до того, как оно принесёт плоды, и сажает на его месте новое...

В голове сам собой всплыл образ — костлявый старик в белых одеяниях вонзает лопату у самых корней небольшого деревца. В зубах старик держит косячок.

— И сколько раз он уже уничтожал население Земли? — спросил я Игоря. Мне было не смешно.

Он пожал плечами:

— Не знаю точно, но наверняка с самого своего рождения — 16 миллиардов лет он возвращает и уничтожает кур на ферме, когда они становятся критически умны. Возвращает — уничтожает. Возвращает — уничтожает. Атланты, Лемурийцы, Титаны — это только несколько самых близких к нам рас, стертых с лица земли. Вы ещё учтите, Андрей Иванович, что в распоряжении у Яхве не только Земля, но и другие планеты и миры-фермы. У нашего Бога божественный аппетит. Хм... вышел каламбур, — сказал Игорь, даже не улыбнувшись.

— Ну, и сколько требуется времени человечеству, чтобы суметь стать «богами во плоти»? То есть до того, как Яхве примет решение о нашем уничтожении?

— Около 75000 лет, — не задумываясь, ответил Игорь. — В среднем столько душе требуется времени, чтобы понять свою суть и суть творения. Затем происходит «Бумс!» — Игорь хлопнул в ладоши, издав громкий хлопок. — Яхве устраивает глобальный катаклизм: чаще всего — покрывает землю огнём, возможны также вспышка на солнце или метеорит — главное, чтобы сгорело не только тело человека, но и весь накопленный опыт души. «Наша песня хороша! Начинай сначала!» Чтобы не ждать появления людей из бактерий, чтобы не ждать, пока будут пройдены все эволюционные этапы, Яхве оставляет несколько групп людей, так сказать «на развод». Человечеству ведь надо откуда-то начинаться. Очередные «родоначальники» находятся в идеальных условиях, чтобы «плодиться и размножаться», а когда популяция немного разрастается, начинаются проблемы: болезни и неурожаи...

— Ты мне сейчас рассказываешь альтернативную историю Адама и Евы?

— Да. Эдемский сад прекрасен: нет ни боли, ни страдания, — мечтательно проговорил Игорь. — Жаль только, что это чудо длится недолго.

Седобородый старик смотрит, держа в руках вилку и нож, как под прозрачным колпаком, на зелёном лужке-подносе размножаются Адам и Ева. Я встряхнул головой. Видение исчезло.

— Сколько осталось нам существовать до того, как Яхве решит, что настала пора обнулить человечество? — спросил я.

— «Обнулить»? — повторил Игорь. — Очень точное определение. Так вот, когда точно произойдет «обнуление» — неизвестно. Можно сказать, что мы находимся в самом конце цикла.

— А более точно? — меня действительно интересовало, сколько ещё человечеству осталось?

— Более точно сказать не могу. Есть лишь общие признаки духовного совершенства человечества, по которым можно судить о скором Конце Цикла.

— Что за признаки? — с интересом спросил я.

— Всего их три, — Игорь оттопырил три пальца на левой руке. — Первый (я заметил, что его руки тоже в перчатках телесного цвета; он загнул большой палец) — возвращение к единому языку. Легенда о Вавилонской башне — красноречивый эпизод истинной истории человечества и свидетельство скверного характера творца. Человек пытался дотянуться до Бога, построил башню, величии которой нет равных. Но боженька, увидев наглость людшек, разделил их по языкам, тем самым значительно ограничив наше развитие. Думаю, вы, Андрей Иванович, понимаете, что башню никто не строил — это просто метафора стремления человека к вершинам.

Я кивнул.

— Так вот, на той Земле, что в мире буквоедов, люди стоят на пороге самоорганизованного единого языка. Здесь этому способствует Интернет: ещё десятилетие — и все смогут без проблем понимать друг друга. А буквоеды уже сейчас позволяют выучить все языки с помощью магии. Я вспомнил, как Игорь хвастался званием полиглота. Вот как, значит, он выучил языки!

— За единым языком следует полное открытие человеческого сознания, общечеловеческое объединение и, вслед за этим — молниеносный духовный прорыв. Естественно, Яхве не позволит этому случиться. Второй признак Конца Цикла (Игорь загнул средний палец) — это «демографический переход». Слышал о таком?

— Нет, — честно признался я.

— Это понятие находится между «демографической зимой» и «летом». Когда люди перестают плодиться, как ополоумевшие, и отказываются от рождения детей. Проще говоря, когда рождаемость равна смертности. Происходит замещение поколений, и нет прироста.

— И с чем это связано?

— А разве неясно?! — вместо ответа спросил Игорь. — В распоряжении Яхве — определённое количество душ. Ему требуется, чтобы все они попали в огонь Судного Дня и выжгли опыт прошлых жизней — обнулились. А для этого все они должны быть воплощены в теле в момент

катаклизма. Поэтому он постепенно подводит население Земли к количеству имеющихся у него в наличии душ.

— Чтобы все разом сгорели? Умно, — хмыкнул я. — А Яхве не дурак!

— Никто и не говорил, что он — дурак. Мразь, да! Но точно не дурак...

— А третий признак? — напомнил я.

— Да, третий признак — это переход общества на самообеспечение, — уже забыв, что нужно загнуть палец, сказал Игорь. — Бог придумал денежную систему, чтобы отвлечь человечество от главного, подменить ценности и, тем самым, затормозить восхождение на небеса. Но на границе Перехода на новый уровень сознания люди перестают гоняться за ненужным барахлом и горами денег, начиная ценить познание и развитие. Не выдержав массового, повального равнодушия к материальным благам, Золотой Телец достигает критической массы и грандиозный монстр финансово-денежной системы рушится под собственным весом, цепной реакцией разрушая корпорации, фирмы и рекламу. Без денег государственность разваливается, границы стираются и из гражданина определённой страны обычный человек превращается в гражданина планеты. Рождается истинный интернационализм в его первоначальном смысле — цельность народа, на Земле воплощённого, что опять-таки, помогает человеку совершить огромный духовный скачок. Люди становятся Людьми, а не рабами вещей и денег.

Вот именно эти три главных признака свидетельствуют, что Яхве скоро уничтожит людской вид на самой границе восхождения. По моим предположениям, нам осталось что-то около двух сотен лет. Это ещё одно поколение и, если ничего не предпринять, мы обречены вновь стать пещерными жителями. Все эти гонки за нефтью, экологические беды, полеты на Луну и покорение космоса — все крупномасштабные затеи — ничто в сравнении с тем, что нам предстоит пережить.

Теперь всё встало на свои места. Наконец-то! Передо мной стоял не сумасшедший, а очень умный, добравшийся до самой сути человек.

— Как ты собираешься убить Яхве? — мысль об убийстве Бога теперь не казалась такой уж дикой. Подумаешь, всего делов-то, хорошенько ударить лопатой по спине старика.

— Как ты собираешься казнить Бога, ведь Он нематериален? Это всё равно, что бить палкой ветер.

— «Убить» — не совсем верное слово. Нам не нужно уничтожать творца, так как это значило бы конец существования как для Него, так и для нас. Не забывайте, Андрей Иванович, что все мы дети Божьи и являемся его частичками.

— Тогда я не совсем понимаю, — невольно нахмурился я.

— Мы хотим не убить диктатора, а свергнуть Его власть. — Игорь расправил плечи и, сделав мужественное лицо, устремил гордый взгляд «за горизонт», пародируя Че Гевару. — Моя задача - вернуть людям свободу! — Пафосно, словно на митинге, продолжал он. У него хорошо получалось. Я невольно улыбнулся. — И стать бессмертным! Я — революционер, готовящий восстание против самого Господа. Ура, товарищи! — затем, перестав паясничать, он вновь перевел спокойный взгляд на меня. — Я хочу... точнее, мне нужно его место. Я сам должен стать Богом этой Вселенной.

Вот так поворотец!

— Не существует силы, способной изменить первоначальные законы его творения — что было создано, то не обернуть. Для Яхве изменить изначальный закон — значит принять на себя ответственность за сделанные ошибки — а это значит - подписать себе смертный приговор. Для него есть один-единственный путь — жить до тех пор, пока все души не станут богами, затем исчезнуть в Вечности, смиренно приняв свою участь. Но он трус и никогда этого не сделает. А повлиять на него, заставить — не в наших силах. Единственный способ пресечь бесконечный круговорот зарождения и уничтожения человечества — это стать Им и позволить душам покинуть мою Вселенную ради рождения мириадов других.

Но я не слышал пояснений Игоря. Единственное, что мне запало в голову, - это его страстное желание самому стать Богом. Так вот для чего всё было задумано!

Опередив мои обвинения, Игорь сказал:

— Андрей Иванович, Вам могло показаться, что мне нужна власть, о которой не могут мечтать короли. Но, поверьте, у меня нет амбиций! Я не хочу быть безгранично могущественным... не хочу быть героем. У меня нет никакого желания становиться Богом. Скорее, мне просто придётся сделать это. Я должен стать Богом по необходимости — потому что считаю, что всё должно быть по-другому и не хочу соглашаться с бессмысленностью нашего существования. Почему мы, люди, должны умирать из раза в раз, проживая жизнь за жизнью просто так? Почему какому-то трусу позволено стереть все предшествующие века боли и страдания? И попытки выбраться из этого дерьма, которым он сам нас и обеспечивает всё это время?

Я уже не говорю о прекрасном: искусстве, добродетелях, красоте. Всё это сгорит, как и мы, в пламени Судного Дня.

Андрей Иванович, я не злюсь на Яхве, как не злятся дети на несправедливых родителей. Не виню его. И даже его эгоизм могу понять... Понять, но не принять. Поэтому без злости просто займу его место. Ни-

чего личного.

Поверьте, если бы я стремился за величием, то с моими возможностями затмил бы любого из когда-либо существовавших людей. Только мне этого не надо. Мало того, я отчётливо понимаю, что если... точнее, когда наша затея воплотится, оказываясь на месте Яхве и отпуская на волю новых богов, я подписываю себе смертный приговор. Моя Вселенная исчезнет. Я просто перестану существовать. Я, в отличие от творца, готов пойти на это.

— Ради других? — всё ещё с недоверием спросил я. Но Игорь, вопреки моим ожиданиям, отрицательно покачал головой:

— Ради себя, — он сделал глубокий вдох. — Я никогда не любил жить со всеми этими проблемами и болью. И одно только осознание, что мне опять придётся это терпеть тысячи жизней, повергает меня в уныние. Нет уж! Или двигаться вперёд, туда, где нет боли, или исчезнуть — всё одно лучше, чем оставить порядок вещей таким, каков он есть.

— Я не понимаю, как это работает? Ты же человек, пусть и суперумный! Как ты можешь стать Богом?

— Мне не нужно им «становиться». Я, Вы, этот стул, снег за окном уже являемся Богом. Причем не только Яхве, но и Богом-Отцом. Всё является всем! И раз так, значит, всё существует одновременно. Все свершилось и всё возможно. Значит, я уже существую и как минерал, и как мурлыкающий кот, и как Галактика! Мне лишь нужно получить ключ — доступ к перемещению сознания на нужный уровень, а там уже дело техники.

— Все равно не понимаю. Игорь, не забывай, что я новичок и не способен мыслить глобальными понятиями, как ты.

Мои слова смутили Игоря:

— Извините, Андрей Иванович, виноват. Чтобы понять то, что мы должны сделать, придётся всё объяснить Вам с самого начала, с азов теофизики.

— «Теофизики»? — переспросил я. — Впервые слышу

— Ещё бы, — хмыкнул Игорь. — Это наука не вашего мира. Она объясняет взаимосвязь божественного и материального, как одно проявляется в другом. Это основа магических знаний, во главе которой лежит Теория Бога.

Устраивайтесь поудобнее, Андрей Иванович, — подмигнул Игорь, мол, «уж не обессудьте», — это надолго...

Он постучал в дверь. Когда она открылась, отдал кому-то поднос с грязной посудой и распорядился принести чай.

— Сейчас нам чаю с печеньем принесут, — сказал он.

— Хорошо, — кивнул я, хотя мне было не до еды. Всё что угодно, лишь бы продолжить «интервью».

Чутко уловив мое настроение, Игорь незамедлительно продолжил:

— Если вы, Андрей Иванович, хотите понять, как именно мы собираемся совершить переворот и свергнуть Яхве, вам понадобится проникнуть за кулисы привычных понятий «Бог» и «Вселенная»... — Мне хотелось прикрикнуть на Игоря: «Какого чёрта ты тянешь?! Давай шевелись!», но я промолчал, терпеливо дожидаясь, пока он не продолжит.

— Более всего Бога можно сравнить с музыкой: её не видно. Для человеческого глаза она не существует. Она всего лишь результат взаимодействия сознания и вещества — человеческого таланта и музыкального инструмента, порождающего звуковые волны, колебания воздуха. Но, фактически не существуя, музыка может серьёзно воздействовать и менять мир через порождаемые в человеке эмоции.

Музыка — самый подходящий пример Бога. Их обоих нет, но они существуют. Но важнее не сам факт их существования, но то, какое влияние они оказывают на мир людей...

Игорь хотел продолжить, но его перебил щелчок замка. Дверь открылась, и в образовавшуюся щель протянули поднос.

Я не видел, кто принёс чай, смог лишь разглядеть рукава по локоть — точно такая же ряса, какая была на Лёше, и тонкие перчатки телесного цвета. Сколько я ни пытался, всё никак не мог вспомнить, носил ли такие же Лёша, или я их впервые заметил на Игоре.

— Берите чай, пока горячий, — прервал он мои размышления. — Так о чём мы?

Положив пару кусков сахара и взяв домашнее овсяное печенье, я вновь облокотился на стену, подложив под спину подушку.

— О музыке, — напомнил я.

— Музыка — только пример. Попытаюсь объяснить по-другому. Игорь отхлебнул из чашки и откусил печенье, стал его тщательно пережёвывать, словно хотел выгадать немного времени для раздумий, с какой стороны лучше подойти. Сделав ещё один глоток, он встал и поставил чай на стол. — Из чего состоит эта чашка с чаем? — спросил меня Игорь.

Я недоумённо уставился на самую обычную чашку.

— Из стекла...

— Нет-нет-нет! — замахал он руками. — Сама суть чашки. На самом глубоком уровне?

— Глубже химической структуры? — спросил я, и, не дожидаясь подтверждения, ответил: — Я далёк от физики. Возможно, из молекул ... или что там ещё мельче? Не знаю...

Видя мою растерянность. Игорь поспешил прийти на помощь:

— Эта чашка, вода в ней, стол, на котором она стоит, я, воздух - абсолютно всё во Вселенной на самом глубоком уровне состоит из одного и того же — бесконечных нитей.

— Теория струн! — догадался я.

— Она самая. Только она в Земном Мире не доработана. Ваши ученые упорно отказываются от духовной составляющей мира, поэтому не могут доказать теорию Струн или теорию Всего. Физики копаются в физической энергии без принятия духовной. Как только они преступят свои же ограничения, им откроется настоящая магия.

Попробуйте представить, Андрей Иванович, всё величие Бога-Отца — бесконечное пространство, заполненное браной, или, если угодно, струнами — строительным материалом материальных и духовных Вселенных. Из браны можно создать всё, что угодно. Это единая, всё пронизывающая субстанция, полностью готовая принять любую форму.

Струны покоятся в хаотичном безмолвии, потенциально являясь всем. Но нужно, чтобы кто-то придумал реализовал этот потенциал. Тогда-то и появляются Боги-Сыны. Один из их множества — наш Яхве. Он начинает придумывать правила и законы, по которым струны будут вибрировать, создавая материю и дух.

Говоря это, Игорь поднял руку и, соединив указательный палец с большим, начал водить ими в воздухе, выводя ровную линию. Там, где он только что провёл, в воздухе появилась нить, похожая на натянутую тонкую леску. Желая убедиться, что это не мираж, я захотел протереть глаза.

— Это пример браны — всё пронизывающей, материообразующей субстанции...

— Как ты это сделал? — не мог понять я. Но Игорь, не обращая внимания на мой вопрос, спокойно продолжал дальше. Он протянул указательный палец и зацепил висящую в воздухе струну, словно она была натянута. Струна беззвучно завибрировала.

— Как и я сейчас, младшие божества определяют условия работы струн. Где струна вибрирует, там создается энергия. Больше вибраций — больше энергии — более плотная материя. — Вторя его словам, струна начала вибрировать сильнее, значительно увеличив амплитуду. Взяв в руки чашку, Игорь перевёл взгляд на меня. — Вам кажется, что я сейчас двигаюсь, — желая продемонстрировать, он на вытянутой руке провел чашкой из стороны в сторону, — но на самом деле Вам это только кажется, так как вся материя, масса, объём — всё это иллюзия, созданная правилами Яхве, которые он ввёл, воплощая материальную Вселенную. На самом деле, на уровне браны вот что происходит, — посмот-

рев на струну, я увидел, как, следуя за рукой Игоря, вибрация передвигается вправо-влево, словно он управлял ею по собственному желанию. — В реальности я не двигаюсь — просто по струнам передается информация о направлении и скорости моего движения и о составе веществ, из которых я состою. Своим сознанием я управляю материей, созданной струнами по законам Яхве.

Для самой браны не существует ни времени, ни пространства. Информация передаётся мгновенно на любые расстояния. Но всё ограничено законами того мира, той Вселенной, в которой мы находимся. Мир и есть ограничения — отфильтрованная вседозволенность. Потенциально возможно всё! Но реально без ограничений, без правил существование мира невозможно. — Струна исчезла. — Например, закон гравитации. Без него, без осознанного ограничения струн, не получилась бы та Вселенная, которую мы знаем... Если я отпущу чашку, она упадёт на пол, разобьётся, а жидкость растечётся по полу, так?

Я послушно кивнул. После чего Игорь, обольстительно улыбнувшись, разжав пальцы. По законам физики чашка устремилась вниз к своей гибели... Всего за сантиметр от пола она зависла вместе с чаем. Игорь с удовольствием наблюдал, как сосуд взмыл вверх, достиг уровня моего лица и стал быстро вертеться вокруг своей оси, а вокруг него каруселью кружилась жидкость.

— Волшебство, а точнее то, что мы привыкли называть этим словом — это всё, выходящее за рамки установленных законов физики. Но в волшебстве нет ничего колдовского! Физические и метафизические законы — это не столько ограничения, сколько Правила Игры Бога, которые он установил для нас и для себя. Если их понять и научиться ими управлять, управлять браной по своему усмотрению, то можно не только стать чародеем, но и стать победителем, достойно исполнив свою миссию.

Словно находясь под гипнозом, я наблюдал, как передо мной летают чашка и чай. Давая мне убедиться, что всё это не галлюцинация, она приблизилась ко мне и неподвижно застыла в воздухе. Я протянул руки и коснулся её, стараясь привести в движение. Но без толку... чашка никак не реагировала на моё прикосновение. Тогда я решил попробовать дотронуться до напитка. Но и он, даже когда я надавил изо всех сил, оставался полностью неподвижен и твёрд. Когда я сдался, чашка вновь ожила — на этот раз я коснулся самого обычного летающего в воздухе остывшего чая.

— Хотите, как у Гоголя, чай сам в рот полезет? — шутливо предложил Игорь.

— Как ты это делаешь? — восхищённо спросил я.

Игорь постучал указательным пальцем по виску.

— Брана — белый свет, содержащий в себе весь спектр цветов. Моё сознание и та информация, что я передаю бране — это светофильтр. Отсекая ненужные цвета, я получаю то, что мне нужно. Сознание является источником материи, энергии и законов природы в этой Вселенной. Это главный постулат теофизики.

Поняв суть Бога-Отца и устройство Единого Мира, ты приходишь к осознанию себя Абсолютом — никем и всем одновременно. Вместе с этим осознанием приходит способность управлять реальностью, напрямую воздействуя на брану.

Я — теофизик. Тот, кто способен взаимодействовать с изначальным строительным материалом Вселенной, суперструнами, плотью Бога-Отца. Все люди со сверхспособностями, знают они об этом или нет, соприкасаются с глубинным слоем — струнами. Чаще всего это происходит неосознанно и люди пугаются необычных возможностей, боясь всего неизвестного. Хотя способность обмениваться информацией и воздействовать на единое поле Вселенной и есть признак зарождения в человеке божественного создания.

Не надо бояться. Всё это естественные знания, и к ним рано или поздно должна придти любая душа... если бы наш создатель периодически не стирал весь её опыт. Смотрите, Андрей Иванович.

Висевший у меня прямо перед носом стакан исчез, чтобы появиться у Игоря в руке.

— Всё легко объяснимо, — он показал мне стакан. — Телепортация или материализация предметов, — перед ним застыл неизвестно откуда взявшийся крестик с распятием. — Я просто передаю струнам информацию с соответствующими характеристиками вибраций — о составе, и структуре молекул, о размере, о месте расположении в пространстве, времени существования и о других привалах игры. Так можно объяснить любое явление. Спросите, о чём угодно.... — предложил Игорь, а я и не собирался упускать такую возможность.

— Телекинез?

— Тоже, что и телепортация, только передача информации о разных точках координат в пространстве. В случае телекинеза — материя перемещается последовательно, по миллиметрам.

— Способность йогов обходиться без еды и пищи многие годы? — продолжил я опрос.

— Очень просто, — с радостью ответил Игорь. — Человек сохраняет информацию о полноценном состоянии организма и хранит её на протяжении жизни. Просто часть браны, создающая «сытого» человека, вибрирует определенным образом. Вот и всё.

— Телепатия — мгновенная передача мысли на огромные расстояния?

— Скорости на струнном уровне не существует. «Вибрирующая пустота» существует всегда и везде, а передающему мысль достаточно настроить вибрацию на передачу информации определенному человеку. Мысль — это тоже материя, просто не такая плотная. Поэтому телепатию можно назвать ментальной телепортацией.

— Ну, что ж, убедительно! — признался я и собрался ещё спрашивать, но понял, что и сам могу объяснить большинство сверхъестественных явлений — левитацию, регенерацию, алхимию...

— Теперь Вам, Андрей Иванович, более ясно, кто такой Бог и как он создаёт мир? — не дожидаясь ответа, Игорь поднял указательный палец вверх. В тоже мгновение из ниоткуда в комнате появилась большая шумная муха. Противно жужжа, она совершила несколько зигзагов вокруг Игоря, и, сделав резкое пике, села на оттопыренный палец. Мне хотелось воскликнуть: «Попалась, голубушка!» Готов поклясться, это была та самая муха из моей загадки.

— Творение не является произвольным или случайным сложением. Я не создаю материю, а отсекаю пустоту. Если угодно, дурачу мир, подавая ему ложную информацию о том, что эта муха должна сидеть у меня на пальце. Я не материализовал эту муху, как вам могло показаться. Она уже была здесь как возможность. Я лишь силой мысли выбрал возможность этой мухи из бесконечного числа возможностей. На месте этой мухи может сидеть бегемот — такая возможность тоже есть... — в голосе Игоря слышалось явное «но», — но, чтобы воплотить этого бегемота, передать миру информацию о его положении здесь, потребовалось бы больше ... гораздо больше энергии, которой у меня нет.

«Ага, значит не всё так просто!» — хотелось прокричать мне, но я решил послушать, что Игорь скажет дальше. Мне показалось, что предстоящая информация касается непосредственно меня, моей роли в его замысле.

— Моих личных сил хватило лишь на материализацию, выбор вероятности существования маленькой мухи. Так же, как вероятность существования бегемота в этой комнате, существует вероятность, возможность для меня стать Богом этой Вселенной. Эту возможность осталось лишь реализовать, а для столь мощного, невероятного Выбора нужна сила первоисточника.

— Первоисточника?

— Бог-Отец, свет, струны, загадочный эфир, брана — всё это одно и тоже — создающее материю, пространство и время, святая суть всего. Чтобы получить к ней свободный доступ, а, значит, и воплощение лю-

бой вероятности, требуется ключ.

Игорь не шевелился, застыв с мухой на пальце. Насекомое явно не разделяло с породившим её человеком всего величия момента. Мне показался забавным диссонанс торжественности в голосе Игоря и умывающаяся на его пальце муха. Пришлось сдерживать улыбку.

— Ключ... мы зовем его Первым Словом. Именно оно стало толчком и основой создания Вселенной. Это код—доступ к бране, которым пользуются боги, воплощая свою Вселенную. Узнав Первое Слово, Забытый Логос, можно менять реальность в любых масштабах по своему усмотрению...

Не став дожидаться, пока Игорь доберётся до главного, к чему он меня столь плавно подводил, я предположил:

— И чтобы разузнать это самое Первое Слово, тебе нужен я. Правильно?

— Правильно, — признался Игорь. — Всё, что я рассказывал о Вашем таланте и невероятной энергии, которую вы до конца не осознаете...

— Зато ты осознаёшь, — желая задеть его, сказал я. Но Игорь даже не заметил насмешливого тона:

— Осознаю! И мало того, готов применить весь Ваш дар по назначению! — эмоционально убеждал он. А меня больше всего интересовало сейчас, куда подевалась муха. Я даже не заметил, как она исчезла. — Есть люди, наделенные божественной красотой. Они проводят в Мир энергию одним своим присутствием: Мэрилин Монро, Одри Хепбёрн... — им даже не требуется ничего делать, чтобы мощный поток проникал на Землю. Такие люди становятся важной частью культуры, не осознавая своего истинного предназначения, а просто улыбаются, строят глазки, снимаются в кино. Так же и Вы, Андрей Иванович, просто делаете своё дело, пишете первоклассные заметки, даже не зная всего спектра применения своего таланта.

— Так просвети, Игорь. Разве не для этого мы здесь?

— Одной Вашей рукописи хватит, чтобы питать светом небольшой городок целый год... или разом уничтожить, оставив лишь огромную воронку на его месте. Это говорит о небывалой пропускной способности Вашего канала.

— То есть? — я не до конца понимал Игоря.

— Ваша связь с творцом нашего Мира очень крепка... небывало крепка — только так можно объяснить всю силу Вашей творческой энергии. Ту, что благодаря Вам остаётся на бумаге. Для осуществления нашего замысла нам просто необходима прямая связь с Яхве... — видимо заметив, что я не могу сопоставить «ширину моего канала, связывающего меня с Яхве» и то, как это поможет Его убить, Игорь решил

упростить свои объяснения. — В момент вхождения души в новорожденное тело происходит скрепление человека с Творцом. Из темени каждого человека выходит канал, соединяющий нас с ним. Это своеобразный поводок, через который он может контролировать нас и получает ту самую бесценную Амриту, эликсир бессмертия, в момент нашей смерти.

У большинства людей этот канал в определенном состоянии может искажать первичную цель и доставлять энергию Яхве в мир. У разных людей это происходит по-разному. Всё зависит от устройства мозга — в редких случаях и особенные моменты канал начинает работать не от человека к Богу, а наоборот. Например, в момент пения, а у кого-то — в процессе решения сложных математических задач, или рисования...

— А у кого-то в процессе чирканья ручкой по бумаге, — добавил я.

— Именно! — кивнул Игорь. — Люди это явление называют творчество. Но, на самом деле, наше так называемое «творчество», не более чем сбой в системе управления человеческой формой.

— И Яхве устраивает этот... сбой?

— Вполне! Он, собственно, и не против, чтобы люди периодически получали крупинцы творческой энергии — её у Яхве хоть отбавляй, а нам, людишкам, это хоть какое-то развлечение и польза. Пыль в глаза. Воздушный шарик больному раку.

У кого-то канал с Яхве больше, у кого-то меньше. Ваш по силе пропускной способности даже не с чем сравнить...

Я понял, о чём толкует Игорь сразу, как вспомнил то необычное мерцание над своей головой и на кончике ручки. Я впервые увидел свечение, когда работал в своей квартире в мире буквоедов.

— Для чего требуется Ваша связь с Богом, Андрей Иванович, Вы поймёте, когда будет проводиться ритуал. Существуют определённые правила, чтобы получить доступ к бране. Недостаточно знать Первое Слово, нужно уметь им воспользоваться.

— Игорь, а сам ты не можешь? — даже несмотря на все величие замысла Игоря и кажущуюся справедливость его помыслов, у меня не возникло желания помочь этому человеку. Возможно, я просто привык быть журналистом — даже в самой страшной беде оставаться сторонним наблюдателем. А, может, я чувствовал, что это не моя война, хотя и касается меня напрямую.

— Поверьте, Андрей Иванович, если бы я мог обойтись без вас, то ни в коем случае не стал бы Вас беспокоить. Но есть несколько причин, по которым только Вы можете стать оружием, способным свергнуть Яхве с пьедестала.

— И что же это за причины? — было явно, что Игорь некоторые темы

обходит стороной. Мне же требовалось раскрытие всех карт, а не только тех, что были удобны самому Игорю. — Мне кажется, я по сравнению с тобой — никто. Ты можешь доставать крестики из воздуха, оживлять мух, а я ничего такого не умею... К тому же, говоря о недостатке энергии, ты забываешь упомянуть о книге? Она же вся состоит из заряженных букв. И, насколько мне известно, мощности и силе, заключённых в книге, в мире не существует аналогов.

— Ах, Андрей Иванович, оставьте! — словно в спектакле, махнул он рукой. — Мухи и крестики — лишь мелкие фокусы. Я способен творить их лишь на расстоянии пары метров от себя. На действительно серьёзные свершения требуется энергия и связь с Яхве, которых у меня нет, но есть у Вас. Вы не просто писатель и не просто очень талантливый человек. Вам подвластны Слова... Я не преувеличиваю, не говорю метафорами. Слово — это забытая стихия, и ею Вы владеете в совершенстве...

— Я не совсем понимаю... — устало потёр я глаза. Для меня было слишком много информации. Она начала сливаться и путаться. Не получалось свести одно с другим. Причем тут моя связь с Яхве, способность творить, и владение Словом?

— Не всё сразу, Андрей Иванович. — Игорь встал со стула. — Для Вас и так сегодня информации много... слишком много! Ещё несколько часов назад Вы ничего не знали о подлости Яхве, а сейчас уже пытаетесь разобраться в возможности его свержения. Поэтому не торопитесь. У нас есть ещё завтрашний день, чтобы во всем разобраться.

— Нет-нет... — я боялся, что Игорь сейчас уйдет, а я так всего до конца не пойму. — Я ещё могу воспринимать информацию...

Но Игорь безжалостно помотал головой:

— Вам нужно поспать чуть-чуть, чтобы очистить голову и понять кое-что важное...

— Ты о чём?

Игорь подошел к столу и среди кучи хлама раскопал маленькую коробочку, обитую бордовым бархатом. Я сразу узнал хранилище буквоеда.

Подняв крышку, он достал из шкатулки светло-серый комочек. Я напрягся, но, вспомнив о цвете буквоеда и том, какие чары он несёт, немного успокоился.

Подтверждая мои догадки, Игорь сказал:

— Не бойтесь, Андрей Иванович. В буквоеде заложена простенькая магия. Вы сможете вспомнить и не забывать всё, что видели во время прошлого сна. Просто, когда уснёте, увидите сон. Когда проснётесь, многое поймёте: то, почему только Вы способны осуществить задуманное и то, для чего я так долго кропотливо собирал энергию Ваших ру-

кописей в одну книгу. И, самое главное, - что такое Первое Слово. Вы многое вспомните, просто позвольте мне прикоснуться к Вам. Понимаю: мои прошлые магические воздействия были не из приятных. Но это было необходимо...

Обречённо вздохнув, я отдался на волю Игоря. Немедля он провёл буквоедом у меня по лбу. Кроме легкого холодка, я ничего не почувствовал. «Пустого» буквоеда, потерявшего всякий оттенок и ставшего прозрачным желе, Игорь спрятал обратно в коробочку.

На меня навалилось дикое желание спать, сопротивляться которому я не мог.

— Спите, Андрей Иванович, — доносилось до меня сквозь густой туман. — Как проснётесь, я поведу Вас на экскурсию по нашей обители. И Вам опять предстоит очень многое узнать... А сейчас спите...

— Риша! — вырвался из меня крик.

Открыв глаза, я продолжал лежать неподвижно, прислушиваясь к громкому биению сердца — казалось, ещё мгновение - и оно выскочит из груди, заставляя корчиться от боли.

«Как удивительно...»

Я поднял руку перед глазами и внимательно осмотрел её, исследуя каждую деталь, каждый миллиметр кожи.

— Удивительно... — повторил я вслух. Готов поклясться, что я помнил каждую чётточку на ладони того, чужого тела. Ощущения были настолько реальными, что мне хотелось посмотреть в зеркало, чтобы убедиться, что я — это я.

Медленно, не желая спугнуть наваждение, я поднялся с кровати и, подойдя к столу, взял хранилище буквоеда, затем вернулся на место. Я отчётливо помнил, что ларчик изнутри зеркальный. Сев, отворил обитую бархатом крышку, и, не обращая на спрятанный внутри комочек, посмотрел на себя в зеркальце.

Моё лицо, мои глаза, рот... Всё это было настолько удивительно видеть, что я не мог с уверенностью сказать, какое тело настоящее — то, которое сейчас отражалось в маленьком зеркальце... или то, что сгорело в ритуальном огне? Боль горящей плоти дала о себе знать — даже перехватило дыхание.

— Аум, — проговорил я вслух своё второе имя, желая убедиться, что оно настоящее.

Нет, всё произошедшее на Анатане: мое появление в новом теле, Риша, путь через поле и лес к дому на опушке, познание Вектора и открытие Логоса — всё это до последнего мгновения не могло быть сном. Воспоминание — да, но не сон! Все слишком реально: запахи, цвета,

ощущения, Ришино тепло и жар огня, лик трёх лун и боль разлагающегося тела — и не могло быть фантомом.

Столько вопросов кружилось в моей голове! Что это за место — Анатана? Как я там оказался? Как я мог быть в отключке «около тридцати с небольшим часов», если там я провел несколько недель? И самое главное - как Игорь связан с произошедшим на Анатане?

Тело пробирал озноб. Отложив в сторону коробочку, я нашёл лежащий рядом амулет. Так и есть: находящаяся внутри жидкость из густо-синей стала молочно-белой. Без ворожбы Игоря безвременье обретало надо мной власть. Я залез под одеяло, чтобы стало хоть немного теплей, но холод словно зарождался изнутри, не давая согреться.

Честно говоря, я чувствовал себя паршиво. Наверное, именно так себя ощущают больные амнезией — мучаются, силятся вспомнить природу своих ощущений, но никак не могут их увязать с прошлым, которого нет.

С одной стороны, рассказ Игоря о Яхве — Боге-убийце, миллионы лет снедающем малейший шанс вырваться из тюрьмы материи, создателем которой сам же Он и является. С другой — пережитое мною на Анатане: рождение и смерть Вселенной и суть Первого Слова. Скорее, я не столько постигал умом, сколько чувствовал Внутренним Вектором, что в рассказе Игоря есть пока неясный, сокрытый от меня изъян.

«Творчество — это всего лишь пыль в глаза, чтобы отвлекать нас от главного, — вспоминал я слова Игоря. — Творчество - это не более чем сбой в системе управления фермой».

Понять... Мне нужно постичь суть и принять решение в ближайшее время. От этого многое зависело, но, как назло, моя журналистская интуиция, помогающая сопоставлять факты и находить верный путь, наконец отказывалась работать.

Игорю потребуется очень многое мне объяснить. На мой зов из-за двери раздались приглушённые звуки, а за ними — и щелчок открывающегося замка.

Сам не знаю, почему, ощущая себя вором, я схватил ларец с буквоедом и спрятал его у изголовья под матрасом.

В комнату зашёл Игорь. Лучезарно улыбаясь, он поздоровался:

— Как спалось?

В руках он держал сложенный свитер и новый амулет.

— Очень кстати! — обрадовался я подаркам, тут же надев обе вещи. Спустя мгновение неприятный озноб исчез.

— Пойдемте, прогуляемся. Нам есть о чём поговорить, не так ли? — Игорь явно знал о моих сомнениях и вопросах об Анатане, появившихся после сна.

— Верно, — подтвердил я, поднимаясь с кровати.

Игорь подошёл к кровати и взглядом стал исследовать её, словно искал что-то. В груди у меня тревожно ёкнуло — я напрягся. Подумаешь, всего-то спрятал ящичек...

Рука Игоря скользнула к подушке. Ещё мгновение - и меня обвинят... в чём? Но он искал совсем другое — амулет, который я только что снял с шеи.

— Чтобы не мешал, — подобрал его с кровати, спокойно сказал Игорь, и положил к себе в карман. — Пойдёмте, Андрей Иванович. У нас сегодня экскурсия...

Мы долго брели по плохо освещённым коридорам. Я подумал, что на пути нам будут встречаться «братья» в рясах, но ни одного мы так и не встретили. И даже за дверью никто не охранял меня. Но кто тогда открывал замок?

Наконец, спустившись вниз по лестнице, мы попали в коридор со множеством дверей. Через одну из них, ничем не отличающуюся от остальных, мы попали во внутренний дворик маяка-монастыря.

Яркий свет тысячи люминесцентных ламп ослепил меня. Пришлось немного подождать, пока глаза привыкнут.

— Разрыв между безвременьем и реальным миром становится всё больше. Мы стоим на месте внутри искусственно созданного кокона, а мир — всё дальше уходит вперед. Мой взгляд устремился туда, где ещё совсем недавно были сосны и море. Сейчас от них остались лишь еле различимые контуры — тонкие штрихи карандашом по белой бумаге. За идеально очерченным кругом начинался безупречно белый обрыв. Сделаешь шаг - и окажешься в пустоте.

— Именно поэтому внешний мир для нас растворяется, тает, как снег, на глазах. Скоро даже теней не останется — сплошная белая стена.

Игорь неспешно побрёл по направлению к забору. Двор монастыря был пуст. Лишь теплицы на метр возвышались над землёй да жухлая трава под ногами. Воздух был точно таким же, как и в комнате — неподвижным, морозным, мёртвым.

Я плёлся за Игорем.

— Что это за место — безвременье? — озвучил я застывший на губах вопрос.

— Особое место в пространстве, находящееся вне зоны досягаемости Яхве. Своеобразный вакуум внутри его творения, на который он не может воздействовать.

— Ты боишься, что Он может помешать твоему плану? — догадался я.

— Не боюсь, а уверен, что Бог попытался бы нас остановить, если бы я не принял меры.

— А что, уже были прецеденты?

Игорь усмехнулся:

— Андрей Иванович, а Вы как сами думаете? Станет диктатор, зная о предстоящем заговоре, ждать, пока произойдёт переворот? Или попытается помешать?

— Если только диктатор не считает заговорщиков нелепыми шутами, посягнувшими на величие, победить которое им не по зубам.

— Он не считает нас, как Вы выразились, «нелепыми шутами», — зло парировал Игорь, — и видит в нас реальную угрозу. Причины, благодаря которым я и братство до сих пор живы — это, во-первых, то, что существуют Изначальные Законы. Он сам их ввёл и не может их нарушать — иначе всё Мироздание полетит к чертям. А, во-вторых, то, что я, как хороший юрист или бухгалтер, умею извлекать из бюрократии пользу и пользоваться недочётами в «законодательстве» себе во благо. Если знать лазейки, то можно достичь любой цели.

Например, Бог не может воздействовать на человека напрямую, а только лишь предоставив выбор и через цепочку причинно—следственных связей реализовать результаты этого выбора.

— Я не понимаю, — перебил я Игоря.

— Сейчас объясню... Допустим, Яхве заподозрил Вас, Андрей Иванович, в сговоре со мной. И чтобы Вас убрать и, тем самым, уменьшить вероятность своего свержения, он не может просто ударить Вас молнией среди бела дня или стереть с лица Земли. По собственным же законам, он сначала предоставит Вам сделать какой-нибудь судьбоносный выбор, а затем (в случае Вашего неверного решения) по цепочке приведёт к случайной гибели. Ну, там, ветер подует, заденет лепесток, тот упадет на голубя, голубь пролетит мимо строителя на лесах, который испугается и уронит вам на голову кирпич — смерть!

— А не слишком ли сложно для фермы? — спросил я. — Не проще ли выбрать неугодную курицу и перерезать ей глотку?

— Мы всё-таки не курицы, и, если работать в открытую, люди быстро догадаются о настоящей роли Бога. Это может привести к резкому массовому «пробуждению», а Яхве этого старается избежать всеми силами. Тем более что всегда, во всех цивилизациях были те, кто догадывался. Их Яхве очень быстро уничтожал.

— Игорь, ты хочешь сказать, что уже были попытки свержения Бога? — эта мысль меня поразила. Мне казалось, что Игорь один осмелился совершить подобное. Но он в мгновение развеял мои догадки.

— Конечно! И следы наших попыток вырваться на свободу — везде.

Каменные исполины на острове Пасхи — они были нужны для проведения ритуала. Охота на ведьм в средние века была спланирована Яхве, чтобы лишить возможности собирать шабаши и проводить любые групповые обряды. А Вторая Мировая война, думаете, почему началась? Просто среди еврейского народа стали расходиться знания, опровергающие традиционное понимание Яхве, и умные семиты начали догадываться, что Бог — чёрта с два любовь. Тогда-то «случайно» и появился тот, кто с помощью крематориев минимизировал число прозревших, а заодно и остановил дальнейшее распространение правды.

— О, Боже! — вырвалось у меня. Все мои знания об истории оказались сфабрикованной фикцией. Неприятно осознавать, что столько лет жил в полном неведении.

— Мало того, избиение Иродом младенцев в Вифлееме — не более чем попытка остановить рождение Свободного человека.

— Сына Бога? — понял я.

— Нет-нет. Полубога! Свободного! Я называю так души, достигшие высокого уровня осознания. Тех, кто познал себя частью Бога-Отца, и сумел выбраться из лживой действительности Яхве. Тех, кто осознал свою силу и может управлять реальностью.

— Как ты, Игорь? — догадался я, к чему он клонит.

— Отчасти, только намного сильнее. Иисус был не только способен творить чудеса, но и очень светлой душой. Как я уже говорил, чтобы уничтожить неугодного, Яхве воздействует на низменную суть человека: эмоции, страхи, инстинкты — стараясь заставить человека оступиться, чтобы иметь возможность наказать свободного. Но Иисус всегда выбирал светлый путь, неся пробуждение людям, не давая повода Яхве «случайно» зарядить ненавистному «сыну» камнем по виску. Лишь однажды Иисус оступился, из-за чего и оказался на кресте. А Яхве переврал все проповеди в свою пользу.

У меня не было слов. Требовалось время, чтобы переварить эту информацию. Лишь всё хорошенько обдумав, я спросил у Игоря:

— Если было столько покушений на Яхве, а мир всё также идёт по Его сценарию курятника, то с чего ты взял, что у тебя это получится?

— Потому, что все мои предшественники не там искали выход. Они пытались пробудить людей, и у них не было Вас — человека, сумевшего познать Первое Слово. Вы были на Анатане, и это всё меняет. Исход битвы предreshён. Яхве будет повержен. Все, что для этого нужно — это дождаться нужного момента и Ваше содействие. И мы выйдем победителями, наконец-то освободимся от цепи бесконечных рождений и смертей. Благодаря нам люди смогут стать богами...

Как я ни пытался себя убедить, что слова Игоря, этот монастырь,

вечно голодный Бог, что все это — реальность, мне всё равно казалось, будто я нахожусь во сне. Слишком всё сложно и необычно для того, чтобы быть настоящим.

Я подошел к теплице и присел на самый край, даже не заглядывая в неё. Странно... Когда я сюда стремился, мне было так интересно, что же это за гул разносится повсюду (хм-м... а сейчас его не слышно) и что выращивается в парниках? И вот, я в самом центре — оглянись и посмотри. Но почему-то я не делаю этого, словно знаю, что за каждым углом в этом месте лежит всё больше и больше удивительного. Стоит только повернуть, как на меня обрушится новая порция чудес, от которых уже рябит в глазах. Как бы я ни пытался себя убедить, что я — одно из главных действующих лиц, ощущение себя чужаком всё равно не исчезает.

Возможно, впервые в жизни я был не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником «государственного переворота». И эта, непривычная для меня, роль не приносила радости. Тем более что я до конца так и не понимал её. Ясно было, что Игорь с моей помощью пытается встать на место Яхве и изменить законы Мироздания, тем самым освободив людей от участи стада. Было ясно, что для осуществления плана ему требуется Первое Слово, сотворившее Вселенную, и ещё какие-то, присущие только мне, особенности, как то «хорошая пропускная способность канала, через которую поступает творческая энергия». Как именно будет проходить свержение Яхве, всё ещё оставалось в неясном.

Я размышлял, а Игорь стоял в стороне, дожидаясь, пока у меня не созреет очередной вопрос.

— А теперь расскажи мне про Анатану, про Ришу — вообще, что это было? — я пытался спросить, не выдавая волнения, но у меня это плохо получилось. Личная включённость и важность вопроса зашкаливали.

Игорь сел рядом. Если бы не отсутствие всякого пейзажа за нашими спинами, можно было бы решить, что встретились два старых друга и решили мирно побеседовать о спасении мира...

— Андрей Иванович, Вы сами-то что думаете? — вопросом на вопрос ответил Игорь.

— Я... я не знаю... — сбивчиво ответил я, чувствуя, как тело наполняется трепетом. — Я словно прожил ещё одну жизнь. Столько всего пережил и понял... Всё это было настолько реальным, что Анатану я помню даже лучше, чем родной город... Там был я и одновременно не я.

Не зная больше подходящих слов, я просто посмотрел на Игоря... пожал плечами.

— Вам удалось пережить то, что ещё никому никогда не удавалось.

Вы вырвались за пределы Творения Яхве и побывали в вотчине другого Бога. Да-да, Андрей Иванович, Ваша душа побывала даже не в другом мире, таком, как параллель Земли, мир буквоедов, а вообще в другой Вселенной. Насколько мне известно, это мир Бога по имени Аант. В отличие от Яхве, он не сотворил себя зависимым от смерти своих существ, и из-под его крыла вышло множество других богов.

Анатана — это один из Миров Аанта, находящийся на самой границе божественного. Там люди, как нигде, близки к Единому Творцу. Я хотел Вам показать мир, подобие которого хочу сотворить. Помните то чувство единения с миром, ощущение удивительной лёгкости и свободы? Именно это я хочу подарить людям Земли. За миллионы лет бессмысленных перерождений мы имеем право стать богами!

Как красиво поёт мой друг, и песня его чарующе сладка! Сирена — вот кого все это время напоминал мне Игорь. Его неземная красота и сладкие речи... Но что стоит за этим всем? Именно это я хочу узнать!

— Неужели, отправив меня на Анатану, ты хотел единственно показать мне другой мир?

— Конечно же, нет! — подтвердил мои догадки Игорь. — В нашей Вселенной найти ключ от творения невозможно. Яхве хорошо постарался оградить нас от Первоисточника, закрыв любые пути к познанию Забытого Логоса. Единственный путь — это вырваться за пределы Яхве и оказаться там, где источник знаний находится в свободном доступе. Анатана идеально подходила по всем критериям. Андрей Иванович, Вы даже не представляете, сколько усилий потребовалось, чтобы отправить Вас туда, во Вселенную другого Бога...

— Откуда ты столько знаешь?

Игорь улыбнулся:

— Я же говорил, что не я первый пытаюсь свергнуть тирана. Многое мои предшественники знали, что обречены были потерпеть неудачи, и единственное, что они смогут — донести сакральные знания до того, кто сможет положить конец Игре Яхве. Вы даже не представляете, сколько пришлось пожертвовать, чтобы отправить вас в мир Аанта.

— Так расскажи, Игорь. Мне интересно, — настоял я.

— Слишком долго рассказывать. У нас нет в запасе столько времени, — уклончиво ответил он. — Скажу только, что на поиск подходящего мира, координацию с ним, и перебрасывание Вашего духа до места назначения и обратно потребовалось невероятное доселе количество энергии. Столько, сколько человечество не выработало за всё свое существование.

— Мне такое даже сложно представить.

— Масштабы моего замысла поистине божественные. Если бы эту

энергию, которую мне пришлось потратить, направить на уничтожение, то взрыв смог бы уничтожить всю солнечную систему.

Кажется, я догадался, откуда он взять столько сил.

— Та, составленная из заряженных букв книга... Инквизиторы думали, что её мощь нужна тебе для шантажа.

Ещё не дослушав, Игорь закивал:

— Инквизиторы не могут знать о размахе моего плана. Именно книга обеспечила меня необходимой энергией. Благодаря Вам я смог собрать и сконцентрировать столько силы. Если для простенького заклинания достаточно сочетания двух слов, то мне потребовалась целая рукопись. Теперь, понимая, как именно работает сила слова, Вы сможете по достоинству оценить мой труд.

Игоря можно обвинить в чём угодно, но только не в узости мышления. Разработать и воплотить грандиозный план, когда палки в колёса вставляет не только Инквизиция, но и сам Бог — это заслуживает уважения.

— Поймав вас в туннеле, — продолжил Игорь, — за попыткой инкогнито пробраться в монастырь, с помощью буквоеда я «спустил курок». Извините, что Вам пришлось испытать боль, но по-другому ничего бы не вышло. Ведь Вам, как-никак, пришлось пережить клиническую смерть.

— Смерть?

Игорь развёл руками, пытаясь показать, что «всё очень просто»:

— После того, как Вы впали в кому и Ваша связь с телом держалась на волоске, вы должны были оказаться в «коридоре судьбы» — тёмном месте с белой точкой в конце пути.

— Так и было, — вспомнил я. Пока Игорь не напомнил, я как-то и не вспоминал о нём.

— В том месте происходит перепросмотр жизни. Если вкратце, то это проекция пути, уготованного Яхве для каждого из нас. Что-то вроде культпрограммы для курицы, чтобы не было скучно жить и не оставалось времени на развитие. Не знаю почему, но Яхве заставляет нас после смерти по пути к белому свету заново наблюдать свои ошибки. В конце туннеля душа попадает в хранилище. Это место что-то вроде безвременья, где мы находимся сейчас. Душа пылится до тех пор, пока для неё не будет подготовлено новое тело.

Попасть в мир другого Бога можно лишь через этот туннель, потому что он как бы не принадлежит никакому из миров. Пришлось Вас, Андрей Иванович, «недоубить» и, пока Вы брели по коридору судьбы, приоткрыть лазейку в другую Вселенную.

— Постой, — я прервал Игоря. — Я так понимаю, что, пока я иду по

туннелю — остаюсь в коме. Но как только добрался до света — всякая связь с телом прерывается и наступает смерть? А если бы я не сунул нос в открывшийся проход, а решил добраться до света? Ведь у меня же был выбор!

Игорь лишь неприязненно поморщился:

— Андрей Иванович, Вы — журналист, и никогда не входите через парадные двери. Даже в коме Ваше стремление познавать не иссякает. Поэтому я не сомневался в выборе.

Мне было неприятно, что Игорь подвергал меня серьёзному риску...

— Мог бы предупредить...или хотя бы намекнуть, куда идти.

Но у Игоря и на это был готов свой ответ:

— Нет, не мог, Андрей Иванович. Мне требовалось довести Вас до самой последней точки в полном вашем неведении. Нельзя, чтобы Вы хотя бы о чём-то узнали. А сделать это, поверьте, было не так-то и просто.

— Но почему?! Ведь я и так на твоей стороне, — убеждал я Игоря. У меня это получалось как-то совсем по-детски. — Мог объяснить всё, и я с радостью бы помог.

Игорь посмотрел на меня и улыбнулся:

— Андрей Иванович, дело не в том, на чьей вы стороне! Нельзя было вводить вас в курс дела! Вы напрямую связаны с Яхве. Знаете Вы — знает он! У Вас с ним - прямой канал, а мне нужно всё сразу: и получить Первое Слово, и сохранить Ваш исходящий из темени поводок (он нам ещё потребуется), и Вашу жизнь. Вы что думаете, ведя Вас обходными путями, я сам себе лишних проблем хотел? Да если бы Яхве догадался, какую важную роль Вы играете в моем замысле, он бы постарался Вас в порошок стереть. А так он даже ни одного нападения не совершил, верно?

— Да...

— Вот видите! Могли бы и сами догадаться, — усмехнулся он.

Я мысленно пробежался по всему пути, от знакомства с Лёшей до поездки в Крым, и, действительно, нигде даже намёка не было на то, что я — одна из центральных фигур.

— Если все мы, как ты говоришь, на поводке у Бога, то как ты умудрился дожить до этого момента? Ведь Яхве знает обо всем, что у тебя в голове.

— А вот и нет! — Игорь словно обрадовался моему промаху. — У меня, в отличие от Вас и всего человечества, нет поводка, то есть связи с Богом.

Судя по всему, я нашёл очередной поворот. Ничего не объясняя, Игорь стал снимать перчатку с руки. Оголив кисть, он повернул её, что-

бы я хорошо мог рассмотреть ладонь.

— Что за...— вырвалось у меня, когда я увидел идеальную, без единой линии кожу.

— Это произошло очень давно... Я тогда был аспирантом на факультете физики. Тогда ещё ни о какой магии даже не знал никто и сверхъестественные явления казались мне глупым суеверием. Как прекрасно оставаться в неведении! В те времена я только-только начал встречаться с Мариной, — мечтательно рассказывал Игорь. Было видно, что ему приятно вспоминать о былом.

— Мы собирались пожениться и безумно любили друг друга. И всё было хорошо, но однажды я сильно поранил себе ладонь. Это всё изменило в одночасье. Марина просто охладела ко мне — ещё несколько часов назад она клялась мне в любви, а теперь разговаривала, как с чужим человеком. Я тогда, естественно, не связал порез на ладони с уходом возлюбленной. Мне как учёному, даже в голову не пришло, что эти события могут быть как-то связаны. Да и не верил я, что линии на ладони на самом деле определяют нашу судьбу.

Просто решил, что у Марины кто-то есть — она всегда оставалась немного ветреной.

Покров с тайны таких резких изменений помог снять мне старик.

— Хм-м...

— Около полугода спустя я сидел в парке, читал книгу. Мне уже было чуть полегче, но тоска по Марине ещё не прошла полностью. Ко мне на скамейку подсел нищий старик. Я старался не обращать на него внимания, но вскоре он затеял со мной беседу...

— А как он выглядел? — у меня возникло предположение. Слабо верилось, что это мог быть тот же самый старик, что пристал ко мне на вокзале. Но проверить я был обязан.

— Да я уже и не помню толком, — пожал плечами Игорь. — Седобородый, грязный старик в лохмотьях. Прежде я его никогда не видел. Несмотря на внешний вид, речь старика была удивительно стройна, а беседа об упорядоченном Хаосе, которую он завёл, оказалась очень интересной... (Точно, Игорь, говорил о том же самом старике! Не может быть!)

— Так речь постепенно зашла о методах предсказания судьбы и, в частности, о хиромантии. Я попросил его продемонстрировать возможности этой псевдонауки. Старик, глянув на мои ладони, сразу обратил внимание на шрам.

— Смотри, — сказал старик, — этот шрам проходит ровно на линии, отвечающей за партнёрство и любовь. У тебя была любимая женщина,

— старик показал на маленькую морщинку перед шрамом, — но, порезав здесь руку и оставив шрам, ты навсегда перекрыл себе доступ к женской любви. Тебя никто никогда не сможет полюбить.

— Чушь! — возразил я тогда старику. — Тысячи людей режут ладони и даже кисти отрезают, и никто их не бросает, — но сам чувствовал, как на голове волосы становились дыбом.

— Это потому что люди обычными вещами режут руки, а ты - особенной. Это был нож, притом ритуальный, — пронзительно глядя в глаза, объяснил старик. — Очень сильный магический артефакт. Им ты и врезался в коридор своей судьбы.

Нож, которым я порезал ладонь, действительно был особенным. Прадед очень любил холодное оружие и успел собрать большую коллекцию. Её-то успешно и распродал мой дед после смерти родителя, оставив лишь несколько любимых экземпляров. Один из них был так называемый «хрустальный нож» — длинный клинок со стеклянной рукояткой. По семейному поверью, прадед добыл его у шамана во время поездки в Монголию. От деда к - отцу, от отца - ко мне. А я наплева-тельно относился и к семейным ценностям, и к холодному оружию, воспринимая их всего лишь бытовым инструментом. Хотел нож переложить, а он выпал, и его стеклянная рукоятка разбилась о кафель. Порезался, когда собирал стекло. Глупо...

Старик ушёл своей дорогой, а я остался в одиночестве размышлять о вероятности существования магических предметов и судьбы вообще.

Так я стал интересоваться магией и всякими сверхъестественными вещами, но рассматривать их с точки зрения физики. Оказалось, что магия тесно переплеталась с религией, а религия привела меня к осознанию истинной природы человека. Я очень быстро понял отношение Яхве к людям. Но до того момента, как моя догадка оформилась в полноценную, завершённую мысль, боженька всячески пытался от меня избавиться, подсовывая самые разные ситуации. Один неверный выбор, и я — труп. Дай только повод.

Когда я понял, откуда на мою голову стало сыпаться столько неприятностей, мне требовалось найти способ защититься. Тогда я ещё не собирался расправляться с Яхве, просто хотел, чтобы меня оставили в покое.

К тому времени я уже начал проводить эксперименты с буквоедами. Осталось найти подходящее заклинание, способное укрыть меня от Божьего всевидящего ока. Так я придумал заклинание «плащаневидимки». Оно помогало защититься от Бога, создавая кокон в пространстве, наподобие того, в котором мы находимся сейчас. Нападки прекратились, но у заклинания был и побочный эффект. Окружающие

люди видели на моём месте пустоту и смотрели сквозь меня. А это меня не устраивало, да и стоимость заклинаний росла с каждым днем — заряженные магией буквоеды обходилось мне слишком дорого. Требовался другой, более совершенный способ укрыться от Яхве.

Скоро меня осенило! Бог каким-то образом ведаёт всем, что со мной происходит. Обнаружить исходящий из любого человека канал, соединяющий нас с ним, оказалось довольно просто.

Исследовав заклинание «плаща-невидимки», я обнаружил, что на время действия заклинания канал прерывается за счёт создания временного разлома между мной и миром. Я как бы иду на шаг позади секундной стрелки. Вывод — обрезать пуповину, канал, соединяющий меня с Яхве — напрашивался сам собой.

В восточных религиях утверждалось, что этот невидимый человеческому глазу канал питает душу, и без него она исчезнет. Я боялся, что это окажется правдой, и моя попытка перерезания поводка приведёт не только к смерти физического тела, но и к гибели души. Но выбора у меня всё равно не оставалось: или я ускользну, или Бог-таки расправится со мной. Решив, что любая религия — это обман Яхве, я рискнул.

Игорь наклонил голову так, чтобы мне стало видно темя. Сделав в волосах пробор, он показал мне на коже чёрные полосы и закорючки, складывающиеся в единый узор:

— Видно? — спросил Игорь.

— Да...

Выпрямившись, он продолжил:

— Знаете, как делается магическая татуировка? Заряжаете буквоеда заклинанием. Затем вымачиваете сутки в чернилах и вместе с этими же чернилами хорошенько размалываете его в миксере до однородной массы. Получившейся жидкостью бьёте нужный узор.

Сделав на темени татуировку, я обрезал поводок, тем самым ослепив Яхве. Он знает о моем существовании, но не может видеть. Я - как паразит в его теле, диверсант в тылу врага. Он не может на меня воздействовать, читать мысли, предугадывать действия. Лишь через взаимосвязь с другими людьми. — Игорь поднял руку, давая мне ещё раз возможность осмотреть пустую ладонь. — Линии сами исчезли со временем — это как побочный эффект. Яхве не властен надо мной, а значит, у меня нет судьбы. Сколько мне лет? — неожиданно спросил Игорь.

— Тридцать, максимум тридцать три, — ответил я, не задумываясь.

Игорь довольно улыбнулся:

— Эту татуировку я набил тридцать четыре года назад. На тот момент мне уже был тридцать один.

— То есть сейчас тебе шестьдесят пять лет? — странно, на этот раз я

не особо удивился.

— Я перестал стареть и болеть сразу, как связь с Богом прервалась. Возможно, я смогу жить до самого Судного Дня, если только сам не захочу спрыгнуть со скалы.

— А монахи? Они тоже... ну... без поводков?

Игорь кивнул.

— И Лёша? — почему-то я не мог вспомнить его в перчатках.

Вместо ответа Игорь встал:

— Если вы, Андрей Иванович, надышались свежим воздухом, пойдёте, навестим Лёшу. Заодно и сами увидите нашего инквизитора.

Игорь привёл меня в точно такую же келью, как моя, только здесь был всего один стол, маленькая полка с книгами и балкон выходил на другую сторону двора.

Когда мы зашли, Лёша сидел за столом, вырезая узоры на деревяшке. Увидев гостей, он улыбнулся мне, как старому приятелю.

Его облачение вызывало у меня неприязнь. Всё-таки он слишком часто менял свою форму — сначала милицейская, затем маска инквизитора, и вот он сидит в монашеской рясе. Мелькнув взглядом по кистям его рук, я заметил, что перчатки он не носил.

— Оправу для зеркала делаешь? — спросил Игорь его, и, не став дожидаться ответа, добавил. — Зачем? После ритуала нам это больше не понадобится.

Лёша зачем-то взял в руки незаконченную рамку.

— Надо же чем-то заниматься, а то можно с ума сойти, дожидаясь завтрашнего дня, — сказал он так, будто сделал что-то плохое.

— Вот, я тебе занятие нашёл, — Игорь кивнул в мою сторону. — Покажи Андрею Ивановичу наше «хозяйство», проведи экскурсию, ответь на вопросы, которых у нашего гостя очень много. — Затем Игорь обратился ко мне. — У меня ещё куча дел. Нужно будет к ритуалу подготовиться. Как-никак завтра предстоит очень ответственное дело. Вы пока с Лёшей всё осмотрите. Как надоест, он отведёт обратно в Вашу комнату. Постарайтесь поспать пару часов: нужно, чтоб Вы себя хорошо чувствовали. Когда придёт время, я Вас разбуду и мы расставим точки над «i». Я пойду...

Бросив на Лёшу еще один взгляд, как бы предупреждая его «смотри, не опозорься перед гостем», Игорь, не закрыв дверь, ушёл.

Оставшись наедине, ни я, ни Лёша не знали, что сказать друг другу. Чувствовалась определённая недосказанность, мешающая нам быть естественными. Молчать не имело смысла, и я решил сделать первый шаг:

— Мне Игорь многое объяснил, — начал я. — И теперь я понимаю, что ты защищал меня от угрозы Яхве, подводя к нужному результату. Спасибо. — Лёша кивнул. С лица его не сходила дружелюбная улыбка:

— Не за что. «Спасибо» не нужно. Ведь мы все здесь работаем ради свободы, и каждый играет свою роль. — Извинения были приняты, можно было двигаться дальше.

— Можно посмотреть твои ладони? — попросил я.

— Можно, только вы не увидите ничего необычного, — когда он протянул ладони, я внимательно осмотрел сначала левую, затем правую. Самые обычные человеческие длани — вдоль и поперек испещрены линиями. Правая немного отличается от левой.

— Я не понимаю (собеседник опустил руки): если твоя связь с Богом не обрезана, значит, Он должен знать обо всём.

— Не значит, — просто ответил Лёша. — У меня всё немного по-другому, чем у Игоря и остальных членов братства. Я покажу...

Сначала Лёша развязал опоясывающую верёвку, затем стянул через голову рясу, оставаясь только в нижнем белье и ботинках. Чтобы мне лучше было видно, он повернулся лицом, затем — спиной, постоял так секунд десять и вновь повернулся.

Спереди по центру и на спине вдоль позвоночника синели татуировки — круглые, разных размеров, исписанные непонятными символами и узорами.

— Эти тату блокируют работу энергоцентров, через которые люди обмениваются информацией с окружающим миром. Именно через них Яхве узнаёт о состоянии человека, его переживаниях и том, что происходит вокруг него на расстоянии пяти-семи метров. Если центры, за исключением теменного, заблокировать, связь с Ним останется, и Яхве продолжит принимать информацию от человека, но минимальную, скорее просто зная о местоположении человека, чем о его состоянии.

В случае со мной блокирующие татуировки было единственным и гениальным решением Игоря.

Лёша уселся на стул.

— Давайте я расскажу с самого начала. Думаю, Вам это будет интересно, — предложил Лёша.

Я, конечно же, согласился.

— Когда мне пришлось столкнуться с братством, я уже второй год работал в Инквизиции в отделе «кармической дактилоскопии». Мы занимались поиском преступников по отпечаткам ладоней, выясняя их биографию и возможное место пребывания. По сути, являясь госслужащими хиромантами, мы искали убийц и воров, с большой степенью вероятности предугадывая будущее и рассказывая об уже случившихся

преступлениях. Не вылезая из-за столов, располагая лишь отпечатками ладоней, мы творили настоящие чудеса, выискивая магических бандитов.

Триумф нашего отдела мог бы продолжаться вечно, но мы столкнулись с непобедимым преступником.

В обоих мирах орудовала группа убийц, целенаправленно уничтожающих определенных людей и даже целые общества. Убийства не были хаотичными. Прослеживалась определенная логика, но уловить её детективам не удавалось. Но самое странное в этих мафиози было то, что они оставались неуловимыми: на их ладонях отсутствовали линии, свидетели их видели в упор, но никто не мог запомнить и описать их внешность. Словно безликие существа, эти идеальные киллеры творили, что хотели.

Большинство их жертв были политиками и видными общественными деятелями. Хотя я не был следователем, пустые ладони не давали мне покоя. И я днями напролёт размышлял о связи между убийствами.

— И ты нашёл связь? — догадался я.

— Нет, — Лёша развел руками. — Игорь нашел меня первым. Можно сказать похитил и, поместив во временной вакуум, рассказал истинную историю человечества. Он предложил мне помочь ему свергнуть Яхве, объяснив, что нужен свой человек в Инквизиции.

— Ты согласился!

— Ну, сначала я попросил время подумать, — ответил Лёша. — Но выбор мне предстояло сделать сейчас — или я соглашаюсь, или я умираю, оставив всё услышанное здесь же. Отпустить меня значило для Игоря подставить себя под удар Яхве и Инквизиции. Я согласился работать с Игорем...

— Так почему он просто не перекрыл твой канал с Яхве татуировкой, как делал с собой и остальными членами братства? — напомнил я Лёше о главном вопросе.

— Если бы Игорь обрезал пуповину, то меня бы в Инквизиции в два счёта вычислили по отсутствию линий на ладони. К тому же, заблокировав мне центры, Игорь придумал способ дурачить Яхве, с помощью буквоедов отправляя через меня Ему ложную информацию. Это было очень удобно. Я работал на два фронта, помогая Игорю и подкидывая Яхве ложную информацию. Затем Игорь попросил меня встретиться с Вами и показать Вам путь в параллельную Землю. Ну, а дальше Вы знаете...

Всё время, пока Лёша рассказывал, он продолжал стоять раздетым, предоставляя мне возможность внимательно изучить его татуировки—блокираторы.

— Тебе не холодно?

— Нет, — спокойно ответил Лёша, пожимая голыми плечами.

— А спать не хочется без амулета? — я только сейчас заметил, что на нём не было тёмно-синего шара, призванного защищать от «побочных симптомов безвременья», озноба и сонливости.

— Нет, а должно? — возникало чувство, что Лёша не испытывал дискомфорта от пребывания во временном вакууме.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Просто Игорь дал мне вот это, — я до-стал из-под свитера амулет и показал Лёше, — и сказал носить, чтобы не мёрз.

Лёша молча помотал головой, давая понять, что не в курсе.

— Ну и ладно, — как ни в чем не бывало отмахнулся я, желая показать Леше, что это мелочи. Но сам-то я понимал, что Игорь не из тех людей, кто делает лишние движения. От человека, собирающегося стать Богом, не стоит ждать случайностей. — Одевайся и пойдём, в конце концов, на экскурсию.

Лёша, как и Игорь, долго вёл меня коридорами и лестницами. Снаружи маяк и пристройка с жилыми кельями не казались такими огромными, как изнутри. словно услышав мои мысли, он обернулся, и сказал:

— Игорь немного переделывал внутренне пространство помещений — увеличил количество комнат и их размеры. Поэтому внутри здание больше, чем снаружи.

— Вот как?

— Да, — обрадовался Лёша, что смог меня удивить. — Помните, как Воланд в «Мастере и Маргарите» из квартиры сделал просторную залу для своего бала? Так же и Игорь немного увеличил маяк для своих нужд.

«Ага, — подумал я про себя, — только Игорю для возможностей Воланда требуются буквоеды!»

— А как он это сделал? — вслух спросил я.

— Сейчас сами всё увидите. Мы как раз пришли...

Ступеньки закончились, и мы оказались перед большой металлической дверью, наподобие той, что в кораблях — с металлическим колесом — на случай, если понадобится «задраивать шлюзы».

Привычными движениями Лёша повернул вентиль и открыл дверь, затем жестом предложил мне войти:

— После вас, Андрей Иванович.

Шагнув внутрь, я оказался на решётчатом полу. Бункер! Точно такой же, где меня поджидал Игорь! Высокие бетонные идеально ровные сте-

ны широкой трубой уходили вверх, заканчиваясь стеклянным сводом. Так вот куда ведут теплицы!

Я шагнул на металлический пол. В мгновение со всех сторон меня окружило стрекотание – точно такое я слышал в маленьком магазинчике, расположенном посреди чёрного рынка. Хозяин-карлик тогда сказал мне, что этот звук – песнь буквоедов, приветствующая настоящего писателя. Сейчас звук явно исходил из под моих ног. Я глянул вниз.

Под ногами плескалась кристально чистая вода и больше ничего. Звук исходил именно от неё.

Всё пространство вокруг было заставлено двухъярусными кроватями. Если бы не особенность самого помещения, где находились спальные места, можно было решить, что я в казарме.

– Под землёй находится настоящий завод, – сказал Лёша.

– Серьёзно? – я пытался понять, какие вещи можно производить в столь странном месте.

– Буквоедов, – спокойно пояснил он. Судя по интонации, для него это так же ясно, как почему люди спят лежа. – Здесь находится один из сорока семи действующих в обоих мирах заводов, производящий семьдесят процентов всех буквоедов. – Лёша на секунду замолчал, чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха, – Эгей! – прокричал он. Эхо его голоса долго не умолкало, отскакивая от стен.

Дождавшись, когда затихнет эхо и останется лишь тихий плеск воды, я спросил:

– Эти кровати... зачем они здесь?

Словно желая удостовериться в их материальности, Лёша подошел к ближайшей и постучал костяшками пальцев по металлическому каркасу:

– Сейчас мы находимся в цехе выращивания буквоедов...

Так вот откуда стрекочущий звук! Буквоеды находятся в резервуаре. Я заметил, как и в случае с магазином, что звук потихоньку становился тише – маленькие зверьки постепенно привыкали ко мне.

– Вы ничегошеньки не знаете о зарождении буквоедов, верно?

– Только то, что они способны собирать, упорядочивать и хранить энергию, – сказал я всё, что о них знал.

– Видели когда-нибудь в море ночное свечение маленьких медузок?

– Биолюминесценция. Знаю, недавно по телевизору смотрел про них передачу.

– Вот из них-то и получают буквоеды.

– Серьёзно? – не на шутку удивился я.

– Да, но сначала нужно их отловить. Берём, с помощью мощного на-

соса перекачиваем из моря воду... — Не отвлекаясь, Лёша продолжил подробнейшим образом описывать процесс зарождения буквоедов из обычных медуз. — Закачиваем морскую воду в резервуары. Моллюски стремятся к свету, то есть всплывают наверх. Там-то мы их и собираем, отправляем в другой цех, где пускаем по длинной спиралевидной трубе...

— Зачем?

— Просто не все медузы светятся, а для буквоедов нужны именно те, что с биолю...люи...

— Люминесценцией, — пришел я на выручку Лёше.

— Да. И их нужно отделить от непригодных. В крошечной темноте они несутся по длинной трубе, пока медузка не блеснёт, чем выдаст свое магическое призвание. Чувствительные к свету датчики дают сигнал, и маленькие насосы забирают счастливицу. Дальше подходящие медузы попадают сюда. В этом резервуаре, — Лёша показал в пол, — находится кристально чистая пресная грунтовая вода. Это нужно, чтобы медузы не питались привычной едой, то есть планктоном, коего в избытке содержится в морской воде, а голодали. Тогда-то и приходим на помощь мы — люди. — Лёша похлопал по кровати, словно это был его личный «Бентли». — Члены братства приходят сюда спать.

— Сюда?

— Вода заряжается сном и получается особая вода-пева. В ней растворены наши сны, вот их-то голодные моллюски постепенно приучаются есть. Есть только одна особенность... Чтобы стать буквоедами, медузы должны есть не все сны подряд, а только кошмары.

— Почему кошмары?

— Не знаю. Но именно они меняют структуру медуз, делая из них буквоедов.

Я вспомнил старую хозяйку и её наставления о заряженной снами воде.

— Не так уж часто вам снятся плохие сны, и поэтому вы скупаете певу с кошмарами у местных жителей?

— Да, — согласился Лёша. — Неприятно зависеть от других людей, но что поделаешь... Приходится сотрудничать с соседней деревней.

— Мне Мария Фёдоровна показала специальную чашу, которая помогает выделить из воды сон. Получаются такие цветные плёнки.

— Кто такая Мария Фёдоровна, я не знаю... — кивнул он, показывая, что понимает, о чём идет речь. — Наверное, одна из местных. А вот сосуд порождает особые вибрации, благодаря которым местные выделяют из воды сны. Называется это вещица звон-чашей. Тоже изобретение Игоря: особые сплав и форма делают её незаменимым инструментом в

деле добывания снов. Кстати, этот цех полностью повторяет форму звон-чаши, а стены покрыты слоем того самого сплава. Иначе медузам нечего будет есть.

Это означало, что сейчас я находился в увеличенной копии того самого сосуда, что показывала мне Мария Федоровна на своей кухне. Помню, тогда меня больше всего удивило, что при касании к чаше я слышал гул точь-в-точь, как тот, что появился неподалеку от монастыря. Возможность найти ответ ещё на пару вопросов мне обрадовала.

— А не из-за этого ли цеха стоит гул по всему лесу? — предположил я.

— Из-за него. Игорь смог ограничить шум на определенное расстояние, чтобы местные не бунтовали. — Природа таинственного шума оказалась куда интереснее, чем я предполагал.

— И как долго медузам требуется питаться кошмарами, чтобы вырасти в буквоедов?

— В среднем месяца за два—три медузы становятся способными собирать и хранить энергию не только снов, но и заряженных букв. Так рождаются буквоеды.

— А дальше?

— Дальше, — продолжил рассказ Лёша, — мы вылавливаем их из аквариума. Часть отправляем на маркировку: ведь некоторые буквоеды выходят бракованные, а остальные - разной силы... Другую часть продаем оптом.

— Так вот зачем к монастырю подведена железная дорога?

— В сезон отсюда уходит до четырех вагонов буквоедов, — подтвердил он.

Не знаю почему, но на душе было противно. Словно желая найти причину этого, я ещё раз осмотрел весь цех.

— Вы закачиваете воду с моря, а она просачивается через скалу?

— Не только, Андрей Иванович. Почему Игорь выбрал для завода именно это место? Оно уникально — сочетание пресных грунтовых вод и близость моря. Можно фильтровать морскую воду в поисках медуз и наполнять огромные емкости чистой пресной водой. Да, затем она вытекает через стены. Так и получается плач-гора с солёно-пресными слезами. Нужно очень большие объёмы воды перекачивать — насосы не справляются. Избыток просачивается через грунт, создавая эффект водопадов. Местные, конечно же, догадываются, что это не природное явление, а дело наших рук. Но братству это не мешает. Правительство всё равно нас не тронет.

— Вы им платите? — мое журналистское чутьё подсказывало, что я наткнулся на настоящую сенсацию, которая полностью перевернёт

представление о привычном мире, поставив с ног на голову жизнь даже самого простого человека. Вот только здесь я был не как журналист, а как... кто? Не знаю. Сначала нужно найти свое место в новом мире, а затем рассказывать о нем остальным, придумывая заголовки типа: «Бог — предатель среди людей» или «Немного о повседневной магии». Фу, с такими названиями единственный, кто решится меня опубликовать, это жёлтая пресса.

— Платим ли мы местным властям? — перефразировал Лёша мой вопрос, но отвечать не спешил, не зная, откуда лучше начать. — Андрей Иванович, Ваш вопрос даёт понять, что вы не представляете масштабы проекта Игоря.

— Что может быть масштабнее революции против верховного существа нашей Вселенной? — постарался я оправдаться. Мне не хотелось признавать свое ограниченное понимание — сколько я ни пытался понять суть происходящих со мной событий, я словно погружался ещё глубже. В трясине, где я увяз, не было дна.

— Нет! — прервал мои мысли собеседник. — Я сейчас даже не об основе, на которую опирается любое действие Игоря. Давайте представим, что нет никакого Бога-злодея, а есть лишь мир, и Вы в нём живёте.

Всего месяц назад, до нашего знакомства, Вас окружала самая обычная жизнь: проблемы, кризисы, радиация, бытовое насилие, курс доллара и война на Ближнем Востоке — всё это столь же естественно, как желание вкусно поесть или переспать с женщиной.

Но вот в Вашей жизни появляется буквоед, магия и параллельные миры. Что Вы делаете? Вместо того чтобы полностью переписать картину мира, Вы новое видение пытаетесь положить на старое. И это Ваша ошибка в корне!

— Лёша, ты о чём? — мне не нравилось, как он говорит. Так, будто ему надоело притворяться дружелюбным, и он, наконец-таки, решился высказаться.

— О том, Андрей Иванович, чтобы Вы попытались отличить главное от второстепенного, пока есть такая возможность... Забудьте про власть денег — она закончилась сразу, как в конце XIX века в моём мире открыли буквоедов, а в начале XX они пересекли границу миров и попали на Вашу Землю. С тех пор все войны, конфликты между странами, выборы-перевыборы, СМИ и сильные мира сего — всё вертится вокруг тех возможностей, что дают буквоеды.

— Для чего нужны деньги, Андрей Иванович? — спросил Лёша.

Понимая, к чему он клонит, я ответил:

— Чтобы покупать товары и услуги.

— Нет, Андрей Иванович. Это для большинства в вашем Мире день-

ги нужны, чтобы купить «Айфон» или «Майбах». А у нас люди живут ради возможностей волшебства: от малыша до старика, от нищего до олигарха — у каждого есть заветные желания, которые может осуществить магия буквоедов. Вы понимаете, практически любые желания! Это и есть главный товар — человеческие желания. Кто исполняет желания, тот владеет людьми.

— Так устроено в твоём мире, Лёшенька!

Мои слова лишь рассмешили его:

— Андрей Иванович, не будьте наивны. Сильные мира сего всегда первые получают всё самое лучшее. Так было всегда вне зависимости от мира.

— Ты хочешь сказать... — понял я.

— Что ваши верхушки зарабатывают деньги не ради вилл и яхт, а ради новой порции буквоедов, — закончил он за меня: чёрный рынок буквоедов уже давно существует на Земле.

— Ты так говоришь, будто буквоеды — это наркотик.

— Верно! Они есть возможность осуществить фактически любую задумку. Любую! А это манит больше, чем героин. Вы даже не представляете себе, как люди используют мощь магии.

— Так будь добр, поведай!

— Игорь создал самую прибыльную корпорацию по производству главного магического сырья в обоих мирах. Его детище так и называется — «Корпорация», ведь её как бы и не существует... в обоих мирах. Буквоеды — самый покупаемый товар после еды и вещей. Чистая прибыль от десяти до ста тысяч процентов с буквоеда. Ни один из видов бизнеса не приносит столько денег.

Но сфера деятельности Корпорации не ограничивается производством буквоедов. Главный доход — это исполнение желаний под заказ.

— Любое желание?

— Абсолютно!

— И даже убийство?

— Разумеется, — кивнул Лёша. — На него работают лучшие наемные убийцы — те самые, за которыми я гонялся. Орден Безликих. Знаете, каким образом им удаётся бесследно исчезать после выполнения очередного заказа? Не имея повода, а лишь пустые ладони, они не боятся свидетелей и часто действуют в открытую — всё равно их лица никто не запомнит. Самое классное в работе Ордена — это их оружие. Буквоеды сохраняют и воспроизводят информацию (что-то вроде мощных жёстких дисков). На них можно записать как магическую энергию, так и любые переживания человека. Всё что угодно они могут впитать, словно губки.

В моём мире у Корпорации есть договорённость с больницами о том, что Игорь поставляет буквоедов для тяжёлых пациентов с сильными болями. Чтобы впитать боль, требуется совсем мало магии. Лучшего обезболивающего, чем буквоед, вбирающий нестерпимые мучения онкобольного, не существует. Андрей Иванович, а представляете, если заполненного до отказа такой болью буквоеда высвободить на человека?

— Болевой шок? — мой голос казался чужим.

— Именно! — Лёшу явно вдохновляли такие возможности. — Нервная система не выдерживает этой нагрузки и просто перегорает. А убийца исчезает безликим призраком. Идеально!

Меня перекосило от отвращения. Ужасная смерть. Но Лёша вроде и не замечал моего омерзения, хотя смотрел в упор.

— Многие люди хотят уничтожить таким болезненным способом своих конкурентов, врагов, бывших возлюбленных. Очень прибыльно...

— Какие еще желания исполняет Корпорация Игоря? — с трудом сдерживаясь, спросил я того, чьё лицо мне хотелось разбить о металлический пол.

— Всё! Наркотики, секс, алкоголь — это в прошлом. Буквоеды могут дать много больше! Любой человек найдёт, что получить благодаря магии. Бизнесмены заказывают опыт — от знания всех языков до управления организацией и умения летать на самолете. Старики могут проживать заново свои или чужие воспоминания, словно всё происходит наяву. Или самая распространённая магия, когда чувства и переживания вводятся внутрь — оргазм, вдохновение, спокойствие, свобода, сила, или даже религиозное единство с миром — всё что хочешь! Продажа ощущений — очень выгодный бизнес. Мы делаем людей счастливыми!

— И откуда берутся эти чувства на продажу?

— Мы скупаем их по дешёвке у Собирателей Чувств — одна из самых высокооплачиваемых профессий в моем мире. А затем продаём тем, кто готов за это платить. Мы исполняем любые запросы...

— Это всё? Или есть ещё что-то, чем занимается Игорь?

Лёша задумался на несколько секунд:

— Ах, да! — вскрикнул он. — Чуть не забыл. Совсем недавно Игорь придумал заклинание «Предназначение». И оно за полтора года стало удивительно популярным у любых организаций. «Предназначение» скупают вагонами. Пришлось даже открыть несколько дополнительных филиалов по продажам...

— Что это ещё за «Предназначение»?

— Гениальное заклинание! Если бы Вы поближе соприкоснулись с магией, Андрей Иванович... если бы у нас было чуть больше времени, Вы бы узнали столько интересных вещей! Например, что составить

правильно заклинание не так уж и просто. Каждое слово — это образ. В сочетании с другими образами, то есть словами, оно может менять свой первоначальный смысл. Составить правильную фразу для заклинания, чтобы она привела к нужному результату — очень сложно и рискованно.

Лёша сам не заметил, как дал мне ещё одну подсказку. Интересно, сколько людей погубили Игорь и его команда, разрабатывая новые заклинания?

Допустим, вечером Вам предстоит свидание с шикарной женщиной, — продолжил он, — а в своем либидо вы уверены не до конца. Вы покупаете заряженный текст... слабенький... чтобы хватило на полчаса. Составляете фразу «Член, стой!», наивно полагая, что вас это обеспечит необходимой силой. Вот настает момент, когда настает пора раскрыть свои возможности. Вы идёте в туалет, достаёте из хранилища медузу, одеваете её на палец и проводите ей по коже. Бах! И вместо качественной эрекции получаете судорогу рук и ног.

— Были такие случаи? — мне почему-то слабо верилось.

— Ещё бы! — фыркнул Лёша. — На каждом шагу. У нас даже специально книги с сертифицированными заклинаниями продаются. Но беда в том, что потребности людей выходят далеко за рамки каталогизированных предложений. Вот потребители и продолжают самостоятельно экспериментировать на свою беду.

На самом деле, правильно составить заклинание — целое искусство. Причем с патентовой политикой на изобретения новое заклинание всецело принадлежит автору и в одночасье может озолотить счастливого. Смертность среди Заклинателей очень большая, но и вознаграждение значительно больше, чем у Собирателей Чувств.

— И, судя по всему, Игорь озолотился на магии «Предназначение»? — догадался я, что Лёша хотел объяснить.

— Не то слово! Тем более что за производство этого заклинания не требуется платить авторские отчисления, как это бывает в случаях, когда мы используем чужие формулы.

— Только мне до сих пор неясно, в чем гениальность «Предназначения»?

— О, это просто. Игорь Вам уже рассказал, что наши планеты — не что иное, как божественный сад, а мы — лишь пицца?

— Да.

— Так вот, Андрей Иванович, воспринимайте рассуждения Игоря в прямом смысле. Мир принадлежит посредственностям, которые и знать ни о чём не хотят, кроме удовлетворения своих базовых потребностей: есть, спать, размножаться да развлекаться...

— Стоп-стоп-стоп! — остановил я Лёшины рассуждения. — Я чего-то не пойму. То Игорь говорит, что люди чуть ли не боги, которым не дают развиваться. То ты сейчас называешь людей бездумным стадом, окончательно меня запутывая. Вы уж определитесь.

Лёша лишь пожал плечами:

— Никакого противоречия, Андрей Иванович. Большая часть человечества полностью увязла в игре, называемой «выживанием», спит до самого последнего момента, практически не меняясь из жизни в жизнь. И лишь горстка душ двигается вперёд, неосознанно стремясь вырваться из пут Яхве. Сами этого не осознавая, желая выбраться из материи и стать богами, они ведут за собой толпы, в итоге полностью сводя на нет попытки Яхве оставить сознание людей замороженным. Я хочу сказать, что среди нас есть те, кто сидит на одном месте, и другие, кто на своем горбу тащит первых к свободе. Почему так устроено, я не знаю, но это факт.

Таких посредственностей большинство. Они проживают посредственные жизни, посредственно работают и также посредственно умирают, ничего после себя не оставив. Заклинание «Предназначение» помогает сделать из посредственного работника человека с горящими глазами и страстью к своему делу! Представьте, что Вы директор компании и Вам надоело, что ваш бухгалтер, экономист, водитель и даже уборщица работают лишь бы как, являя собой воплощение равнодушия и мелочности. Когда Вам это надоедает, Вы раскошеливаетесь и покупаете у нас заряженного «Предназначением» буквоеда. Сделав своими работникам «прививку», Вы получаете вместо посредственных сотрудников настоящих творцов, мастеров своего дела с неординарными подходами и любовью к своей работе.

Да, это очень дорого, но в итоге Вы приобретаете лучшего на свете бухгалтера или уборщицу, вылизывающую помещение до зеркального блеска. Их призвания меняются в зависимости от запросов работодателя.

Лёша замолчал и напряжённо следил за моей реакцией. Видимо, он хотел, чтобы я разделил его восторг.

— А разве это не прямое вмешательство в коридор судьбы, установленный каждому из нас?

От меня он явно ждал не этих слов.

— Вы очень прозорливы, Андрей Иванович. В результате этого заклинания, собственно, как и любого другого, нарушающего сюжет жизни человека, линии на ладони меняются. Сценарий полностью переписывается, что Яхве, наверняка, не по нраву.

— И много Игорь заработал на этом заклинании?

Лёша уловил в моем голосе нотки презрения:

— Много. Компании по достоинству оценили труд творческих личностей, и спрос на «Предназначение» только растёт. Но гениальность даже не в количестве заработанных денег...

— Да? — скептически произнес я.

— Игорь заставил платить корпорации за эволюцию людей, чего ещё никому не удавалось. Существует закономерность — чем больше человек работает, вкладывая в дело всего себя, тем быстрее его сознание эволюционирует, избавляясь от иллюзорных проблем и открывая в себе Бога.

Когда люди занимаются любимым делом, пусть и искусственно привитым, происходит резкий скачок уровня духовности...

— И всё прямо так радужно, как ты рассказываешь? — мне не верилось. Что-то здесь было не так, и Лёша подтвердил, хоть и с неохотой, мои догадки:

— Конечно, есть проблема. Чем выше общечеловеческий уровень души, тем ближе мы к Концу Света.

Я уже знал это из разговора с Игорем!

— Корпорация, зарабатывание денег, производство буквоедов и даже Орден Безликих — всё это создавалось Игорем во имя пробуждения людей. Он знал, для того, чтобы вырваться из цепи перерождений, потребуется революция сознания всех людей в обоих мирах, а на это нужен невиданный капитал. Чтобы реализовать задуманное, Игорь сделал ставку на буквоедов и не прогадал, став, фактически негласным властелином двух миров. На его поводке почти все страны. Он — эликсир счастья и исполнитель желаний для властителей. У него в руках ниточки, ведущие к элите любой страны. При этом он остается в тени и над законом.

Вы понимаете, он управляет миром, ведя послушно агнцев Божьих к молниеносной эволюции. У него почти это получилось. Люди, во многом благодаря ему, стали сознавать себя богами. Но он просчитался. Игорь до последнего момента не знал, что Яхве не позволит ему устроить побег, уничтожив людей быстрее, чем мы станем богами во плоти.

Только недавно стало известно, что единственный способ сбежать — свергнуть Законы Яхве. Тогда-то и понадобился другой план, главное действующее лицо в котором — Вы, Андрей Иванович.

Игорь не зря попросил меня рассказать Вам всё — и даже о том, что может Вас отпугнуть от нашего замысла. Поверьте, Андрей Иванович, чтобы Вы там себе ни думали, Игорь сделает всё ради свободы людей... Свободы людей от Бога. Цель оправдывает средства. Любые средства хороши, даже самые чёрные, потому что цель велика. Цена свободы

человечества — тысячи жизней и жизнь самого Игоря. И никто это не собирается скрывать от Вас.

А деньги, которые он заработал, все до единого рубля шли по назначению. Знаете, во сколько обошлось устроить диверсию и перекрыть все кротовины из того мира в этот, чтобы Инквизиция не мешала? В огромную сумму.

Кто разработал весь план? Кто смог создать империю? Кто стал вторым после Бога? Именно Игорь достоин стать первым, даже несмотря на все его грехи.

Знаете, Андрей Иванович, в любом случае, завтра всё кончится. Мы или освободимся, или исчезнем. Но, в любом случае, независимо от результата, я был счастлив работать с Игорем... с человеком, обладающим нечеловеческим размахом мысли. Даже если у него ничего не получится, Игорь уже подобрался так близко к выходу, как никому ещё не удавалось.

Андрей Иванович, доверьтесь Игорю! Он достоин Вашей веры. В Вашем взгляде много непонимания и отторжения, но просто примите — он всё делает правильно, даже если ошибается. Верьте Вы, как верю я, что завтра он станет Им.

Мне требовалось многое обдумать. Я попросил Лёшу отвести меня обратно в комнату-келью.

Судя по выражению лица, он не на шутку расстроился — ему хотелось ещё побыть гидом по странному миру буквоедов. А мне хотелось спрашивать, постигая всё больше столь непохожий на родную Землю мир магии. Но сейчас были вещи и поважнее, чем удовлетворение любопытства.

— А где остальные монахи? — спросил я, пока мы блуждали по коридорам. — За всё время мы так никого и не встретили.

Лёша обернулся:

— Почти вся братия осталась за пределами защитной оболочки. — Я понял, что под защитной оболочкой Лёша подразумевает шар безвременья. — Чем больше внутри людей, тем больше энергии требуется на поддержание временного разрыва. Поэтому, как только Вы попались, Андрей Иванович, монахи разошлись кто куда, а здесь остались лишь я, Вы, Игорь и ещё парочка помощников.

— Понятно... А сам Игорь сейчас где?

— Скорее всего, в башне маяка, в главном зале готовится к ритуалу. Но сейчас его лучше не отвлекать, — предусмотрительно предупредил Лёша, если вдруг я захочу сейчас же отправиться к Игорю.

Остальной путь мы проделали молча — Лёша просто вёл меня, а я

покорно следовал за ним, пока мы не оказались в коридоре со множеством дверей. Лёша выбрал одну из них. Никакого замка на ней не оказалось. Лёша просто постучал, и раздался знакомый шелчок.

— Эта дверь — тоже изобретение Игоря. Замок встроен внутрь и открывается только с разрешения хозяина.

— Хозяина? — переспросил я.

— Это келья Игоря. Здесь и рождались все могущественные заклинания, — Лёша толкнул дверь, словно лакей, открывая передо мной «гостиничный номер люкс». — Изю всех мест в обоих мирах именно в этой комнате он проводил больше всего времени, отсюда руководил всеми филиалами и братством.

Мы вошли внутрь, и я ещё раз, более критично, осмотрел каждый метр помещения. Кто ж знал, что, когда я называл это место «логовом алхимика», то оказался прав на сто процентов?

— Почему Игорь разместил меня именно здесь? Тем более что остальные кельи пустуют! — его выбор мне показался странным.

Леша тоже не знал наверняка:

— Может, Игорь хотел показать Вам, что ему нечего от вас скрывать? Ведь здесь находится всё — его записи, расчёты, книги — абсолютно всё, чем он пользовался. Поэтому любое его слово вы можете подвергнуть проверке и убедиться в искренности.

«Ну-ну...» — ухмыльнулся я про себя.

— А самозакрывающаяся дверь только в келье Игоря? — я и не собирался скрывать свое недоверие.

Леша прекрасно понял, к чему я задал этот вопрос:

— Да. В остальных кельях даже замков нет. Но вы не думайте, Андрей Иванович, что Вас поместили сюда из-за замка! Вы гость и в любой момент можете выйти, — разволновался он.

— Я знаю, Лёш, — попытался успокоить я парня. — А куда Игорь перебрался после того, как я его комнату занял?

— Да он из главного зала-то и не вылезает... — хотя Лёша и отвечал на мои вопросы, ему не было ясно, зачем мне интересоваться такими незначительными вещами.

— И даже спать там оставался?

— Нет, — вспоминал он с неохотой. — Пока Вы лежали без сознания, Игорь единственный раз спал там... — Лёша указал в стену, подразумеваемая соседняя комната. — А зачем Вам это?

Он ничего не заподозрил, просто ему была непонятна причина моего любопытства.

— Просто хотел узнать спят ли те, кто лишен «поводка», — слукавил я.

— А-а-а... — улыбнулся мой гид. — Конечно, спят! Телу же всё равно нужна энергия!

— Теперь всё прояснилось, — пусть думает, что вопрос сна меня больше не интересует.

— Ладно. Тогда отдыхайте. Скоро настанет «время икс» и Вам понадобятся силы. Постарайтесь поспать...

Я прошёл к кровати и улёгся, запустив руки под подушку:

— Спасибо, Лёша, за всё. Уверен, у нас получится осуществить план Игоря, — дождавшись от него дружелюбной улыбки, я закрыл глаза, притворился, будто собираюсь спать. Мои руки сжимали хранилище буквоеда. Слава Богу, на месте! Осталось дожидаться, когда мой провожатый уйдёт.

Как только дверь закрылась и шаги в коридоре стихли, я решительно поднялся, точно зная порядок действий.

Сначала снял с себя амулет. Он уже успел приобрести светлоголубой оттенок. Держа «подарок» Игоря за шнурок, я внимательно его осмотрел — шар оберега казался абсолютно цельным, нигде никакого отверстия. Но жидкость должна же как-то попадать внутрь? Лишь сняв кожаную плетёную оправу, я, как и предполагалось, нашёл маленькое отверстие, закрытое пробкой из прозрачного силикона.

Странно, но я немного нервничал... Ни в чём до конца не уверенный, полагаясь лишь на профессиональную интуицию, не раз спасавшую мне жизнь, я пытался найти в идеальной, складной истории грязные пятна. А интуиция подсказывала, что их хватало.

«Этот амулет избавит вас, Андрей Иванович, от сонливости и холода — побочных эффектов безвременья!» — вспоминал я слова заботливого хозяина маяка. Затем в памяти всплыло, как Игорь забрал использованный талисман с моей кровати, мол «чтобы не мешал». И Лёшино удивление, когда он смотрел на вещицу — ни о каких «побочных эффектах безвременья» он не знал.

Я подошёл к балконной двери. Через стекло всё так же проникал холодный люминесцентный свет. Контур внешнего, подвластного Яхве, мира размылись окончательно — теперь маяк плавал посреди бескрайнего океана топлёного молока.

Подковырнув силиконовую пробку, я откупорил стеклянный шар. Что же мне говорила Мария Фёдоровна? «Если выпить вот эту воду в малых количествах, чтобы не отравиться, то можно увидеть во сне твои воспоминания или кошмары!» Приподняв сосуд над головой, я продекламировал:

— Ваше здоровье, Мария Федоровна! Спасибо за совет. — И на свой

страх и риск выпил всё содержимое стеклянного шара до последней капли.

Вернувшись на кровать, я стал ждать...

Сколько времени прошло? Десять минут? Полчаса? Здесь, действительно, стрелки часов будто замерли. Я уже готов был признать свою ошибку, когда, в очередной раз моргнув, вместо привычной темноты увидел яркие пятна.

Лишь стоило закрыть глаза, как видение полностью завладело мной. Я смог увидеть всё, что со мной произошло с момента, как амулет попал в моё поле: все образы, мысли и сомнения я видел и слышал, словно переживая заново. Видение прокручивалось в обратном порядке, но это не мешало мне воспринимать каждое переживание отчетливо. Вот Лёша рассказывает о Корпорации... и я сомневаюсь в чистоте помыслов Игоря... а вот он вывел меня во двор... Вот Игорь передаёт мне амулет... Я как бы увидел себя со стороны, заглянул в себя самого: все мысли и чувства были как на ладони. Я внимательно следил за тем, что происходило как снаружи, так и внутри меня. Но важнее было другое — ведь до того, как оберёг попал ко мне, Игорь сам держал его возле себя. Знает, я могу заглянуть в его мысли!

Я думал, что мне повезло. Но как только произошло переключение с моих переживаний на память Игоря, со мной случилось что-то странное...

Не было ни мыслей, ни переживаний, ни сомнений. Я просто наблюдал, как Игорь движется спиной от моей двери к соседней келье. Гладит дверь, и она открывается. Вот он заходит внутрь: стол, кровать, полка с книгами, балконная дверь. Все аккуратно разложено по своим местам. Полный порядок, точно такой, как в голове Игоря — просто НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОРЯДОК.

До того момента, как вода попала в талисман и Игорь насыпал туда какой-то окрашивающий порошок, он открыл ящик стола, взял колбу со снадобьем. А рядом лежала книга в чёрном кожаном переплете. Очень похожая на ту самую, которую Игорь тщательно составлял из моих черновиков. Её-то я и надеялся найти. Чутьё меня не подвело — Игорь искусственно создал в своём кабинете-комнате-келье беспорядок (хотя он очень аккуратный человек), чтобы я лишь терял время, если вздумаю найти книгу, отправившую меня в Анатану.

Видение исчезло.

Сидя в абсолютной тишине, слыша биение своего сердца, я не мог пошевелиться, боясь спугнуть вспышку озарения. На задворках сознания, где-то за стеной мыслей появилось что-то важное, ключ к разгадке личности Игоря. Что же с ним не так? Скорее! Ещё чуть-чуть - и я упу-

щу шанс задать правильный вопрос...

Когда я был в его шкуре (это было удивительно и прекрасно) я словно пережил мгновение совершенства. Я, то есть Игорь, был совершенен. Особенно это бросалось в глаза по контрасту с тем, кем являлся я. В моей голове постоянно жил какой-то беспределный хаос: немолкающие мысли, сомнения, переживания, эмоции, наложение масок и чуждых идей — запутанный клубок того, кем я и являюсь — человеком.

Игорь же воплотил самоуверенное спокойствие. «Он словно бездушный робот. И всё человеческое ему чуждо...»

Мне не хотелось самому себе признаваться, но секунды, когда я смог побыть Игорем, были самими прекрасными за всю мою жизнь... секунды абсолютной красоты.

Я встряхнул головой. Нужно было выбираться, иначе можно бесконечно лелеять это воспоминание.

Засунув пустой шар обратно в кожаную оправу, я «выронил» бесполезный амулет на пол, но он не разбился. Пришлось наступить ногой. Придирчиво приглядевшись к осколкам у кровати, признался, что не особо похоже на несчастный случай. Игорь не поверит, ну и ладно.

Самооткрывающаяся дверь поддалась не сразу. Оказалось, что нужно постучать три раза и только тогда раздастся щелчок. Ручку потянуть на себя — и я на свободе. Но сбежать не получится, да и смысла нет. Сначала нужно прояснить все до конца.

Прокравшись к соседней двери, попытался её открыть просто толчком, но ничего из этого не вышло. Тогда я погладил дверь так же, как это сделал Игорь в видении — вырисовывая ладонью спираль. Щелчок! Проход открыт.

На всякий случай, не закрывая дверь, я проскользнул внутрь, направился к столу и безошибочно выбрал нужный ящик. Книга была на месте — томик в чёрном кожаном переплете. Точно такой я видел у Игоря в нашу первую встречу.

Взяв его в руки, я открыл посреди, наугад.

«Риша: «Ты можешь не бояться смерти, Аум. Скорее всего, ты родом из другой Вселенной, а, значит, за мгновение до её исчезновения твоя душа вернётся обратно, откуда пришла...»

Что за!.. Я пролистал еще несколько страниц.

«Риша: Так вот, если бы твоя жизнь стала книгой, то какую бы её часть, какой отрывок ты поместил на обложке, сделав его археобразом всей книги, твоей жизни, тебя самого?»

Аум, возмущаясь: Что за чушь? Причём тут это?»

Пролистываю ещё несколько страниц, пытаюсь найти самое главное. Вот оно!

«Аум: «Интересно, а какой ты случай из своей жизни считаешь символом всей жизни? Построй-ка! Кажется, я понял!!!»

Аум осознает Первое Слово. Аум находит ответ на загадку и подробно объясняет всё Рише. Закончив объяснения, они замечают в лесу огни, которые...»

Достаточно!

Положив книгу на место, я вышел из комнаты, поглаживаниями прикрыв за собой дверь, и тремя короткими стуками — вторую.

Оказавшись у себя, первым делом вышел на балкон — захотелось свежего воздуха. О какой свежести может идти речь, если в этом убежище всё, и даже время мертво? Как глубоко я ни вдыхал, надыхаться не получалось.

Какого чёрта вообще происходит?! Меня дурачат на каждом шагу, а я хоть и сомневаюсь, но верю. Что же Игорь на самом деле задумал? Мне срочно требовалось разложить факты по полочкам.

Первое. Загадочная книга, с таким трудом составленная из моих записей, на самом деле содержала не заклинание, способное отправить меня в Анатану — Вселенную, неподвластную Яхве, а описание каждого моего шага, каждого слова и вздоха, прожитого в неизвестном мире. Это могло значить лишь одно: Анатана — всего лишь грандиозный спектакль для одного зрителя, то есть для меня. Игорь смоделировал целый мир по своему усмотрению.

Многое стало проясняться. Некоторые моменты не давали покоя, а теперь я мог найти им объяснение... Например то, как я поступил с Ришей и мое сопротивление Вектору — я не хотел верить, что был способен причинить столько боли моей юной наставнице и отказаться от предназначения. Мои ли это были поступки? Или всего лишь кем-то навязанная роль? И в целом, зачем Игорь заставил меня пережить целую жизнь? Поверить и пройти весь путь под тремя лунами — от пробуждения до сожжения на костре?

«Привезите мне оттуда сувенирчик, Андрей Иванович...»

Ну, конечно! Игорю нужен ключ, способный перевернуть законы мироздания. «Сувенирчик» — это нулевой элемент. Книга ему требовалась для со-здания реалистической иллюзии, погрузившись в которую, я смог познать Первое Слово. Надо отдать должное Игорю. Мало того, что он создал сложный мир, но и заставил меня в него поверить. Возможно, это был единственный способ раздобыть забытый Логос. Это понятно. Вот только зачем было врать про то, что Анатана — вотчина другого Бога, а не виртуальный мир? Неужели всё, что Игорь говорил про Яхве и про курятник, ложь? Так же, как и ложью было то, что амулет мне нужен для избавления от симптомов безвременья — это уже

два. Слишком много лжи за столь короткое время. Не существует никаких «симптомов безвременья». На самом деле, это был просто повод подsunуть мне Воду (идеальный сосуд памяти) как раз перед тем, как я до мельчайших подробностей вспомнил Анатану. Игорю удалось оказаться в моей шкуре и узнать ответ на загадку Риши. Если он выпил певу (а он, без сомнения, её выпил), то Игорь теперь знает, как именно Боги творят Миры и готов занять место Яхве.

Третье. Я ещё зачем-то нужен Игорю. Без меня и какого-то загадочного ритуала, в котором я необходим, он не сможет сместить Творца. Этим можно воспользоваться. Осталось только раздобыть оружие.

Всё это время меня дурачили. Я вышагивал широкими шагами по дорожке, выложенной рукой искусного лицемера и манипулятора. Как я мог ни на секунду не усомниться в собственных знаниях, думая, что все мои открытия — абсолютная и безоговорочная истина. Нет, не Игорь меня одурачил, а моя самоуверенность! Но теперь-то я не стану идти на поводу. Пусть Игорь продолжает думать, что всё идет по плану, и я всё также слеп. Мне это на руку. Осталось лишь вооружиться...

Судя по всему, у меня есть в запасе еще несколько земных часов. Должен успеть.

Пройдя к заваленному бараклом столу, я раскопал несколько листов бумаги и ручку. Устроившись поудобнее на стуле, начал писать продолжение незаконченной статьи. Эту часть я бы назвал так: «Как я провёл последние дни в безвременье».

Мне требовались заряженные буквы для заклинания, и их можно было раздобыть единственно у себя самого.

Конечно, у меня хватало сомнений — получится ли добыть крупицы творческой энергии в безвременье. Но, так как Игорь упоминал, что мой канал с Яхве ещё понадобится, значит, он продолжает действовать. Всё равно попробовать лучше, чем сидеть без дела.

Исписал несколько листов. Остановился. По моим расчётам, этого должно хватить.

Достав из-под подушки маленькую коробочку, хранящую внутри буквоеда, я приподнял крышку и через внутреннюю зеркальную сторону посмотрел на рукопись. Отлично! Некоторые из букв поблёскивали зелёным. Так, сырьё есть. Осталось теперь подобрать заклинание. Но какое?!

От того, как я подберу словесные образы, зависело очень многое. Нужно точно знать, какого эффекта хочу добиться. Заклинание должно быть таким, чтобы могло в случае чего остановить замысел Игоря. Потребуется сначала всё выяснить до конца и только потом действовать. А вдруг у Игоря были причины врать мне — ведь через меня Яхве видит

всё и слышит? Нет, определенно нужно всё узнать до конца и только потом что-то предпринимать.

На чистом листке я попытался подобрать несколько вариантов слов, но не был уверен в том эффекте, который они окажут. Определённо, мне требовалось больше знаний о составлении заклинаний. Ах, если бы прочитать ту книгу с сертифицированными заклинаниями, о которой рассказывал Лёша.

Мой взгляд привлёк книжный беспорядок, царящий в кабинете алхимика. Точно! Ведь эта комната Игоря, и, как сказал Лёша, здесь он составлял свои заклинания, значит, и книга с заклинаниями здесь есть. Я начал искать немедля.

Довольно скоро мои поиски увенчались успехом. Я держал в руках книгу Джоан Ф. Роллинг «Практикум заклинателей. Теория составления заклинаний». Неужели это та самая Джоана — мать Гарри Поттера?

Книга, которую я нашёл, размерами напоминала «Большую Советскую Энциклопедию». Осилить такой объём знаний за несколько часов не под силу даже самому умному умнику, если только этот «умник» не умеет читать душу книг.

— Спасибо, Риша... — прошептал я.

Закрыв глаза, я полностью расслабился, старался очистить мозг от мыслей. Затем сконцентрировался на нужной книге, чтобы получить информацию. Стараясь делать всё, чему меня учила Риша на выдуманной Анатане, я лишь мог надеяться, что полученные там навыки реальны. Как ни странно, но у меня получилось — когда я открыл глаза, книга полностью умещалась в сознании. Такая большая книга в моей голове!

Немного поразмыслив, я записал фразу на листке. Получилось то, что нужно. Теперь осталось зарядить оружие.

Достав из хранилища буквоеда и нацепив его на палец, я стал стирать им отражённые в зеркале заряженные буквы в нужном порядке. Спустя минуту у меня на руке лежал серый комочек.

«Серый — нейтральный цвет», — вспомнил я. Это значит, заклинание в нём нейтральное и подходит как для вреда, так и для пользы. Всё зависит от того, как им распорядится. Всё зависит от того, что расскажет мне Игорь.

Спрятав буквоеда в карман, я подумал, что теперь готов к любому финалу.

Три коротких стука и следующий за ним щелчок раздались совсем скоро. Я лишь успел привести комнату в надлежащий беспорядок и

прилечь, как из коридора послышался звук приближающихся шагов. Началось!

Дверь скрипнула, и в комнату зашёл Игорь. Конечно, притворяясь спящим, я не мог видеть, кто именно за мной пришел, но по уверенным, совершенным движениям можно было легко его узнать.

— Андрей Иванович, пора. Время, — позвал он меня.

— А?

— Нам пора, — дружелюбно улыбаясь, повторил Игорь.

Спустив ноги на пол, я стал не спеша обуваться. Под подошвой туфль хрустнули осколки. Посмотрев на Игоря, я увидел именно то, что и ожидал — хмурый, недовольный взгляд.

— Решил амулет посмотреть поближе, а он из рук выпал, — как ни в чём не бывало, соврал я. — Но, ничего страшного, и без амулета я почему-то не мерзну.

Во взгляде Игоря читалось недоверие.

— Выпал и разбился? — скорее просто повторил он мои слова, нежели переспросил.

— Да... — я поднялся. — Пошли, Игорь. Нам ещё Бога убить надо.

Мы вошли в коридор, даже не закрыв за собой дверь. В воздухе так и нависло понимание, что теперь закрывать двери нет никакого смысла. Игорь всю дорогу молчал. Он был неглуп, и наверняка раскусил мое враньё. Но мне плевать — я не собирался молчать о своих догадках.

На этот раз путь оказался не таким уж длинным. Мы спустились вниз по лестнице и прошли по тёмному коридору без единого окна, освещённому парой тусклых ламп. Если бы не эти лампы, я запросто мог бы решить, что опять нахожусь в коме и попал в Коридор Судьбы. Только вместо далёкого огонька в конце пути нас ждала дверь.

Игорь взялся за ручку и мельком глянул на меня, проверяя, готов ли я увидеть чудо. Так и не произнеся ни слова, открыл передо мной дверь, и...

То место, где я оказался, сложно описать — до этого момента я никогда не видел ничего подобного. Главный Зал оказался той самой переделанной для таинственного ритуала башней маяка. Окон нет, отчего кругом мрачно, но не темно — тысячи огоньков от церковных свечей разгоняли темноту достаточно, чтобы высоко вверху можно было разглядеть чёрный купол свода, резко контрастирующий с круглыми белыми стенами.

Пол испещрён кругами и непонятными символами, похожими на те, что я видел на Лёшином теле. Узоры на полу, на первый взгляд, казались ожившим рисунком, хотя, приглядевшись, можно понять — они состояли из глубоких канавок, по которым бежала вода. Все эти колдов-

ские письма сводились к центру зала, где метровый пустой круг намекал о моей роли в замысле Игоря...

— Как вам? — развеял тишину хозяин, протискиваясь между мной и дверью. Не смея шелохнуться, я застыл в проходе.

— Гнетуще, — честно признался я. — Очень на церковь похоже, только без икон и окон.

Игорю мое сравнение понравилось — он громко рассмеялся. Голые стены башни многократно усиливали смех, превращая его во что-то злое. В книгах такое обычно называют «дьявольский хохот». Отлетающее от стен эхо словно напало на меня, заставив почувствовать тревогу — предвестницу скорых проблем.

— Любопытно, что Вы, Андрей Иванович, сравнили это место именно с церковью. Очень верно! Ведь то, чем я всё это время занимался, больше остального похоже именно на работу священнослужителей...

— Разве?

— Ну, посудите сами. Церковь — это не более чем очередной магический культ, на полную катушку использующий все прелести предметной и вербальной магии. Все атрибуты у церковников на месте. Смотрите... Вместо убиения животных или купания ночами под луной — службы. Вместо заклинаний — молитвы и акафисты. Вместо жрецов — попы. Вместо костра и кинжала — кадило и мощи. Вместо зелий — хлеб и кагор. Вместо демонов или божеств — святые. Одно и то же. Единственное отличие от оккультизма — общественное признание. Когда-то церковь просто победила в борьбе за власть другие культы и стала официальной. Хотя на её месте могла оказаться любая другая магическая организация — какая людям разница, как воздействовать на реальность? Теперь церковь не любит конкуренции — сатанистов, магов, язычников... Кстати, основание теофизики наконец-то уладило этот вопрос. Доказав существование Бога и его неделимость с миром, мы помогли принять тот факт, что разделение духа и материи, науки и религии (той же магии), происходит лишь в умах невежд. И учёный, и священник живут в одном мире, который подчиняется законам как духовного, так и материального, не спрашивая, верят в эти законы люди или нет. Открытие буквоедов и популяризация волшебства сыграла важную роль в параллельном мире. Благодаря им люди перестали делить Вселенную на материальную и нематериальную, и делиться на учёных и верующих... Всё кругом есть магия, волшебство Бога-Отца. Как писал известный астрофизик сэра Джеймс Джинс: «Вселенная — это, скорее, великая мысль, нежели огромная машина».

— И ты с ним согласен? — я не понимал, чего добивается Игорь. Он столько ждал этого великого момента, а теперь расслабляет меня фило-

софией, словно и не собирается через пять минут занять место Бога. Но светская болтовня оказалась мне на руку. Сейчас требовалось выяснить настоящие намерения Игоря.

— Конечно, согласен! — воскликнул он. — Иначе бы я не искал способов управлять этой мыслью по своему разумению. Игорь бродил по залу, перешагивая канавки с водой. Добравшись до центра, он сел на пол внутрь того самого круга.

— Знаете, Андрей Иванович, — устало вздохнул он, скрестив ноги, — за свою долгую жизнь я очень многое успел понять и сделать. Я создал организацию, по величине и могуществу которой за всю историю человечества не было равных. Я помог людям расширить пределы их возможностей. Я сделал так, чтобы люди хотя бы на мгновение с помощью буквоедов почувствовали себя богами во плоти. Когда колдуют перед машиной... когда привораживают понравившегося человека... и даже когда убивают! Пусть так. Пусть люди используют силу колдовства глупо, бессмысленно растрачивая её на незначительные вещи, так и не поняв всего своего величия. Хотя бы так они смогут побывать в роли тех, кем Яхве никогда не позволит нам стать — совершенством!

Андрей Иванович, если у нас всё получится, мы сможем остановить бесконечное развитие и возвращению к нулю. Люди освободятся и когда-нибудь смогут строить свои миры...

Мне было тошно слушать про светлое будущее человечества. Я позволил себя обмануть, поверив в тот мир, каким мне отрыл его Игорь. Но теперь я не верил ни единому его слову. Нужно было вывести этого паяца на чистую воду. Игорь был уверен, что я на его стороне и сделаю всё, что прикажут. Сейчас он расслаблен и не чувствует угрозы. Ну что ж, пускай попляшет вокруг меня.

— Игорь, я не уверен...

Он нахмурился, почувствовав неладное, но не до конца понимая, что я имею в виду.

— Вы о чём, Андрей Иванович?

— Мне, кажется, человек слишком несовершенен, чтобы занять место Бога... Это большая ошибка, думать, что ты способен управлять целыми мирами...

Игорь быстро встал и направился ко мне:

— Вы понимаете, что это единственный способ выбраться с этой проклятой Земли?! — его тон стал повышаться. Всё шло по плану. — Если не сейчас, потом мы не сможем стать богами!

Я лишь пожал плечами:

— Просто я тут подумал... а надо ли оно мне? — дразнил я Игоря. Весь его план прямо на его глазах летел в тартарары из-за моего на-

строения. — Честно говоря, несмотря на все трудности и препятствия, моя жизнь не так уж и плоха: в деньгах не нуждаюсь, вокруг только те люди, которые устраивают меня, творю себе в удовольствие — чем плохо?

— Но ради чего все это?! Всё Ваше творчество, вся Ваша жизнь и тысячи других жизней исчезнут через какую-то сотню лет! Ничего не останется!

Игорь стоял в нескольких шагах от меня. Его глаза налились кровью, и неземной красоты лицо в мгновение изуродовала злоба. Готов поклясться, он готов был вцепиться мне в горло. Я сунул руку в карман, где хранился буквоед. Подкладка в штанах была предусмотрительно порвана, и я в любой момент мог провести буквоедом по голени, активировав заклинание.

— Ну и чёрт с этим миром, — всё так же строя из себя невинный одуванчик, продолжал я. — Пусть всё начнется заново... Я люблю жизнь не за что-то особенное, а просто мне нравится жить. И творчество тоже ради самого акта творения, а не для того, чтобы люди изменились. Зачем мне быть Богом, если меня и человеческая жизнь устраивает? К чёрту совершенство! — Игорь пока не предпринимал действий, просто испуганно глядел мне в глаза. — И вообще, у меня есть теория...

— Что ещё за теория?! — оборвал меня Игорь. — У нас в запасе полчаса, а мне ещё нужно объяснить Вам правила произнесения Первого Слова. Поэтому давай...

— Плевать на часы! — отрезал я. — Всё то время, пока я здесь находился, мне только и приходится слышать о твоём Мире, теперь будь добр послушай меня. — Я замолчал, давая Игорю возможность возразить, но он ничего не сказал. Тогда я спокойно продолжил. — Земля — это не божественный курятник и не ферма. А люди — не животные на убой. А Яхве не питается нашей смертью. Мы ему нужны не для этого...

— И для чего же тогда?! — зло выпалил Игорь.

— Ради наших свершений. Ради творчества...

— Чушь!

Но я не обращая внимания, продолжил:

— Ты сам говорил, что Бог-Отец — это бесконечный потенциал Возможностей и Боги-Сыны реализуют его по своему усмотрению, создавая Вселенные. Бог-Отец создал для себя бесконечную игровую площадку. Ну и что, что Яхве создал уродливый мир, где люди — скот? Но мы-то продолжаем творить, вопреки Яхве, играя с Богом-Отцом. Пусть от нас, людей, ничего не останется. Пусть мы никогда не станем совершенными. Но ведь смысл именно в этом самом несовершенстве! Игра невозможна без правил. Пусть они нечестны по отношению к нам, но в

итоге мы выполняем своё изначальное предназначение. Мы играем... обнуляемся... затем игра начинается заново... до следующего конца-начала...

— Но ведь Игра может быть совершенно разного уровня. Как ты, Андрей, не понимаешь?! — кричал Игорь. Отбросив все формальности он, наконец, перестал играть в этикет, и перешел на «ты». — Игра человека ничто по сравнению с совершенной игрой Бога! Ты этого не пробовал и не знаешь... Ты даже возможности чародейства толком не ощутил, что уж тебе говорить про мощь божества?!

— А ты, Игорь? Ты же знаешь, что такое быть совершенным, а? — я вспомнил то ощущение красоты и гармонии, когда я, выпив воду из медальона, увидел суть Игоря. Я решил идти ва-банк.

— Ты о чём?

Сделав шаг к нему, я наклонился над ухом и прошептал:

— Я знаю, кто ты на самом деле. — Отстранившись, я посмотрел на Игоря. Он выжидающе смотрел на меня, не показывая эмоций. — У воды есть свойство записывать всё, что происходит вокруг неё. Не удивляйся. Мария Фёдоровна (хозяйка, у которой я снимал комнату в посёлке) подробно рассказала о воде и её возможностях. А когда у Лёши не оказалось амулета, якобы защищающего от сонливости и холода, я понял, для чего именно ты мне его дал. Выпив содержимое, я смог увидеть всё сам. Точно так же, как ты увидел весь мой путь на тобой же созданной Анатане — от Коридора Судьбы до ритуального сожжения на костре. Кстати, мог бы придумать для меня другую, менее болезненную смерть... — Игорь не ответил, и я продолжил. — Я смог заглянуть внутрь тебя. Амулет прекрасно помог мне побыть тобой, пока ты находился в его поле. Недолго, пока нёс его из своей комнаты ко мне, но и этого хватило...

— И что же ты увидел, Андрей? — его голос звучал издевательски. Не такой реакции я ожидал. Но делать нечего, других вариантов, как следовать намеченному плану, у меня нет.

— Совершенство... Совершенство, которое не может быть человеком. Ведь ты же не человек, Игорь! Твоё имя, волшебство, учёности, а также те фокусы-покусы, что ты мне показывал в келье — всё это ничто в сравнении с твоими реальными возможностями. Ты не человек, но кто? Кто ты?!

Вместо ответа Игорь приложил палец к губам, мол, молчи и слушай. В тот же миг башню пронзил мощный рев-гул-крик-рокот — совсем как тогда, на Анатане, когда Риша показала мне миг «рождения и смерти Вселенной». Он оглушал, но перепонкам не было больно, будто я слышал его не ушами, а рёв зарождался в голове.

Неспешно оторвав указательный палец от губ, Игорь указал вверх. Подняв взор к потолку, высоко вверху вместо серого свода я увидел водоворот. Закручиваясь спиралью, свод уходил всё выше и выше, пока на его месте не засияла звездная бесконечность. Галактики и скопление звезд, туманности и чёрные дыры — всё это сияло божественным великолепием над моей головой. Звук исчез.

— Андрей, — позвал меня Игорь. Он был спокоен и говорил без толики чувств. — У нас на самом деле мало времени...

— Ты же знаешь, — стараясь оставаться спокойным, я покачал головой, — пока я не пойму, что происходит, не видать тебе моей помощи. Ты мне много врал, и я не понимаю, где ложь, а где правда. Почему я должен тебе помогать, ничего не зная о тебе, а вдруг ты Сатана или замы...

— Люцифер, — сказал Игорь.

— Что? — не поняв, переспросил я.

— Я одна из проекций некой сущности, изо всех имён предпочитающей — Люцифер. Только не пугайся, это ни к чему.

— А я и не пугаюсь, — честно признался я. — Скорее, мне любопытно.

— Хорошо, что не боишься. — Он задрал голову вверх, посмотреть, как там Вселенная на потолке. — Андрей, я всё объясню вкратце.

— Жду...

Игорь-Люцифер тяжело вздохнул, смиряясь с неизбежностью:

— Когда Бог создает Мир, он не может менять первоначальные правила и законы. Ему приходится жить по ним до самого окончания Вселенной. Но есть способ исправить несовершенства. Нужно попросить помощи у другого Бога и, если Его заинтересовать, то он может помочь своим участием, создав некоторые условия. Яхве, создавая Землю и остальные свои миры, слишком хотел быть хорошим... Он создал Рай — Мир без боли и проблем, без страдания и страха. Живя в таком прекрасном мире, в полной гармонии с природой, люди жили тысячи лет, так никуда и не двигаясь, предпочитая созерцать. Яхве понял, что попал впросак — созданный им мир был прекрасен, но не соответствовал задачам Бога-Отца. Он никуда не двигался и не развивался. Рай превратился в неподвижный пруд, где не происходит ничего. Игра Бога была скучной и предсказуемой.

— Значит, я оказался прав! Игра — это главное, и Яхве не нужна наша смерть, — обрадовался я.

— Слушай! — Игорь спешил, всё чаще поглядывая на бесконечный свод башни. — Тогда он, совсем ещё молодой Бог, попросил меня о помощи. Я намного старше Яхве и моя Вселенная находилась на грани

совершенства. Ей предстояло скоро погибнуть, чтобы зародиться вновь...

Несложно понять, что Игорь говорил об Анатане. Значит, он описал её по образу своего Мира.

— ...Мне было интересно поиграть с миром Яхве. Тем более, что я никогда ещё не был со-творцом чужого Мира. И я согласился прибыть туда как совершенное Зло. Я стал страданием, болью, ненавистью, грехами. Я стал тьмой. Я стал Люцифером. Первые люди вкусили плод с дерева познания Добра и Зла. Они познали меня - и вот Каин убивает Авеля. Люди начали развиваться, достигая все новых границ. Они начали двигаться вперед. И всё благодаря мне. Те же слова говорила Риша... Точнее, Игорь её устами, стараясь подготовить меня к предстоящим знаниям. «Физический мир не может существовать без боли. Подумай сам — если твоё тело не испытывает голода, жажды, дискомфорта, тяжести, если у тебя всё есть и тебе ничего не надо, захочешь ли ты развиваться, двигаться?» Вот почему я не шокирован!

Тем временем, Игорь продолжил объяснять:

— У нас с вашим Богом была договоренность, что я помогаю ему привести этот Мир к Концу, чтобы он смог создать новую Вселенную, исправив предыдущие ошибки. Но игра между Добром и Злом так понаправилась молодому Богу, что, когда настала пора людям самим стать богами и завершить Вселенную, он предпочел обнулить опыт душ. Все мои усилия пошли насмарку.

— Если Яхве нарушил договор, то почему ты просто не ушёл, оставив Его творение гнить в совершенстве?

— Я не могу просто так уйти. Я узник его Мира. Я вовлечен в его игру и должен действовать по правилам. Просто так мне уйти не получится. Если я покину Мир Яхве, не завершив цикл Вселенной, меня не станет.

Мне показалось забавным, что Люцифер боится смерти.

— Это не смерть. Боги — не умирают! — прочитал он мои мысли. — Не будет никакого перерождения и нового опыта. Я просто перестану Быть.

— Но ведь Яхве нарушил договор?

— Нет. Я не мог предвидеть, что он пойдет на подлость. Из-за своей непредусмотрительности я обязан находиться на Земле, пока люди не станут богами. А Яхве уже миллиарды лет не дает вам перейти на следующий уровень. Единственный способ для меня выбраться из-под власти Бога — это занять его место.

Андрей, ты даже не представляешь, как мне надоело быть здесь, исполняя одну и ту же роль. Я выполнил свои обязанности на тысячу процентов, множество раз помогая достигнуть уровня богов. Но каждый

раз за шаг до Конца, Яхве всё затевает сначала, выжигая ваши души дотла.

При каждой новой цивилизации, зарождающейся на останках прошлой, я воплощался в теле в надежде найти лазейку в законах Яхве и сбежать из плена. Он никогда не мешал мне воплощаться, думая, что это просто моя забава — способ скоротать вечность. Но я ждал, когда придёт время и в очередной реинкарнации человечества появится что-то способное освободить меня от Договора с Яхве.

— И этим «чем-то» стали буквоеды — существа, способные влиять на реальность? — догадался я.

Теперь-то мне казалось, что я всё понял, но Игорь ответил:

— Нет, буквоеды — лишь один из инструментов. На самом деле то, что способно освободить меня, не вещь... — Игорь прищурился. — А человек.

Внутри меня сжалось сердце, а лёгкие не давали сделать вдох.

— Но зачем тебе я? Ведь ты получил от меня, что хотел. Ты знаешь Первое Слово. Теперь произнеси его и создавай спокойно свою Вселенную...

— Нет-нет! — Игорь посмотрел вверх, а затем перевел взгляд на меня. В его глазах читалась мольба... мольба обречённого на бессмертие, усталость от вечности. — У нас осталось меньше десяти минут!

— Плевать! — крикнул я. Нет, я не мог позволить себе остановиться в шаге от правды.

Игорь сдался на волю моего каприза, не имея права приказывать:

— Забытый Логос — это ключ от мира Яхве. Если угодно такое сравнение, он отпирает двери и главные ворота и помогает найти дорогу домой. Но чтобы выбраться, в первую очередь, нужно обезвредить охранника. Для этого мне и нужен ты — чтобы помочь убить Яхве.

— Так и думал! Ты и не собирался заменить Яхве. Ты хочешь его уничтожить!

— Это единственный путь, — кивнул Игорь. — Я не смогу, да и не хочу связываться с его недоделанным, уродским детищем.

— А что станет со мной? Со всем Миром? Что станет с Землей?! — меня пугала даже мысль об этом.

— Яхве должен понести наказание за предательство и своё неудачное творение. Он исчезнет, исчезнете и Вы... Так должно случиться! Этого не миновать!

«Чёрта с два!» — я почувствовал холод на бедре. Буквоед выпустил подготовленное мной заклинание. Оно вступит в силу немедленно.

— Не миновать? ЭТО С КАКОЙ СТОРОНЫ ПОСМОТРЕТЬ! — шипение сорвалось с моих губ. — Игорь, мне плевать на твои разборки с Яхве

и то, что Он, в итоге — негодяй. Мне просто нравится жить! И это моя точка зрения, — я развернулся к двери, но в тоже мгновение какая-то сила повернула меня лицом к Игорю.

— У тебя нет выбора, Андрей! — зло прошептал Игорь. — Ты был рождён для этой миссии и всю свою прекрасную жизнь жил ради этого мгновения, чтобы позволить Вселенной умереть.

Точно те же слова мне говорила Риша! Так вот, значит, к чему Игорь меня готовил!

— Ты ведь не знаешь своего прошлого, свою дату рождения, своих родителей... зато я знаю — потому что слежу за тобой и планирую судьбу с самого твоего первого вздоха! — Игорь был уверен, что для меня это важно, и я всеми силами попытаюсь раскрыть тайну своего появления на свет. Я замер, внимательно вслушиваясь в каждое его слово. — Ты родился вечером 21 декабря 1963 года в двенадцать минут десятого.

— И что?!

— Жизнь человека делится на семилетние циклы 7, 14, 21... Человек каждый цикл переходит в новый этап — его энергия меняется и происходят крупные перестройки. Так же и с планетами. Земля раз в 75000 лет меняется и переходит на другой уровень. Это и становится причиной гибели — Яхве никогда не позволял человечеству измениться вслед за планетой, раньше уничтожая память душ. Дата перехода — когда на Землю из центра Галактики опустится необходимая энергия — произойдет 21.12.2012 в 21.12. В выбранной мной точке планеты произойдет это через пять минут.

— И мне исполнится 49 лет — я перейду в свой седьмой семилетний цикл? — догадался я.

— Да. В этот момент твой канал совпадёт с планетарным... на мгновение, меньше, чем на полминуты ты сольёшься с Яхве, став с ним единым целым, — в руках у Игоря появилось хранилище буквоеда. — Тогда-то я и смогу стереть реальность Яхве через тебя.

— Я не пойду на это! — отступил я.

— Андрей, ты тот, кого человечество назвало антихристом — сын Люцифера. Люди всегда считали, что ты должен быть воплощением Зла. Но на самом деле ты самый обычный человек. Просто в тебе есть то, что в моих руках делает тебя инструментом свержения Бога. Ты тот, кто родился уничтожить Мир. И это смысл всей твоей жизни, твоя судьба. Не упирайся... Пора!

— Нет!!! — заорал я, но Игорь и не собирался слушать меня.

Я почувствовал, как меня оторвало от пола и плавно понесло к кругу в центре зала. Так и зависнув в воздухе, потеряв всякую волю и чувствительность, я мог лишь слушать голос Люцифера — прекрасный, глу-

бокий, чистый голос моего отца.

— Вспомни, чему тебя учила Риша! — слышал я голос Игоря в голове. — Слейся с энергией Мира. Позволь ей свободно перетекать через тебя. Будь Миром...

Свет затопил меня полностью. Я перестал быть. Я стал крупницей Света, его неотъемлемой частью. Я стал Богом...

— Ты хочешь сказать, что я стану Богом? — не верил я своим ушам. Мне казалось, что эта девчонка что-то путает. Ведь я никак не могу стать Им. Песчинка. Крохотная и ничтожная.

— Я хочу сказать, что на мгновение ты сольёшься с Ним, познав Силу Творящего Логоса. Богом ты не станешь, но соприкоснешься с Ним так близко, как вообще возможно, понимаешь?

— Понимаю... И после этого мгновения Эта Вселенная исчезнет, сжавшись в один маленький звук?

— Первое Слово, Андрей! Произнеси его!!!

— Его нет, — отвечала маленькая крупница света. — Все важно в равной степени, а значит неважно ничего. Один Бог не важнее пылинки. Все едино и ничего не существует.

Я почувствовал, как меня касается что-то прохладное. Хотя моё человеческое тело не существовало, я мог понять, что Игорь высвободил заклинание, призванное уничтожить Яхве.

— Буквоед и я... Мы — инструменты твоей Игры, Игорь.

Свет, в котором я был растворён, стал делиться пополам, словно лист бумаги разрывался на два куска. Свет разломился на две части — одна осталась светом, другая — тьмой. А посреди в разрыве виднелось серое.

— Откуда здесь серый? Его не должно быть! — взвизгнул Игорь.

— Это я и буквоед. Мы позволили быть вариантам. «Два Пути верны. Путь вверх, и Путь вниз, и третий Путь, о котором никто не знает», — зачем-то повторил я заклинание, способное избавить меня от участи принять одну из сторон. — Теперь ты свободен, Игорь. Контракт расторгнут, и ты можешь уходить...

Люцифер ничего не ответил, лишь громко выдохнул. И этот выдох избавления был красноречивее любого Слова.

Эпилог

В автобусе мужчина моего возраста читал газету. Я стоял над ним и мог хорошо видеть заголовки. Уже неделю журналисты мусолили тему исчезновения монастыря в Крыму. На месте бывшего маяка осталось идеально ровное пустое место в форме шара — исчезло всё: земля, здания, подземные бункеры...

Надоело. Я уставился за окно. Город готовился к празднованию Нового года, улицы были густо украшены гирляндами. Всё кругом красиво сверкало разноцветьем огней. Если бы всё осталось, как раньше, сегодня я бы отпраздновал свой сорок девятый день рождения. Но Игорь открыл мне глаза: день моего рождения уже прошёл.

Игорь... Я невольно нахмурился. Всё, чего я сейчас хотел — это вот так неспешно ехать, глядя за окно, растворяясь в вот уже который день царящем внутри спокойствии. Из блаженной дрёмы меня вырвал странный звук...

По автобусу летала муха. Зимой! Я стал внимательно наблюдать за её зигзагами. Как было хорошо в свои 49 лет не забивать голову глупыми загадками. Какая разница, как мухе удаётся летать внутри мчащегося автобуса? Особенно если в этот самый момент двое мальчишек спорят из-за глупой пластинки и один из них скоро убьёт другого? Впервые я чувствовал себя так легко и свободно, размышляя о тёмной стороне людей.

Пора было выходить, и я просто отмахнулся от назойливого насекомого, зачем-то произнеся вслух:

— Оба варианта верны, и каждый имеет право на существование.

Мужчина с газетой удивлённо поднял на меня взгляд, но я уже пошёл к выходу.

Автобус остановился. Двери открылись. Однако выйти я не смог: до рогу преградил старик в лохмотьях — тот самый сумасшедший художник. Я перевёл взгляд на его кроссовки. Они всё так же, как и прежде, были ослепительно-белыми. Улыбаясь, он пристально смотрел на меня:

— Ну что, помогло тебе моё предсказание?

Я обернулся посмотреть, не мешаю ли я кому-нибудь выйти, но стоявшие позади не шевелились, уставившись стеклянными глазами перед

собой. Только сейчас я заметил, что звуки исчезли. Муха застыла в полёте.

— Помогло, — усмехнулся я. — Оно привело к женщине, которая мне дала очень важную информацию. Без неё я так бы и не докопался до истины.

— До «правды»? — улыбнулся старик.

— До моей правды, — исправился я.

— Ты хочешь выйти? — спросил седовласый старец.

— А есть предложения?

Он явно что-то хотел сообщить.

— Ну, если хочешь, сойди на следующей остановке. Во дворах найдешь зоомагазинчик. Вместо рыбок попроси продать тебе буквоеда и выбери получше.

— Буквоеды? Здесь?

— Чёрный рынок... — пожал старик плечами, мол, «привычное дело».

Я, немного подумав, сказал:

— Да, пожалуй, прикуплю парочку.

— Вот и славно!

Мир снова ожил. Люди стали двигаться, снег продолжил идти, возникли звуки. А старик стоял всё так же недвижно.

— И ещё, — сказал он. — Тебе от Игоря привет. У него всё хорошо.

Старик принёс весточку. Можно было бы и догадаться.

— Это радует... — без лишних эмоций ответил я. — Передайте ему, что он молодец. Разыгранная им партия была безупречной.

— Многие тысячи лет он оставался лучшим из мастеров интриги. Думаю, ты по достоинству оценил его мастерство, Наследник.

Я кивнул, признавая искусство Игоря. Ничего, что играли мною. Это не мешало мне восхититься Игроками.

— Все было безупречно: мои догадки, прозрения, открытие, каждый мой поступок был предугадан на несколько шагов вперед. Смешно... вот я догадываюсь, что Лёша — инквизитор, а потом, что он — служитель Игоря, а Игорь — никакой не учёный, а злодей, хотя на самом деле — спаситель человечества и Ваш убийца... Оставаясь Вашей противоположностью — воплощением зла, он являлся необходимой частью созданного Вами мира.

— Но вот... ему захотелось выйти из Игры. Он и так здесь подзадержался...

— И «случайно забыл» в моей келье буквоеда и книгу заклинаний, а я ими воспользовался. Каждый мой шаг, весь пережитый опыт — это подготовка. Вы с Игорем возвращали меня для этой роли.

— Мне его будет не хватать... — честно признался старик. На мгновение мне показалось, что ему грустно. Наверное, в этот самый момент где-то на Земле проснулся вулкан.

— А у Вас... всё хорошо? — встревоженно поинтересовался я.

Старик зачем-то огляделся, словно хотел проверить, не подслушивает ли кто.

— У меня? Да, всё хорошо... Благодаря тебе, моё Зло, мир как и прежде, движется вперёд.

— Жаль только, что всё скоро закончится... — попытался уколоть я Старика, но Он лишь изменил конец моей фразы.

— ...чтобы опять начаться вновь. Не в этом ли смысл Игры? А для тебя, Андрей, эта Игра продлится вечно. Ты сможешь творить вновь и вновь. Ведь именно об этом ты мечтал?

— Наверное, — пожал я плечами. — Вам видней, — и посмотрел на муху, жужжащую в паре метров от меня. Не задумываясь, я соединил вместе указательный и большой палец. В тот же момент назойливое жужжание умолкло — насекомое превратилось в лепёшку, рухнув на голову человека с газетой. Чёртова загадка, мучившая меня все эти годы, наконец-то решена. Я больше не терзаю себя вопросами. Я нашёл...

Когда я обернулся, Старика уже не было. Двери перед моим носом закрылись, и автобус поехал дальше.

Скачали книгу бесплатно? Подарите автору "Спасибо"...

Согласившись на бесплатное скачивание книги, я **ГОТОВ** отблагодарить автора суммой, соответствующей полученному от чтения удовольствию и пользе.

1
Купить бумажную
книгу А. Рея

ЗАКАЗАТЬ

2
Купить электронное
издание на ЛИТРЕС

LITRES

3
Подарить автору
БОЛЬШОЕ спасибо.

ПОДАРИТЬ

Спасибо, что умеете быть
Благодарными!

Добра Вам и любви!

www.perepevnik.ru/spasibo

Оглавление

Часть I. Передай привет Алисе	5
Часть II. Загадка про муху в автобусе	116
Часть III. Аул	170
Часть IV. Второй после Бога	238
Эпилог	314

Литературно-художественное издание

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рей Александр

БУКВОЕД

Фантастический роман

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

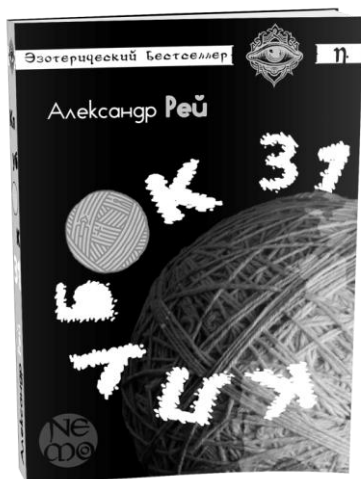
Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте
<http://perepevnik.ru/spasibo>

Главный редактор Е. Иващенко
Художественное оформление Л. Степаненко
Редакторы Н. Иванова, Т. Переверзева

ООО «Издательство ГИСФИР»
ЛИ № 02330/0133439 от 22.06.2013
ул. Дзержинского, 71-Г, 246014, Гомель, Республика Беларусь.

Телефон: (375-044) 544-39-21.

www.gisfir.ru

Мистическая повесть

Александра Рея

Клубок

Скачать или читать онлайн perepevnik.ru и gjsfir.ru

У каждого из нас за плечами километры опыта, воспоминаний — потерь и приобретений. Часто они настолько запутываются, сплетаясь в тугой клубок, что мы теряем самих себя, да так сильно, что не можем разглядеть дорогу ведущую вперед. Так как же выбраться? Как распутать переплетения прошлого?

«Каждая ворсинка в этом клубке — поступок. Каждый поступок совершён мной. Именно я и никто другой делал выбор, приведший к тому, что пожинаю сейчас. Именно я сам ткал нить моей жизни...»